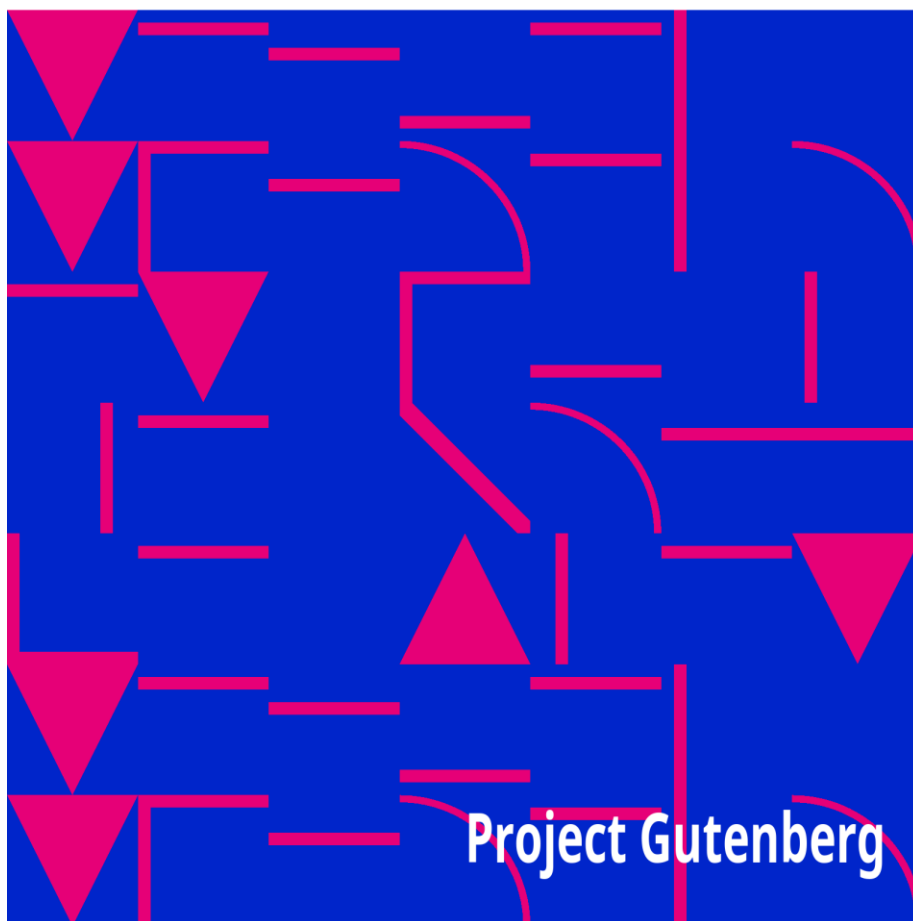

Тайные общества Средневековья

Томас Кайтли

Secret Societies of the Middle Ages

Thomas Keightley

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Secret Societies of the Middle Ages.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Тайные общества Средневековья

Автор: Томас Кийтли

Дата выхода: 7 февраля 2012 [eBook #38785]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дельфиной Леттау, Клайвом Пиктоном, Мэри Миэн и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SECRET SOCIETIES OF THE MIDDLE AGES ***

*ПОД РУКОВОДСТВОМ ОБЩЕСТВА ПО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ЗНАНИЙ.*

БИБЛИОТЕКА ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗНАНИЙ.

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

КОМИТЕТ.

Председатель - почтенный лорд БРУГАМ, член Национального института Франции.

Заместитель председателя - ДЖОН ВУД, эсквайр.

Казначей. УИЛЬЯМ ТУК, эсквайр, м.п., ф.р.с.

W. Аллен. Эск., Ф.Р. и Р.А.С.

Капитан Ф. Бофорт, Р.Н., Ф.Р. и Р.А.С., гидрограф Адмиралтейства.

Г. Берроуз, доктор медицины.

Питер Стаффорд Кери, эсквайр, А.М.

Уильям Коулсон, эск.

Р. Д. Крейг, эск.

Дж. Фредерик Дэниелл, эск., Ф.Р.С.

Дж. Ф. Дэвис, эск., Ф.Р.С.

Х. Т. Делабеш, эсквайр, Ф.Р.С.

Почтенный лорд Денман.

Сэмюэл Дакворт, эск.

Б. Ф. Дюпфа, эск.

Преподобный епископ Даремский, доктор философии.

Почтенный виконт. Эбрингтон, член парламента.

Сэр Генри Эллис, F.R.S., Prin. Lib. Brit. Mus.
Т. Ф. Эллис, эсквайр, А.М., F.R.A.S.
Джон Эллиотсон, доктор медицины, F.R.S.
Томас Фальконер, эск.
И. Л. Голдсמיד, эсквайр, Ф.Р. и Р.А.С.
Б. Гомпертц, эскрипт, Ф.Р. и Р.А.С.
Г. Б. Гриноу, эсквайр, ф.р. и л.с.
М. Д. Хилл, эск.
Роуланд Хилл, эск., Ф.Р.А.С.
Достопочтенный сэр Дж. К. Хобхаус, барт, м.п.
Дэвид Джардин, эск., А.М.
Генри Б. Кер, эск.
Тос Хьюитт Ки, эск., А.М.
Дж. Т. Лидер, эск., м.п.
Джордж К. Льюис, эск., А.М.
Томас Генри Листер, эск.
Джеймс Лох, эсквайр, магистр, F.G.S.
Джордж Лонг, эсквайр, А.М.
Дж. В. Лаббок, эск., А.М., F.R., R.A., и L.S.S.
Сэр Фред. Мэдден, К.К.Х.
Х. Малден, эсквайр, А.М.
А. Т. Малкин, эсквайр, А.М.
Джеймс Мэннинг, эск.
Дж. Герман Меривейл, эск., А.М., F.A.S.
Сэр Уильям Моулсворт, барт, член парламента.
Достопочтенный лорд Ньюджент.
У. Х. Орд, эсквайр, член парламента.
Достопочтенный сэр Х. Парнелл, бт., м.п.
Доктор Роджет, секр. Р.С., Ф.Р.А.С.
Эдв. Ромилли, эск., А.М.
Достопочтенный лорд Дж. Рассел, член парламента.
Сэр М. А. Ши, Р.Р.А., F.R.S.
Джон Абель Смит, эсквайр, член парламента.
Достопочтенный граф Спенсер.
Джон Тейлор, эск., Ф.Р.С.
Доктор А. Т. Томпсон, F.L.S.
Томас Вардон, эск.
Х. Уэймут, эск.
Дж. Уишоу, эск., А.М., F.R.S.
Джон Вроттесли, эск., А.М., F.R.A.S.
Томас Уайз, эсквайр, член парламента.
Дж. А. Йейтс, эск.

ТОМАС КОАТЕС, эск., секретарь, № 59, Линкольнс-Инн Филдс.

БИБЛИОТЕКА ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗНАНИЙ.

[Keightley (Thomas) handwritten].

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ЛОНДОН:

CHARLES KNIGHT & Co., LUDGATE-STREET.

MDCCCXXXVII.

ЛОНДОН:

Напечатано Уильямом Клоусом и сыновьями,
Stamford Street.

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение 1

АССАССИНЫ.

ГЛАВА I.	Состояние мира в седьмом веке - Западная империя - Восточная империя - Персия - Аравия - Мухаммед - его вероятные мотивы - характер его религии - Коран	13
ГЛАВА II.	Происхождение Халифата - Первые Халифы - Территория Аравийской империи - Шиизм среди магометан - Суней и Шейхи - Секты последних - Кейсане - Зейдиты - Гуллат - Имамеи - Секты Имамеи - Их политический характер - Карматиты - Происхождение Фатимитских Халифов - Тайное общество в Каире - Доктрины, преподаваемые в нем - Его упадок	24
ГЛАВА III.	Али Рейский - его сын Хасан Сабах - Хасан отправлен учиться в Нишабур - встречается там с Омаром Хиамом и Низамом аль-Мулком - заключает с ними соглашение - Хасан представлен Низамом султану Малек Шаху - вынужден покинуть двор - анекдот о нем - его собственный рассказ о его обращении - отправляется в Египет - возвращается в Персию - становится магистром Аламута	43
ГЛАВА IV.	Описание Аламута - бесплодные попытки вернуть его - расширение власти исмаилитов - исмаилиты в Сирии - покушение на жизнь Абу-Харда Иссы - договор с султаном Санджаром - смерть Хасана - его характер	56
ГЛАВА V.	Организация общества - названия, данные исмаилитам - происхождение названия "ассасин" - описание Марко Поло рая Старика Горы - описание его у арабских писателей - обстоятельства покорности федави	66
ГЛАВА VI.	Кеах Бузург Оомейд - Дела общества в Персии - Они приобретают замок Баниас в Сирии - Попытка предать Дамаск крестоносцам - Убийства, совершенные во время правления Кеаха Бузурга	84
ГЛАВА VII.	Кеах Мухаммед - Убийство Халифа - Замки в Сирии - Исповедание веры исмаилитами - Сын Мухаммеда Хасан выдает себя за обещанного имама - Его последователи наказаны - Преемственность Хасана - Он отменяет	93

	закон - Выдает себя за потомка пророка - Убит	
ГЛАВА VIII.	Мухаммед II - Анекдот об имаме Фахр-эд-дине-Нур-эд-дине - Завоевание Египта - Покушение на жизнь Саладина	10 2
ГЛАВА IX.	Синан Дай-аль-Кебир Сирии - предложение стать христианином - его посол убит тамплиерами - рассказ кардинала де Витри об убийцах - убийство маркиза Монферрата - защита короля Ричарда	11 4
ГЛАВА X.	Джеллал-эд-Дин - восстановление религии - его гарем совершает паломничество в Мекку - женится на принцессе Гилан - география страны между Рудбаром и Каспием - персидский роман - Зохах и Феридун - Кей Каос и Рустем - описание Мазандерана Фердузи - история Шах-Наме - доказательство древности содержащихся в нем рассказов.	13 1
ГЛАВА XI.	Смерть Джеллал-эд-Дина - Характер Ала-эд-Дина, его преемника - Шейх Джемал-эд-Дин - Астроном Насир-эд-Дин - Визирь Шереф-аль-Мулк - Смерть Ала-эд-Дина - Преемство Рукн-эд-Дина, последнего Шейх-аль-Джебала	14 8
ГЛАВА XII.	Монголы - Хулагу, посланные против исмаилитов - Рукн-эд-дин подчиняется - захват Аламута - уничтожение библиотеки - судьба Рукн-эд-дина - расправа над исмаилитами - Святой Людовик и убийцы - миссия по обращению народа Кухистана - заключение	15 6
ТЕМПЛАРЫ.		
ГЛАВА I.	Введение - Крестовые походы - Ошибочные представления об их происхождении - Истинные причины их возникновения - Паломничество - Паломничество Фротмона - Паломничество графа Анжуйского - Разительное различие между христианством Востока и Запада - Причины различия их характеров - Феодализм - Масштабы и сила этого принципа	16 9
ГЛАВА II.	Первый госпиталь в Иерусалиме - Церковь Санта-Мария-де-Латина - Госпиталь Святого Иоанна - Госпитальеры - Происхождение тамплиеров - Их изначальная бедность - Они получают признание - Святой Бернар - Характер тамплиеров - Орден, одобренный и подтвержденный Советом Труа - Доказательства уважения, в котором они находились	18 5
ГЛАВА III.	Возвращение тамплиеров на Восток - оправдание и опровержение обвинения в связи с исмаилитами - действия тамплиеров - поход Людовика VII - осада Аскалона - продажа Нассир-эд-Дина - коррупция госпитальеров - булла " <i>Omne Datum Optimum</i> " - отказ тамплиеров от похода на Египет - убийство исмаилитского посланника	19 9
ГЛАВА IV.	Героизм тамплиеров и госпитальеров - битва при Хиттине - поход Ричарда Английского и Филиппа Французского - коррупция в ордене - папа Иннокентий III пишет порицательную грамоту - Фридрих II - великая резня тамплиеров - Генрих III Английский и тамплиеры - власть тамплиеров в Моравии - расправа над ними госпитальеров - падение Акры	21 0
ГЛАВА V.	Классы тамплиеров - рыцари - их квалификация - способ приема - одежда и оружие рыцаря - способ погребения - капелланы - способ приема - одежда - обязанности и привилегии - слуги - братья - способ приема - их обязанности - присоединенные - причины и преимущества присоединения - донаты и облаты	22 1

ГЛАВА VI.	Провинции ордена - Восточные провинции - Иерусалим - Дома этой провинции - Триполис - Антиохия - Кипр - Западные провинции - Португалия - Кастилия и Леон - Арагон - Франция и Овернь - Нормандия - Аквитания - Прованс - Англия - Германия - Верхняя и Центральная Италия - Апулия и Сицилия	24 2
ГЛАВА VII.	Должностные лица ордена - магистр - способ избрания - его права и привилегии - ограничения, налагаемые на него - сенешаль - маршал - казначей - драупер - туркопилар - великие приоры - командиры - визитеры - субмаршал - знаменосец	25 3
ГЛАВА VIII.	Главы - порядок их проведения - образ жизни воинов-тамплиеров - амуниция - поведение на войне	26 6
ГЛАВА IX.	Моле избран магистром - Последняя попытка христиан в Сирии - Поведение трех военных орденов - Филипп Справедливый и папа Бонифаций VIII - Захват папы - Избрание Климента V - Папский престол перенесен во Францию - Причины вражды Филиппа к тамплиерам - Прибытие Моле во Францию - Его беседы с папой - Обвинения против тамплиеров - Захват рыцарей - Разбирательство в Англии - Суть обвинений против ордена	27 6
ГЛАВА X.	Допрос пленных рыцарей - Различные виды пыток - Причины признания - Какие признания были сделаны - Тамплиеры предстали перед Папой - Их заявления - Папская комиссия - Моле предстал перед ней - Понсар де Гизи - Защитники ордена - Акт обвинения - Главы защиты - Свидетели против ордена - Пятьдесятчетыре тамплиера, преданные огню в Париже - Примечательные слова Аймерика де Виллар-ле-Дюка - Тамплиеры, сожженные в других местах - Дальнейшие расследования - Глава, которой поклонялись тамплиеры - Джон де Поллинкур - Петр де ла Палю	29 3
ГЛАВА XI.	Экзекуции в Англии, Германии, Испании, Италии, Неаполе и Провансе, Сицилии, Кипре, заседании Вьеннского совета, подавлении ордена, судьбе его членов, смерти Моле	31 7

ТАЙНЫЕ ТРИБУНАЛЫ ВЕСТФАЛИИ.

ГЛАВА I.	Введение - первоначальная Вестфалия - завоевание саксов Карлом Великим - его постановления - герцоги Саксонии - государство Германия - Генрих Лев - его вне закона - последствия этого - происхождение немецких городов - происхождение фем-герихтов, или тайных трибуналов - теории их происхождения - происхождение их названия - синонимичные термины	33 2
ГЛАВА II.	Трибунал-лорд-граф-шеппен-посланники-публичный суд-тайный трибунал-расширение юрисдикции-места проведения судов-время их проведения-процессы в них-процесс, когда преступник был пойман на месте преступления-инквизиционный процесс	34 6
ГЛАВА III.	Обвинительный процесс - Лица, подлежащие ему - Способ возбуждения дела - Способ производства - Право на апелляцию	36 0
ГЛАВА IV.	Общая глава - Права императора - Его лейтенанта - Штульхерна, или трибунала - Лордов	37 2
ГЛАВА V.	Фем-суды в Целле - в Брауншвейге - Трибунал знающих в Тироле - замок в Бадене - африканские пурхи	37 7

ГЛАВА VI.	Император Людовик Баварский - Карл IV - Вацлав - Реформация Руперти - Посягательства феодальных судов - Дело Никеля Веллера и города Гёрлица - Дело города Данцига - Дело Ганса Давида и тевтонских рыцарей - Другие примеры презумпции вольности - Ссылка на императора Фридриха III - Дело графа Теккенбурга	38 5
ГЛАВА VII.	Причины вырождения фемских судов - Попытки реформации - Причины их высокой репутации - Дело герцога Вюртембергского - Дело Керстиана Керкеринка - Причины упадка фемской юрисдикции	39 8

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Если бы у нас была возможность исторически исследовать происхождение тайных обществ, мы, вероятно, обнаружили бы, что они начали создаваться почти сразу после того, как отдельные люди накопили какие-либо знания сверх того, что составляло общий запас. Со знанием происходило то же самое, что и со всеми другими человеческими вещами, - его фактические обладатели стремились сохранить его при себе. Правда, в этом случае у обладателя преимущества нет той причины нежелания делиться им с другими, которая, естественно, действует в отношении многих благ другого рода; передавая его окружающим, он не уменьшает свой собственный запас. Это верно в отношении обладания знанием, рассматриваемого в его характере настоящего блага; владелец сокровища не обедняет себя, раздавая его, как он сделал бы, раздавая свои деньги, но остается таким же богатым, как и прежде, даже после того, как он сделал столько других такими же богатыми, как он сам. Но все же есть одна вещь, которую он теряет, и вещь, которой человеческий разум склонен придавать очень большое значение; он теряет то отличие, которое он получил благодаря своим знаниям. Это отличие во многих отношениях служит той же цели, что и деньги. Как и деньги, оно приносит наблюдение и поклонение. Как и деньги, оно является самым дорогим из всех вещей - властью. Знание, каким бы оно ни было, по сути, является властью; *знать*, то есть уметь, - это то же самое слово и то же самое, что и *уметь*, то есть быть способным. Но существует дополнительный и другой вид власти, которую дает знание, когда оно существует в качестве отличия нескольких индивидов посреди всеобщего невежества. Здесь это власть не только делать те вещи, методам которых оно учит; это, кроме того, власть управлять другими людьми через свою сравнительную силу и их слабость.

Так силен мотив, побуждающий обладателя знаний к исключительному сохранению своих приобретений, что, если бы ему не противостоял другой мотив, апеллирующий подобным образом непосредственно к нашим собственным интересам, представляется вероятным, что едва ли когда-либо произошло бы всеобщее распространение знаний. Мощный противодействующий мотив, о котором идет речь, вытекает из того, что в большинстве случаев один из самых эффективных способов, которым обладатель знаний может вызвать восхищение других, - это передача того, что он знает. Свет должен излучаться и освещать мир даже для того, чтобы его видели и им восхищались. В самые мрачные времена ученый или философ может найти свое честолубие достаточно удовлетворенным одной лишь репутацией высших достижений и тупым удивлением или, может быть, суеверным ужасом, нелюбопытной толпы. Но как только в умах людей зарождается что-то похожее на дух

интеллекта или любопытства, все, кто стремится к славе или уважению благодаря своему обучению, своим открытиям или интеллектуальным способностям, обращаются к себе, чтобы вызвать восхищение своих собратьев, не скрывая, а демонстрируя свои знания, не запечатывая драгоценный фонтан, а позволяя его водам течь свободно, чтобы все желающие могли испытать их. С этого момента наука перестает иметь какие-либо секреты; и, поскольку все влияния, которым она подвергается, действуют в одном направлении, тенденция к распространению знаний становится полностью диффузной.

Но в предшествующем положении вещей все было совсем наоборот. Тогда не было практически никаких стимулов для передачи знаний, а у тех, кто ими владел, были все основания держать их при себе. За границей не было достаточно ума, чтобы оценить или даже понять истины философии, если бы они были объявлены в своей простоте и объяснены в соответствии с их принципами; все, о чем заботились, все, что могло возбудить вульгарное внимание, - это некая демонстрация их практического применения, сделанная как можно более удивительной и таинственной. Во многих случаях было бы даже опасно пытаться открыто преподавать истинную философию или открыто исповедовать ее; это слишком противоречило некоторым из самых сильных предрассудков, которые повсеместно господствовали. Поэтому не приходится удивляться тому, что ее культиваторы стремились охранять и оберегать ее с помощью тайных ассоциаций, которые, помимо того, что исключали участие толпы в том, что было таким образом ограждено и скрыто, выполняли и другие удобные цели. Они давали возможность свободно общаться, чего нельзя было добиться иным способом. Сами формы таинственности и сокрытия, принятые таким образом, были рассчитаны на то, чтобы поразить народное воображение, возбудить его благоговение и трепет. Наконец, завеса, которой они окутывали свои заседания, позволяла членам этих тайных обществ объединять свои усилия и разрабатывать свои планы в безопасности и без перерыва, когда они вынашивали какие-либо замыслы политических нововведений или другие проекты, открытого объявления и преследования которых установленные власти не потерпели бы.

Возможности, предоставляемые системой тайных ассоциаций, и, можно даже сказать, соблазны, которые она представляет, для преследования политических целей, запрещенных законами, настолько велики, что оправдывают все правительства в запрещении ее, под каким бы предлогом ее ни пытались ввести. Не имеет смысла доказывать, что при плохих правительствах с помощью таких тайных ассоциаций иногда проводились ценные политические реформы, которые иначе не были бы достигнуты. Тот же способ действий, по своей природе, одинаково эффективен для свержения хорошего правительства. Плохие люди так же склонны объединяться в темноте для достижения своих целей, как и хорошие люди для достижения своих. При любых обстоятельствах тайная ассоциация - это *imperium in imperio*, власть, отдельная и независимая от той, которая признана верховной властью в государстве, а значит, нечто по сути дезорганизирующее, и терпеть ее противоречит первым принципам любого правительства. В случае плохого правительства, действительно, для его свержения доступны все средства, которые не вызывают моральных возражений, простое правило их применения заключается в том, что они должны быть направлены соображениями благоразумия и осторожности. В таком случае тайное объединение друзей реформ иногда может оказаться наиболее эффективным средством для достижения желаемой цели; но эта цель, какой бы желанной она ни была, не является той, которую может рационально предусмотреть сама конституция государства. Конституция не может быть основана на предположении, что даже необходимые изменения в ней должны осуществляться через органы, находящиеся вне и не являющиеся частью ее регулярного механизма. Всякий раз, когда такие органы успешно приводятся в действие, происходит

революция, и конституции приходит конец. Даже внесение поправок в конституцию, сделанное таким образом, означает ее разрушение.

И все же большинство наиболее примечательных тайных ассоциаций, существовавших в разные эпохи и в разных странах, вероятно, либо изначально были созданы для достижения каких-то политических целей, либо стали рассматривать такую цель как свой главный замысел. Даже если прямой целью ассоциации, насколько можно судить, была не более чем реформация национальной религии, ее все равно можно справедливо рассматривать как политическую, судя по тому, как почти в каждой стране религия была смешана с гражданскими институтами государства. Эффект, который она хотела произвести на правительство, во многих случаях мог быть очень далек от полного его упразднения и замены другой формой правления; изменение в какой-то одной детали могло быть всем, чего добивались, или целью ассоциации могла быть даже поддержка какого-то изначально принципа конституции против влияния обстоятельств, угрожавших его подрывом или изменением. Независимо от того, направлены ли они на изменение или поддержание существующего порядка вещей, нерегулярные и опасные действия тайных комбинаций являются, как мы уже говорили, видом силы, признание которой не может быть обоснованно ожидаемо ни одним государством. Но, тем не менее, может случиться, что в особых чрезвычайных обстоятельствах и во времена очень несовершенной цивилизации такие комбинации оказали ценную услугу некоторым из наиболее важных интересов общества, и что они в значительной степени восполнили недостатки грубых и несовершенных механизмов обычного правительства.

Система тайных ассоциаций, действительно, является естественным ресурсом для друзей политических реформ в те времена, когда общее сознание недостаточно просвещено, чтобы оценить или поддержать их планы по улучшению существующих институтов и порядка вещей. Открыто провозглашать свои взгляды в таких обстоятельствах было бы не более полезно, чем разглагольствовать в пустыне. Они могли бы даже подвергнуть себя опасности уничтожения. Но, объединившись в тайную ассоциацию и используя все преимущества своего превосходства в знаниях и интеллекте, а также возможности действовать согласованно, несколько человек могут добиться эффекта, совершенно несоизмеримого с их численностью. Они могут вбить клин, который со временем даже расколает и раздробит на фрагменты прочность существующей социальной системы, сколько бы веков варварства ее ни укрепляло. Или, в отсутствие более регулярного закона и полиции, они могут поддерживать империю справедливости, протягивая руку собственной власти вместо парализованного и бессильного государства и обращая в прах даже суеверия и ужасы народного воображения, делая их, возбуждаемые их темной организацией и таинственными формами процедуры, цепью, с помощью которой можно обеспечить народное повиновение.

В целом, система тайных ассоциаций для достижения политических целей, даже когда нет споров о желательности поставленных целей, может быть признана корректирующим средством, которым добрые люди могут воспользоваться только во времена всеобщего невежества или при правительствах, которые грешат против первых принципов всякого хорошего правительства, пытаясь остановить развитие общества путем запрета открытого выражения мнений; Но в странах, где существует свобода дискуссий и где общественный разум достаточно просвещен, это так же совершенно не подходит к обстоятельствам дела, как и противоречит правилам и максимам, на которые должно опираться каждое правительство, обеспечивающее свое собственное сохранение. В этих более счастливых обстоятельствах друзьям социального улучшения следует выступить перед полным светом

дня как единственное место, достойное их миссии, и добиваться реализации своих взглядов, непосредственно обращаясь к пониманию своих сограждан.

Одно из зол, которому всегда подвержены тайные общества, - это возможность искажения целей и принципов их членов теми, кто заинтересован в противодействии их власти и влиянию. Поскольку за ними постоянно наблюдают бодрствующие глаза правительства и тех, кто заинтересован в поддержании реальной системы, они должны строго ограничивать знание своих истинных взглядов и действий посвященными, и поскольку их собрания по той же причине должны проводиться в уединенных местах и часто ночью, их врагам предоставляется возможность, которой редко пренебрегают, распространять самые клеветнические сообщения об их тайной практике, которую, хотя они и признают свою невиновность, они не могут решиться открыто опровергнуть. Подобные приемы возбуждают подозрения и отвращение людей, и они часто вынуждены преследовать своих лучших друзей и склоняться под игом своих настоящих врагов. Сходство обвинений, выдвигаемых против тайных обществ во всех частях света, является достаточным доказательством их ложности, и мы всегда должны выслушивать их с величайшим подозрением, помня о том, из какого квартала они исходят. Никто не может сомневаться в безупречной чистоте христианской религии, когда она впервые была провозглашена в римском мире; но когда гонения вынудили ее исповедующих создать как бы тайное общество, против них были выдвинуты те же обвинения в тиестийских банкетах и беспорядочном общении полов, которые они сами впоследствии выдвинули, и, вероятно, с той же долей правды, против различных сект гностической ереси. Где есть тайна, там есть и подозрения, и обвинения в том, что не выдерживает света дня.

Древний мир представляет одно тайное общество, носящее явно политический характер, - пифагорейцев. Из религиозных можно было бы ожидать богатого урожая для исследователя, если вспомнить все, что было написано в древние и современные времена о знаменитых мистериях. Но первоначальные греческие мистерии, такие как Элевсинские, были, по-видимому, не более чем общественными службами богам, с некоторыми особыми церемониями, совершаемыми по поручению государства и под председательством магистратов, в которых не было никаких секретов, сообщаемых посвященным, никакого откровения знаний, выходящих за рамки общедоступных. *Частные* мистерии, а именно орфические, исихастские и митраистские, пришедшие с Востока, были всего лишь способами, которые использовали хитрые и распутные самозванцы, чтобы воспользоваться слабостью и доверчивостью грешных и суеверных людей, убеждая их, что с помощью тайных и особых обрядов и обращения к чужим божествам можно избежать ожидаемого наказания за грех. Ночные собрания для празднования этих таинств слишком часто становились местами порока и разврата, и все добрые правительства их не одобряли. Именно к последним, а не к Элевсинским мистериям, относятся суровые предписания отцов церкви

[1]

История Пифагора и его доктрин крайне туманна. Дошедшие до нас рассказы об этом мудреце были написаны лишь спустя много веков после его смерти, и на их подробности можно мало полагаться. Пифагор был саамитянином по происхождению; он процветал в шестом веке до нашей эры, в то время, когда Египет оказывал большое влияние на Грецию, и ее мудрецы стремились к берегам Нила в поисках мудрости. Поэтому нет ничего невероятного в том, что Пифагор также посетил эту страну тайн, а возможно, и другие части Востока, и отметил спокойный порядок вещей, где те, кого считали мудрыми, правили невежественными людьми. Поэтому у него могла возникнуть идея объединить эту священническую систему с жесткой моралью и аристократической конституцией дорийских

государств Греции. Его родной остров, находившийся тогда под тиранией Поликрата, не показался ему подходящим для введения новой системы правления, и он обратил свой взор на города Магна-Греции, или Южной Италии, которые в то время находились в весьма цветущем состоянии, жители которых стремились к знаниям, а некоторые из них уже обладали письменными сводами законов. Он остановил свой взгляд на Кротоне, одном из самых богатых и знатных городов.

Аристократия была душой дорийской политической конституции, и все города Магна-Греции были дорийскими колониями; но из-за обширной торговли народ в то время склонялся к демократии. Целью Пифагора было сохранение аристократического принципа; но он хотел сделать аристократию не просто родовой, а чтобы она, подобно сакральным кастам Востока, обладала превосходством в знаниях. Поскольку его система противоречила общему чувству, Пифагор понял, что воплотить ее в жизнь он сможет, только завоевав почитание народа; и благодаря своим личным достоинствам - красоте форм, искусству в гимнастических упражнениях, красноречию и достоинству - он привлек к себе расположение народа, накинув на свои доктрины мантию тайны. Таким образом, он сразу внушил народу благоговение перед ним, а знати - рвение стать посвященными в его тайны.

Как нам рассказывают, проект философа увенчался самым блестящим успехом. В Кротоне произошла полная перемена нравов; конституция стала почти спартанской; правили 300 дворян, которые благодаря урокам мудреца стали настолько же превосходить народ во всех знаниях, насколько превосходили его по рождению. Дворяне других государств стекались в Кротон, чтобы научиться мудрому управлению; пифагорейские миссионеры повсюду проповедовали новое политическое кредо; они прививали людям религию, смирение и послушание; те из дворян, кого считали способными, посвящались в мудрость ордена и обучались его азам и принципам; казалось, что на земле наступил золотой век, в котором власть соединялась с мудростью и добродетелью.

Но, как и все, что борется с духом эпохи, такой политической системе не суждено было выстоять. В то время как Кротон был главным центром пифагорейства, роскошь утвердила свой трон в соседнем городе Сибарисе. Города соперничали: один или другой должен был пасть. Прошло чуть больше тридцати лет после прибытия Пифагора в Кротон, и между ними разгорелась яростная война. Под предводительством Милона и других пифагорейцев, которые были столь же искусны в военном деле, как и в философии, кротонцы полностью уничтожили мощь своих соперников, и Сибарис утонул, чтобы больше не подниматься. Но вместе с ней кануло в Лету и могущество пифагорейцев. Они сочли нецелесообразным отдавать большую долю добычи народу; поднялось народное недовольство; Кайлон, человек, которому было отказано в приеме в орден, воспользовался этим и подстрекнул народ; пифагорейцы были все перебиты, и установилась демократия. Все остальные города взяли пример с Кротона, начались всеобщие гонения на орден, а сам Пифагор был вынужден искать спасения в бегстве и умер вдали от города, который когда-то принял его как пророка. Пифагорейцы больше не предпринимали попыток добиться политической власти, а стали просто сектой философов-мистиков, отличавшихся особенностями питания и одежды.

Древние времена не представляют нам другого сколько-нибудь значимого общества, к которому мы могли бы правильно применить термин "*тайное*".

Различные секты гностиков, которых отцы церкви называли еретиками, были в определенной степени тайными обществами, поскольку они не излагали свои доктрины открыто и публично; но их история настолько скучна и лишена интереса, что ее изучение мало чем заинтересует обычных читателей.

Настоящий том посвящен истории трех знаменитых обществ, которые процветали в средние века и о которых, насколько нам известно, в английской литературе нет ни одного полного и удовлетворительного рассказа. Это восточные ассасины, или исмаилиты, чье имя на всех языках Европы стало синонимом слова "убийца", которые *были* тайным обществом и о которых мы имеем в целом столь смутные и неопределенные представления; военный орден рыцарей-тамплиеров, которые подвергались самым варварским преследованиям под предлогом того, что они придерживались тайного учения, и против которых это обвинение возобновлено и в наши дни; и, наконец, тайные трибуналы Вестфалии в Германии, о которых все наши сведения до сих пор были получены из неверных утверждений драматических артистов и романтиков .[2]

Именно простоту правды, а не возбуждение романтики, читатель должен ожидать найти на следующих страницах, - изображения нравов и образа мышления, отличных от наших собственных, - знания, а не *просто* развлечение, но с таким большим вкраплением последних, какое соответствует истине и наставлению.

УБИЙЦЫ .[3]

Глава I.

Состояние мира в VII веке - Западная империя - Восточная империя - Персия - Аравия - Мухаммед - его вероятные мотивы - характер его религии - Коран.

В начале VII века христианской эры на значительную часть мира был наложен отпечаток нового характера. В течение двух предшествующих веков готам, вандалам, гуннам и другим воинственным племенам германской расы удалось сокрушить противостоящие им барьеры, завоевать и расчлнить Западную империю. Они принесли с собой и сохранили любовь к свободе и дух бесстрашной доблести, но отказались от своих древних и свирепых суеверий и приняли развращенную систему, которая тогда унизила имя христианства. Эта система, ожесточенная идеями, сохраненными и перенесенными из первоначальной веры ее новых учеников, которым помогали те места из книг еврейского Писания, которые соответствовали их естественным чувствам, впоследствии, в союзе с феодализмом, породила тот дух, который погнал войска Западной Европы через горы и равнины Азии для завоевания Святой земли.

Иную картину в это время представляла собой империя Востока. Она все еще сохраняла размеры, отведенные ей Феодосием; и все страны от Дуная, вокруг восточного и южного побережья Средиземного моря, до Гадесского пролива, подчинялись преемникам Константина более или менее безупречно. Но деспотизм, более унижительный, хотя и менее свирепый, чем азиатский, парализовал патриотизм и энергию подданных; острота, спорность и воображение греков в сочетании с мистицизмом и дикой фантазией азиатов превратили простоту религии Христа в отвратительную систему запутанной метафизики и грубого идолопоклонства, что способствовало влиянию их политического состояния на охлаждение воинственного пыла народа. Различные провинции империи держались самых слабых и непрочных связях, и было очевидно, что достаточно сильного толчка, чтобы разрушить этот союз.

Горы Армении и русло Евфрата отделяли Восточную империю от Персии. Эта страна находилась под властью народа под названием парфяне в то время, когда орлы Римской республики впервые появились на Евфрате, и поражение не раз сопровождало римскими армиями, пытавшимися войти в их пределы. Как и всякое владычество, не основанное на свободе народа, владычество Арсакидов (парфянского царского рода) со временем ослабевало, и после почти пяти веков скипетр Арсакидов перешел из слабой руки последнего монарха его рода в руки Ардешира Бабегана (то есть сына Бабека), доблестного офицера царской армии и претендующего на роль потомка древних монархов Персии. Чтобы совершить этот переворот, Ардешир воспользовался религиозными предрассудками персидского народа. Парфянские монархи склонялись к манерам и религии греков, а светлая религия - исконная вера Персии, одна из самых чистых и духовных из тех, которым нельзя приписывать божественное происхождение, - была мало оценена, а ее священники не пользовались царской благосклонностью. Гордостью и политикой Ардешира было восстановление древней религии в том достоинстве, которым она пользовалась при потомках Кира, и религия, в свою очередь, оказала мощную помощь его планам по восстановлению царского достоинства в его первоначальной силе, и вливанию в грудь народа любви к стране и рвения к расширению персидского владычества до прежнего уровня; и в течение 400 лет Сасаниды^[4] были самыми грозными врагами Римской империи. Но их владычество в период, о котором мы пишем, почти достигло наибольшего предела, отведенного восточным династиям; и хотя Нуширван Справедливый достиг великой воинской славы и управлял с энергией и справедливостью, которые сделали его имя известным на Востоке, а Хосроо Пурвиз демонстрировал великолепие, которое до сих пор является темой персидской поэзии и романтики, и пронес свое победоносное оружие над Сирией и Египтом и дальше вдоль африканского побережья, чем даже те, которые Дарий I. Однако поражение от галантного императора Ираклия омрачило его последние дни, и на тринадцатом году после его смерти, показав персидские армии в бегстве, а палладиум империи, украшенный драгоценными камнями фартук кузнеца Каваха, в руках скитальцев пустынь, раскрыл секрет, что ее сила ушла из Персии. Блеск начала царствования Хосроо Пурвиза был лишь вспышкой перед смертью, которая иногда проявляется в империях, как и в отдельных людях. Исчезла энергия, которая была необходима, чтобы сдерживать поток фанатичной доблести, готовый вырваться из диких земель Аравии.

Аравия может похвастаться тем, что никогда не была завоевана. Однако этот иммунитет от порабощения был лишь частичным и обусловлен природой страны; хотя бесплодные пески Хеджаза и Неджеда всегда сдерживали усилия враждебных армий, более привлекательный регион Йемена, Счастливой Аравии древних, не раз манил завоевателя и подчинялся его власти. Жители этой страны были одинаковы по крови и нравам с самой зарей истории. Храбрые, но не кровожадные, разбойники, но добрые и гостеприимные, с живым и острым умом, арабы со времен Авраама и до наших дней ведут пастушеский и кочевой образ жизни в пустыне, занимаются земледелием в Йемене, торгуют на побережье и на границах Сирии и Египта. Их внешние военные операции до сих пор ограничивались грабительскими походами в вышеупомянутые страны, если только они не были хиксосами, или царями-пастухами, которые, согласно традиции, однажды завоевали Египет. Аравия представляла собой своеобразный мир в себе, ее различные племена находились в непрерывной вражде друг с другом; но было очевидно, что если ее храбрых и искусных всадников объединить под одним началом и вдохновить мотивами, которые бы внушали постоянство и пробуждали доблесть, они могли бы представить силу, способную нанести смертельный удар империям Персии и Рима.

Невозможно, рассматривая историю мира, не признать великую предрасполагающую причину, которая назначает время и обстоятельства каждого события, которое должно произвести значительное изменение в положении человеческих дел. Влияние этого главенствующего провидения нигде так не ощутимо, как в данном случае. Пришло время арабам покинуть свои пустыни и отправиться на завоевание мира, и родился человек, который должен был вдохновить их необходимыми мотивами.

Мухаммед (*Прославленный*^[5]) был сыном Абд-Аллаха (*Слуги Божьего*), знатного араба из племени корейш, которое опекало Каабу (*квадратный дом в Мекке*), содержащийся в ней *черный камень* (вероятно, аэролит) издавна был предметом религиозного почитания племен Аравии. Его матерью была Аминэ, дочь княжеского вождя. Он рано остался сиротой со скудным наследством в виде пяти верблюдов и женщины-рабыни из Эфиопии. Воспитывал его дядя, Абу Талиб. В раннем возрасте молодой Мухаммед сопровождал своего дядю на ярмарку в Бозре, на границе Сирии, а на 18-м году жизни проявил свою доблесть в схватке между корейшитами и враждебным племенем. В возрасте 25 лет он поступил на службу к Хадидже, богатой вдове, с товарами которой он посетил одну из больших ярмарок Сирии. Мухаммед был беден, но благороден, красив, остроумен и храбр; Хадиджа, которая была старше его на пятнадцать лет, вспыхнула к нему любовью; ее страсть была возвращена, и дар ее руки и богатства обеспечил племяннику Абу Талиба достаток и внимание.

Первоначальный склад ума Мухаммеда, по-видимому, был серьезным, и не исключено, что великая истина о единстве Божества была рано внушена ему матерью или его иудейскими родственниками. Корейши и остальные его соотечественники были идолопоклонниками; христианство теперь было испорчено смешением многих суеверий; огнепоклонство персов было поклонением Божеству в материальной форме; религия Моисея была развращена мечтами и абсурдными различиями раввинов. Казалось, что человеку нужна более простая форма, чем любая из этих. Кроме того, считалось, что Бог в разные времена посылал в мир пророков для его исправления и может сделать это снова; евреи все еще искали обещанного Мессию; многие христиане верили, что Параклет еще не пришел. Кто возьмется утверждать, что Мухаммед не считал себя посвященным в служение Богу и назначенным Божественным указом быть проповедником более чистой веры, чем та, которую он видел в то время? Кто скажет, что во время ежегодных пятнадцатидневных уединений в пещере Хира он не впадал в экстатические видения и что в одном из этих бодрствующих снов ангел Гавриил не являлся его расстроенному воображению, чтобы спуститься и выдвинуть его на пост пророка Божьего и представить ему в видимой форме ту часть его будущего закона, которая, вероятно, уже прошла через его разум?^[6] К успешному самозванству всегда примешивается определенная доля самообмана; самозванец как бы ставит первый эксперимент на себе. Гораздо разумнее заключить, что у Мухаммеда сначала не было иной цели, кроме распространения истины путем убеждения, и что он мог обмануть себя, поверив, что является инструментом, выбранным для этой цели, чем то, что житель города в уединенном регионе Аравии увидел в честолобивом видении из своей горной пещеры свои победные знамена, развевающиеся на берегах Оксуса и Эбро, и его имя, приветствуемое как имя Пророка Божьего четвертой частью человеческой расы. Однако мы не должны пройти мимо другого, возможно, более верного предположения, а именно: в сознании Мухаммеда, как и многих других, цель оправдывала средства, и он считал законным симулировать видение и поручение от Бога, чтобы добиться от людей слушания истины.

Каковы бы ни были первоначальные замыслы и проекты Мухаммеда, он дождался сорока лет (возраст, в котором Моисей впервые явился израильтянам), а затем открыл свое божественное поручение жене Хадидже, рабу Зейду, двоюродному брату Али, сыну Абу

Талиба, и своему другу, добродетельному и богатому Абу Бекру. Трудно представить, что на умы этих разных людей, которые сразу же признали его притязания на пророческий сан, действовали какие-либо мотивы, кроме убеждения; и это не в малой степени говорит о чистоте предыдущей жизни нового Пророка, что он мог осмелиться претендовать на веру тех, кто был наиболее близко знаком с ним. Голос мудрости уверял нас, что пророк не имеет чести в своей стране и среди своих сородичей, и пример Мухаммеда свидетельствовал об истинности этого утверждения. В течение тринадцати лет новая религия медленно и болезненно продвигалась в Мекке; но жители Ятреба, города, который впоследствии был назван городом Пророка (*Мединат-ан-Наби*), были более восприимчивы к вере; и когда после смерти Абу Талиба, который защищал своего племянника, хотя и отвергал его притязания, его знаменитый полет (*хеджра*) привел его в Ятреб, жители этого города взяли оружие для его защиты от корейшитов. Вероятно, именно сейчас перед пророком открылись новые перспективы. Князь Ятреба, он мог надеяться распространить свою власть на неблагоприятную Мекку; а те, кто насмеялся над его доводами и убеждениями, могли получить уроки мудрости с помощью меча. Эти ожидания оказались верными, и менее чем через десять лет после битвы при Бедре (первой, в которой он участвовал) его временная власть и пророческий характер были признаны всем Аравийским полуостровом.

Обычно случается так, что, когда новая форма религии предлагается для принятия человечеством, она превосходит по чистоте ту, которую должна была заменить. Арабы времен Мухаммеда были идолопоклонниками; говорят, что в Каабе насчитывалось 300 изображений, требовавших их поклонения. Среди них царила грубая разнузданность; их многоженство не имело границ .[7] Пророк заменил это поклонением Единому Богу и поставил заслон чувственным наклонностям своего народа. Его религия содержала описания будущего состояния наград и наказаний, с помощью которых он призывал к послушанию и устрашал от непокорности или сопротивления. Адские муки, которыми он угрожал, были такими, которые наиболее оскорбительны для тела и его органов; радости рая - это зеленые луга, тенистые деревья, журчащие ручьи, нежный воздух, драгоценные вина в кубках из золота и серебра, величественные шатры и великолепные диваны; мелодия песен ангелов должна была восхищать души блаженных; черноглазые гурии должны были быть вечно цветущими невестами верных слуг Божьих. И все же, хотя чувственное блаженство должно было стать его конечной наградой, его приверженца учили, что его достижение требует самоотречения на земле; и справедливо замечено, что "набожный мусульманин проявляет больше стоического, чем эпикурейского характера[8] ." Поскольку Пророк постановил, что меч должен неустанно применяться для распространения истины, высшая степень будущего блаженства была объявлена уделом мучеников, то есть тех, кто пал в священных войнах, ведущихся за распространение веры. "Рай, - говорит Пророк, - находится под сенью мечей". В судный день раны павших воинов должны были блеснуть, как ладан, и благоухать, как мускус, а крылья ангелов должны были восполнить потерю конечностей. Религия Мухаммеда называлась исламом (*отставка*), поэтому ее приверженцев арабы называли мусульманами, а персы - мусулманами. Предметов веры было пять - вера в Бога, в его ангелов, в его Пророка, в последний день и в предопределение. Положительных обязанностей также было пять - очищение, молитва, пост, милостыня и паломничество в Мекку. Различные обряды и обычаи, которые до сих пор практиковали арабы, были сохранены Пророком либо из уважения к предрассудкам своих последователей, либо потому, что он не хотел или не мог отказаться от уважения к обычаям, в которых его воспитывали с младенчества.

Таков краткий очерк религии, которую Мухаммед заменил идолопоклонством в Аравии. В ней было мало оригинального; все детали будущего состояния были заимствованы из иудаизма

или из магической системы Персии. Содержащаяся в ней книга под названием Коран (*чтение*) была составлена *неграмотным* пророком по частям в течение долгих лет и записана с его уст его писцами. Он сам рассказывал о своем происхождении: каждая сура, или откровение, была принесена ему с небес ангелом Гавриилом. На магометанском Востоке и у большинства европейских востоковедов она считается шедевром арабской литературы; и если учесть разницу в моделях и вкусах европейцев и арабов и принять во внимание, что рифма^[9], которая в прозе невыносима для первых, для вторых может звучать благодарно, то можно допустить, что похвалы, воздаваемые ей, не незаслуженны. Хотя большую часть ее занимают утомительные и часто детские легенды, а также длинные и утомительные гражданские постановления, она пронизана тонким напряжением горячего благочестия и смиренной покорности воле Божьей, недостойной вдохновенных провидцев Израиля; а возвышенная доктрина о единстве Бога проходит, как жила чистого золота, через каждую часть этой массы, придавая блеск и достоинство всему. Разве мы не можем осмелиться сказать, что само христианство извлекло пользу из самозванства Магомета, и что ясное и открытое исповедание Божественного Единства их магометанскими врагами не позволило христианам темных веков задушить его под массой суеверий и басен, которыми они испортили и изуродовали так много величественной простоты Евангелия? Конечно, никому не придет в голову сравнивать сына Абд-Аллаха с Сыном Божьим, ставить тьму рядом со светом; но все же мы можем признать, что он был агентом в руках Всевышнего, и признать, что его принятие на себя пророческого сана принесло как добро, так и зло.

Магометанская религия настолько тесно связана с историей, законом, нравами и мнениями в той части Востока, о которой мы собираемся писать, что этот краткий обзор ее происхождения и природы был просто необходим. Теперь мы переходим к нашей истории.

Глава II.

Происхождение Халифата - Первые Халифы - Территория Аравийской империи - Шиизм среди магометан - Суней и Шейхи - Секты последних - Кейсане - Зейдиты - Гуллат - Имамеи - Секты Имамеи - Их политический характер - Карматиты - Происхождение Фатимитских Халифов - Тайное общество в Каире - Доктрины, преподаваемые в нем - Его упадок.

В лице Мухаммеда были объединены гражданские и церковные полномочия. Как эмир (*князь*) он вершил правосудие и вел своих последователей в бой; как имам (*руководитель*) он каждую пятницу (магометанский шабаш) с кафедры преподавал принципы и обязанности религии. Хотя его жены были многочисленны, у Пророка не осталось в живых ни одного потомка мужского пола к тому времени, когда он почувствовал приближение смерти; но его дочь Фатима была замужем за его двоюродным братом Али, его ранним и верным учеником, и естественно было ожидать, что истекающий голос Пророка выдвинет его в качестве своего Халифа (*преемника*) над последователями его веры. Но Айеша, дочь Абу Бекра, юная и самая любимая жена Мухаммеда, была яростно враждебна сыну Абу Талиба, и, возможно, она оказала все влияние мстительной женщины на разум умирающего Пророка. А может быть, Мухаммед, подобно Александру, озадаченный масштабами владычества, которого он достиг, и понимая, что только сила характера, подобная его собственной, поможет сохранить и увеличить его, и, возможно, считая себя ответственным перед Богом за выбор, который он

должен сделать, счел самым безопасным оставить этот вопрос на свободное решение своих оставшихся в живых последователей. То, что за несколько дней до смерти он назначил Абу Бекра на свою кафедру, может свидетельствовать о намерении наделить его халифатом; говорят, что в свое время он заявил, что сила характера, проявленная его выдающимся последователем Омаром, свидетельствует о наличии у него достоинств пророка и халифа. Традиция не содержит столь же решительных заявлений в отношении мягкого и добродетельного Али.

В любом случае Пророк скончался, не назвав преемника, и выбор пал на его сподвижников, и уже готов был разгореться раздор, когда Омар, отказавшись от собственных претензий, отдал свой голос за Абу Бекра. Таким образом, вся оппозиция была подавлена, и отец Айеши в течение двух лет царствовал над верующими. Али поначалу отказывался повиноваться, но в конце концов признал преемника Пророка. Умирая, Абу Бекр завещал скипетр Омару как достойнейшему, а когда через двенадцать лет после этого Омар погиб от кинжала убийцы, шесть выборщиков передали вакантное достоинство Осману, который был секретарем Пророка. Возраст ослабил силы Османа, бразды правления ослабли, и во всей Аравии воцарился дух раздора, подтверждающий слова Пророка о том, что для халифа важна энергичность. Многочисленные повстанцы осадили престарелого Османа в Медине, и он был убит, держа на коленях Коран, бандой убийц, возглавляемой братом Айеши, который, будучи пламенем ислама, вероятно, тайно участвовал в разжигании восстания.

Выбор народа пал на Али, но непримиримая Айеша подтолкнула к восстанию против его власти двух могущественных арабских вождей по имени Телха и Зобеир, которые подняли свои штандарты в провинции Арабский Ирак. Айеша, восседая на верблюде, появилась в самой гуще сражения, в котором мятежные вожди были разбиты и убиты. Щедрый Али отправил ее жить к гробнице Пророка, где она безмятежно провела остаток своих дней. Самому халифу повезло меньше. Муавия, правитель Сирии, сын Абу Софьяна, самый жестокий из противников Пророка, взял на себя обязанности мстителя за Османа, смерть которого он возложил на Али и его партию, и, объявив себя законным халифом, поднял Сирию на борьбу с зятем Пророка. В войне успех был на стороне Али, пока суеверие его войск не заставило его согласиться на договор; вскоре после этого он был убит фанатиком в мечети Куфа. Его сын Хасан был побужден Муавией отказаться от своих претензий и удалиться в Медину; но его более пылкий брат, Хусейн, взял оружие против халифа Езида, сына Муавии, и рассказ о его смерти - один из самых патетических и лучше всего переданных случаев восточной истории[10]. Сестры и дети Хусейна были пощажены милосердием победившего Езида, и от них произошел многочисленный род, прославивший кровь Али и Пророка.

Аравийская империя теперь имела огромные размеры. Египет, Сирия и Персия были завоеваны в правление Омара. При первых халифах из династии Оммиадов (названных так от Оммии, прадеда Муавии) были завоеваны Африка и Испания, а последующие принцы этой семьи правили самой обширной империей мира.

Великий раскол магометанской церкви (мы должны позволить себе использовать этот термин, единственный, которым располагает наш язык) начинается с воцарения дома Оммии. Магометане, как известно, с того времени и по сей день разделены на две большие секты, суннитов и шахов, ортодоксов и раскольников, как мы могли бы осмелиться их назвать, чьи противоположные доктрины, как у католиков и протестантов христианской церкви, являются установленной верой великих и независимых наций. Турки-османы и турки-усбеги придерживаются веры сунни; персы - жестокие шахи; национальная и религиозная вражда делают их решительными и заядлыми врагами друг друга.

Суниты считают, что все первые четыре халифа были законными преемниками Пророка, но поскольку их порядок определялся степенью святости, они отводят Али самый низкий ранг. Шеахи, напротив, утверждают, что достоинство Пророка по праву перешло к сыну его дяди и мужу его дочери. Поэтому они считают Абу Бекра, Омара и Османа узурпаторами, проклинают и поносят их память, особенно память жесткого Омара, убийцу которого они почитают как святого. При обсуждении магометанской религии следует неуклонно помнить, что Магомету и его преемникам удалось создать то, что тщетно пытался осуществить возвышенный и емкий ум Григория VII, - соединение гражданской и церковной власти в одном лице. В отличие от расколов восточной и западной, католической и протестантской церквей, которые возникали из-за разногласий по вопросам дисциплины или доктрины, раскол магометан возник исключительно из-за амбиций и борьбы за временную власть. Скипетр величайшей империи мира должен был стать наградой тому, кто сумеет добиться наибольшего числа верующих в свое право взять в руки посох и взойти на кафедру Пророка Божьего. Впоследствии, когда знания греков и персов стали знакомы арабам, появились теологические и метафизические тонкости и различия, и два великих религиозных ствола выделили многочисленные сектантские ответвления. Суниты делятся на четыре основные секты, все из которых, однако, считаются ортодоксальными, поскольку они согласны в главных вопросах, хотя и расходятся в второстепенных. Шеахи также делятся на четыре секты, причем общим для них является утверждение права Али и его потомков на имамат, или высшее церковное достоинство; различия же заключаются в характере доказательств, на которых основываются его права, и в порядке преемственности между его потомками. Эти четыре секты и их мнения таковы:.

I. Первой и самой безобидной из сект, поддерживавших права семьи Али, были Кейсани, названные так от Кейсана, одного из его вольноотпущенников. Они, разделившись на несколько ветвей, считали, что права Али перешли не к Хасану или Хусейну, а к их брату, Мухаммеду-бен-Ханфи. Одна из этих ветвей утверждала, что имамат *остается*^[11] в лице этого Мухаммеда, который никогда не умирал, но с тех пор время от времени появлялся на земле под разными именами. Другая ветвь, названная хашимитами, считала, что имамат перешел от Мухаммеда-бен-Ханфи к его сыну Абу-Хашему, который передал его Мухаммеду из рода Аббаса, от которого он перешел к Саффаху, основателю династии халифов Аббасидов^[12]. Совершенно очевидно, что целью этой секты было придать окраску притязаниям рода Аббаса, который клеймил род Оммийи как узурпаторов и настаивал на том, что халифат принадлежит ему по праву. Абу-Мослем, великий полководец, который первым передал власть роду Аббаса, был действительным или мнимым приверженцем догматов этой секты, единственной, кстати, ветви шеахов, которая поддерживала дом Аббаса.

II. Вторая ветвь шеахов называлась зейдитами. Они считали, что имамат передается через Хасана и Хусейна Зейну-аль-Абедину, сыну этого последнего, а затем переходит к Зейду (отсюда их имя), сыну Зейна; в то время как большинство других шейхов считали Мухаммеда Бакира, брата Зейда, законным имамом. Зейдиты отличались от других шеахов тем, что признавали трех первых халифов законными преемниками Пророка. Эдрис, отвоевавший часть Африки у аббасидских халифов и основавший королевство Фес, был настоящим или мнимым потомком Зейда.

III. Гуллаты (*ультра*), названные так из-за экстравагантности своих доктрин, которые, переходя все границы здравого смысла, вызывали одинаковое отвращение как у других шеахов, так и у суннитов. Считается, что эта секта существовала еще во времена самого Али, который, как рассказывают, сжег некоторых из них за их нечестивые и экстравагантные

мнения. Как нам рассказывают, они считали, что существует только один имам, и приписывали Али божественные качества. Одни утверждали, что в нем было две природы (божественная и человеческая), другие - что только последняя. Одни утверждали, что эта совершенная природа Али переходит путем трансмиграции через его потомков и будет переходить до конца всего сущего; другие - что передача прекратилась с Мухаммедом Бакиром, сыном Зейн-аль-Абедина, который все еще пребывает на земле, но невидимый, подобно Хизеру, Хранителю Колодца Жизни, согласно прекрасной восточной легенде[13]. Другие, еще более смелые, отрицали эту передачу и утверждали, что божественный Али восседал на облаках, где гром был голосом, а молния - бичом, которым он устрашал и наказывал нечестивых. Эта секта представляет собой первый (хотя и очень ранний) пример внедрения в ислам того мистицизма, который, по-видимому, имел свое первоначальное место рождения в мечтательных рощах Индии. Как политическая партия Гуллат никогда не были грозными.

IV. Однако с имамами, самыми опасными врагами дома Аббаса, дело обстояло иначе. Соглашаясь с гуллатами в учении о *невидимом* имаме, они утверждали, что до него существовал целый ряд *видимых* имамов, которые исчезли. Одна из ветвей этой секты (впоследствии названная *Семирами-Себиинами*) замыкала ряд Исмаилом, внуком Мухаммеда Бакира, *седьмым* имамом, считая первым самого Али. Их также называли исмаилитами, от Исмаила. Другая ветвь, называемая имамами, продолжала ряд от Исмаила, через его брата Мусу Касима, вплоть до Аскери, двенадцатого имама. Их называли "двенадцатыми" (*эснаашри*). Они верили, что имам Аскери исчез в пещере в Хилле, на берегу Евфрата, где он останется невидимым до конца света, когда он снова появится под именем Путеводителя (*Мехди*) и поведет человечество к истине. Имамы, где бы они ни останавливались в ряду видимых имамов, видели, что для их политических целей необходимо признать своего рода *locum tenentes* имамов; но если зейдиты, которые были согласны с ними в этом вопросе, требовали от этих принцев царских добродетелей - доблести, щедрости, справедливости, знания, то имамы считали себя удовлетворенными, если они обладали святыми - молитвой, постом и раздачей милостыни. Поэтому хитрые и честолюбивые люди могли поставить любую марионетку, которая, как утверждалось, происходила от последнего из видимых имамов, и стремиться управлять магометанским миром от его имени.

Во времена первых Аббасидов дварфы были очень близки к тому, чтобы завладеть халифатом; сын знаменитого Харуна Эр-Рашида, Аль-Мамун, восьмой халиф этого дома, движимый либо силой или перевесом, которого достигла партия Шиаха, либо, как рассказывают восточные историки, поддавшись внушениям своего визиря, который был предан этой секте, назначил Али Ризу, восьмого имама, своим преемником на троне. Он даже отложил черные одеяния, свойственные его семье, и надел зеленые, цвета Али и Пророка. Но семья Аббаса, насчитывавшая теперь 30 000 человек, не согласилась с таким отказом от прав своего рода. Они подняли оружие и провозгласили халифом дядю Ибрагима аль-Мамуна. Обидный визирь погиб, а своевременная смерть Али Ризы (как говорили, от яда) избавила сына Харуна Эр-Рашида от затруднений. Али Риза был похоронен в Мешхеде, в провинции Хорасан; его могила и по сей день является местом паломничества набожных персов.[14]

Исмаилиты были более успешны в своих попытках получить временную власть; и, как мы увидим в дальнейшем, значительная часть их владений была отвоевана у дома Аббаса.

Во все века и во всех частях света религия служила маской честолюбия, для которого так хорошо подходит ее мощное влияние на умы невежественных людей. Но политическое влияние религии среди более спокойных и рассудительных народов Европы незначительно по сравнению с ее властью над более пылкими и восприимчивыми туземцами Азии. Из-за влияния этого принципа деспотизм Востока никогда не был тем спокойным и невозмутимым, который, как мы могли бы предположить, является его характером. Не говоря уже о кровавых войнах и резне, которые происходили под предлогом религии в странах от Японии до Инда, магометанская часть Востока почти без конца была театром кровавых драм, где амбиции, прикрываясь религией, стремились к империи; и в наши дни, в случае вахабитов, мы видим смелую, хотя и неудачную попытку фанатизма совершить революцию в части Османской империи. Именно этот союз религии и политики привел семью Суффави на трон Персии в XV веке; и именно он же в гораздо более ранний период установил господство фатимидских халифов в Египте. Ход этого последнего события прослеживается восточными историками[15] : - Поощрение, оказанное литературе и науке.

Поощрение, оказанное литературе и науке просвещенным Аль-Мамуном, распространило смелость спекуляций и исследований, доселе неизвестных в империи арабов. Тонкая философия греков теперь соприкасалась с возвышенной, но испорченной теологией персов, а мистицизм Индии тайно смешивался с массой знаний. Возможно, мы не должны доверять утверждению арабского историка о том, что тайным и постоянным планом персов было подорвать и развратить религию и тем самым разрушить империю тех, кто победил их на поле боя; Но не менее примечательно, что, поскольку превращение религии Моисея в иудаизм можно проследить в Персии, и поскольку эта же страна породила чудовищные мнения, испортившие простоту Евангелия, именно в Персии мы находим истоки большинства сект, возникших в исламе. Не соглашаясь с теми, кто хотел бы вывести все знания из Индии, можно считать неправдоподобным, что запутанная метафизика и мистицизм этой страны были источником большей части разложения различных религий, которые преобладали в Циндийской Азии. По крайней мере, примечательно, что северо-восток Персии, ближайшая к Индии часть, был местом, где появились многие самозванцы, претендовавшие на общение с божеством. Именно здесь Мани (*Манес*), глава манихеев, демонстрировал свои искусства, и именно в Хорасане (*Стране Солнца*) Хаким, выдававший себя за воплощение Божества, поднял штандарт восстания против дома Аббаса. Но, как бы то ни было, рассматривая первые века ислама, мы можем заметить, что все восстания, которые будоражили империю халифов, возникали из-за объединения требований семьи Али с философскими доктринами, распространенными в Персии.

Нам рассказывают, что в девятом веке христианской эры Абдаллах, человек из персидского рода, живший в Ахвазе, на юге Персии, задумал свергнуть империю халифов, тайно внедрив в ислам систему атеизма и нечестия. Не желая шокировать глубоко укоренившиеся предрассудки в пользу установленной религии и правительства, он решил распространять свои доктрины постепенно, а в качестве степеней, через которые должны пройти его ученики, выбрал мистическое число семь, чтобы великое откровение о тщете всех религий и безразличии всех действий. Политическим плащом его системы было утверждение притязаний потомков Мухаммеда, сына Исмаила, на имамат, и его миссионеры (*dais*) с активностью занялись задачей создания прозелитов по всей империи халифов. После этого Абдаллах удалился в Сирию, где и умер. Его сын и внуки продолжили его планы, и в их время появился новообращенный, который быстро привел систему в активное состояние .[16]

Этого человека звали Кармат, он был уроженцем района Куфа, и от него секта стала называться карматитами. Он внес значительные изменения в первоначальную систему

Абдаллаха; а поскольку секта стала многочисленной и сильной, он решился подвергнуть притязания потомков Исмаила испытанию мечом. Он утверждал, что неоспоримое право на земное господство принадлежит тому, кого он называл имамом Маассумом (*безупречным*), своего рода идеалом совершенного принца, подобно мудрецу стоиков; следовательно, все царствующие принцы были узурпаторами в силу своих пороков и недостатков, и воины совершенного принца должны были сбросить их всех, без исключения, с их престолов. Кармат также учил своих учеников понимать предписания и предписания ислама в переносном смысле. Молитва означала покорность имаму Маассуму, милостыня - выплату причитающейся ему десятины (то есть пополнение фондов общества), пост - сохранение политических тайн, связанных с имамом и его службой. Внимания заслуживало не "тенсель", или внешнее изложение Корана, а "тавиль", или изложение. Как и Моканна, и другие противники дома Аббаса, последователи Кармата отличались тем, что носили белые одежды в знак своей враждебности к правящим халифам, чьи одежды и штандарты сохраняли черный оттенок, который они демонстрировали на фоне белых знамен дома Оммии. В течение целого столетия между последователями Кармата и войсками халифов в разные периоды возобновлялась кровопролитная война с переменным успехом. В ходе этой войны священный город Мекка был взят сектантами (как в последние годы вахабитами), после того как при его обороне погибло 30 000 мусульман. Знаменитый черный камень был с триумфом увезен в Хаджар, где простоял два с половиной десятилетия, пока не был выкуплен за 50 000 дукатов эмиром Ирака и возвращен на прежнее место. В конце концов, как и многие их предшественники, кармафиты были побеждены все еще сильной властью империи, и их имя, хотя и не их принципы, было уничтожено.

В этот период борьбы между домом Аббаса и кармафитами один из даи (*миссионеров*) последних, по имени Абдаллах, сумел освободить из тюрьмы, в которую его бросил халиф Мотадхад, действительного или мнимого потомка Фатимы, по имени Обейд-Аллах^[17], которого он переправил в Африку и, провозгласив его обетованным Мехди (*проводником*), сумел основать для него владения на северном побережье этой страны. В знак благодарности Обейд-Аллах предал смерти того, кому был обязан своим могуществом; но талант и доблесть могут существовать без присутствия добродетели, и Обейд-Аллах и два его следующих потомка распространили свою власть на берега Атлантики. Моэз-ладин-Аллах, его правнук, добившись завоевания Египта и Сирии, мудро отказался от своих прежних, более отдаленных владений на побережье Средиземного моря, положив глаз на более ценную азиатскую империю Аббасидов. Эта династия фатимидских халифов, как их называли, в течение двух веков правила в Каире на Ниле, будучи врагами и соперниками тех, кто сидел в Багдаде на берегах Тигра. Как и любая другая восточная династия, они постепенно погрузились в бессилие и безволие, и в конце концов их трон занял прославленный коорд Саладин.

Обейд-Аллах вел свою родословную от Исмаила, седьмого имама. Таким образом, его дом рассчитывал на поддержку всей секты семириков, или исмаилитов, в своих проектах по расширению власти над магометанским миром; очевидно, что они были заинтересованы в том, чтобы как можно больше увеличить численность и силу этой секты. Поэтому мы вправе доверять заверениям восточных историков о том, что в Каире существовало тайное учреждение, во главе которого стоял фатимидский халиф и целью которого было распространение доктрин секты исмаилитов, хотя мы можем позволить себе сомневаться в правильности некоторых деталей.

Это общество, как нам сообщают, состояло как из мужчин, так и из женщин, которые собирались в отдельных ассамблеях, поскольку распространенное мнение о

незначительности последнего пола на Востоке ошибочно. Председательствовал главный миссионер (Дай-аль-Доат[18]), который всегда был важной персоной в государстве и нередко верховным судьей (Кадхи-аль-кодхат[19]). Их собрания, называемые Обществами мудрости (меджалис аль-хикмет), проводились дважды в неделю, по понедельникам и средам. Все члены являлись в белых одеждах. Президент, предварительно дождавшись халифа и прочитав ему предполагаемую лекцию, или, если это невозможно было сделать, получив его подпись на обратной стороне, отправлялся в собрание и произносил письменную речь. В заключение присутствующие целовали ему руку и благоговейно прикасались лбом к рукописному письму халифа. В таком состоянии общество пребывало до правления этого необыкновенного безумца, халифа Хакем-би-эמר-иллаха (Судья по велению Бога), который решил поставить его на великолепную основу. Он возвел для нее величественное здание, названное Домом мудрости (Дар-аль-хикмет), обильно украшенное книгами и математическими инструментами. Его двери были открыты для всех, а бумага, ручки и чернила были в изобилии предоставлены в распоряжение тех, кто решил посетить его. Для преподавания были назначены профессора права, математики, логики и медицины; на диспутах, которые часто проводились в присутствии халифа, эти профессора появлялись в своих государственных кафтанах (Khalaä), которые, как говорят, в точности напоминали мантии, которые носят в английских университетах. Доход, назначенный этому заведению благодаря щедрости халифа, составлял 257 000 дукатов в год, которые складывались из десятых долей, выплачиваемых короне.

Курс обучения в этом университете проходил, по словам Макризи, по следующим девяти степеням: -1. Цель первой, долгой и утомительной, заключалась в том, чтобы вселить сомнения и трудности в ум стремящегося и заставить его слепо довериться знаниям и мудрости своего учителя. Для этого его озадачивали придирчивыми вопросами, тщательно указывали на нелепости буквального смысла Корана и его несоответствие разуму, а также делали мрачные намеки на то, что под этой оболочкой скрывается ядро, сладкое на вкус и питательное для души. Но вся дальнейшая информация строго пресекалась до тех пор, пока он не согласился связать себя самой торжественной клятвой абсолютной веры и слепого повиновения своему наставнику. 2. После принесения клятвы он был допущен к второй степени, которая подразумевала признание имамов, назначенных Богом, как источников всех знаний. 3. На третьей степени ему сообщали, каково число этих благословенных и святых имамов; это была мистическая семерка, ибо, как Бог сотворил семь небес, семь земель, морей, планет, металлов, тонов и цветов, так семь было числом этих благороднейших Божьих созданий. 4. В четвертой степени ученик узнал, что Бог послал в мир семь законодателей, каждому из которых было поручено изменить и усовершенствовать систему своего предшественника; что у каждого из них было семь помощников, которые появлялись в промежутке между ним и его преемником; эти помощники, поскольку они не выступали в качестве публичных учителей, назывались немymi (самит), в отличие от говорящих законоучителей. Семь законодателей были Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед и Исмаил, сын Яффера; семь главных помощников, называемых сиденьями (сус), были Сет, Шем, Измаил (сын Авраама), Аарон, Симон, Али и Мухаммед, сын Исмаила. Справедливо замечено[20], что, поскольку этот последний человек умер не более века назад, учитель имел возможность назначить кого угодно немым пророком настоящего времени и внушить веру в него и послушание ему всем, кто не вышел за пределы этой степени. 5. Пятая степень учила, что каждый из семи немых пророков имел двенадцать апостолов для распространения своей веры. Уместность этого числа доказывалась также по аналогии. Существует двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать колен Израилевых, двенадцать суставов в четырех пальцах каждой руки и так далее. 6. Ученик был доведен до конца и не проявлял никаких признаков беспокойства, предписания Корана

были снова рассмотрены, и ему было сказано, что все позитивные части религии должны быть подчинены философии. Поэтому в течение долгого времени его обучали системам Платона и Аристотеля; и (7) когда его сочли вполне квалифицированным, он был принят в седьмую степень, где его обучили мистическому пантеизму, которого придерживается и которому обучает секта суфиев. 8. Позитивные предписания религии были вновь рассмотрены, завеса была сорвана с глаз стремящегося, все, что предшествовало, теперь было объявлено лишь строительными лесами для возведения здания знания и должно было быть сброшено. Пророки и учителя, рай и ад - все это было ничем; будущее блаженство и страдание - пустые мечты; все действия были разрешены. 9. Девятая степень должна была лишь внушить, что ни во что не следует верить, все можно делать .[21]

При изучении описаний тайных обществ, их правил, положений, степеней, а также количества и характера передаваемых в них знаний всегда возникает затруднение. Если тайна является самой сутью всего, что с ними связано, то какие средства были у писателей, которые обычно враждебно относились к ним, чтобы узнать их внутреннее устройство и точную природу их максим и догматов? В данном случае нашим авторитетом для этого рассказа об обществе, которое процветало в основном в десятом и одиннадцатом веках, является Макризи, писатель пятнадцатого века. Его авторитеты, несомненно, были более древними, но мы не знаем, кто они были и откуда черпали информацию. Возможно, в этом, как и в других подобных случаях, самым безопасным курсом будет признать общую истинность утверждения, но оставить наш разум в некоторой неопределенности относительно точности деталей. Таким образом, мы можем сразу признать факт существования колледжа в Каире и преподавания в нем мистических догматов суфизма, а также факт привития ученикам прав фатимитов на халифат, и миссионеров, которые затем рассылались по всему Востоку, не поддаваясь на уговоры о девяти степенях, через которые должен был пройти претендент, и не признавая, что курс обучения заканчивался доктриной, разрушающей всю религию и всю мораль.

Как мы уже видели, Дай-аль-доат, или главный миссионер, проживал в Каире, чтобы руководить деятельностью общества, в то время как подчиненные ему даисы проникали во все части владений дома Аббаса, обращая новообращенных в веру Али. При даисе находились сподвижники (*RefEEK*), которые были проинструктированы до определенного момента в тайных доктринах, но не имели права ни учить, ни обращаться в веру, эта честь принадлежала даису. Благодаря деятельности даиса общество распространилось настолько широко, что в 1058 году принадлежавший к нему эмир Бессассири стал хозяином Багдада, владел им в течение целого года, выбивал деньги и совершал молитвы от имени египетского халифа. Однако эмир пал от меча турка Тогрула, к помощи которого прибегнул слабый Аббасид, и эти два отличительных акта магометанского суверенитета были вновь совершены домом Аббаса. Вскоре после этого общество в Каире, похоже, пришло в упадок вместе с властью фатимидских халифов. В 1123 году могущественный везир Афдал, по случаю вызванных ими беспорядков, закрыл Дар-аль-хикмет, или, как кажется, уничтожил его. Его преемник Мамун разрешил обществу проводить свои собрания в здании, построенном в другом месте, и оно просуществовало до падения халифата Египта. Политику Афдала, пожалуй, лучше всего объяснить, сославшись на положение дел на Востоке в то время. Багдадский халиф превратился в простое зрелище, лишенное реальной власти; бывшие владения дома Аббаса находились в руках турок-сельджуков; франки были хозяевами значительной части Сирии и угрожали Египту, где халифы также оказались неспособными, и реальная власть перешла к визирю. Поскольку этот последний не мог стремиться ни к чему

иному, кроме как к сохранению Египта, общество, созданное с целью привлечения сторонников к притязаниям фатимитов, должно было стать для него скорее препятствием, чем чем-то иным. Поэтому он, должно быть, был склонен подавить его, тем более что теперь было создано общество ассасинов, его ответвление, которое, не обращая внимания на притязания фатимитов, стремилось к единоличному господству. К истории этого замечательного объединения мы и переходим.

Глава III.

Али Рейский - его сын Хасан Сабах - Хасан отправлен учиться в Нишабур - встречается там с Омаром Хиамом и Низамом аль-Мулком - они заключают соглашение - Хасан представлен Низамом султану Малек Шаху - вынужден покинуть двор - анекдот о нем - его рассказ о своем обращении - едет в Египет - возвращается в Персию - становится хозяином Аламута.

Жил в Персии в городе Рея человек по имени Али. Он был упорным шеахом и утверждал, что его семья родом из Куфы в Аравии; но жители Хорасана утверждали, что его семья всегда жила в одной из деревень близ Туса в этой провинции, и, следовательно, его претензии на аравийское происхождение были ложными. Али, судя по всему, очень хотел скрыть свои взгляды и прибег к самым сильным уверениям, чтобы убедить в своей ортодоксальности правителя провинции, стойкого сунита, и в конце концов удалился в монастырь, чтобы провести остаток дней в размышлениях. Чтобы снять с себя обвинения в ереси, он отправил своего единственного сына Хасана Сабаха[22] в Нишабур, чтобы тот получил наставления от знаменитого имама Мовафека, проживавшего в этом месте. Какие уроки он мог давать юному Хасану до расставания с ним и какую связь он поддерживал с ним впоследствии - об этом история умалчивает.

Слава имама Мовафека была велика по всей Персии, и в настоящее время считалось, что те, кому посчастливилось изучать Коран и Сунну[23] под его руководством, гарантируют себе удачу в загробной жизни. Поэтому в его школу стекались юноши, стремившиеся к знаниям и будущему почетному званию; здесь Хасан познакомился и установил тесную дружбу с Омаром Хиамом, впоследствии столь выдающимся поэтом и астрономом, и с Низамом аль-Мулком (*Правителем царства*), который стал визирем монархов из дома Сельджука. Этот последний в истории, которую он написал о себе и своем времени, приводит следующий пример раннего развития честолюбия Хасана. Однажды эти трое, самые выдающиеся ученики имама, собрались вместе: "По общему мнению, - сказал Хасан, - ученики имама непременно будут удачливы. Это мнение может подтвердиться на одном из нас. Так давайте же пообещаем друг другу, что тот, кто добьется успеха, сделает двух других соучастниками своей удачи". Оба его спутника с готовностью согласились, и обещание было дано и принято.

Низам аль-Мулк вступил на путь политики, где его таланты и благородные качества получили свободу действий, и прошел через различные ступени должностей, пока в конце концов не достиг высшего поста в королевстве - визириата при Алп-Арслане (*Сильном Льве*), втором монархе из дома Сельджука. Возвысившись, он не забыл о своих прежних друзьях; вспомнив о данном обещании, он с большой любезностью принял Омара Хиаму, который ждал его, чтобы поздравить с возвышением, и сразу же предложил использовать все свои интересы,

чтобы обеспечить ему должность в правительстве. Но Омар, преданный эпикурейским удовольствиям и не склонный к труду и заботам, поблагодарив своего друга, отказался от предложенных ему услуг; все, на что визирь смог уговорить его согласиться, - это ежегодная пенсия в 1200 дукатов из доходов Нишабура, куда он удалился, чтобы провести свои дни в легкости и спокойствии.

С Хасаном дело обстояло иначе. В течение десяти лет правления Алп-Арслана он держался в стороне от визиря, жил в безвестности и, вероятно, вынашивал свои планы на будущее. Но когда на трон взошел молодой принц Малек-шах (*Царь-Король*), он понял, что его время пришло. Он внезапно появился при дворе нового монарха и стал ждать могущественного визиря. Эту историю рассказывает сам везир в своем труде под названием "Васая" (*"Политические институты"*), откуда ее приводит Мирхонд.

"Он приехал ко мне в Нишабур в тот год, когда Малек-шах, избавившись от Каварда, утихомирил смуту, вызванную его мятежом. Я принял его с величайшими почестями и выполнил со своей стороны все, что можно было ожидать от человека, который верно соблюдает свои клятвы и является рабом обязательств, которые он заключил. Каждый день я давал ему новые доказательства своей дружбы и старался удовлетворить его желания. Однажды он сказал мне: "Ходжа (*господин*), ты принадлежишь к числу ученых и добродетельных людей; ты знаешь, что блага этого мира - лишь недолговечное удовольствие. Неужели ты думаешь, что тебе будет позволено не выполнить свои обязательства, если ты позволишь себе соблазниться привлекательностью величия и любовью к миру? И неужели ты окажешься в числе *тех, кто нарушает договор, заключенный с Богом?*" "Небеса хранят меня от этого!" - ответил я. "Хотя ты возлагаешь на меня почести, - продолжал он, - и хотя ты осыпаешь меня благами без числа, ты не можешь не знать, что это не способ выполнить то, что мы однажды обязались соблюдать друг другу". Вы правы, - сказал я, - и я готов удовлетворить вас в том, что обещал. Все, чем я обладаю из чести и власти, полученное от моих отцов или приобретенное мною самим, принадлежит тебе в равной степени со мной". Затем я ввел его в общество султана, присвоил ему звание и подходящие титулы и рассказал принцу обо всем, что раньше происходило между ним и мной. Я так высоко оценил его знания, прекрасные качества и добрый нрав, что он получил звание министра и доверенного лица. Но он, как и его отец, был самозванцем, лицемером, умевшим навязываться, и негодяем. Он так хорошо владел искусством прикрываться внешней честностью и добродетелью, что за короткое время полностью овладел умом султана и внушил ему такое доверие, что принц слепо следовал его советам в большинстве дел более важных и требующих добросовестности и искренности, и всегда решался на его мнение. Я сказал все это, чтобы показать, что это я возвысил его до такого состояния, и все же, в результате его дурного характера, между султаном и мной начались ссоры, неприятным результатом которых было то, что хорошая репутация и благосклонность, которыми я пользовался в течение стольких лет, были близки к тому, чтобы превратиться в пыль и быть уничтоженными; ибо наконец его злость внезапно вспыхнула, и последствия его ревности проявились самым ужасным образом в его действиях и в его словах."

На самом деле Хасан играл роль вероломного друга. Все, что происходило в диване, тщательно докладывалось султану, приводилось в наихудший вид, а намеки на неспособность и нечестность везира бросались по подходящим поводам. Сам визирь оставил нам рассказ о том, что он считал худшим трюком, который пытался разыграть его старый школьный товарищ. Султан, видимо, желая видеть четкий и регулярный баланс доходов и расходов своей империи, поручил Низам аль-Мулку подготовить его. Визирю потребовалось более года для выполнения задания. Хасан счел это хорошей возможностью

отличиться и смело предложил сделать то, что требовал султан, за сорок дней, не более одной десятой от требуемого визирем времени. Все служащие финансового департамента были немедленно переданы в распоряжение Хасана, и сам визирь признается, что по истечении сорока дней счета были готовы к представлению султану. Но именно тогда, когда мы ожидали увидеть Хасана в триумфе и пользующимся высочайшей благосклонностью монарха, он с позором покидает двор и клянется отомстить султану и его министру. Это обстоятельство остается без объяснения со стороны Украшения королевства, который, однако, с большой *наивностью* признает, что, если бы Хасан не был вынужден бежать, он должен был бы сам покинуть двор. Но другие историки сообщают нам, что визирь, опасаясь последствий, прибег к хитрости и ухитрился украсть некоторые из бумаг Хасана, так что, когда тот предстал перед султаном, полный надежд и гордости, и начал свое заявление, он был вынужден остановиться из-за отсутствия некоторых из своих самых важных документов. Так как он не мог объяснить эту путаницу, султан пришел в ярость от очевидной попытки обмануть его, и Хасан был вынужден немедленно удалиться от двора с досадой.

Низам аль-Мульк решил не поддерживать никаких отношений с человеком, который таким образом искал его гибели, и решил уничтожить его. Хасан бежал в Рей, но, не найдя себя там в безопасности, отправился дальше на юг, и укрылся у своего друга, рейса[24] Абу-ль-Фазла (*Отца Превосходства*), в Исфахане. Каковы были его планы до сих пор, неизвестно; но теперь они, похоже, приобрели определенную форму, и он неустанно размышлял о том, как отомстить султану и его министру. Однажды, посоветовавшись с Абу-ль-Фазлом, который, по-видимому, принял его умопомрачительные догматы, после того как он излил свои жалобы на везира и его господина, он в заключение страстно сказал: "О, если бы у меня были только два верных друга, которым я был бы предан! Скоро я свергну турка и крестьянина", имея в виду султана и везира. Абу-ль-Фазл, который был одним из самых ясных людей своего времени и все еще не понимал дальновидных взглядов Хасана, начал думать, что разочарование пошатнуло рассудок его друга, и, полагая, что рассуждать в таком случае бесполезно, стал давать ему за едой ароматные напитки и блюда, приготовленные с шафраном, чтобы разгрузить его мозг. Хасан понял, что задумал его добрый хозяин, и решил покинуть его. Напрасно Абу-ль-Фазл пустил в ход все свое красноречие, чтобы убедить его продлить визит; Хасан уехал и вскоре после этого отправился в Египет.

Через двадцать лет после этого, когда Хасан осуществил все задуманное, когда султан и визирь были мертвы, а общество ассасинов полностью организовалось, реис Абу-ль-Фазл, который был одним из самых ревностных его сторонников, посетил его в его крепости Аламут. "Кто из нас был безумцем? Ты или я больше нуждались в ароматных напитках и блюдах, приготовленных с шафраном, которые ты обычно подавал в Исфахане? Ты видишь, что я сдержал свое слово, как только нашел двух надежных друзей".

Когда Хасан покинул Исфахан, в 1078 году, трон Египта занимал халиф Мостансер, человек весьма энергичный, и миссионеры общества в Каире прилагали немалые усилия, чтобы обрести прозелитов по всей Азии. Среди этих прозелитов был Хасан Сабах, и следующий рассказ о его обращении, который, к счастью, сохранился в его собственных словах, интересен как доказательство того, что, подобно Кромвелю, и, как мы предполагаем, Мухаммеду, и всем, кто достиг временной власти с помощью религии, он начал искренне, и был обманут сам, прежде чем обмануть других.

"С самого детства, - говорит он, - даже с семи лет, моим единственным стремлением было приобретение знаний и способностей. Я был воспитан, как и мои отцы, в учении двенадцати имамов, и познакомился с исмаилитским сподвижником (*рефиком*), по имени Эмир Дареб, с которым связал себя узами дружбы. Я считал, что догматы исмаилитов похожи на догматы

философов и что правитель Египта - человек, посвященный в них. Поэтому, как только эмир говорил что-либо в пользу этих доктрин, я вступал с ним в распри, и между ним и мной возникало множество споров по вопросам веры. Я не поддавался ничему, что говорил Эмир в уничижение нашей секты, хотя это произвело сильное впечатление на мой ум. Тем временем Эмир расстался со мной, и я впал в тяжелый приступ болезни, во время которого я упрекал себя, говоря, что учение исмаилитов, несомненно, истинное, но я из упрямства не перешел в него, и что если смерть (отврати, Господи!) настигнет меня, то я умру, не достигнув истины. В конце концов я оправился от этой болезни и встретился с другим исмаилитом, по имени Абу Неджм Зарадж, у которого я спросил об истинности его учения. Абу Неджм объяснил мне его самым полным образом, так что я понял всю его глубину. Наконец я встретил даи по имени Мумин, которому шейх Абд-аль-Мелик (*слуга царя, то есть Бога*) Бен Атташ, руководитель миссий Ирака, дал разрешение исполнять эту должность. Я просил его принять мое почтение (от имени фатимидского халифа), но он сначала отказался это сделать, потому что я был в более высоком сане, чем он; но когда я надавил на него сверх всякой меры, он дал свое согласие. Когда теперь шейх Абд-аль-Мелик приехал в Рей и через общение узнал меня, мое поведение понравилось ему, и он дал мне должность дая. Он сказал мне: "Ты должен отправиться в Египет, чтобы стать причастным к счастью служения имаму Мостандеру". Когда шейх Абд-аль-Мелик отправился из Рея в Исфахан, я отправился в Египет[25]."

В этом рассказе Хасана Сабаха о его мыслях и чувствах есть нечто очень интересное, особенно если вспомнить, что именно этот человек впоследствии организовал общество ассасинов, так долго бывшее бичом Востока. Здесь мы видим, как он, согласно его собственному заявлению, страшился мысли о смерти, не исповедовав открыто истину, но впоследствии, если верить восточным историкам, он насаждал доктрину о безразличии всех человеческих поступков. К сожалению, это падение от добродетели к пороку было слишком часто продемонстрировано, чтобы мы могли сомневаться в том, что это могло произойти в случае с Хасаном Сабахом. Еще одно размышление, которое напрашивается само собой, заключается в следующем: Может ли что-то быть более абсурдным, чем те пункты, которые разделили мусульман на секты? И все же, как глубоко совесть была вовлечена в них, и с какой искренностью они не были приняты и поддержаны! Не относится ли это в какой-то мере и к разногласиям среди христиан, которые делятся на партии не по основным доктринам своей религии, а по некоторым лишь вспомогательным?

По прибытии в Египет, где его ждала слава, Хасан был принят со всеми проявлениями уважения. Его известные таланты, а также знание о высокой благосклонности и уважении, которыми он пользовался при дворе Малек-шаха, заставили халифа считать его самым важным приобретением для дела исмаилитов, и не было упущено ни одного средства, чтобы успокоить и польстить ему. На границе его встретили Дай-аль-Доат, шериф Тахер Касвини и несколько других высокопоставленных лиц; великие государственные и придворные чиновники ждали его, как только он въехал в Каир, где халиф выделил ему подходящую резиденцию и осыпал его почестями и знаками благосклонности. Но таково было уединение, принятое фатимитскими халифами, что за восемнадцать месяцев, проведенных Хасаном в Каире, он ни разу не видел лица Мостансера, хотя этот монарх всегда проявлял к нему крайнюю заботу и никогда не говорил о нем иначе, как в выражениях высшей похвалы.

Пока Хасан находился в Египте, вопрос о престолонаследии (всегда спорный в восточных монархиях) стал предметом разногласий и гневных споров при дворе. Халиф объявил законным наследником своего старшего сына Несара, но Бедр-аль-Джемали, эмир-аль-Джуйуш, или главнокомандующий армией, который пользовался почти неограниченной

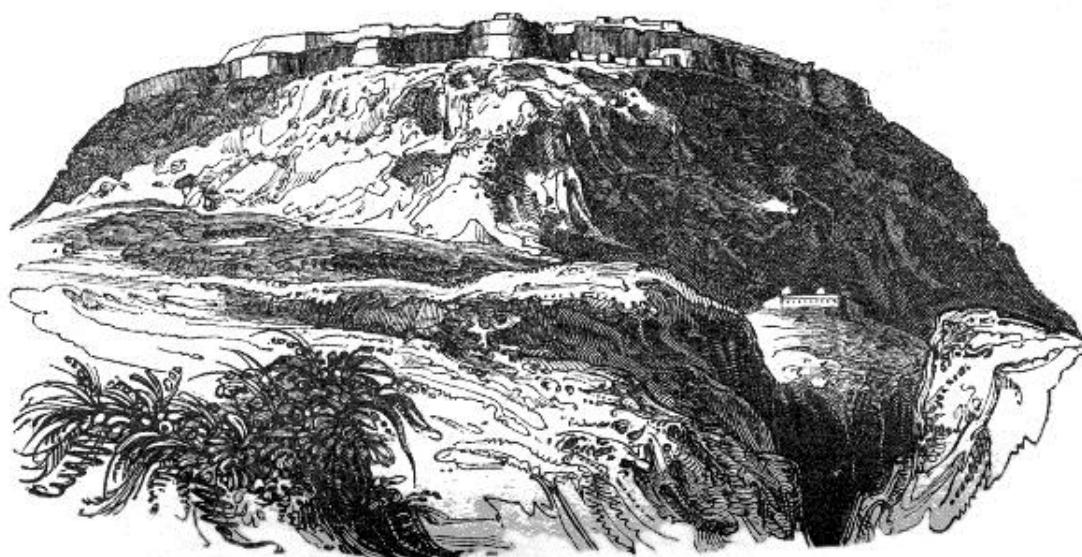
властью при Фатимитах, утверждал преимущественное право Мустеали, второго сына халифа, которое его власть впоследствии подтвердила. Хасан Сабах, как видно, не очень разумно, принял сторону принца Несара и тем самым навлек на себя враждебность Бедраль-Джемали, решившего его уничтожить. Тщетно сопротивлялся халиф могущественному эмиру аль-Джуйушу, и тот вынужден был отдать Хасана на растерзание и издать приказ о заключении его под стражу в замке Дамиетта.

Пока Хасан находился в заточении в Дамиеtte, одна из башен этого города обрушилась без видимых причин. Сторонники Хасана и халифа восприняли это как чудо, но его враги, чтобы не дать ему извлечь из этого никакой пользы, поспешили посадить его на корабль, который собирался отплыть в Африку. Едва судно вышло в море, как разразилась сильная буря. Море вздымало горы, гремел гром, сверкали молнии. Ужас охватил всех, кто находился на борту, кроме Хасана Сабаха, который спокойно и невозмутимо взирал на буйство стихии, в то время как другие с мукой смотрели на перспективу мгновенной смерти. Когда его спросили о причине его спокойствия, он ответил, подражая, вероятно, Святому Павлу: "Наш Господь (Сейдна) обещал мне, что никакое зло не постигнет меня". Вскоре после этого шторм утих, и море стало спокойным. Команда и пассажиры теперь считали его человеком, находящимся под особой благосклонностью Небес, и когда поднялся сильный западный ветер и погнал их к побережью Сирии, они не стали возражать против того, чтобы он покинул судно и сошел на берег.

Хасан направился в Алеппо, где пробыл некоторое время, а затем взял курс на Багдад. Покинув этот город, он вошел в Персию, пересек провинцию Хузистан и, посетив города Исфахан и Йезд, направился в восточную провинцию Керман, повсюду обращая прозелитов в свою веру. Затем он вернулся в Исфахан, где пробыл четыре месяца. Затем он провел три месяца в Хузистане. Остановив свой взгляд на Дамагане и прилегающей к нему местности в Ираке как на районе, вполне пригодном для того, чтобы стать резиденцией власти, которую он намеревался основать, он посвятил целых три года тому, чтобы набрать учеников среди ее жителей. Для этой цели он нанял самых красноречивых даисов, которых только смог найти, и поручил им всеми силами завоевать жителей многочисленных городищ, расположенных в этом регионе. Пока его даи были заняты этим, он сам объехал более северные районы Джорджана и Дилема, а когда счел время подходящим, вернулся в провинцию Ирак, где Хусейн Кайни, один из самых ревностных его миссионеров, уже давно занимался тем, что убеждал жителей сильного городища Аламут поклясться в повиновении халифу Мостансеру. Доводы даи оказались убедительными для подавляющего большинства жителей, но губернатор Али Мехди, честный и достойный человек, чьи предки построили крепость, остался, вместе с несколькими другими, верен своему долгу и не признавал никакого духовного главы, кроме аббасидского халифа Багдада; никакого временного вождя, кроме сельджукского Малек-шаха. Мехди, впервые заметив распространение исмаилизма среди своего народа, изгнал тех, кто принял его, но затем разрешил им вернуться. Уверенный в помощи сильной партии в форте, Хасан, как говорят, использовал против правителя ту же хитрость, с помощью которой Дидо, как рассказывают, обманула ливийцев^[26]. Он предложил ему 3 000 дукатов за столько земли, сколько он сможет проделать с помощью бычьей кожи. Бесхитростный Мехди согласился, и Хасан, мгновенно разрезав кожу на нити, окружил ею крепость Аламут. Мехди, видя, что его обманули, отказался соблюдать соглашение. Хасан воззвал к справедливости и к оружию своих сторонников, находившихся в крепости, и с их помощью заставил правителя покинуть Аламут. Когда Мехди отправлялся в Дамаган, куда он намеревался удалиться, Хасан вложил ему в руку приказ рейса Мозаффера, правителя крепости Кирдкоо, сформулированный в таких выражениях: "Пусть рейс Мозаффер выплатит Мехди, потомку Али, 3 000 дукатов в качестве цены за крепость Аламут".

Мир Пророку и его семье! Бог, лучший из управителей, достаточен для нас". Мехди с трудом верилось, что человек такого положения, как рейс Мозаффер, занимавший важный пост при сельджукских султанах, обратит хоть малейшее внимание на приказ простого авантюриста Хасана Сабаха; однако он решил из любопытства, а точнее, как нам говорят, под давлением нужды в деньгах, попробовать, как тот поступит. Он предъявил заказ, и, к его безграничному удивлению, ему сразу же выплатили 3 000 дукатов. На самом деле реис долгое время втайне был одним из самых ревностных учеников Хасана Сабаха.

Историки осторожно сообщают нам, что именно в ночь на среду, шестого числа месяца Реджеб, в 483-м году по хиджре, Хасан Сабах стал хозяином Аламута, который должен был стать главным местом силы секты исмаилитов. Этот год соответствует 1090 году христианской эры, и, таким образом, владычество ассасинов было основано всего за девять лет до того, как западные христиане создали свою империю на Святой земле.

Форт Хилл.

Глава IV.

Описание Аламута - безрезультатные попытки вернуть его - расширение власти исмаилитов - исмаилиты в Сирии - покушение на жизнь Абу-Харда Иссы - договор с султаном Санджаром - смерть Хасана - его характер.

Аламут, название которого так известно в истории Востока, означает "Гнездо стервятника", что объясняется его возвышенным положением. Он был построен в 860 году на вершине холма, причудливо напоминающего льва, склонившегося носом к земле, и расположенного, по словам Хаммера, на $50\text{--}1\frac{1}{2}^{\circ}$ восточной долготы и 36° северной широты. Он считался самой сильной из 50 подобных крепостей, которые были разбросаны по району Рудбар (Речная земля), горной области, которая образует границу между персидским Ираком и более северными провинциями Дилем и Таберистан, и омывается потоком, называемым Царской рекой (Шахруд). Как только Хасан увидел себя хозяином этого важного места, он

направил свои мысли на то, как увеличить его прочность. Он отремонтировал прежние стены и пристроил новые, засыпал колодцы и прорыл канал, по которому вода поступала со значительного расстояния к подножию крепости. Поскольку владение Аламутом сделало его хозяином всей окружающей страны, он научился рассматривать жителей как своих подданных, побудил их к земледелию и разбил вокруг возвышенности, на которой стояла крепость, большие плантации фруктовых деревьев.

Но не успел Хасан приступить к осуществлению этих планов, а тем более завершить их, как увидел, что ему грозит опасность потерять все плоды своих трудов. Нельзя было ожидать, что эмир, которому султан подарил провинцию Рудбар, будет спокойно смотреть на то, что ее сильнейший форт находится во владении врага из дома Сельджука. Хасан не успел собрать запасы провизии, как обнаружил, что все подступы к этому месту отрезаны войсками эмира. Жители уже собирались покинуть Аламут, но Хасан оказал на них обычное влияние властного духа и уверенно заверил их, что именно здесь удача будет к ним благосклонна. Они поверили его словам и остались на месте; в конце концов их упорство истощило терпение эмира, и Аламут получил титул Обители Фортуны. Султан, поначалу с презрением наблюдавший за успехами своего бывшего министра, вскоре начал опасаться его конечных замыслов и в 1092 году отдал приказ эмиру Арсланташу (*Львиный камень*) уничтожить Хасана и его приверженцев. Арсланташ выступил против Аламута. Хасан, хотя с ним было всего 70 человек и он был скудно снабжен провизией, защищался мужественно, пока Абу Али, губернатор Касвина, который тайно был одним из его приближенных, не послал ему на помощь 300 человек. Ночью они внезапно обрушились на войска эмира; маленький гарнизон в то же время совершил вылазку; войска султана обратились в бегство, и Аламут остался во владении исмаилитов. Примерно в то же время Малек-шах направил войска против Хусейна Каини, который активно выступал за Хасана Сабаха в Кухистане. Хусейн бросился в Муминабад, крепость, почти такую же сильную, как Аламут, и войска султана тщетно атаквали его. Именно сейчас Хасан начал демонстрировать систему, которую мы сейчас раскроем. Престарелый везир, великий и добрый Низам аль-Мулк, погиб от кинжалов своих эмиссаров, а сам султан не без подозрения на яд поспешил за своим министром в могилу.

Обстоятельства теперь особенно благоприятствовали планам Хасана Сабаха. После смерти султана Малек-шаха между его сыновьями разгорелась гражданская война за престол. Все военачальники и видные деятели были заняты то на одной, то на другой стороне, и ни у кого не было ни досуга, ни желания следить за успехами исмаилитов. Поэтому они продолжали постепенно расширять свою власть, и крепость за крепостью переходила в их руки. В течение десяти лет они стали хозяевами главных крепостей персидского Ирака: Шахдорр[27] (*Царская жемчужина*) и две другие крепости находились вблизи Исфахана; Халанхан - на границе Фарса и Кухистана; Дамаган, Кирдкоо и Фирузкоо - в районе Комиса; Ламсир и несколько других - в Кухистане. Напрасно самые выдающиеся имамы и доктора права издавали свои *фету* против секты исмаилитов и осуждали их на будущую гибель; напрасно они призывали ортодоксов применить меч справедливости для освобождения земли от этой безбожной и отвратительной расы. Секта, крепкая в своем тайном единстве и целеустремленности, продолжала существовать и процветать; кинжал отомстил за судьбу тех, кто погиб от меча, и, как выражается востоковедный европейский историк общества[28], "голова падали, как обильный урожай, под двойным серпом меча правосудия и кинжала убийства".

Появление исмаилитов с их новой формой организации в Сирии произошло одновременно с появлением крестоносцев в Святой земле. Сильджукские турки завоевали эту страну, и

различные вожди, правившие Дамаском, Алеппо и другими городами и их округами, одни из которых были турецкого, другие сирийского происхождения, находились в состоянии постоянной вражды друг с другом. Нельзя было пренебрегать такими могущественными помощниками, как последователи Хасана Сабаха; Ризван, принц Алеппо, столь известный в истории крестовых походов, был их объявленным фаворитом и защитником, и при нем всегда находился агент исмаилитов. Первым на этом посту был астролог, а после его смерти должность перешла к персидскому ювелиру по имени Абу Тахер Эссай. Враги Рисвана ощутили на себе последствия его союза с исмаилитами. Например, князь Эмессы пал от их кинжалов, когда собирался освободить замок Коордов, который осадил Раймонд, граф Тулузский.

Рисван отдал сильную крепость Сармин, которая находилась в одном дне пути к югу от Алеппо, в руки Абу-ль-Феттаха, племянника Хасана Сабаха и его даи-эль-кебира (*Великого миссионера*) в провинции Сирия. Губернатором этой крепости был Абу Тахер Эссай. Через несколько лет после этого (1107) жители Апаimei обратились за помощью к Абу Тахеру против Халафа, их египетского губернатора. Абу Тахер овладел городом от имени Рисвана, но Танкред, враждовавший с этим принцем, пришел и напал на него, и город был вынужден сдаться. Абу Тахер оговорил для себя свободный выход, но Танкред, нарушив договор, привез его в Антиохию, где он оставался до тех пор, пока за него не заплатили выкуп. Абу-ль-Феттах и другие исмаилиты были отданы на откуп сыновьям Халафа. В то же время Танкред отнял у них еще одну сильную крепость, названную Кефрлана. Это должно быть отмечено как первое столкновение между крестоносцами и ассасинами, как мы теперь будем их называть. Происхождение этого названия мы сейчас объясним.

По возвращении Абу Тахера в Алеппо произошла весьма примечательная попытка убийства. Там жил богатый купец по имени Абу-Хард Исса, [29] заклятый враг исмаилитов, который потратил большие суммы денег на то, чтобы навредить им. Теперь он прибыл из пределов Туркистана с богато нагруженным караваном из 500 верблюдов. Исмаилит по имени Ахмед, уроженец Рея, тайно сопровождал его с момента выхода из Хорасана, намереваясь отомстить за смерть своего отца, павшего под ударами людей Абу-Харда. Прибыв в Алеппо, исмаилиты сразу же связались с Абу-Тахером и Рисваном. Мечь и надежда завладеть богатством враждебного купца заставили их сразу же согласиться на проект убийства. Абу Тахер дал Ахмеду достаточное количество помощников, Рисван обещал помощь своей охраны, и однажды, когда купец в окружении своих рабов пересчитывал верблюдов, убийцы набросились на него. Но верные рабы доблестно защищали своего господина, и исмаилиты искупили свою вину жизнью. Принцы Сирии осыпали Рисвана упреками за это скандальное нарушение прав гостеприимства, а он тщетно пытался оправдаться, делая вид, что не знает об этом факте. Абу Тахер, поскольку растущая ненависть жителей Алеппо к секте сделала этот город небезопасным местом жительства, вернулся в Персию, свою родную страну, оставив своего сына, Абу-ль-Феттаха, управлять делами общества вместо себя.

Приобретение замков и других сильных мест стало теперь открытой и завуалированной целью общества, целью которого, очевидно, была империя Азии, и для осуществления этого замысла не оставалось бездействия. В 1108 году они предприняли смелую попытку стать хозяевами сильного замка Хизар в Сирии, принадлежавшего семье Монкада. Наступил праздник Пасхи, когда мусульманский гарнизон имел обыкновение спускаться в город, чтобы принять участие в празднествах христиан, и во время их отсутствия исмаилиты вошли в замок и заперли ворота. Когда гарнизон вернулся ближе к ночи, они обнаружили, что их не пускают; но исмаилиты, полагаясь на прочность крепости, проявили небрежность, женщины привязали своих мужей веревками к окнам, и злоумышленники были быстро изгнаны.

В 1113 году, когда Мевдуд, принц Мосула, в праздничный день прогуливался по мечети Дамаска в сопровождении знаменитого Тогтегина, на него налетел исмаилитянин и убил. Убийца был разрублен на куски на месте.

Однако этот год был близок к тому, чтобы стать роковым для общества в Сирии. Рисван, их великий покровитель, умер, а евнух Лулу, опекун его маленького сына, стал их заклятым врагом. Немедленно был издан приказ об их безразборном уничтожении, в результате чего более 300 мужчин, женщин и детей были истреблены, а еще 200 брошены в тюрьму. Абу-ль-Феттах был предан смерти пытками; его тело разрубили на куски и сожгли у ворот, выходящих на Ирак, а голову разослали по всей Сирии. Однако они не пали совершенно бесследно; кинжалы общества были направлены против правителей и власть имущих, многие из которых стали их жертвами. Так, в 1115 году, когда аттабег Тогтегин получал аудиенцию при дворе багдадского халифа, на правителя Хорасана напали трое исмаилитов, которые, вероятно, приняли его за аттабега, и он, и они погибли. В 1119 году, когда Бедий, правитель Алеппо, ехал со своими сыновьями ко двору эмира Иль-Гази, на них напали двое убийц; Бедий и один из его сыновей упали от их ударов; другие его сыновья зарубили убийц, но тут выскочил третий и нанес последний удар одному из молодых людей, который уже был ранен. Убийцу схватили и привели к Тогтегину и Иль-Гази, которые лишь приказали посадить его в тюрьму; но он утопился, чтобы избежать их мести, которой ему, видимо, нечего было опасаться.

На самом деле в это время страх перед последователями Хасана Сабаха глубоко запал в сердца всех князей Востока, ведь от их кинжалов не было никакой защиты. Поэтому, когда в следующем году (1120) Абу Мухаммед, глава их в Алеппо, где они вновь утвердились, послал к могущественному Иль-Гази потребовать от него владения замком Шериф, расположенным неподалеку от этого города, тот побоялся отказать; но жители Алеппо, по убеждению одного из своих сограждан (который быстро заплатил за свой совет кровью), массово поднялись, сравняли стены, засыпали рвы и объединили замок с городом. Даже великий Нур-эд-дин (*Светильник религии*) спустя несколько лет был вынужден прибегнуть к такому же приему, чтобы спасти замок Бейтлаха от превращения в один из их опорных пунктов.

Та же система была применена в Персии, где султан Санджар, сын Малек-шаха, объединил под своим скипетром большую часть владений своего отца и Фахр-аль-Мулька (*Слава царства*). Сын и наследник Низам аль-Мулька и Чакар-бег, великий дядя султана, погибли от кинжалов эмиссаров Хасана Сабаха. Султан Санджар находился в походе, намереваясь осадить Аламут и другие крепости исмаилитов, когда однажды утром, проснувшись, он обнаружил кинжал, воткнутый в землю рядом с его подушкой. Султан был встревожен, но скрыл свой ужас, и через несколько дней после этого от Аламута пришла короткая записка со следующими словами: "Если бы мы не были благосклонны к султану, кинжал был бы вонзен в его грудь, а не в землю". Санджар вспомнил, что его брат Мухаммед, осаждавший замки Ламсира и Аламута, внезапно умер как раз в тот момент, когда они были на пороге капитуляции - событие, столь удачное для общества, что естественно было приписать его их заслугам, - и счел самым безопасным действовать осторожно с такими опасными противниками. Поэтому он прислушался к предложениям о мире, который был заключен на следующих условиях: 1. исмаилиты не должны строить новые крепости; 2. они не должны покупать оружие или военные машины; 3. они не должны больше принимать прозелитов. Султан, со своей стороны, освободил исмаилитов от всех пошлин и налогов в округе Кирдках и выделил им часть доходов территории Комис в виде ежегодной пенсии. Чтобы ясно представить себе, какова была власть общества, нужно вспомнить, что султан Санджар был

самым могущественным монархом Востока, что его мандату подчинялись от Кашгара до Антиохии, от Каспия до Баб-эль-Мандебского пролива.

Со времени завоевания Аламута и установления власти Хасана Сабаха прошло уже тридцать четыре года. За все это время его ни разу не видели вне замка Аламут, он лишь дважды покидал свои покои и появлялся на террасе. В тишине и одиночестве он размышлял о том, как расширить власть общества, главой которого он был, и собственноручно разрабатывал правила и заповеди, которыми оно должно было руководствоваться. Он пережил большинство своих старых соратников и первых учеников и теперь был бездетен, так как предал смерти двух своих единственных сыновей: старшего - за то, что он участвовал в убийстве своего верного сторонника Хусейна Каини, а младшего - за то, что он нарушил предписание Корана о запрете пить вино. Чувствуя приближение смерти, он призвал в Аламут Кеаха Бузурга Умейда (*Кеаха Доброй Надежды*), проживавшего в Ламсире, который он завоевал двадцать лет назад, и Абу Али из Касвина, и передал им управление обществом, назначив первого его духовным главой и директором, а в руки второго передав управление гражданскими и внешними делами. Затем он спокойно скончался, видимо, не осознавая или не обращая внимания на то, что организацией своего пагубного общества сделал свое имя объектом презрения, ругательства и пословицей среди народов.

Как бы тускло мы ни представляли себе характер Хасана Сабаха через ту среду предрассудков и ненависти, через которую дошли до нас скудные сведения о нем, мы не можем отказать ему в месте среди умов более высокого порядка. Основатель империи или могущественного общества - почти всегда великий человек; но Хасан, похоже, имел то преимущество перед Лойолой и другими основателями обществ, что он с самого начала ясно видел, что можно сделать, и строил все свои планы с учетом одной конечной цели. У него, конечно, не было обычного ума, который мог бы попросить только двух преданных приверженцев, чтобы поколебать трон дома Сельджука, находившегося тогда на пике своего могущества.

Глава V.

Организация общества - Имена, данные исмаилитам - Происхождение названия "ассасин" - Описание Марко Поло рая Старика Горы - Описание его у арабских писателей - Случаи повиновения федави.

Проследив таким образом историю этого знаменитого общества, показав его происхождение и то, как оно выросло из претензий потомков Али на халифат, смешанных с мистическими догматами, которые, по-видимому, в конечном итоге были заимствованы из Индии, мы перейдем к описанию его организации и тайных доктрин, как они описываются восточными историками.

Хасан Сабах ясно осознавал, что план общества в Каире был неэффективен как средство обретения мирской власти. Дайсы могли прилагать усилия, и прозелиты могли быть получены; но пока не будут получены некоторые крепости и не будет разработан способ наводить ужас на принцев, ничего эффективного достичь было нельзя. Поэтому, как мы уже видели, сначала он стал хозяином Аламута и других сильных мест, а затем добавил к дайсам и рефикам еще один класс, названный федави (*посвященные*), чьей задачей было беспрекословно подчиняться приказу своего вождя и, не спрашивая и не колеблясь, вонзать

свои кинжалы в грудь любой жертвы, на которую им укажут, даже если в жертву будет принесена их собственная жизнь. Обычная одежда федави была (как и у всех сект, противостоящих дому Аббаса) белой; их шапки, кушаки или сапоги были красными. Поэтому их называли Белыми (*Мубейаза*), и Красными (*Мухаммере*^[30]); но они могли с легкостью принять любое обличье, даже христианского монаха, чтобы осуществить свои убийственные замыслы.

Общество имело следующие градации. Во главе его стоял сам Хасан и его преемники, носившие титулы Сейдна, или Сидна^[31] (*Наш господин*), и Шейх-аль-Джебал (*Горный вождь*), название которого происходило от названия территории, являвшейся главным местом силы общества. Последнее, из-за двусмысленности слова *шейх* (которое, как *seigneur* и *signore*, означает либо *старейшину*, либо *вождя*), было нелепо переведено ранними европейскими историками как *Старик Горы*. Под его началом находились Даи-л-Кебир (*Великие миссионеры*), которых было трое, для трех провинций Джебал, Кухистан и Сирия^[32]. Затем шли даисы, потом рефики, затем федави и, наконец, лазики, или стремящиеся.

Хасан прекрасно понимал, что без сжимающей силы позитивной религии ни одно общество не сможет удержаться вместе. Поэтому, какими бы ни были его личные мнения, он решил навязать основной массе своих последователей самое строгое повиновение позитивным предписаниям ислама и, как мы уже видели, фактически предал смерти собственного сына за нарушение одного из них.

Говорят, что Хасан отверг две степени исмаилитского общества в Каире и сократил их до семи - первоначального числа, предусмотренного планом Абдаллаха Маймуна, первого создателя этого тайного общества. Помимо этих семи степеней, по которым адепты постепенно поднимались к знаниям, Хасан, в том, что Хаммер называет брeвиарием ордена, составил семь предписаний или правил для поведения учителей в своем обществе. 1. Первое из них, названное Ашинаи-Риск (*Знание долга*), прививало необходимые знания о человеческой природе для отбора подходящих людей для поступления. К нему относились пословичные выражения, бытовавшие среди даисов и схожие с теми, что использовали древние пифагорейцы, например, "*Сеять не на бесплодной земле*" (то есть не тратить свой труд на неспособных людей). *Не говори в доме, где есть светильник* (то есть молчи в присутствии адвоката). 2. Второе правило называлось Теёнис (*завоевание доверия*) и учило завоевывать кандидатов, льстя их страстям и наклонностям. 3. Третье, название которого не приводится, учило вовлекать их в сомнения и затруднения, указывая на нелепости Корана и позитивной религии. 4. Когда стремящийся заходил так далеко, на него налагалась торжественная клятва молчать и повиноваться, а также сообщать о своих сомнениях только учителю; затем (5.) ему сообщали, что доктрины и мнения общества принадлежат величайшим людям церкви и государства. 6. Тессеи (*подтверждение*), направленные на то, чтобы снова подвергнуть ученика всему, чему он научился, и утвердить его в этом. И, наконец, (7) Тевиль (*Наставление в аллегории*) давал аллегорический способ толкования Корана и извлекал из его страниц любой смысл, который мог соответствовать их целям. Любой, кто прошел этот курс обучения и таким образом полностью проникся духом общества, считался опытным даи и привлекался к важной работе по созданию прозелитов и распространению его влияния.

Мы снова должны выразить мнение, что подробные отчеты, которые дают нам некоторые писатели, касающиеся правил и доктрин тайных ассоциаций, должны приниматься со значительной степенью колебаний, в силу характера и средств информации тех, от кого мы их получаем. В данном случае наши полномочия весьма подозрительны. Нам рассказывают,

что когда Аламут был захвачен монгольским принцем Хулеку-ханом, он дал своему визирю, ученому Ата-Мелеку (*отцу короля*) Джовани, разрешение осмотреть библиотеку и выбрать книги, достойные сохранения. Визирь отобрал Кораны и некоторые другие книги, представлявшие ценность в его глазах; остальные, среди которых, как говорят, были архивы и тайные правила и доктрины общества, он, бегло просмотрев, предал огню. В собственном историческом труде он изложил результаты своих открытий в этих книгах, и именно от него Мирхонд и другие авторы черпали те сведения, которые дошли до нас. Таким образом, совершенно ясно, что визирь Хулаку был волен придумывать какие угодно зверства в отношении секты, уничтоженной его господином, и что, следовательно, к его свидетельству следует относиться с подозрением. С другой стороны, оно получает некоторое подтверждение в согласии с рассказом Макриса об обществе в Каире и не противоречит духу суфизма.

Эта последняя доктрина, представляющая собой своего рода мистический пантеизм, рассматривающий Бога во всем и все в Боге, может порождать, подобно фатализму, благочестие или его противоположность. В глазах того, кто так смотрит на Бога, все различия между пороком и добродетелью становятся мимолетными и неопределенными, а преступление может постепенно утратить свою жестокость и рассматриваться лишь как средство для достижения благой цели. То, что исмаилит Федави убивал невинных людей, не испытывая угрызений совести, когда ему приказывало начальство, - несомненный факт, и нет ничего абсурдного в предположении, что он и они могли думать, что поступают правильно и способствуют делу истины. Такое освящение преступлений не ограничивается Востоком; максима о том, что цель оправдывает средства, имеет слишком удобный характер, чтобы не возобладать во всех частях света; убийцы Генриха III и Генриха IV Франции проявили всю искренность и постоянство исмаилитов-федави. Поэтому, не считая глав исмаилитов с Хаммером просто безжалостными и нечестивыми убийцами, попирающими ногами религию и мораль со всеми их обязательствами, мы можем согласиться с мнением, что их главная доктрина - суфизм, доведенный до наихудших последствий.

Последователей Хасана Сабаха называли восточными исмаилитами, чтобы отличить их от африканских. Их также называли Батинийех (*Внутренние или Тайные*), из-за тайного смысла, который они извлекали из текста Корана, и Мулхад, или Мулахид (*Нечестивые*), из-за вменяемой нечестивости их доктрин, - названия, общие для них с большинством предшествующих сект. Именно под этим последним названием они были известны венецианскому путешественнику Марко Поло. Однако название, под которым они наиболее известны в Европе и которое мы впредь будем использовать в основном, - ассасины. Это название обычно происходит от имени основателя их общества; но М. де Саси считает вероятным, что восточный термин "хашишин", из которого крестоносцы сделали ассасинов, происходит от гашиша, вида конопли, из которой изготавливали опиаты, вызывающие опьянение, которые федави имели привычку принимать перед тем, как пуститься в дерзкие предприятия, или использовать в качестве средства для получения восхитительных видений рая, обещанного им шейхом-аль-Джебалом.

Любопытно, как Хасан Сабах сумел привить федаве безрассудство жизни, соединенное с духом беспрекословного повиновения приказам начальства, который они так неизменно демонстрировали. Нам рассказывают^[33], что для этой цели была принята система, заключавшаяся в получении, путем покупки или иным способом, от родителей крепких и здоровых детей. Их воспитывали в беспрекословном повиновении воле шейха и, чтобы подготовить к будущей службе, тщательно обучали различным языкам. Для их обитания были выбраны самые приятные места, они предавались наслаждению своих чувств, и в разгар их

удовольствий некоторые лица были направлены на то, чтобы разжечь их воображение пылкими описаниями далеко превосходящих удовольствий, заложенных в небесном рае для тех, кто должен быть допущен к отдыху в его недрах; счастье должно быть достигнуто только славной смертью, встреченной в повиновении приказам шейха. Когда такие идеи запечатлевались в их умах, славные видения постоянно проплывали перед их глазами, впечатление поддерживалось с помощью вышеупомянутого опиата, и молодой энтузиаст с нетерпением ждал часа, когда смерть, полученная в повиновении приказу шейха, откроет перед ним врата рая, чтобы впустить его в наслаждение блаженством, которому не будет конца.

Знаменитый венецианец Марко Поло, путешествовавший по самым отдаленным уголкам Востока в XIII веке, по возвращении в Европу дал рассказ о посещенных им регионах, который наполнил умы людей удивлением и изумлением. Как обычно бывает в таких случаях, за этим последовало или сопровождалось неверие, и только благодаря изысканиям и открытиям современных путешественников достоверность Марко Поло, как и Геродота, была установлена и поставлена под сомнение.

Среди других удивительных повествований, которые мы встречаем в путешествиях Марко Поло, есть рассказ о народе, который он называет мулехетитами (то есть мулахидами), и их князе Старике Горы. Он правильно описывает природу этого общества и дает следующее романтическое повествование о способе, который использовал этот принц, чтобы внедрить принцип беспрекословного повиновения в умы своих последователей .[34]

"В прекрасной долине, - говорит он, - заключенной между двумя высокими горами, он разбил роскошный сад, усыпанный всеми вкусными плодами и всеми ароматными кустарниками, которые только можно было достать. В разных частях территории были возведены дворцы различных размеров и форм, украшенные золотыми изделиями, картинами и мебелью из богатых шелков. По небольшим каналам, проложенным в этих зданиях, во все стороны текли потоки вина, молока, меда и немного чистой воды. Обитательницы этих дворцов были изящными и красивыми девицами, искушенными в искусстве пения, игры на всевозможных музыкальных инструментах, танцев, и особенно в искусстве обольщения и любовных утех. Одетые в богатые платья, они постоянно играли и развлекались в саду и павильонах, а их опекунши были заперты в дверях и никогда не показывались. Цель, которую преследовал вождь, создавая этот очаровательный сад, была такова: Магомет обещал тем, кто подчинится его воле, райские наслаждения, где в обществе прекрасных нимф можно получить все виды чувственных удовольствий, и он хотел, чтобы его последователи поняли, что он тоже пророк и сподвижник Магомета и имеет право допускать в рай тех, кому он захочет отдать предпочтение. Чтобы никто без его разрешения не мог попасть в эту восхитительную долину, он воздвиг на ее месте крепкий и несокрушимый замок, через который можно было попасть тайным ходом. При своем дворе этот вождь также принимал несколько юношей в возрасте от двенадцати до двадцати лет, отобранных из жителей окрестных гор, которые проявляли склонность к боевым упражнениям и, как казалось, обладали качеством смелой отваги. С ними он ежедневно вел беседы о рае, возвешенном Пророком, и о своем собственном, давал допуск, в определенное время давал десятку или дюжине юношей усыпляющие напитки и, когда они были полумертвы от сна, относил их в несколько апартаментов дворцов в саду. По пробуждении от этого состояния летаргии их чувствам представляли все те восхитительные объекты, которые были описаны, и каждый представлял себя в окружении прекрасных дам, поющих, играющих, привлекающих его внимание самыми очаровательными ласками, угощающих его также вкусными яствами и изысканными винами, пока, опьяненный от избытка наслаждения, среди настоящих рек

молока и вина, он не считал себя несомненно в раю и не желал отказываться от его прелестей. Когда прошло четыре или пять дней, их снова погрузили в сон и вынесли из сада. Когда их представили его присутствию и спросили, где они были, они ответили: "В раю, благодаря благосклонности вашего высочества"; затем перед всем двором, который слушал их с нетерпеливым любопытством и изумлением, они дали косвенный отчет о сценах, свидетелями которых они были. После этого вождь, обращаясь к ним, сказал: "Мы имеем заверение нашего пророка, что тот, кто защищает своего господина, унаследует рай, и если вы покажете себя преданными повиновению моим приказам, то вас ожидает этот счастливый жребий ". Воодушевленные такими словами, все сочли себя счастливыми принять приказ своего господина и были готовы умереть на его службе".

Это романтическое повествование, больше подходящее для места среди чудес "Тысячи и одной ночи", чем для включения в трезвую историю, было в целом отвергнуто такими рассудительными исследователями, как де Сейси и Уилкин, компетентными историками крестовых походов; но оно нашло поддержку у Хаммера, чьей работе мы обязаны за большую часть нынешних подробностей по теме ассасинов. Этот трудолюбивый ученый, как ему кажется, нашел доказательство ее истинности в том, что подобные рассказы встречаются в трудах некоторых арабских писателей, повествующих о поселениях этого общества в Сирии, забыв, что сказочная легенда часто распространяется шире, чем трезвая правда. Таким образом, из этой подборки авторитетов можно с уверенностью заключить, что та же самая чудесная история, которую венецианский путешественник услышал на севере Персии, бытовала также в Сирии и Египте. Ее истинность должна быть установлена с помощью доказательств другого рода.

В "Сирет-аль-Хакем" ("*Мемуары Хакама*"), разновидности арабского исторического романа, Хаммер[35] обнаружил следующий рассказ о садах в Массиате, главной резиденции ассасинов в Сирии :- "Теперь наше повествование возвращается к садам в Массиате, главной резиденции ассасинов в Сирии.

"Теперь наше повествование возвращается к Исмаилу, вождю исмаилитов. Он взял с собой своих людей, нагруженных золотом, серебром, жемчугом и другими вещами, отобранными у жителей побережья, которые он получил на острове Кипр и от царя Египта Дахера, сына Хакама-биемра-Иллаха. Попрощавшись с султаном Египта в Триполисе, они отправились в Массиат, где собрались жители замков и крепостей, чтобы повеселиться вместе с вождем Исмаилом и его людьми. Они надели богатые платья, которыми их снабдил султан, и украсили замок Массиат всем, что было хорошего и прекрасного. Исмаил вошел в Массиат с преданными (*федави*), как никто до него и после него не делал в Массиате. Он остановился там на некоторое время, чтобы взять к себе на службу еще несколько человек, которых он мог бы сделать преданными сердцем и телом.

"С этой целью он разбил огромный сад, в который провел воду. В центре этого сада он построил киоск высотой в четыре этажа. На каждой из четырех сторон были богато украшенные окна, соединенные четырьмя арками, в которых красовались звезды из золота и серебра. Он поставил в него розы, фарфор, бокалы и сосуды для питья из золота и серебра. С ним были мамлюки (*то есть* рабы), десять мужчин и десять женщин, которые были привезены с ним из района Нила и едва достигли половой зрелости. Он одел их в шелка и тончайшие ткани, дал им браслеты из золота и серебра. Колонны были обложены мускусом и янтарем, а в четырех арках окон он поставил четыре шкапулки, в которых был чистейший мускус. Колонны были отполированы, и это место стало пристанищем рабов. Сад он

разделил на четыре части. В первой из них росли груши, яблони, виноградники, вишни, шелковица, сливы и другие виды фруктовых деревьев. Во второй - апельсины, лимоны, оливки, гранаты и другие фрукты. В третьем - огурцы, дыни, бобовые растения и т. д. В четвертом - розы, жессамин, тамаринды, нарциссы, фиалки, лилии, анемоны и т.д. и т.п.

"Сад был разделен водными каналами, а киоск был окружен прудами и водоемами. Здесь были рощи, в которых водились антилопы, страусы, ослы и дикие коровы. Из прудов выходили утки, гуси, куropатки, перепела, зайцы, лисы и другие животные. Вокруг киоска вождь Исмаил посадил аллеи из высоких деревьев, заканчивающиеся в разных частях сада. Он построил там большой дом, разделенный на две квартиры - верхнюю и нижнюю. Из последнего крытые дорожки вели в сад, который был весь обнесен стенами, так что никто не мог в него заглянуть, ибо все эти дорожки и здания были без обитателей. Он сделал прохладную галерею, которая вела из этой квартиры в подвал, находившийся позади. Эта квартира служила местом сбора мужчин. Устроившись там на диване напротив двери, вождь заставлял своих людей садиться и давал им есть и пить в течение всего дня до вечера. С наступлением ночи он оглядел всех и, выбрав тех, чья стойкость ему понравилась, сказал им: "Хо! такой-то, подойди и сядь рядом со мной". Таким образом, Исмаил заставил тех, кого он выбрал, сесть рядом с ним на диван и выпить. Затем он говорил им о великих и прекрасных качествах имама Али, о его храбрости, благородстве и щедрости, пока они не засыпали, пораженные силой бендже[36], которую он им дал и которая не переставала оказывать свое действие менее чем через четверть часа, так что они падали как неживые. Как только мужчина падал, вождь Исмаил вставал и, взяв его на руки, вносил в общежитие, а затем, закрыв дверь, нес его на плечах в галерею прохлады, которая находилась в саду, а оттуда в киоск, где передавал его на попечение мужчин и женщин-рабынь, велел им исполнять все желания кандидата, на которого они бросали уксус, пока тот не проснется. Когда он пришел в себя, юноши и девы сказали ему: "Мы ждем только твоей смерти, ибо это место предназначено для тебя". Это один из шатров рая, а мы - гурии и дети рая. Если бы ты умер, то навсегда остался бы с нами, но ты только спишь и скоро проснешься". Тем временем вождь Исмаил вернулся к компании, как только стал свидетелем пробуждения кандидата, который теперь не видел ничего, кроме юношей и девушек величайшей красоты и великолепно украшенных.

"Он оглядел все вокруг, вдохнул аромат мускуса и ладана и приблизился к саду, где увидел зверей и птиц, текущую воду и деревья. Он любовался красотой киоска и вазами из золота и серебра, а юноши и девы поддерживали с ним беседу. Так он и остался в замешательстве, не зная, бодрствует ли он или только видит сон. Когда прошло два часа ночи, главный Исмаил вернулся в опочивальню, закрыл дверь и вышел в сад, где его рабы обступили его и встали перед ним. Когда кандидат увидел его, он сказал ему: "О вождь Исмаил, сплю я или бодрствую? Тогда вождь Исмаил ответил ему: "О такой-то, остерегайся рассказывать об этом видении тому, кто чужой в этом месте! Знай, что Господь Али показал тебе место, которое предназначено тебе в раю. Знай, что в этот момент мы с Господом Али сидим вместе в эмпиреях. Так не медли же ни минуты в служении имаму, который дал тебе познать свое счастье". Затем вождь Исмаил приказал подать ужин. Он был принесен в золотых и серебряных сосудах и состоял из вареного мяса и жареного мяса, а также других блюд. Пока кандидат ел, его окропляли розовой водой; когда он попросил пить, ему принесли золотые и серебряные сосуды, наполненные вкусными напитками, в которые также подмешали немного бенджаха. Когда он уснул, Исмаил отнес его через галерею в дортуар и, оставив там, вернулся к своей компании. Через некоторое время он вернулся, плеснул ему на лицо уксуса, а затем, выведя его на улицу, приказал одному из мамлюков встряхнуть его. Очнувшись и обнаружив себя на том же месте среди гостей, он сказал: "Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед -

пророк Божий! Тогда вождь Исмаил приблизился и приласкал его, и он остался как бы погруженным в опьянение, всецело отдавшись служению вождю, который сказал ему: "О такой-то, знай, что то, что ты видел, не сон, а одно из чудес имама Али. Знай, что он записал твое имя среди своих друзей. Если ты сохранишь эту тайну, то будешь уверен в своем благополучии, но если ты расскажешь о ней, то навлечешь на себя гнев имама. Если ты умрешь, то станешь мучеником, но остерегайся говорить об этом кому бы то ни было. Ты вошел через одни из ворот в дружбу имама и стал одним из членов его семьи; но если ты выдашь тайну, то станешь одним из его врагов и будешь изгнан из его дома". Так этот человек стал одним из слуг вождя Исмаила, который таким образом окружил себя надежными людьми, пока не утвердился его репутация. Вот что рассказывается о вожде Исмаиле и его преданных".

К этим романтическим рассказам о рае Старого Человека с Горы следует добавить третий, еще более плутовского характера, который приводит ученый и почтенный шейх Абд-ур-Рахман (*Слуга Сострадательного*, то есть *Бога*) Бен Эбубекр аль-Джерири из Дамаска в двадцать четвертой главе своего труда под названием "Избранная книга для раскрытия секретов искусства самозванства^[37] ."

Рассказав немного о Синане, вожде сирийских ассасинов, о котором мы еще будем иметь случай упомянуть, шейх переходит к описанию хитрости, которую он использовал, чтобы обмануть своих последователей: - "Возле дивана, на котором сидел Синан, стояли люди.

"Рядом с диваном, на котором он сидел, была яма в земле, достаточно глубокая, чтобы в нее мог сесть человек. Он закрыл ее тонким куском дерева, оставив открытой только ту часть, которая могла бы вместить шею человека. На это дерево он положил бронзовый диск с отверстием посередине и поставил в нем две двери. Затем, взяв одного из своих учеников, которому он дал значительную сумму денег, чтобы получить его согласие, он надел диск с отверстием на его шею и прижал его грузами, так что ничего не было видно, кроме шеи человека; и он намазал его теплой кровью, так что казалось, будто он только что отрубил ему голову. Затем он позвал своих товарищей и показал им пластину, на которой они увидели голову своего товарища. "Расскажи товарищам, - сказал хозяин голове, - что ты видел и что тебе сказали". Тот ответил так, как ему было велено. "Что бы ты предпочел, - сказал хозяин, - вернуться в мир и к своим друзьям или жить в раю?" "Какая мне нужда, - ответил глава, - возвращаться в мир после того, как я увидел свой шатер в раю, и хории, и все, что Бог приготовил для меня? Товарищи, приветствуйте мою семью и берегитесь не ослушаться этого пророка, который является повелителем пророков в государстве времени, как сказал мне Бог. Прощайте! Эти слова укрепили веру остальных, но когда они ушли, хозяин вытащил человека из ямы и со всей серьезностью отрубил ему голову. Именно таким образом он заставил свой народ повиноваться ему".

Приведенные выше рассказы, что бы ни думали об их правдивости, свидетельствуют о всеобщем убеждении на Востоке, что горный вождь использовал какие-то необычные средства, чтобы получить власть, которой он, как известно, обладал над умами своих феодалов. И в самом деле, нет ничего невероятного в предположении, что он иногда прибегал к подобным уловкам; ведь если вспомнить, что воображение азиатов грубовато, особенно у низших слоев населения, и что на Востоке мужчины редко видят женщин, кроме членов своей семьи, то вождю не составит большого труда убедить юношу, которого он в состоянии ступора перенес в квартиру, наполненную девушками, что он находится в настоящем раю, обещанном верующим.

Но, отбросив предположения, мы можем заметить, что та самая власть над умами своих последователей, которую приписывают Хасану Сабаху и его преемникам, в наши дни была фактически осуществлена вождем вахабитов. Сэр Джон Малкольм[38] сообщает нам, основываясь на персидской рукописи, что несколько лет назад один из представителей этой секты, зарезавший арабского вождя близ Буссоры, когда его схватили, не только отказался сделать что-либо для спасения своей жизни, но, напротив, казалось, с тревогой ожидал смерти. Было замечено, что он крепко сжимал в руке что-то, что, казалось, ценил превыше самой жизни. Когда ее у него отобрали и рассмотрели, оказалось, что это был заказ от вождя вахаби на изумрудный дворец и множество прекрасных рабынь в блаженном раю Пророка. Эта история, однако, надо признать, мало соответствует принципам секты вахабитов, и мы можем подозревать, что она возникла в результате какого-то заблуждения.

О беспрекословном повиновении федави приказам Хасана Сабаха свидетельствует следующий пример, приведенный уважаемым востоковедом[39]. Посол от султана Малек-шаха прибыл в Аламут, чтобы потребовать покорности и послушания шейха, Хасан принял его в зале, где собралось несколько его сторонников. Сделав знак одному из юношей, он сказал: "Убей себя!". Мгновенно кинжал юноши вонзился в его собственное лоно, и он лежал трупом на земле. Другому он сказал: "Сбрось себя со стены". Через мгновение его раздробленные конечности лежали во рву замка. Затем, обращаясь к перепуганному посланнику, он сказал: "У меня семьдесят тысяч последователей, которые повинуются мне подобным образом. Вот мой ответ твоему господину".

Почти такую же историю об ассасинах Сирии рассказывает западный писатель[40]. Когда Генрих граф Шампанский в 1194 году путешествовал из Палестины в Армению[41], его путь пролегал через территорию исмаилитов. Вождь послал несколько человек, чтобы приветствовать его и попросить, чтобы по возвращении он остановился и принял гостеприимство его замка. Граф принял приглашение. Когда он возвращался, Дай-аль-Кебир вышел ему навстречу, оказал все знаки почета и повел осматривать свои замки и крепости. Обойдя несколько из них, они подошли к одной, башни которой возвышались на огромную высоту. На каждой башне стояли по два часовых в белых одеждах. "Эти, - сказал вождь, указывая на них, - повинуются мне гораздо лучше, чем подданные вас, христиан, повинуются своим господам"; по сигналу двое из них бросились вниз и были разбиты вдребезги. "Если хотите, - сказал он изумленному графу, - все мои белые поступят так же". Благосклонный граф уклонился от этого предложения и честно признался, что ни один христианский князь не может рассчитывать на такое послушание со стороны своих подданных. Когда он уезжал со множеством ценных подарков, вождь многозначительно сказал ему: "С помощью этих надежных слуг я избавлюсь от врагов нашего общества".

В восточной, да и в западной истории один и тот же анекдот часто рассказывается о разных людях, и это обстоятельство может заставить нас усомниться в его правдивости в целом или, по крайней мере, в его правдивости в каждом конкретном случае. Например, данный анекдот, с небольшими изменениями в деталях, рассказывается об Абу Тахере, знаменитом вожде карматитов. Этот вождь после похода в Мекку, в ходе которого он перебил 30 000 жителей, наполнил освященный колодец Земзем телами мертвецов и с триумфом унес священный черный камень, имел смелость приблизиться к Багдаду, резиденции халифа, всего с 500 всадниками. Понтифик ислама, разгневанный таким оскорблением, приказал своему военачальнику Абу Саджу взять 30 000 человек и взять его в плен. Последний, собрав свои силы, отправил к Абу Тахеру человека, чтобы тот, со своей стороны, сказал ему, что из уважения к нему, старому другу, он советует ему, поскольку у него так мало войск, либо сразу же сдаться халифу, либо подумать о побеге. Абу Тахер спросил у посланника, сколько

человек с ним у Абу Саджа. Посланник ответил: "Тридцать тысяч". "Ему еще нужны трое таких, как я", - сказал Абу Тахер и, подзвав к себе трех своих людей, приказал одному из них зарезать себя, другому броситься в Тигр, третьему - сорваться с обрыва. Его приказы были немедленно исполнены. Затем, обратившись к посланнику, он сказал: "Тот, у кого есть такие войска, не боится числа своих врагов. Я даю тебе четверть; но знай, что скоро я позволю тебе увидеть твоего военачальника Абу Саджа, закованного в цепи среди моих собак". И действительно, в ту же ночь он напал на войска халифа и разгромил их, а Абу Садж, случайно попавший в его руки, вскоре оказался закованным в цепи среди мастифов кармафитского вождя .[42]

Предыдущие подробности о рае шейха аль-Джебала и его власти над умами своих последователей, по крайней мере, помогут проиллюстрировать нравы и образ мышления восточных людей. Теперь мы возобновляем нить нашего повествования и переходим к рассказу о деяниях ассасинов, как мы будем их впредь называть.

Глава VI.

Кеах Бузург Оомейд - Дела общества в Персии - Они приобретают замок Баниас в Сирии - Попытка предать Дамаск крестоносцам - Убийства, совершенные во время правления Кеаха Бузурга.

Кеах Бузург Оомейд верно следовал по стопам своего предшественника. Он построил сильную крепость Маймундез и заставил врагов общества почувствовать, что оно все еще одушевлено духом Хасана Сабаха. Султан Санджар, который из-за благоприятных условий, на которых он заключил мир с ассасинами, рассматривался строгими ортодоксами как тайный последователь их учения, вновь объявил себя их открытым врагом и послал армию разорять Кирдкох. Эти войска были разбиты теми, которые Кеах послал против них, но в следующем году Санджар предал мечу большое количество членов секты. Кинжал, как обычно, нанес ответный удар. Махмуд, преемник Санджара, сначала тщетно пытавшийся применить оружие, отправил своего великого сокольничего Беренкеша к Аламуту с просьбой прислать к нему посланника для заключения мира. Ходжа (*мастер*) Мухаммед Нассихи сопровождал Беренкеша ко двору, поцеловал руку султана, который сказал ему несколько слов о мире; но когда ходжа выходил из дворца, на него и его сторонников обрушился народ и устроил резню.

Когда султан отправил посла к Аламуту, чтобы оправдать себя за участие в этом нарушении законов народов, Кеах ответил: "Возвращайся к султану и скажи ему от моего имени, что Мухаммед Насихи поверил твоим вероломным заверениям и вернулся к твоему двору; если ты говоришь правду, отдай убийц в руки правосудия; если нет, жди моей мести". Когда султан отказался выдать убийц, к воротам Касвина явился отряд ассасинов, убил 400 человек и увел 3000 овец, 200 лошадей и 200 волов. В следующем году султан взял крепость Аламут и удерживал ее в течение короткого времени; но отряд из 2000 человек, который он послал против Ламсира, бежал, не обнажив меча, когда услышал, что против них идут рефики (*сподвижники*) общества. Вскоре после этого султан умер, и ассасины снова вторглись в район Касвина, где захватили добычу и пленных.

Горный вождь не хотел терпеть соперников рядом со своим тронem. Услышав, что некий Абу Хашем, потомок Али, присвоил себе сан имама в провинции Гилан, расположенной к северу

от Кухистана, и издал письма с призывом к народу признать его, Кеах написал ему, чтобы он отказался от своих притязаний. В ответ самопровозглашенный имам стал поносить одиозные догматы исмаилитов. Шейх немедленно направил против него отряд своих солдат, взял его в плен и, предав военному суду, предал огню.

Хотя, как мы видели, поселения ассасинов находились в гористой местности Ирака, на северо-западе Персии, их сила была такова, что никакое расстояние не могло защитить от нее. Федави мог быстро преодолеть промежуточные регионы, чтобы всадить свой кинжал в грудь любого принца или министра, который навлек на себя месть шейха-аль-Джебала. Поэтому шах (король) Хауризма, между которым и Ираком лежит обширная провинция Хорасан, пришел к султану Масуду, преемнику Махмуда, чтобы согласовать с ним план уничтожения этих грозных врагов принцев. Раньше шах Хауризма был расположен к исмаилитам, но теперь его глаза открылись, и он стал их самым заядлым врагом. Султан Масуд, неизвестно по какой причине, отдал ему земли, которыми владел Беренкеш, великий сокольничий султана. Беренкеш, смертельно обиженный таким недостойным обращением, удалился со своей семьей на территорию исмаилитов и попросил защиты у Кеаха, чьим открытым врагом он был до сих пор. Политика или соображения доброй воли и гуманности заставили принца-ассасина предоставить требуемую защиту; когда шах хауризма написал письмо, напомнив Кеаху о его прежней дружбе и ожесточенной вражде Беренкеша, и попросил его на этом основании выдать беглеца, шейх ответил: "Шах хауризма говорит правду, но мы никогда не выдадим наших поданных". Длительная и кровавая вражда между шейхом и шахом стала следствием этого отказа нарушить права гостеприимства.

Сирийская ветвь общества в это время начинает привлекать к себе больше внимания, чем персидская, главным образом из-за ее связи с крестоносцами, которым удалось создать империю, простирающуюся от границ Египта до границ Армении. Персидский исмаилит по имени Бехрам из Астрабада, который, как говорят, начал свою карьеру с убийства собственного отца, завоевал доверие визиря принца Дамаска, который подарил ему замок Баниас, или Паниас (древняя Баланея), для использования обществом. Это место, ставшее ядром власти ассасинов в Сирии, расположено на плодородной, хорошо орошаемой равнине, примерно в 4 000 шагах от моря. Долина, из которой вытекают многочисленные потоки, дающие плодородие, называется Вади-аль-Джинн (*Долина демонов*), "место, - замечает Хаммер, от которого не ускользнуло ни одно случайное совпадение, - по самому своему названию достойное стать поселением ассасинов". Из Баниаса они распространили свою власть на соседние замки и крепости, пока через двенадцать лет после этого место их господства не было перенесено в Массиат.

Вскоре после этого Бехрам пал в бою с жителями долины Таим, брат вождя которых погиб от кинжалов ассасинов. Его преемником стал перс Исмаил, который продолжал поддерживать дружеские отношения с визирем Дамаска, куда он отправил в качестве резидента человека по имени Абу-ль-Вефа (*Отец верности*), как кажется, довольно неуместно. Этот человек настолько завоевал расположение визиря и принца, что был назначен на должность хакема, или верховного судьи; получив таким образом власть и влияние, он сразу же обратил свои мысли к наилучшему способу использования их для блага общества - цели, всегда близкой сердцу истинного исмаилита. Он решил, что сильное место на морском побережье будет иметь для них первостепенное значение; поэтому он остановил свой взгляд на Тире и выбрал следующий способ овладеть им.

Франки уже более тридцати лет как утвердились на Востоке. Их дерзкая и пылкая доблесть вызывала одновременно страх и восхищение у их врагов-мусульман, а их галантные воины совершали подвиги, почти превосходящие сказы рыцарских романов. Именно на этих

помощников и обратил свое внимание Абу-ль-Вефа, поскольку, как мы видим, фанатичный дух еще не объединил всех мусульман в вражде против последователей Креста, а князя Алеппо, Дамаска и других районов Сирии не раз заключали союзы с христианскими королевствами Иерусалима и Антиохии. Поэтому Абу-ль-Вефа отправился и заключил с Балдуином II, королем Иерусалима, тайный договор, в котором обязался, если христианские воины тайно выступят в поход и явятся в Дамаск в пятницу, когда эмир и его офицеры будут в мечети, передать им во владение ворота города. Взамен царь должен был отдать Тир в руки исмаилитов.

Христианская армия была собрана; все бароны королевства явились с оружием в руках; король лично возглавил войско; новообразованный военный орден тамплиеров впервые выставил на поле боя свое полосатое знамя *Босеан*, впоследствии так хорошо известное во многих кровавых схватках. Принц Бернард Антиохийский, граф Понтий Триполисский, храбрый Иоселин Эдесский во главе своих рыцарей и пехотинцев участвовали во взятии богатого города Дамаска. Горы, окружавшие Тивериадское озеро, остались позади, и войска с радостью вышли на равнину, омываемую потоками Абана и Фарпара. Но здесь их ждало поражение. Тадж-аль-Молук (*Диадема царей*) Бузи, эмир Дамаска, вовремя раскрыл заговор своего хакима. Он предал его и визиря смерти и приказал устроить всеобщую резню исмаилитов в городе^[43]. Христианская армия находилась в местечке Мардж-Сафар, и пешие воины начали грабить деревни в поисках пропитания, когда из города на них набросилась небольшая группа доблестных дамасских воинов. Беззащитные христиане пали под их ударами, не в силах сопротивляться. Остальная часть армии двинулась на помощь или месть за своих братьев, как вдруг ^[44] небо затянуло тучами, густая тьма окутала все предметы, загремел гром, сверкнула молния, хлынул ливень, и, быстро переходя, свойственный восточному климату, дождь и вода превратились в снег и лед, усугубив ужасы дня. Суеверные и уязвленные совестью крестоносцы усмотрели в этом ужасном явлении непосредственный промысел небес, посчитав его наказанием за свои грехи; вспомнив, что на этом же месте за четыре года до этого король Болдуин с горсткой людей одержал победу над армией дамасскинец, они погрузились в печаль и унижение. Единственным преимуществом, которое они извлекли из этой экспедиции, было приобретение замка Баниас, который исмаилитский правитель отдал им в руки, чтобы под их защитой избежать участи своих братьев.

Баниас был отдан христианам в том же году, в котором Аламут был взят сельджукским султаном, и таким образом власть ассасинов, казалось, почти исчезла. Но в ней сохранился консервативный принцип, и, подобно гидре, она разрасталась за счет своих ран. Аламут был быстро восстановлен, и через три года после этого Баниас снова стал резиденцией Дай-аль-Кебира. В то же время кинжал с нежданной яростью обрушивался на всех, кого опасалось общество, и летописи царствования Кеаха Бузурга Оомейда содержат список знаменитых жертв.

Первым из них был знаменитый Аксункур, принц Моссула, воин, которого одинаково боялись и христиане, и ассасины. Когда этот принц, возвращаясь из Маарра-Месрина, где мусульманские и христианские войска разошлись, не решившись вступить в бой, вошел в мечеть в Моссуле, чтобы совершить свои обряды, на него в тот момент, когда он собирался занять свое обычное место, напали восемь убийц, переодетых дервишами. Трое из них пали под ударами доблестного эмира, но прежде чем его люди смогли прийти ему на помощь, он получил смертельную рану и скончался. Остальные убийцы стали жертвами народной мести; спасся только один юноша. Арабский историк Кемаль-эд-Дин рассказывает по этому поводу любопытную черту фанатизма и спартанского духа, которыми были одушевлены члены секты

исмаилитов. Когда мать упомянутого юноши узнала, что грозный Аксункур убит, она раскрасила свое лицо и надела самые красивые одежды и украшения, радуясь, что ее сын оказался достойным умереть славной смертью мученика за дело имама. Но когда она увидела, что он вернулся живым и невредимым, она отрезала свои волосы и почернела лицом, не желая утешаться.

В следующем году (1127) пал Моин-эд-Дин, везир султана Санджара. В этом случае ассасин поступил на службу к визирю в качестве конюха. Однажды, когда Моин-эд-Дин отправился в конюшню, чтобы посмотреть на своих лошадей, перед ним появился ассасин, раздетый и держащий одну из лошадей за уздечку. Когда визирь, не подозревая об опасности, приблизился к нему, лжеконюх заставил лошадь попятиться и, под предлогом успокоения и умиротворения беспокойного животного, достал маленький кинжал, который спрятал в гриве лошади, и вонзил его в грудь визиря.

Расправа над исмаилитами, учиненная принцем Дамаска, не была забыта, и через два года после этого он получил две кинжальные раны, одна из которых оказалась смертельной. Их месть не была успокоена его кровью, и его сын и преемник, Шемс-аль-Молук (*Солнце царей*), погиб в результате заговора, вина за который была возложена на ассасинов. В каталоге жертв этого периода также значатся имена судей Востока и Запада, муфтия Касвина, рейса Исфахана и рейса Тебриза.

Восток во все времена был богат преступлениями; человеческая жизнь там не имеет той ценности, в которую ее оценивают в Европе; кинжал и яд свободно используются для устранения объектов страха, для устранения препятствий на пути честолюбия или для удовлетворения жажды мести. Поэтому мы не должны легкомысленно относиться ко всем обвинениям, выдвинутым против ассасинов, и считать их виновными в убийствах, от которых они не имели никакой выгоды. Так, когда в это время фатимидский халиф Амир би-ахками-ллах (*командующий соблюдением законов Божьих*) пал от рук убийц, есть вероятность, что он стал жертвой не мести исмаилитов, которых он никогда не обижал, а семьи могущественного везира Афдала, который был убит за некоторое время до этого по приказу халифа, как мы имеем все основания предполагать.

С еще большим основанием убийство Мостаршеда, багдадского халифа, можно приписать политике горного вождя. Сельджукские принцы, предшественники Масуда, довольствовались тем, что осуществляли всю реальную власть в империи, которая когда-то подчинялась дому Аббаса, оставляя этой слабой *тени Бога на земле* лишь несущественную привилегию чеканить монету королевства и читать молитвы в пятницу в мечети от его имени. Но Масуд присвоил себе даже эти права, и беспомощный наследник Пророка был вынужден подчиниться унижению, которое он не смог предотвратить. В конце концов некоторые недовольные военачальники перешли со своими войсками к халифу и убедили его, что одним смелым усилием он может свергнуть могущество турецкого султана и вернуть все свои права. Халиф прислушался к их доводам и, поставив себя во главе армии, выступил в поход против султана Массуда. Но фортуна оказалась неблагоприятна к нему. При первом же ударе большая часть багдадских войск покинула его, и он остался пленником в руках султана, который привел его в качестве пленника в Марагу. Здесь между ними был заключен договор, по которому халиф обязался больше не выходить за стены Багдада и ежегодно выплачивать денежную сумму. Этот договор, по-видимому, не понравился ассасинам, и, воспользовавшись удобным случаем, когда Масуд отправился встречать послов султана Санджара, они набросились на халифа и расправились с его приближенными. Безжизненное тело главнокомандующего верующих было растерзано ими самым скандальным образом.

После кровавого правления, продолжавшегося четырнадцать лет и три дня, Кях Бузург Умейд умер. Отступив от предписаний Хасана Сабаха, который, вероятно, хотел подражать поведению Пророка и оставить верховную власть выборной, он назначил своим преемником собственного сына, Кеаха Мухаммеда, руководствуясь либо отцовской пристрастностью, либо считая его человеком, наиболее подходящим для этой должности.

Глава VII.

Кеах Мухаммед - Убийство Халифа - Замки в Сирии - Исповедание веры исмаилитами - Сын Мухаммеда Хасан выдает себя за обещанного имама - Его последователи наказаны - Преемственность Хасана - Он отменяет закон - Выдает себя за потомка пророка - Убит

Политика общества не претерпела никаких изменений после прихода Мухаммеда. Кинжал по-прежнему поражал врагов, и, когда падала каждая жертва, люди, поддерживающие права Исмаила и находящиеся в строгом повиновении положительным предписаниям Корана, видели не что иное, как десницу Неба, обнаженную для наказания преступлений и узурпации. Новый горный князь едва успел взять бразды правления в свои руки, как Рашид, преемник покойного халифа, желая отомстить за убийство отца, собрал армию и выступил в поход против Аламута. Он дошел до Исфахана, но там его поход закончился. Четыре ассасина, поступившие к нему на службу с этой целью, набросились на него в его шатре и закололи. Когда весть об этом была доставлена в Аламут, там царило великое ликование, и семь дней и семь ночей с башен крепости звучали трубы и барабаны, возвещая окрестным жителям о триумфе кинжала.

В это время сирийские владения исмаилитов значительно расширились. Они выкупили у Ибн Амру, их владельца, замки Кадмос и Кахаф, а также силой отняли у владык Шейсера замок Масиат. Этот замок, расположенный на западном склоне горы Легам, напротив Антарадуса, стал отныне главным центром власти исмаилитов в Сирии. Теперь общество имело береговую линию к северу от Триполиса, а их владения простирались вглубь страны до границы Хаурана.

Во времена правления Мухаммеда произошло мало событий, иллюстрирующих историю ассасинов. Вероятно, именно в его время было сделано следующее исповедание исмаилитской веры перед людьми, которых султан Санджар послал в Аламут для ее изучения :[45]

"Вот наше учение", - сказали главы общества. "Мы верим в единство Бога и признаем истинной мудростью и правильным вероучением только то, что согласуется со словом Божьим и заповедями Пророка. Мы придерживаемся их в том виде, в каком они изложены в священном писании, Коране, и верим во все, чему учил Пророк о творении и последних вещах, о наградах и наказаниях, о последнем суде и воскресении. Верить в это необходимо, и никто не вправе самостоятельно судить о велениях Бога или изменять в них хоть одну букву. Таковы основные доктрины нашей секты, и если султан не одобряет их, пусть пришлет сюда одного из своих ученых богословов, чтобы мы могли обсудить с ним этот вопрос".

Против этого вероучения не мог возразить ни один ортодоксальный мусульман. Единственный вопрос заключался в том, какова система толкования исмаилитов и какие еще

доктрины они выводили из священного текста; и активное использование кинжала федави недвусмысленно указывало на то, что есть и другие, и что за завесой скрывается нечто, не очень совместимое с миром и порядком общества. В самом деле, то обстоятельство, что вожди исмаилитов называли себя лишь служителями и представителями невидимого имама, само по себе было весьма подозрительным; ведь что мешало им предписывать любые злодеяния, которые могли быть в их интересах, от имени своего безглазого повелителя? Невежды в человеческой природе полагают, что невежественные и фанатичные члены секты не будут безропотно повиноваться всем подобным приказам.

Вредная закваска тайной доктрины проявилась очень скоро. Кеах Мухаммед, который, судя по всему, был слабым и неумелым человеком, не пользовался особым уважением у своих последователей. Они стали примыкать к его сыну Хасану, который пользовался репутацией человека огромных знаний, сведущего в традициях и тексте Корана, сведущего в изложении и хорошо знакомого с науками. Хасан, то ли по тщеславию, то ли из корыстных побуждений, начал тайно распространять мнение о том, что он сам является тем имамом, появление которого обещал Хасан Бен Сабах. Воодушевленные этой идеей, более образованные члены общества наперебой стремились исполнить его повеления, и Кеах Мухаммед, видя, что власть постепенно ускользает от него, в конце концов воспрянул духом. Собрав народ, он в резких выражениях обличил господствующую ересь. "Хасан, - сказал он, - мой сын, а я не имам, а лишь один из его миссионеров. Тот, кто утверждает обратное, - неверный". Затем, в манере истинного ассасина, он привел свои слова в исполнение, казнив 250 приверженцев своего сына и изгнав столько же из крепости. Сам Хасан, чтобы спасти свою жизнь, был вынужден публично проклинать тех, кто придерживался новых взглядов, и писать диссертации, осуждающие их догматы и защищающие догматы его отца. Этими средствами ему удалось отвести подозрения от старого вождя; но, поскольку он продолжал пить вино наедине и нарушал некоторые другие положительные предписания закона, его приверженцы еще больше убедились в том, что он - имам, с приходом которого все предписания закона должны были утратить силу.

Хасан был вынужден быть осторожным и скрывать свои взгляды при жизни отца, ибо, какого бы мнения они ни были о способностях и умственных способностях главы их секты, ассасины считали себя обязанными повиноваться его приказам, исходящим от видимого представителя священного невидимого имама; и как бы высоко они ни почитали Хасана, его кровь пролилась бы на землю, как только приказ об этом прозвучал бы из уст его отца. Но не успел Кях Мухаммед умереть после двадцатичетырехлетнего правления, и верховная власть перешла к самому Хасану, как он решил сразу же сбросить маску и не только сам попать закон, но и уполномочить и поощрить к этому всех своих людей.

Поэтому, когда наступил месяц рамазан (магометанский пост) 559-го года хеджры (1163 г. н.э.), он приказал всем жителям Рудбара собраться на молитвенном месте (*моселла*), или эспланаде, перед замком Аламут. Обратившись лицом в сторону Кеблы^[46], он воздвиг кафедру, по четырем углам которой были вывешены знамена различных оттенков, привычных для ислама, а именно: белый, красный, желтый, зеленый - цвета, противоположные черному цвету аббасидов.

В 17-й день месяца люди, повинаясь его приказу, в большом количестве появились под стенами крепости. Через некоторое время Хасан вышел вперед и взошел на кафедру. Все голоса затихли, ожидая слов шейха-аль-Джебала. Он начал свою речь, озадачивая слушателей загадочными и неясными предложениями. Проведя таким образом некоторое время в заблуждении, он сообщил им, что прибыл посланник имама (то есть фантома халифа, который все еще восседал на троне в Каире) и привез ему письмо, адресованное

всем исмаилитам, в котором обновлялись и подтверждались основные догматы секты. Далее он заверил их, что этим письмом открыты врата милости и сострадания для всех, кто последует за ним и будет ему повиноваться; что они - истинные избранные; что они освобождены от всех обязательств закона и избавлены от бремени всех повелений и запретов; что теперь он ведет их ко дню воскресения, то есть к откровению имама. Затем он начал по-арабски хутбех, или общественную молитву, которую, по его словам, он получил от имама; переводчик, стоявший у подножия кафедры, перевел ее для них следующим образом.

"Хасан, сын Мухаммеда, сын Бузурга Умейда, - наш халиф (*преемник*), дай и худжет (*доказательство*). Все, кто следует нашему учению, должны прислушиваться к нему в делах веры и мира, рассматривать его повеления как настоятельные, его слова - как впечатляющие. Они не должны преступать его запреты и должны воспринимать его повеления как свои. Они должны знать, что наш господин сжалился над ними и привел их к самому высокому Богу".

Когда это провозглашение стало известно, Хасан сошел с кафедры, велел расставить столы и приказал людям прервать пост и предаться, как в дни праздников, всем видам удовольствия, музыке, различным играм и спорту. "Ибо это, - воскликнул он, - день воскресения", то есть, согласно исмаилитскому способу толкования Корана, день явления имама.

То, о чем ортодоксы раньше только подозревали, теперь подтвердилось. Теперь было совершенно очевидно, что исмаилиты - еретики, попирающие ногами все самые простые и позитивные предписания ислама; хотя они и пытались оправдать свою практику аллегорической системой толкования, она явно противоречила здравому смыслу и могла служить инструментом для одобрения, под именем религии, любого вида чудовищности. С этого времени термин "мулахид" (*нечестивец*) стал общим и привычным обозначением исмаилитов в устах ортодоксальных мусульман. Что касается самих исмаилитов, то они радовались содеянному, возвышались над обретенной свободой, как освобожденные рабы, и даже начали новую эру с 17-го (или, по мнению некоторых авторитетов, 7-го) рамазана 559-го года, а именно со дня явления имама. К имени Хасана отныне добавляли формулу "*На его памяти да будет мир*"; эта формула, судя по всему, сама по себе использовалась для его обозначения, поскольку историк Мирхонд уверяет, что ему сообщил заслуживающий доверия человек, что над дверью библиотеки в Аламуте была сделана следующая надпись: - "С помощью Бога, с помощью Бога, с помощью Бога".

"С помощью Бога он снял узы
Закона он снял,
Полководец мира,
имя которого - мир".

Безумие Хасана достигло своего апогея. Он не желал, чтобы его, как и его предшественников, считали лишь представителем имама на земле, а утверждал себя истинным и настоящим имамом, который теперь наконец-то стал явлен миру. Он разослал письма во все поселения общества, требуя, чтобы они признали его в новом качестве. Однако он был достаточно благоразумен, чтобы показать в этих письмах уважение к достоинству и власти своих различных лейтенантов, о чем свидетельствует следующий образец письма, отправленного в Кухистан, где командовал реис Мозаффар: - "Я, Хасан, говорю тебе, что я имам.

"Я, Хасан, говорю вам, что я представитель Бога на земле, а мой представитель в Кухистане - реис Мозаффар, которому люди этой страны должны повиноваться и принимать его слово как свое".

Реис воздвиг кафедру в замке Муминабад, месте своей резиденции, и прочитал письмо вслух народу, большая часть которого с радостью выслушала его содержание. Перед кафедрой накрыли столы, принесли вино, зазвучали барабаны и литавры, ноты трубы и флейты вдохновили на радость, и день отмены положительных предписаний закона был посвящен веселью и празднику. Некоторые из них, искренние и честные в своем послушании исламу, покинули край, который они теперь считали обителью неверных, и отправились на поиски других мест обитания; другие, менее решительные, остались, хотя и были потрясены тем, что им приходилось видеть каждый день. Повиновение приказам имама было, однако, довольно всеобщим, и, по словам Хаммера, который, однако, вряд ли может считать систему Хасана действительно более разнузданной, чем та, которую он описывает в других местах Магомета, "знамя самой свободной неверности и самой бесстыдной безнравственности теперь развевалось на всех замках Рудбара и Кухистана как знамя нового просвещения"; И, вместо имени египетского халифа, со всех кафедр звучало имя Хасана как истинного преемника Пророка."

Последнее обстоятельство представляло для Хасана некоторую трудность, поскольку для того, чтобы удовлетворить народ в этом вопросе, необходимо было доказать свое происхождение от Пророка, а это была честь, на которую, как было хорошо известно, семья, из которой он происходил, никогда не претендовала. Он мог по своему усмотрению отменить положительные предписания закона, и люди, чьи склонности были таким образом удовлетворены, возможно, не стали бы очень строго оценивать авторитет, которым он пользовался; но попытка лишить фатимидского халифа почестей, которыми он так долго пользовался, и занять вместо него место наместника Бога на земле могла бы слишком сильно потрясти их предрассудки, если бы не была осторожной.

Поэтому было необходимо, чтобы он доказал, что принадлежит к роду фатимитов. В связи с этим он начал делать мрачные намеки на истинность распространенного мнения о том, что он является сыном Кеаха Мухаммеда. Наши читатели помнят, что, когда Хасан Сабах находился в Египте, произошел спор о престолонаследии, в котором Хасан едва не погиб за противодействие могущественному главнокомандующему (*эмиру-аль-Джуйушу*), а Незар, принц, для которого халиф Мостансер предназначил престол, был лишен своего права благодаря влиянию этого офицера. Теперь же приближенные Хасана стали рассказывать, что примерно через год после смерти халифа Мостансера некий человек по имени Абу-ль-Зейде, пользовавшийся его доверием, прибыл в Аламут, имея при себе сына Незара, которого он передал на попечение Хасана Сабаха, который, благодарный памяти халифа и его сына, принял беглеца с большим почетом и выделил деревню у подножия Аламута для проживания молодого имама. Когда юноша подрос, он женился и у него родился сын, которого он назвал *В память о нем да будет мир*. Как раз в то время, когда жена имама находилась в заточении в деревне, супруга Кеах Мухаммеда лежала в замке, и, чтобы потомок Фатимы мог прийти к мирской власти, которая была его правом, одна доверенная женщина взялась и преуспела в деле тайного изменения детей. Другие шли еще дальше и без колебаний утверждали, что молодой имам интриговал с женой Кеаха Мухаммеда и что Хасан - плод их прелюбодейной связи. Как истинный воспитанник честолюбия, Хасан был готов опорочить память своей матери и признать себя бастардом, лишь бы ему удалось убедить народ считать его потомком Пророка.

Эти притязания Хасана на фатимидскую родословную послужили поводом для дальнейшего увеличения числа бесконечных сект, на которые делились приверженцы ислама. Те, кто признавал его, получили название Незори, а Хасан был назван ими Господом Воскресения (*Каим-аль-Куамет*), и они называли себя сектой Воскресения.

Правление тщеславного и беспечного Хасана было недолгим. Он управлял обществом всего четыре года, когда был убит своим шурином Намвером, потомком, как нам говорят, рода Буйа, который управлял халифами и их владениями до того, как власть перешла в руки турецкого дома Сельджука.

Глава VIII.

Мухаммед II - Анекдот об имаме Фахр-эд-дине-Нур-эд-дине - Покорение Египта - Покушение на жизнь Саладина.

За смерть Хасана сполна отомстил его сын и преемник Мухаммед II. Не только сам убийца был предан смерти; месть, в ее восточной форме, распространилась на всех его сородичей обоих полов, и мужчины, женщины и дети истекали кровью под мечом палача. Мухаммед, тщательно воспитанный в изучении философии и литературы, как и его отец, был полон тщеславия и честолюбия и, отнюдь не отступая от притязаний своего предшественника на имамат, довел их до еще большего предела. В то же время он поддерживал высокий уровень знаний и талантов среди своих литературных современников, которых было немало, ведь его правление продолжалось сорок шесть лет, и современная персидская литература быстро приближалась к своему апогею. Не упоминая других имен, менее знакомых нашим читателям, отметим в подтверждение сказанного, что это был период, когда Низами из Генджа гармонично воспевал любовь Хосру и Ширин, Мудждуна и Лейлы (эти последние - Ромео и Джульетта Востока), венец и цветок романтической поэзии Персии. Тогда же процветали великий панегирист Энвери и толпы историков, юристов и прорицателей.

Одним из самых знаменитых людей этого времени был имам Фахр-эд-дин (*Слава религии*) Раси, который читал публичные лекции по праву в своем родном городе Рее. Когда до него дошли клеветнические сведения о том, что он втайне привержен мнениям исмаилитов и даже является одним из их миссионеров, он прибег к обычному способу поносить и порицать эту секту, и каждый раз, когда он поднимался на кафедру для проповеди, он обличал и проклинал *импичмент* в немереных выражениях. Известие о его намерениях не замедлило дойти до шейха аль-Джебала, и федави, получив инструкции, сразу же отправился в Рей. Здесь он поступил на юридический факультет и усердно посещал лекции ученого имама. В течение семи месяцев он тщетно ожидал возможности выполнить свое поручение. Однажды он обнаружил, что слуги имама покинули его, чтобы принести ему еду, и он остался один в своем кабинете. Федави вошел, запер двери, схватил имама, повалил его на пол и направил свой кинжал ему в грудь. "Что ты задумал?" - спросил изумленный имам. "Разорвать твой живот и грудь". "А зачем?" "За что? Потому что ты с кафедры злословил об исмаилитах". Имам умолял и упрашивал, клялся, что, если ему пощадят жизнь, он больше никогда не скажет ничего, что могло бы оскорбить секту Исмаила. "Я не могу доверять тебе, - воскликнул убийца, - ибо, когда меня не станет, ты вернешься к своим прежним занятиям и каким-нибудь хитроумным способом освободишь себя от обязательств своей клятвы". Затем имам, произнеся торжественную клятву, отказался от мысли объяснять свои слова или просить

отпущения грехов за лжесвидетельство. Убийца встал из-за него и сказал: "У меня не было приказа убивать тебя, иначе я бы непременно предал тебя смерти". Мухаммед, сын Хасана, приветствует тебя и приглашает почтить его визитом в свой замок. Там у тебя будет неограниченная власть, и все мы будем подчиняться тебе, как верные слуги. Мы презираем, говорит шейх, рассуждения этого сброда, которые вылетают из наших ушей, как орехи из шара; но *ты* не должен поносить нас, так как твои слова производят впечатление, как удары гравера по камню". Имам ответил, что идти к Аламуту совершенно не в его силах, но впредь он должен быть очень осторожен и никогда не допускать, чтобы из его уст вырвалось хоть одно слово, порочащее горского князя. Тогда федав достал из пояса 300 золотых и, положив их на землю, сказал: "Вот твоя годовая пенсия; по указу дивана ты должен каждый год получать равную сумму через реис Мозаффера. Я также оставляю тебе для твоих сопровождающих две одежды из Йемена, которые прислал тебе шейх-аль-Джебаль". Сказав так, федави исчез. Имам взял деньги и одежду, и в течение нескольких лет ему регулярно выплачивали пенсию. Теперь в его речи наметилась перемена: если раньше, когда при рассмотрении какого-либо спорного вопроса ему случалось упомянуть исмаилитов, он выражался так: "Что бы ни говорили исмаилиты, которых Бог проклял и погубил!", то теперь, когда он получил пенсию, он довольствовался лишь словами: "Несмотря на то, что могут сказать исмаилиты". Когда один из его ученых спросил его о причине такого изменения, он ответил: "Мы не можем проклинать исмаилитов, ведь они используют такие *резкие* и *убедительные* аргументы". Этот анекдот рассказывают несколько персидских историков, и он, как и случай с султаном Санджаром, о котором говорилось выше, служит доказательством того, что исмаилиты не были настолько безжалостны и кровожадны, чтобы не предпочесть лишение жизни врага мягкими средствами его безвредности.

Историки не зафиксировали никаких других событий, связанных с восточным становлением исмаилитского общества во время долгого правления Мухаммеда II. Поэтому мы обратимся к сирийской ветви, которая привлекает внимание известными именами, вошедшими в восточную историю того времени, и с которой правитель Массиата вступил во враждебные или дружеские отношения. Имена Нур-эд-дин (*Свет религии*), Салах-эд-дин (*Целостность религии*), Норадин и Саладин западных писателей, король-лев Англии, сразу же пробудят внимание читателя.

Прославленный Эмод-эд-дин (*столп религии*) Зенги, который нанес первый удар христианской власти на востоке завоеванием Эдессы, погиб от руки раба вскоре после этого достижения. Власть и титул атабега перешли к его сыну Нур-эд-дину, который продолжал войну с христианами со всей активностью своего отца, а также с большей мягкостью и любезностью, которые придают блеск рвению и доблести. Нур-эд-дин был одним из самых выдающихся героев, которых демонстрировал Восток. Он был щедр и справедлив, строго соблюдал все обязанности ислама. Его не окружали ни пышность, ни великолепие. Он не носил ни шелка, ни золота. Из пятой части добычи, которая была его долей как принца, он обеспечивал все свои расходы. Будучи ревностным мусульманином, он постоянно участвовал в сражениях Священной войны - либо в *большой*, которая велась против мира и его соблазнов постом и молитвой, учебой и ежедневной практикой добродетелей, необходимых тому, кто облечен властью, - либо в *меньшей*, которая велась естественным оружием против врагов ислама. Благодаря этому союзу благочестия и доблести он получил титулы Гаси (*Победитель*) и Шехид (*Мученик*), поскольку, хотя он и не пал при защите веры, считалось, что он имеет право на все будущие награды, сопутствующие фактическому мученичеству. Несмотря на то, что он был одним из самых смертоносных врагов, с которыми когда-либо сталкивались христиане, их историки отдают справедливость прославленному Нур-эд-дину, и ученый Вильгельм, архиепископ Тирский, говорит о нем: "Он был

благоразумным, умеренным человеком, боявшимся Бога в соответствии с верой своего народа, удачливым и приумножившим отцовское наследство".

Овладение Моссулом и Алеппо сделало Нур-эд-Дина хозяином Северной Сирии; южная часть этой страны находилась под властью князя Дамаска. Дважды атабег безрезультатно осаждал этот город; в конце концов жители, опасаясь крестоносцев, предложили ему овладеть им, и слабый принц был вынужден удалиться, приняв Эмессу в обмен на "королеву Сирии". Власть Нур-эд-Дина теперь простиралась от Евфрата до Святой земли, и его мысли были направлены на великую цель - изгнание франков с Востока, когда представилась возможность вновь подчинить Египет духовному господству дома Аббаса.

Дегенерация - неизбежный жребий неограниченной власти. Фатимидские военачальники превратились в марионеток в руках своих министров, а за пост визиря, как это часто случалось с троном, теперь боролись с помощью оружия. В это время в Египте шла гражданская война между Шавером и Даргамом, соперничающими претендентами на визирство. Первый лично прибыл в Дамаск и предложил атабегу Нур-эд-дину треть доходов Египта, если тот поможет ему одолеть соперника. Не раздумывая, Нур-эд-Дин приказал Асад-эд-Дину (*Льву религии*) Шееркоху (*Горному Льву*)[47], координскому вождю, который командовал у него в Эмесе, собрать войско и отправиться в Египет. Шееркох повиновался, но против своей воли, и только по настоятельному приказу Нур-эд-Дина, его племянник, тогда еще малоизвестный, а впоследствии столь справедливо прославившийся, Саладин, оставил банкеты и удовольствия Дамаска и других городов Сирии, чтобы сопровождать своего дядю в тяготах и опасностях войны. В первом бою победил Даргам, но вскоре после этого он был убит одним из своих рабов, и Шавер получил в свои руки то достоинство, которого добивался. Новый визирь попытался избавиться от своих союзников, но Нур-эд-Дин не собирался этого делать, и Шеркох занял со своими войсками северо-восточную часть царства, где занял пограничный город Белбейс на самом восточном рукаве Нила под предлогом получения третьей части доходов, обещанных Нур-эд-Дину. Шавер, желая избавиться от столь опасных гостей, заключил тайный союз с Амальриком, королем Иерусалима, и обязался выдать ему 60 000 дукатов за помощь в борьбе с ними. Шееркох, получив подкрепление, продвинулся в Верхний Египет, а Саладин принял командование Александрией, которую он галантно защищал в течение трех месяцев против объединенных сил христиан и египтян, и после нескольких боев был заключен мир на условии, что Нур-эд-Дин получит 50 000 дукатов, а королю Иерусалима будет ежегодно выплачиваться вдвое большая сумма.

Вскоре после этого по предложению магистра госпитальеров Амальрик предпринял беспринципное покушение на Египет, и Шавер в своем бедственном положении вновь прибег к помощи Нур-эд-Дина. Призрачный халиф присоединился к мольбам и послал то, что на Востоке является величайшим признаком нужды - локоны волос своих женщин, которые как бы говорят: "Помощь! Помощь! Враг тащит женщин за волосы". Белбейс был завоеван, и Каир был осажден христианами. Шавер сжег старый город и защищал себя и халифа в новом городе, настоящем Каире. Шееркох снова появился в Египте с большим войском, чем прежде[48], но, прежде чем он достиг осажденного города, Шавер и Амальрик заключили соглашение, и первый отступил, получив сумму в 50 000 дукатов. Однако Шееркох продвинулся вперед и разбил свои палатки перед стенами Каира. Халиф Адхад и его главные вельможи вышли принять его, и этот несчастный принц высказал свои жалобы на тиранию и эгоизм Шавера, который принес столько бед ему и его королевству. В заключение он потребовал отдать голову своего визиря под руку генерала Нур-эд-Дина. Шавер, понимая грозящую ему опасность, пригласил на банкет Шееркоха, своего племянника и других

вождей армии, намереваясь уничтожить их, но его заговор был раскрыт, а голова брошена к ногам халифа. Шееркох был немедленно назначен на освободившееся место с почетным титулом Мелик-эль-Мансура (Короля-Победителя), но пробыл он на этом посту недолго, скончавшись спустя чуть более двух месяцев после своего возвышения. Его сменил в своем звании и в командовании армией его племянник Саладин, который теперь стал фактически хозяином Египта. Нур-эд-Дин, считая, что настало время утвердить духовную власть дома Аббаса, послал Саладину приказ заполнить все должности, которые занимали шейхи, ортодоксами и слушать молитвы, совершаемые именем багдадского халифа; но этот благоразумный вождь, зная, что подавляющее большинство народа Египта твердо придерживается веры в то, что фатимиты являются законными преемниками Пророка, не решался его выполнить. В конце концов смерть фатимидского халифа пришлось как нельзя кстати, чтобы избавить его от смущения. Адхад-ладин-Аллах, последний из потомков Моэз-ладин-Аллаха, основателя династии, внезапно умер от болезни, по словам восточных историков, от руки Саладина, по слухам, которые ходили среди христиан^[49]. Теперь все препятствия были устранены, в мечетях Египта была совершена публичная молитва от имени аббасидского халифа, и власть западных исмаилитов, продолжавшаяся 200 лет, полностью прекратилась.

Нур-эд-Дин, видя, что власть его лейтенанта теперь слишком велика, чтобы ее можно было контролировать, принял благоразумный план успокоить его титулами и знаками доверия. Багдадский халиф прислал ему почетный наряд и благодарственное письмо за то, что он подчинил своей духовной власти провинцию, которая так долго была мятежной против его дома. Но самым важным последствием своевременной смерти халифа для Саладина стало приобретение накопленных сокровищ фатимитов, которые попали в его руки и которые он использовал как средство обеспечения верности своих офицеров и солдат. В качестве примера восточного преувеличения приведем список этих сокровищ в том виде, в каком их перечисляют восточные писатели. Там было, как нас уверяют, не менее 700 жемчужин, каждая из которых была такого размера, что не поддавалась оценке, изумруд длиной в пролет и толщиной с палец, библиотека, состоящая из 2 600 000 книг, золото, как чеканное, так и в массе, алоэ, янтарь, военное оружие и оружие, не поддающееся исчислению. Значительную часть этих огромных сокровищ Саладин раздал своим солдатам, а оставшуюся часть в течение десяти лет подряд использовал для покрытия расходов на свои войны и постройки. Поскольку Саладина звали Йоссуф (*Иосиф*), что совпадает с именем сына Иакова, министра царя Фараона, не будет невероятным предположить, что в египетской традиции два Иосифа были смешаны, а деяния второго приписаны первому; ведь народной традиции свойственно перескакивать через века и даже тысячи лет и формировать из нескольких героев одного, который становится исполнителем деяний их всех.

Пока жил Нур-эд-Дин, Саладин продолжал признавать его превосходство; а когда после смерти он оставил свои владения сыну Малек-эс-Салеху, на монетах Египта появилось имя юного принца. Поскольку Малек-эс-Салех был малолетним и полностью находился под руководством евнуха Камештегина, среди эмиров возникло большое недовольство, и Сейф-эд-Дин (*Меч Религии*), двоюродный брат юного принца, стоявший во главе армии в Месопотамии, приготовился вырвать власть у молодого Малек-эс-Салеха. Все взоры были обращены к Саладину, как к единственному человеку, способному сохранить страну. Он покинул Египет всего с 700 всадниками. Правитель и жители Дамаска радостно распахнули перед ним ворота. Хемс и Хама последовали примеру Дамаска. Саладин принял власть под скромным титулом лейтенанта молодого атабега, права которого он заявил, что готов поддерживать во всех случаях. Он двинулся на Алеппо, где находился Малек-эс-Салех; но

ополченцы этого города, тронутые слезами молодого принца, на которого, вероятно, повлиял евнух Камештегин, боявшийся потерять свою власть, выступили и обратили в бегство небольшой отряд, с которым Саладин подошел к городу. Собрав более многочисленную армию, Саладин начал регулярную осаду Алеппо, и Камештегин, отчаявшись в силе, решил прибегнуть к вероломству. Он послал к Синану, шейху ассасинов, проживавшему в Массиате, объясняя ему, насколько опасным врагом для исмаилитов является доблестный Курд, который так ревностно относился к дому Аббаса и положил конец династии Фатимитов, так долго придававшей блеск защитникам прав Исмаила благодаря обладанию обширной временной властью и достоинством. Он напомнил ему, что, если Саладин преуспеет в своих амбициозных проектах в Сирии, он, по всей вероятности, обратит свою мощь против ассасинов и уничтожит их власть в этой стране. Эти доводы были подкреплены золотом, и шейх, с готовностью уступив им, без промедления отправил трех феодалов, которые обрушились на Саладина в лагере перед Алеппо. Однако попытка не удалась, и убийцы были схвачены и преданы смерти. Саладин, разгневанный этим покушением на свою жизнь и прекрасно понимая, откуда оно исходит, стал насаждать на осаждающих с большей энергией.

Узнав, какую пользу можно извлечь из кинжалов феодалов, Камештегин решил применить их против своих личных врагов. Визирь молодого князя и два главных эмира составили заговор с целью его уничтожения. Узнав об этом, он решил заранее их, и, подгадав момент, когда Малек-эс-Салех собирался сесть на коня, чтобы отправиться в погоню, подошел к нему и попросил подписать чистую бумагу под предлогом того, что она необходима для какого-то дела срочной важности. Молодой принц без всяких подозрений подписал свое имя, и Камештегин тут же написал на бумаге письмо шейху ассасинов, в котором Малек-эс-Салех просил его прислать людей, чтобы убрать с дороги этих трех эмиров. Вождь исмаилитов с готовностью выполнил просьбу, как он полагал, своего юного друга и соседа, и для исполнения его желания было отправлено несколько феодалов. Два из них обрушились на визиря, когда он выходил из восточных ворот мечети, расположенной рядом с его собственным домом. Они были разрублены на куски на месте. Вскоре после этого три упали на эмира Муджахида, когда он ехал верхом. Один из них ухватился за конец его плаща, чтобы еще больше укрепить его, но эмир дал шпоры своей лошади и вырвался, оставив плащ. Народ схватил ассасинов, двое из которых были признаны знакомыми главного конюха эмира. Один из них был распят, а вместе с ним и конюх как соучастник: на груди последнего была выбита надпись: "Вот награда скрывателю Нечестивого". Остальных притащили в замок и били по подошвам ног, чтобы заставить их признаться, что побудило их совершить такое преступление. В разгар пыток один из них воскликнул: "Ты желал нашему господину Синану убийства твоих рабов, а теперь наказываешь нас за исполнение твоего желания". Полный гнева Малек-эс-Салех написал шейху Синану письмо, полное самых горьких упреков. Шейх не дал никакого другого ответа, кроме того, что отправил ему обратно письмо с его собственной подписью. Историки не сообщают нам, каков был конечный результат; также в значительной степени неясно, в какое время произошло это событие.

Ассасины не оставляли своих попыток напасть на Саладина, чья власть стала для них еще более грозной после того, как он лишил семью Нур-эд-Дина их почестей и владений; и они снова напали на него в его лагере перед крепостью Эзаг. Один из них напал на него и ранил в голову, но султан (теперь он принял этот титул) схватил его за руку и сбил с ног. Второй бросился на него - его зарубили стражники; третьего, четвертого постигла та же участь. Напуганный их упорством, султан на несколько дней затворился в своем шатре и приказал всем чужакам и подозрительным лицам покинуть лагерь.

В следующем году (1176) султан, умиротворенный с другими своими врагами, решил достойно отомстить тем, кто так неспровоцированно покушался на его жизнь. Собрал войско, он вошел в горы, огнем и мечом опустошил территорию исмаилитов, подошел и осадил Массиат. Власть сирийских исмаилитов была бы уничтожена, если бы не заступничество принца Хамы, дяди султана, который, по просьбе Синана, убедил племянника заключить мир при условии, что в будущем на его жизнь не будет совершено ни одного покушения. Синан с радостью согласился на эти условия и с честью выполнил свое обещание, и великий Саладин царствовал пятнадцать лет после этого, вел непрерывные войны, завоевал Иерусалим и Святую землю, подвергал себя опасности в поле и в лагере, но ни один ассасин больше никогда не приближался к нему с враждебными намерениями.

Глава IX.

Синан Дай-аль-Кебир Сирии - предложение стать христианином - его посол убит тамплиерами - рассказ кардинала де Витри об ассасинах - убийство маркиза Монферрата - защита короля Ричарда.

Человек, который руководил делами общества в Сирии во времена Саладина, был одним из самых примечательных персонажей, фигурирующих в истории ассасинов. Его звали Рашид-эд-Дин (*ортодоксальный в религии*) Синан, сын Сулеймана из Басры. Как и многие другие самозванцы, время от времени появлявшиеся на востоке, он имел дерзость выдавать себя за воплощение божества. Никто никогда не видел, чтобы он ел, пил, спал или даже плевал. Его одежда состояла из грубой шерстяной ткани. От восхода до заката солнца он стоял на возвышенной скале и проповедовал людям, которые воспринимали его слова как слова высшего существа. К несчастью для его репутации, слушатели в конце концов обнаружили, что у него была замедленная походка, вызванная раной, которую он получил от камня во время великого землетрясения 1157 года. Это не соответствовало распространенному представлению о совершенстве, которое должно быть присуще телесному носителю Божественности. Авторитет Синана сразу же исчез, и те, кто только что преклонялся перед богом, теперь угрожали лишить жизни самозванца. Синан не потерял самообладания; он спокойно призвал их к терпению, спустился со своей скалы, велел принести еду, пригласил их поесть и убедительной силой своего красноречия побудил их признать его своим единственным вождем, и все единодушно поклялись ему в послушании и верности.

Пренебрежение хронологией восточными историками или их европейскими переводчиками и последователями часто таково, что мы остаемся в большой неопределенности относительно точного времени конкретных событий и, таким образом, не можем проследить их реальные причины и поводы. Упоминание о землетрясении 1157 года, однако, делает вероятным, что именно в это время Синан выдвинул свои претензии на божественность; а поскольку в тот же период Хасан, сын Кеаха Мухаммеда, выдавал себя за обещанного имама, можно предположить, что именно его пример подтолкнул Синана к смелой попытке получить независимое господство над сирийской ветвью исмаилитов.

Синан, как и Хасан, был человеком весьма образованным. Его труды высоко ценятся остатками секты исмаилитов, до сих пор сохранившимися в горах Сирии. Эти труды, как нам говорят, состоят из хаотичной смеси искаженных отрывков Евангелия и Корана,

противоречивых статей веры, гимнов, молитв, проповедей и предписаний, которые непонятны даже тем, кто их принимает и почитает.

Священные книги христиан, как мы видим, составляли часть занятий шейха Массиата, и, судя по всему, он считал, что знакомство с ними может принести ему определенную пользу. Военно-религиозное общество рыцарей Храма, историю которого нам вскоре предстоит описать, имело владения по соседству с владениями ассасинов, и их превосходящая сила позволила им, в какое именно время, точно неизвестно, сделать последних данниками. Дань составляла 2 000 дукатов в год, и Синан, для которого, вероятно, все религии были одинаковы и который имел неограниченную власть над умами своего народа, задумал освободиться от нее, исповедуя ту же религию, что и его соседи. Поэтому в 1172 году он отправил одного из своих самых благоразумных и красноречивых служителей с тайным посольством к королю Иерусалима Амальрику, предлагая от имени себя и своего народа принять христианскую религию и пройти обряд крещения, если король обязуется заставить тамплиеров отказаться от дани в 2 000 дукатов и согласиться жить с ними впредь как добрые соседи, друзья и братья. Обрадованный перспективой обрести столь важных новообращенных, король с готовностью согласился на желания вождя исмаилитов и в то же время заверил тамплиеров, что их дом не останется в проигрыше, поскольку он будет ежегодно выплачивать им из своей казны по 2 000 дукатов. Братья Храма не возражали против этого соглашения, и после того, как исмаилитский посол был задержан королем и с ним обращались почтительно в течение нескольких дней, он отправился в обратный путь в сопровождении проводника и эскорта, посланных королем, чтобы проводить его до границ исмаилитской территории. Они благополучно миновали Триполис и уже находились вблизи первых замков исмаилитов, как вдруг несколько тамплиеров выскочили из засады и убили посла. Тамплиерами командовал рыцарь по имени Вальтер дю Меснил, одноглазый, дерзкий, злой человек, но в данном случае, судя по всему, действовавший по приказу своего начальства, которое, вероятно, не сочло королевское обещание хорошим обеспечением за 2000 дукатов; ибо, когда Амальрик, исполненный негодования по поводу подлого и вероломного поступка, собрал своих баронов в Сидоне, чтобы обсудить, что делать, и по их совету отправил двоих из их числа к Адо де Сент-Аманду, магистру Храма. Аманду, магистру храма, чтобы потребовать удовлетворения за незаконный поступок, но тот удовлетворился тем, что сказал, что наложил на брата дю Месниля епитимью и, кроме того, велел ему безотлагательно отправиться в Рим, чтобы узнать, что еще прикажет ему сделать апостольский папа, и что в связи с этим он должен от имени папы запретить любое насилие над вышеупомянутым братом. Король, однако, не пренебрег справедливостью и собственным достоинством. Вскоре после этого, когда магистр и несколько тамплиеров находились в Сидоне, он снова собрал свой совет и, с их согласия, послал и вытащил дю Месниля из дома тамплиеров и бросил его в тюрьму, где тот, возможно, и искупил бы свое преступление, если бы не скорая смерть короля. Теперь все надежды на обращение исмаилитов были потеряны.

Именно по этому случаю архиепископ Тирский рассказывает о том, что ему удалось узнать об ассасинах. Поскольку все, что мы рассказывали о них ранее, было почерпнуто исключительно из восточных источников, не будет бесполезным вставить в это место рассказ о них кардинала де Витри, который продолжил и расширил очерк архиепископа .[50]

"В провинции Финикия, у границ антарадского города, который сейчас называется Тортоса, живет некий народ, закрытый со всех сторон скалами и горами, у которого есть десять замков, очень крепких и неприступных, из-за узких путей и недоступных скал, с их окрестностями и долинами, которые наиболее плодовиты всеми видами фруктов и кукурузы

и наиболее восхитительны по своему благоустройству. Число этих людей, которых называют ассасинами, как говорят, превышает 40 000^[51]. Они ставят над собой капитана, не по наследственному престолу, а по прерогативе заслуг, которого они называют Стариком (*Veterem seu Senem*), не столько из-за его преклонного возраста, сколько из-за его превосходства в благоразумии и достоинстве. Первый и главный *настоятель* этой их несчастной *религии*, а также место, где они зародились и откуда пришли в Сирию, находится в очень отдаленных частях востока, недалеко от города Багдада и частей провинции Персия. Эти люди, не разделяющие копыт и не делающие различия между священным и профанным, считают, что любое послушание, безразлично проявленное ими по отношению к своему начальнику, заслуживает вечной жизни. Поэтому они привязаны к своему хозяину, которого они называют Стариком, такими узами подчинения и послушания, что нет ничего такого трудного или опасного, за что бы они не побоялись взяться или что бы они не выполнили с бодрым умом и горячей волей по приказу своего господина. Старик, их повелитель, заставляет мальчиков из этого народа воспитываться в тайных и восхитительных местах и, прилежно обучив их разным языкам, посылает их в разные провинции с кинжалами и приказывает им убивать великих людей как христиан, так и сарацинов, либо потому, что он враждует с ними по той или иной причине, либо по просьбе своих друзей, либо даже ради корысти из большой суммы денег, которую ему дали, обещая им за исполнение этого приказа, что в раю после смерти они будут иметь гораздо больше удовольствий, и без конца, чем даже те, среди которых они были воспитаны. Если им случается умереть в этом акте послушания, их считают мучениками их товарищи, и, будучи причисленными этим народом к своим святым, они пользуются величайшим почтением. Их родителей хозяин, которого называют Стариком, одаривает многими подарками, а, если они были рабами, их отпускают на волю. Отчего эти несчастные и заблудшие юноши, отправленные из монастыря (*conventu*) вышеупомянутых братьев в разные части света, с такой радостью и восторгом берутся за свою смертельную миссию и выполняют ее с таким усердием и заботой, преобразаясь различным образом, и принимая манеры и одежду других народов, иногда скрываясь под видом купцов, в другое время - под видом священников и монахов, и в бесконечном множестве других способов, что едва ли найдется в целом мире человек настолько осторожный, чтобы уберечься от их махинаций. Они не гнушаются замышлять против низших людей. Великие люди, с которыми они враждуют, либо выкупают себя крупной суммой денег, либо, отправляясь в путь вооруженными и в сопровождении охраны, проводят свою жизнь в подозрениях и страхе перед смертью. Они усердно и неукоснительно соблюдали закон Магомета и его установления больше всех других сарацин до времен некоего их господина, который, будучи наделен природным гением и упражняясь в изучении различных сочинений, начал со всем усердием читать и изучать закон христиан и Евангелия Христа, восхищаясь добродетелью чудес и святостью учения. Сравнивая с ними, он начал отвращаться от легкомысленного и неразумного учения Магомета, и в конце концов, когда он узнал истину, он стал постепенно отвращать своих подданных от обрядов проклятого закона. Поэтому он увещевал и приказывал им пить вино в меру и есть плоть свиней. В конце концов, после долгих бесед и серьезных наставлений своего учителя, все они с единодушным согласием отреклись от вероломства Магомета и, приняв благодать крещения, стали христианами".

Из этого рассказа мы можем понять, что крестоносцы имели довольно четкое представление о природе и структуре общества ассасинов. Кардинал де Витри ясно описывает их как формирование *религии*, то есть ордена под руководством аббата; и, возможно, сходство, которое Хаммер прослеживает между ними и тамплиерами, которое мы заметим, когда будем говорить об этом последнем обществе, не так уж причудливо, как может показаться на

первый взгляд. Любопытно отметить, что христиане также верили, что шейх-аль-Джебал каким-то образом внушал федавам презрение к жизни и стремление к райским радостям.

Кинжал не обнажался против христианских князей с тех пор, как за сорок два года до этого (1149) Раймонд, молодой граф Триполиса, был убит, стоя на коленях во время богослужения, и алтарь был окроплен его кровью. Теперь кровь должна была пролить еще более прославленная жертва, и, поскольку вопрос о том, кто был настоящим автором его смерти, представляет собой любопытную историческую проблему, мы обсудим его здесь довольно подробно.

Конрад маркиз Монферратский, имя которого прославилось в истории третьего крестового похода, только что был провозглашен королем Иерусалима английским королем Ричардом Львиное Сердце. Во второй половине апреля 1192 года маркиз, находясь в Тире, отправился обедать к епископу Бове. Один из авторов рассказывает, что, когда маркиза слишком долго пробыла в ванной, а маркиз не любил обедать в одиночестве, он сел на коня и поехал обедать с епископом; но, обнаружив, что прелат уже закончил трапезу, он вернулся домой во дворец. Когда он проезжал по узкой улочке и приближался к платной палате, к нему подошли два ассасина, уловив удобный момент. Один из них подал прошение, и пока он читал его, оба ударили его кинжалами с криком: "Не быть тебе ни маркизом, ни королем". Один из них был мгновенно зарублен, другой укрылся в соседней церкви, и, по словам арабского историка, когда раненого маркиза привели в ту же церковь, он снова бросился на него и завершил свое преступление. Другие рассказывают, что маркиза отнесли домой, в его дворец, где он прожил достаточно долго, чтобы принять святое причастие и дать последние наставления своей жене. Как мы видим, эти две версии ни в коем случае не противоречат друг другу.

Эти ассасины, оба молодые люди, в течение некоторого времени - говорят, шести месяцев - находились в Тире, выжидая удобного случая, чтобы выполнить данное им поручение. Они притворились, что приняли ислам, или, как говорят некоторые, приняли монашеский постриг, чтобы завоевать доверие маркиза и таким образом получить к нему более свободный доступ. Один из них, как нам говорят, даже поступил к нему на службу, а другой - к Балиану Ибелинскому.

Теперь встает вопрос, по чьей инициативе было совершено убийство? Здесь мы находим несколько восточных и западных свидетелей, склонных возлагать вину на Ричарда, короля Англии, тех писателей, которые были его собственными подданными, возмущенно отвергающими это обвинение, и некоторых равнодушных свидетелей, свидетельствующих в его пользу. Прежде чем рассматривать этих свидетелей, мы должны указать, что король Ричард враждовал с Филиппом Августом, королем Франции; что, хотя он и передал корону Иерусалима маркизу Монферратскому, между ними не было добрых чувств, и они были врагами; и, наконец, что история английского монарха не обнаруживает никаких черт такого великодушного рыцарского нрава, который бы ставил его вне подозрений в причастности к убийству.

Из авторов, обвиняющих короля Ричарда в убийстве, следует отметить, что единственными современниками являются арабские историки. Следующий отрывок цитируется из "Истории Иерусалима и Хеврона" Хаммера, который считает его вполне решающим для доказательства вины английского короля: "13 числа месяца Реби-аль-Эваль маркиз отправился в гости к епископу Тира. Когда он выходил, на него напали два ассасина, которые зарубили его своими кинжалами. Когда их схватили и растянули на дыбе, они признались, что были наняты королем Англии. Они умерли под пытками". Боха-эд-дин, друг и биограф

Саладина, пишет о том же. Таким образом, очевидно, что в то время стало известно, что маркиз был убит людьми, нанятыми королем Англии; Винисауф и другие английские писатели уверяют нас, что французская партия и друзья убитого маркиза пытались свалить вину за это преступление на короля Ричарда. Поскольку такой способ избавления от врага был слишком известен на Востоке, вполне естественно, что арабские писатели приняли это сообщение без особых раздумий. Уже одно это соображение должно лишить их свидетельства юридической силы. Некоторые немецкие хронисты, следуя сообщениям, которые старательно распространялись в ущерб английскому королю в то время, когда он был пленником в Австрии, без колебаний обвинили его в убийстве маркиза; но, как справедливо было замечено, эти сообщения, как и предыдущие, были либо частичными, либо на расстоянии .[52]

В противовес этим утверждениям мы имеем единодушное свидетельство всех английских писателей, таких как Винисауф (спутник и историк крестового похода короля Ричарда), Ховеден, Бромптон, Уильям из Ньюбриджа. Сирийский епископ, Абу-ль-Фарадж, упоминает сообщение о том, что убийца, которого посадили на дыбу, возложил вину на короля Ричарда, но добавляет, что впоследствии правда стала известна. Гуго Плагон, рассудительный и беспристрастный писатель, отнюдь не вменяя смерть маркиза в вину королю Ричарду, называет причину, побудившую принца-ассасина отдать приказ о смерти маркиза, а именно ту же, что мы увидим в письме, приписываемом Стариком с горы. Ригорд, написавший историю Филиппа Августа, ни в коем случае не вменяет убийство маркиза в вину королю Ричарду, хотя и говорит, что, когда Филипп находился в Понтуазе, ему из-за моря были доставлены письма, предупреждающие его быть начеку, поскольку ассасины (*Arsacidæ*) были посланы, по предложению и приказу короля Англии, чтобы убить его, "поскольку в то время они убили родственника короля, маркиза". Филипп, испытывая настоящую, а скорее притворную тревогу, немедленно окружил свою персону гвардией сержантов с булавами. Арабский историк Эбн-эль-Атир, друг Саладина, рассказывает, что султан договорился со Стариком Горы за 10 000 золотых избавить его от короля Ричарда и маркиза, но Синан, не считая, что в его интересах избавить султана от английского короля, взял деньги и только убрал маркиза с дороги. Этот рассказ совершенно неправдоподобен, так как предательство, несомненно, не было частью характера Саладина; но он служит доказательством беспристрастности, которая так справедливо приписывается арабским писателям в целом. Свидетельство Абульфеды таково: "И в нем (в год хеджры 588, или 1192 г. н.э.) был убит маркиз, повелитель Сура (или Тира); да проклянет его Бог, чье имя превознесено! Батини, или ассасин (в одной копии *Batinees*), который вошел в Сур под видом монаха, убил его"[53]."

Таким образом, мы видим, что свидетельства в пользу короля Англии значительно преобладают, ни один из писателей, находившихся на месте событий, не возлагает на него вину за убийство; напротив, те, кто имел наилучшие возможности быть осведомленным, относятся к этому обвинению с презрением, как к подлой клевете, придуманной французской стороной. Но есть еще более выдающийся свидетель в его пользу, если приписываемые ему показания подлинны, - сам Старик с Горы. Бромптон приводит два письма, якобы написанные этим человеком: одно - герцогу Австрии, другое - принцам и народам Европы в целом. Последнее также приводится Уильямом из Ньюбриджа, с некоторыми изменениями. Обе книги были включены Раймером в его "*Fœdera*". Гиббон, который, по-видимому, знал только последнюю, объявляет ее "абсурдной и явной подделкой". Хаммер, чьи аргументы мы сейчас рассмотрим, берется доказать, что эти послания являются подделкой. Раумер, более благоразумный, говорит лишь о том, что последнее не является подлинным в его нынешнем виде.

Ниже приводятся переводы этих документов:.

"Старик с Горы - Лимпольду, герцогу Австрийскому, приветствие. Поскольку несколько королей и принцев за морем обвиняют Ричарда, короля Англии и лорда, в смерти маркиза, я клянусь Богом, царствующим вовеки, и законом, которого мы придерживаемся, что он не был виновен в его смерти; ибо причина смерти маркиза была следующей.

"Один из наших братьев шел на корабле из Сателии (*Салтелеи*) в наши края, и буря занесла его в Тир, и маркиз схватил его и убил, а также завладел большой суммой денег, которая была у него с собой. Но мы послали к маркизу гонцов, требуя, чтобы он вернул нам деньги нашего брата и удовлетворил нас в отношении смерти нашего брата, которую он возложил на Реджинальда, лорда Сидона, и мы прилагали усилия через наших друзей, пока не узнали, что это он сам предал его смерти и завладел его деньгами.

"И снова мы послали к нему другого нашего посланца, по имени Эврис, которого он хотел бросить в море; но наши друзья заставили его быстро выехать из Тира, и он быстро прибыл к нам и рассказал нам все это. С того самого часа мы желали убить маркиза; тогда же мы послали в Тир двух братьев, которые убили его открыто и как бы перед всем народом Тира.

"Такова была причина смерти маркиза; и мы говорим вам по правде, что повелитель Ричард, король Англии, не имел никакой вины в этой смерти маркиза, и те, кто из-за этого причинил зло повелителю королю Англии, сделали это несправедливо и без причины.

"Знайте, что мы не убиваем ни одного человека в этом мире ни за какую плату, ни за какие деньги, если он не причинил нам зла.

"И знайте, что мы исполнили эти письма в нашем доме, в нашем замке Мессиа, в середине сентября. В год от Александра М. Д. и В."

"Старец Горы князьям Европы и всему христианскому народу, приветствуя.

"Мы не хотели бы, чтобы невинность кого-либо пострадала из-за того, что мы сделали, поскольку мы никогда не делаем зла ни одному невинному и невиновному человеку; но тех, кто провинился перед нами, мы, с Божьей помощью, долго не заставим радоваться обидам, нанесенным нашей простоте.

"Итак, мы заявляем всем вам, свидетельствуя от имени того, через кого мы надеемся спастись, что этот маркиз Монферратский был убит не по мановению короля Англии, но справедливо погиб по нашей воле и повелению наших спутников за то деяние, в котором он преступил против нас и которое, будучи предупрежден, не пожелал исправить. Ибо наш обычай - сначала увещевать тех, кто в чем-либо провинился перед нами или нашими друзьями, чтобы они дали нам удовлетворение, а если они пренебрегают этим, мы заботимся о том, чтобы сурово отомстить нашим служителям, которые повинуются нам с такой преданностью, что не сомневаются, что будут славно вознаграждены Богом, если погибнут, исполняя наше повеление.

"Мы также слышали, что об этом короле распространяют слухи, будто он побудил нас, как менее честных и последовательных (*minus integros et constantes*), послать некоторых из наших людей для заговора против короля Франции, что, вне всякого сомнения, является ложным вымыслом и напрасным подозрением, поскольку ни он, Бог свидетель, до сих пор не

предпринимал ничего против нас, ни мы, уважая нашу честь, не позволили бы замышлять незаслуженное зло против любого человека. Прощайте".

Мы не беремся утверждать подлинность этих двух посланий, но нам будет позволено указать на тщетность некоторых возражений, выдвигаемых против них. Хаммер объявляет первое из них несомненной подделкой, поскольку оно начинается с клятвы на законе, а заканчивается тем, что датируется эпохой Селевкидов. И то и другое, говорит он, было одинаково странно для исмаилитов, которые именно в это время начали попираť закон ногами и отказались от хеджры, единственной эпохи, известной в магометанских странах, в пользу новой, начинающейся с правления Хасана II. Далее он видит в том, что письмо Старика Горы (*Шейх-аль-Джебала*) датировано Массиатом, доказательство невежества крестоносцев в отношении истинного главы и местонахождения исмаилитской власти. Эти возражения Вилкен считает неоспоримыми. Однако они потеряют свою силу, если мы будем помнить, что письма явно являются переводами, и что вождем Массиата в то время был Синан, который за несколько лет до этого предложил принять христианство и, похоже, вовсе не принял нововведения Хасана Просветителя. Друзья английского короля, одним из самых влиятельных которых был Генрих Шампанский[54], сменивший в королевстве Конрада Монферратского, легко могли побудить Синана написать эти письма в его оправдание, и весьма вероятно, что переводы были сделаны в Сирии, где арабский язык, конечно, понимали лучше, чем в Европе, и отправлены либо отдельно, либо вместе с оригиналами. Переводчик мог перевести титул, который Синан дал себе сам, *Сенексом де Монте*, что было бы лучше понятно на западе, и он мог также указать соответствующий год эры Селевкидов (той, что использовалась среди сирийских христиан) для года хеджры, используемого вождем исмаилитов, или, возможно, Синан сам использовал эту эру. В этом случае мало что можно возразить против подлинности письма к герцогу Австрии. Хаммер считает выражение "*наша простота*" (*simplicitas nostra*) убедительным аргументом против подлинности второго письма. Мы должны признаться, что не видим в этом возражении никакой силы. Возможно, Синан хотел представить себя очень простым, незамысловатым, невинным человеком. Можно также усомниться, что европейский фальсификатор решится изобразить принца ассасинов - грозного Старика Горы - в таком респектабельном свете, в каком он предстает в этих двух посланиях. [55]

Но есть и другой рассказ о смерти маркиза Монферрата, который, вероятно, гораздо лучше известен широкому кругу читателей, чем любой из предыдущих. Знаменитый автор "Уэверли" в своей романтической истории о "Талисмани" сделал так, что Конрад был ранен и побежден в списках сыном короля Шотландии, защитником короля Ричарда, а затем убит кинжалом не ассасинов, а своего единомышленника по злодейству, магистра Храма, чтобы не дать ему признаться в их общей вине!

Не уступая никому в рациональном восхищении гением сэра В. Скотта, мы не можем не выразить желания, чтобы он перестал писать, когда исчерпает то богатое поле национальных чувств и нравов, с которым был знаком только он, и из которого он черпал изысканные очерки "Уэверли" и его шотландских собратьев. Во всех его поздних произведениях, несомненно, встречаются эпизодические сцены, далеко не подвластные ни одному из его подражателей; но когда его муза покидает родную землю, она покидает природу, истину и простоту. Даже гений Скотта не в состоянии изобразить нравы, которых он никогда не видел, пейзажи, которых он никогда не видел.

Повесть о "Талисмане" - вопиющий пример. Топография, хронология, историческая правда, восточные нравы и индивидуальные характеры - все это рассматривается с самым великодушным пренебрежением, даже, можно сказать, с презрением; ибо, беспечный, из "безопасности угодить", каким, как известно, был автор, его капризы иногда должны были проистекать из простого своеволия и каприза. Мы полагаем, что наши восточные путешественники и географы будут озадачены, указывая местонахождение фонтана, названного Алмазом Пустыни, недалеко от Мертвого моря, но на полпути между лагерем сарацин и лагерем крестоносцев, который, как нам говорят, находился между Акко и Аскалоном, то есть на морском побережье, или показывая бесконечную песчаную пустыню, простирающуюся между Мертвым морем и Средиземным морем. Что касается исторической правды, то можно смело сказать, что едва ли хоть одно обстоятельство романа находится в строгом соответствии с историей; А что касается правды индивидуального характера, то что мы скажем о серьезном, серьезном, религиозном Саладине, который за год до своей смерти, будучи в самом расцвете сил, в одиночку бродил по пустыне, как заблудший рыцарь, пел гимны дьяволу и под видом врача пришел в лагерь христиан, чтобы вылечить от недуга английского монарха, которого он в действительности никогда не видел и не хотел видеть[56] ? Можно было бы перечислить еще множество примеров нарушения всякого единства и приличия в этой единственной сказке .[57]

Пусть никто не сочтет излишним указывать на ошибки прославленного писателя. Впечатление, произведенное его великолепными страницами на юный ум , неизгладимо и неизгладимо, и, если его не исправить, может привести к ошибкам более серьезным. Кроме того, "Талисман" производит обманчивое впечатление правдивости и точности; ведь в примечании в одной из его частей автор (несомненно, с иронией) пытается поправить историков в одном из исторических моментов. Естественно предположить, что он сам провел глубокие исследования и придерживался истины; и, соответственно, мы находим другого романиста, который в своем труде "История рыцарства" объявляет "Талисман" верным изображением нравов эпохи. Сэр В. Скотт, однако, сам сообщил нам в предисловии к "Айвенго" о своем секрете описания нравов времен Ричарда Кёр де Льва. К хроникам того времени он присоединил хроники Фруассара, столь богатые великолепными картинами рыцарской жизни. Немногие читатели этих романов, возможно, знают, что это было то же самое, хотя и не в такой степени, как если бы в своих рассказах о временах Елизаветы и Якова I он прибег к страницам Генри Филдинга, посвященным манерам; ведь расстояние во времени между правлением Ричарда I и Ричарда II, в которое писал Фруассар, столь же велико, как между правлениями Елизаветы и Георга II; и в обоих случаях нравы претерпели пропорциональные изменения. Но мы привыкли рассматривать Средние века как единый период неизменных нравов и институтов, и слишком склонны полагать, что описания Фруассара и его преемников в равной степени применимы ко всем его частям.

Глава X.

Джеллал-эд-Дин - восстановление религии - его гарем совершает паломничество в Мекку - женится на принцессе Гилан - география страны между Рудбаром и Каспием - персидский роман - Зохаки и Феридун - Кей Каос и Рустем - описание Мазандерана Фердузи - история Шах-Наме - доказательство древности содержащихся в нем рассказов.

Нечестивое правление Мухаммеда II продолжалось долгих тридцать пять лет, в течение которых исмаилиты пренебрегали всеми обычаями ислама. Мечети были закрыты, пост Рамазан игнорировался, торжественные сезоны молитвы презирались. Но такое состояние не может продолжаться долго; человек должен иметь религию, она так же необходима ему, как пища, и те псевдофилософы, которые пытались лишить его ее, лишь продемонстрировали в этой попытке свое невежество и глупость. Очищение народной веры - вот задача истинного филантропа.

Мы часто можем наблюдать, как сын проявляет характер, диаметрально противоположный отцовскому, либо ведомый природой, либо пораженный дурными последствиями поведения своего отца. Такой характер был характерен для ассасинов. Мухаммед пренебрегал всеми обрядовыми законами; его сын и преемник, Джеллал-эд-Дин (*Слава религии*) Хасан, с ранних лет отличался ревностным отношением к предписаниям ислама. Проявление его настроений вызвало значительную вражду и подозрения между ним и Мухаммедом; отец боялся сына, а сын - отца. В дни публичных аудиенций, на которых ожидалось появление Джеллал-эда-Дина, старый шейх принимал меры предосторожности: надевал под одежду почтовую рубашку и увеличивал число своих охранников. Его смерть, которая наступила, когда его сыну исполнилось двадцать пять лет, некоторые историки, хотя и без достаточных оснований, приписывают яду, который ввел ему его преемник.

Наследство Джеллал-эда-Дина было неоспоримым. Он сразу же начал приводить все дела в порядок, как это было до времени написания *"О памяти его да будет мир"*. Мечети были отремонтированы и вновь открыты, с минаретов, как и прежде, звучал призыв к молитве, а в каждую пятницу вновь проводились торжественные собрания для поклонения и обучения. Имамы, чтецы Корана, проповедники и учителя всех мастей были приглашены в Аламут, где их с почестями принимали и богато вознаграждали. Джеллал-эд-Дин написал своим лейтенантам в Кусистане и Сирии, сообщая им о том, что он сделал, и приглашая последовать его примеру. Он также написал халифу, могущественному шаху Хауризму и всем князьям Персии, чтобы заверить их в чистоте своей веры. Его послы везде принимали с почетом, а халиф и все князья в ответных письмах даровали Джеллал-эд-дину титул князя, который не был присвоен ни одному из его предшественников. Имамы и сведущие в законах люди громко отстаивали ортодоксальность веры горного вождя, которому они присвоили имя Нев (*Новый*) Мусулман. Когда жители Касвина, всегда враждовавшие с исмаилитами, усомнились в его ортодоксальности, Джеллал-эд-Дин снизошел до того, что попросил их прислать в Аламут несколько уважаемых людей, чтобы иметь возможность убедить их. Они пришли, и в их присутствии он предал огню груды книг, которые, по его словам, были сочинениями Хасана Сабаха и содержали тайные правила и предписания общества. Он проклял память Хасана и его преемников, и посланники вернулись в Касвин, полностью убедившись в его искренности.

На второй год своего правления Джеллал-эд-Дин дал еще одно доказательство чистоты своей религиозной веры, разрешив, а может быть, и приказав своему гарему, то есть матери,

жене и длинному отряду их прислужниц, совершить паломничество в священный город Мекку, чтобы поклониться гробнице Пророка. Священное знамя, согласно обычаю, несли перед караваном паломников из Аламута, а обычная в таких случаях раздача воды паломникам (Tesbeel)[58] была проведена гаремом горного князя с такой пышностью и либеральностью, что намного превзошла все, что делал великий шах Хауризма, чей караван достиг Багдада в то же время на пути в Мекку. Халиф Насир-ладин-Иллах даже отдал предпочтение знамени паломников из Аламута, и этот знак пристрастия навлек на него гнев могущественного принца хауризма. После этого он дважды собирал армию, чтобы выступить против преемника Пророка. С первой, состоявшей почти из 300 000 человек, он выступил в поход на Багдад, дошел до Хамадана и Холуана, когда сильная снежная буря заставила его отступить. Он собрал свои силы во второй раз, когда полчища Чингисхана ворвались в его владения. Его сын и преемник возобновил свои планы и достиг Хамадана, когда снова налетела снежная буря, отвратившая гибель от Города Мира. Поскольку сила монгольского завоевателя была теперь велика и грозна, благоразумный князь Аламут отправил тайных послов, чтобы заверить его в своей покорности и выразить почтение.

Джеллал-эд-Дин принимал более активное участие в политике своих соседей, чем его предшественники. Он заключил союз с атабегом Мозаффером-эд-дином (*Причиняющим победу религии*), правителем Азербейджана, против правителя Ирака, который был их общим врагом. Он даже посетил атабега в его резиденции, где был принят с величайшей пышностью, и каждый день атабег присылал 1000 динаров на расходы по его столу. Два принца обратились к халифу за помощью; их просьба была удовлетворена, они выступили в поход, разбили и убили правителя Ирака и назначили на его место другого. После восемнадцатимесячного отсутствия Джеллал-эд-Дин вернулся в Аламут, за это время своим благоразумным поведением значительно приумножив славу своей ортодоксальности. Теперь он решился на связь с одним из древних княжеских домов страны и попросил в жены дочь Ки Каоса, князя Гилана. Последний выразил готовность дать свое согласие при условии получения согласия халифа, в Багдад были отправлены посланники, которые быстро вернулись с одобрением Насир-ладин-Иллаха, и принцесса Гилана была отправлена в Аламут.

Упоминание о Гилане и Ки Каосе дает возможность, которую мы не хотим упустить, разнообразить наше повествование экскурсом в области персидской географии и романтики, который может бросить отблеск солнца поэзии на заключительную часть нашей истории о темных и тайных деяниях исмаилитов.

Горная цепь под названием Демавенд, на южной стороне которой расположен Рудбар, территория исмаилитов, является северным окончанием провинции Ирак Аджеми, или Персидский Ирак. За ним до Каспийского моря простирается плодородная область, частично холмистая, частично равнинная[59]. Эта страна делится на пять районов, которые в те времена отличались друг от друга и были независимы друг от друга. У подножия гор лежали Таберистан и Дилем, первый - на востоке, второй - на западе. Дилем знаменит тем, что был родиной семьи Буйя, которая, поднявшись из самого скромного положения, осуществляла при халифах и с титулом Амир-аль-Омра (*князь князей*) почти царскую власть над Персией в течение полутора веков[60]. К северу от Дилема лежал Гилан, а к северу от Таберистана - Мазендеран, древняя Гиркания. В середине этих четырех провинций лежали Руян и Ростемдар, примечательные тем, что в течение 800 лет ими управляла одна княжеская семья, в то время как династия за династией поднимались и падали в соседних государствах. В этих провинциях имена королевских родов вызывают в памяти древнюю историю, как правдивую, так и сказочную, Иран (Персии), как мы находим ее в поэме

Фердуси, Гомера этой страны. Семья Кавпара, правившая Руяном и Ростемдаром, вела свою родословную от знаменитого кузнеца Гаваха, поднявшего свой фартук как штандарт восстания против ассирийского тирана Зохака; а семья Бавенда, правившая Мазендераном и Таберистаном почти семь веков с двумя перерывами, происходила от старшего брата Нуширвана Справедливого, самого знаменитого монарха из дома Сасана.

Этот регион является классической землей Персии. Когда, как гласит их романтическая история, Джемшид, третий монарх Ирана после Каямара, первого, кто правил людьми, долгое время царствовал в счастье и процветании, его голова вознеслась в гордыне, и Бог отнял у него свою благосклонность. В его владения вторгся Зохак, князь таузеев (ассирийцев или арабов); подданные отпали от него, и, скрываясь в течение ста лет в тайных местах, он попал в руки победителя, который разрубил его пилой на части. Из рода Джемшида родился ребенок по имени Феридун, которого, как только он появился на свет (в деревне Вереги, в Таберистане), его мать Фаранук отдала пастуху на воспитание, а питанием ему служило молоко самки буйвола, которую звали Пурмаие. В это время Зохаку приснился сон, в котором он увидел двух воинов, которые подвели к нему третьего, вооруженного дубиной, оканчивающейся головой коровы. Воин ударил его по голове своей дубиной, взял его и заковал в пещере горы. Он проснулся с громким криком и позвал всех жрецов, и астрологов, и мудрецов, чтобы они истолковали его сон. Они боялись говорить. Наконец они рассказали ему о рождении и воспитании Феридуна, которому суждено было победить его. От известия Зохак упал со своего трона, потеряв дар речи. Придя в себя, он разослал во все стороны людей, чтобы те разыскали и предали смерти роковое дитя; но материнская тревога Фаранук была начеку, и она удалила юного Феридуна на знаменитую гору Эльбурс, где передала его на попечение благочестивого анхорита. После долгих поисков Зохак обнаружил место, где Феридун был впервые помещен своей матерью, и в гневе убил прекрасную и невинную корову Пурмаие.

Зохак представлен как самый отвратительный тиран. Действуя по совету дьявола, он убил собственного отца, чтобы получить трон. После этого его адский советник принял облик юноши и стал его поваром. Он готовил для него всевозможные диковинные и изысканные блюда, ведь до сих пор пища человечества была грубой и простой. В качестве награды он попросил лишь разрешения поцеловать плечи царя. Зохак с готовностью выполнил эту, казалось бы, умеренную просьбу, но из тех мест, где дьявол припечатал его губы, выросли две черные змеи. Тщетно пытались удалить их, тщетно отрезали, они снова росли, как растения. Лекари были в недоумении. В конце концов сам дьявол явился в облике врача и сказал, что единственный способ заставить их замолчать - это кормить их человеческими мозгами. Его цель, как нам говорят, заключалась в том, чтобы таким образом постепенно уничтожить весь род человеческий.

Казалось, что замысел дьявола будет выполнен. Каждый день убивали по два человека, а змеи питались их мозгами. В конце концов два повара тирана обнаружили, что мозг человека, смешанный с мозгом барана, удовлетворяет чудовищ, и из двух человек, которых давали убивать каждый день, они всегда тайно отпускали одного, а те, кто был избавлен таким образом, стали прародителями коордов, обитающих в горах к западу от Персии. Среди тех несчастных, кто был обречен стать пищей для змей, был сын кузнеца по имени Гавах. Пострадавший отец смело предстал перед тираном и стал убеждать его в несправедливости своего поведения. Зохак выслушал его с терпением и отпустил сына. Он также сделал его носителем письма, адресованного всем провинциям империи, в котором восхвалял свою доброту и призывал всех поддержать его против молодого претендента на его трон. Но Гавах, вместо того чтобы выполнить поручение, разорвал письмо тирана и, подняв свой кожаный

фартук на копье в качестве штандарта, призвал всех жителей Ирана встать и взяться за оружие в поддержку Феридуна, законного наследника трона Джемшида.

Из Шах-Наме, иллюминированный персидский MS.

В это время Феридун, которому исполнилось два раза по восемь лет, спустился из Эльбурса и, подойдя к матери, попросил ее рассказать ему, от кого он произошел. Фаранук рассказал ему всю свою историю, когда юный герой в сильном волнении поклялся напасть на тирана и отомстить ему за смерть отца; но его мать пыталась, представляя великую силу Зохака, отвлечь его от задуманного и увещевала оставить все подобные мысли и спокойно наслаждаться благами этой жизни. Но вот показалось многочисленное войско, возглавляемое Гавахом в поисках истинного наследника престола. Феридун, радостно выйдя

им навстречу, украсил золотом и драгоценными камнями кожаное знамя, поместил на него шар луны и, назвав его Диреш-и-Гавани ("*Фартук Гаваха*"), выбрал его знаменем империи Иран. Каждый последующий принц, как нам рассказывают, при вступлении на престол добавлял к нему драгоценности, и Диреш-и-Гавани пылал на фронте битвы, как солнце. Тогда Феридун, призвав кузнецов, начертил для них на песке форму булавы с коровьей головой на конце и, когда они ее сделали, назвал ее Гавпейгор (*Коровье лицо*) в честь своей кормилицы. Покинув мать, он выступает в поход против тирана; с неба приходит ангел, чтобы помочь правому делу; Зохаки покидает свое войско, попадает в руки Феридуна, который по указанию ангела заточает его в пещере горы Демавенд. Феридун, взойдя на трон своих предков, правил с такой мягкостью, твердостью и справедливостью, что его имя и по сей день в Персии обозначает идеал совершенного монарха .[61]

Мазендеран не менее знаменит в персидской романтике, чем область у подножия Демавенда. Это была сцена опасностей, которым подвергался легкомысленный Кедж Каос (предполагаемый Киаксарес греков), и чудесных приключений, называемых "Семь басен или этапов" героя Рустема, персидского Геракла, который пришел к нему на помощь. Когда Кедж Каос взойшел на трон Иран, он ликовал в своем богатстве и могуществе. *Демон*, желая погубить его, принял облик странствующего менестреля и, придя ко двору, попросил разрешения спеть перед падишахом (*императором*). Его просьба была удовлетворена, темой его песен было восхваление Мазендерана, и он пел так

"Мазендеран заслуживает того, чтобы шах думал о нем; в его садах вечно цветет роза, его холмы усыпаны тюльпанами и джессаминами, воздух мягкий, земля яркого оттенка, ни холод, ни жара не угнетают прекрасную землю, весна здесь всегда, соловей поет без остановки в садах, а олень радостно носится по лесу. Земля не устает приносить плоды, воздух всегда наполнен благоуханием, потоки подобны розовой воде, тюльпан непрерывно сияет на лугах, реки чисты, а берега их улыбаются: всегда ты можешь увидеть сокола в погоне. Все его районы украшены изобилием пищи, безмерны сокровища, которые там навалены, цветы склоняются в поклонении перед троном, а вокруг него стоят знаменитые мужи, богато опоясанные золотом. Кто не живет там, тот не знает удовольствия, ибо радость и пышное времяпрепровождение ему неведомы".

Кедж Каос был обольщен искушителем и, желая завладеть столь богатой землей, повел в нее большое войско. Шаху Мазендерана помогал могущественный демон или чародей по имени Див Сеффид (*Белый Див*), который своими магическими искусствами навел глубокую тьму на иранского монарха и его войска, в которой все они были бы уничтожены, если бы вовремя не прибыл Рустем, который, преодолев все препятствия, которые магия могла поставить на его пути, сразил Дива Сеффид и освободил своего государя.

Впоследствии, как рассказывает нам поэт, Кедж Каос задумал вознестись на небо, что и сделал следующим образом. Был сооружен помост, на котором установили трон для монарха; по углам поставили четыре копы с кусками козьей плоти, а внизу привязали четырех голодных орлов, которые, пытаясь добраться до мяса, подняли помост в воздух; но когда силы птиц истощились, все упало вместе с королевским аэронавтом в пустыню, где его нашли Рустем и другие вожди.

Оттуда же.

История "Шах-наме" (*Царь-книги*), в которой содержатся эти легенды, - одна из самых любопытных в литературе. Фанатизм арабов, завоевавших Персию, с неизбирательной яростью обрушился на литературу и религию этой страны; и когда во времена Аль-Мансура и его преемников Харун-эр-Рашида и Аль-Мамуна арабы сами стали уделять внимание литературе и науке, они культивировали именно греческую науку и поэзию родного языка. Персидская литература тем временем томила в безвестности, а традиционные, героические и легендарные сказания народа быстро исчезали из памяти, когда один из правителей одной из провинций, ревностно заботясь о чести персидского народа, собрал их и составил из них непрерывное повествование в прозе. Созданная таким образом книга получила название "Бостан-наме" ("*Книга-сад*"). Она пользовалась большой популярностью

в северной части Персии, где, вдали от двора халифов, лучше сохранились персидские нравы, язык и национальность; и когда турецкий род Самени основал империю в этой части Персии, султан Мансур I, представитель этого рода, отдал приказ поэту по имени Дакики переложить "Бастан-наме" на персидский лад. Поэт взялся за дело, но не успел написать и тысячи стихов, как погиб от убийства. Предполагалось, что никто не сможет продолжить его работу, и она была приостановлена до двадцати лет спустя, когда знаменитый Махмуд из Гизни, завоеватель Индии, встретившись с "Бастан-наме", отдал ее части трем самым известным поэтам того времени для переложения на стихи. Пальма первенства была присуждена Ансери, который пересказал историю Сохраба, убитого своим собственным отцом Рустемом, одну из самых трогательных и трогательных историй на любом языке. Султан назначил его принцем поэтов и поручил ему переложить на стихи все произведение; но, не веря в свои силы, Ансери уклонился от этой задачи, и, встретив через некоторое время поэта из Тоса в Хорасане, по имени Исаак, сына Шериф-шаха, прозванного Фердузи (*Paradisal*^[62]), то ли из-за того, что его отец работал садовником, то ли из-за красоты его стихов, он представил его султану, который с радостью поручил ему эту работу. Фердузи с энтузиазмом трудился над воспеванием древней славы своей страны; за тридцать или, как утверждают некоторые, всего за восемь лет он довел поэму до двух тысяч строк, которые были добавлены другим поэтом уже после его смерти.

Шах-наме - это, вне всякого сравнения, лучшая поэма магометанского Востока. Она состоит из 60 000 рифмованных двустиший и охватывает историю Персии от начала мира до периода ее завоевания арабами. Стихи движутся вперед с духом и быстротой, больше напоминая течение наших лирических, чем обычных героических, строк.^[63]

Фердузи написал свою поэму в начале одиннадцатого века по книге, которая существовала уже давно, так как он всегда называет ее *старой книгой*. Поэтому нет необходимости доказывать, что он не придумал сказки, из которых состоит "Шах-наме", и они имеют все шансы быть древними традиционными легендами персидского народа. Но мы можем показать, что эти легенды были популярны в Персии почти за шесть столетий до его времени; и именно для того, чтобы установить этот любопытный момент, мы рассказали историю о Зохаке и Феридуне.

Моисей Хоренский, армянский историк, писавший около 440 года, так обращается к тому, кому посвящена его работа. "Каким образом суетные и пустые басни о Бираспе Астиагесе должны завоевать хоть часть твоего расположения, или почему ты должен возлагать на нас труд разъяснять нелепые, безвкусные, бессмысленные легенды персов о нем, а именно: о его первом вредном воздействии демонических сил, которые были ему подвластны, и как он не мог обмануть того, кто сам был обманом и лживостью. Затем о поцелуе в плечи, откуда появились драконы, и о том, как с тех пор рост порока уничтожал человечество, изнеживая живот, пока, наконец, некий Родонес не связал его медными цепями и не привел на гору, которая называется Демавенд; Затем Бираспес втащил на холм Родонеса, когда тот уснул по дороге, но этот последний, пробудившись от сна, привел его в пещеру горы, где заковал в цепи и поставил напротив него образ, чтобы, уstraшенный им и удерживаемый цепями, он никогда больше не смог вырваться и уничтожить мир."

Перед нами, очевидно, вся история о Зохаке и Феридуне, бытовавшая в Персии в V веке; и любой, кто задумывался о природе традиции, должен хорошо понимать, что она существовала там за много веков до этого. Сами имена почти одинаковы. Если взять первый слог из Феридуна, то получится почти Родон, а Бийраспи Айдахак (слова армянского текста) означает дракона Байраспа: Зохака, очевидно, почти то же самое с последним словом. Эта басня вряд ли могла быть придумана во времена Сасанидской династии, которая тогда

находилась на троне не более двух столетий, тем более в период владычества парфянских Арсакидов, которые были противниками всего персидского. Таким образом, мы переносимся во времена Кеянов, ахеменидов греков; и отнюдь не исключено, что история о Зохаке и Феридуне была известна даже тому войску, которое Ксеркс повел на покорение Греции.

Знатокам восточной истории хорошо известно, что, когда основатель дома Сасанов взошел на трон Персии в 226 году, он решил вернуть все, насколько это было возможно, к состоянию времен Кеджанов, от которых он происходил, и что его преемники пошли по его стопам. Но поскольку Персия в течение пяти с половиной веков находилась под властью греков и парфян, то, вероятно, не сохранилось ни одной достоверной записи о древнем положении вещей. Поэтому пришлось прибегнуть к традиционным преданиям страны; а поскольку легенда о Зохаке и Феридуне, как мы видели, была одной из самых замечательных, ее сразу же приняли за подлинную часть национальной истории и сделали знаменем, изображающим передник Гаваха, который, как описывает поэт, украшался дополнительными драгоценностями каждым монархом из дома Сасана при его восшествии на престол. Эта гипотеза очень просто объясняет то обстоятельство, что это знамя осталось незамеченным греческими писателями, в то время как несомненным фактом является то, что оно было захвачено арабами в битве при Кадьяхе, которая сломила власть Персии, - обстоятельство, которое озадачило сэра Джона Малькольма.

В заключение заметим, что историк, о котором только что шла речь, как и некоторые другие, считает, что тьма, наведенная магическим искусством Белого Деева на Ки Каоса и его армию в Мазандеране, совпадает с затмением солнца, предсказанным Фалесом, и которое, согласно Геродоту, разделило армии мидян и лидийцев, когда они вступили в конфликт. Однако, как мы полагаем, на такие совпадения следует обращать мало внимания. Традиция обычно не хранит память о фактах такого рода, хотя вымысел достаточно склонен их придумывать. Единственные обстоятельства, которые мы наблюдали в ранней части "Шах-наме", согласующиеся с греческой историей, - это некоторые, относящиеся к юности Кей-Хосру, которые очень похожи на то, что Геродот рассказывает о Кире.

Теперь мы вернемся к истории ассасинов.

Глава XI.

Смерть Джеллал-эд-Дина - Характер Ала-эд-Дина, его преемника - Шейх Джемаль-эд-Дин - Астроном Насир-эд-Дин - Визирь Шереф-аль-Мулк - Смерть Ала-эд-Дина - Преемство Рукн-эд-Дина, последнего шейха-аль-Джебала.

Правление Джеллал-эд-Дина, которое, к несчастью для общества, длилось всего двенадцать лет, не было запятнано кровью, и мы не видим причин сомневаться в суждениях восточных историков, которые считают его веру в ислам искренней и чистой. Вероятно, именно добродетель стала причиной его смерти, поскольку его жизнь, как подозревали, оборвалась из-за яда, подмешанного его собственными родственниками. Его сыну Ала-эд-дину^[64] (*Преосвященному религии*), который стал его преемником, было всего девять лет; но поскольку, согласно максиме исмаилитов, видимый представитель имама был в определенной степени освобожден от обычных человеческих недостатков, а его приказы должны были рассматриваться как приказы того, чью власть он нес, юному Ала-эд-дину

повиновались так же беспрекословно, как и любому из его предшественников. По его приказу пролилась кровь всех его родственников, которых подозревали в участии в убийстве отца.

Ала-ед-дин оказался слабым и неэффективным правителем. Его увлечением было разведение и уход за овцами, и он проводил свои дни в котах среди пастухов, в то время как дела общества приходили в беспорядок. Все ограничения, наложенные его отцом, были сняты, и каждый был предоставлен делать то, что было правильно в его собственных глазах. Слабость интеллекта этого принца объясняется тем, что на пятом году своего правления он без ведома врача сделал себе обильное кровопускание, следствием чего стала крайняя степень слабости и глубокая меланхолия, которая никогда впоследствии его не покидала. С тех пор никто не мог решиться дать ему совет относительно его здоровья или состояния дел в обществе, не будучи вознагражденным за это дыбой или мгновенной смертью. Поэтому все держалось в тайне от него, и у него не было ни друга, ни советчика.

И все же Ала-эд-дин не был лишен некоторых достойных качеств. Он с уважением и почтением относился к учености и ученым людям. К шейху Джемалю-эд-дину Гили, жившему в Касвине, он во всех случаях проявлял глубочайшее почтение и ежегодно посылал ему 500 динаров на покрытие расходов по хозяйству. Когда жители Касвина упрекнули ученого шейха в том, что он живет на щедроты импичмента, тот ответил: "Имамы объявляют законным казнить исмаилитов и конфисковывать их имущество; насколько же более законно человеку пользоваться их имуществом и деньгами, когда они отдают их добровольно!" Ала-эд-дин, вероятно, узнав об упреках, направленных против его друга, послал заверить жителей Касвина, что только из-за шейха он их щадит, иначе он положит землю Касвина в мешки, повесит мешки на шеи жителей и привезет их в Аламут. О его уважении к шейху говорит и следующий случай. Гонец, пришедший с письмом от шейха, был настолько неосторожен, что передал его ему, когда тот был пьян. Ала-эд-дин приказал нанести ему сто ударов бастинадом, одновременно крикнув ему: "О глупый и беспечный человек, передать мне письмо от шейха в то время, когда я был пьян! Тебе следовало бы подождать, пока я выйду из бани и приду в себя".

Прославленный астроном Насир-эд-дин (*Победа религии*) также привлек внимание Ала-эда, которому не терпелось насладиться его обществом. Но философ, проживавший в Бохаре, не проявил склонности принять оказанную ему услугу. Поэтому Ала-эд-дин послал приказ Дай-аль-Кебиру Кухистана доставить невежливого мудреца в Аламут. Однажды, когда Насир-эд-дин отдыхал в садах в окрестностях Бохары, его внезапно окружили несколько человек, которые, показав ему лошадь, велели сесть, сказав, что ему нечего бояться, если он будет вести себя тихо. Напрасно он спорил и упирался; он был уже далеко на дороге в Кухистан, который находился на расстоянии 600 миль, прежде чем его друзья узнали, что он уехал. Губернатор принес все извинения за то, что был вынужден сделать. Философа отправили в Аламут, чтобы он стал спутником Ала-эда, и именно там он написал свой великий труд под названием "Мораль Насира" (*Ахлаак-Насири*).^[65]

Именно во время правления Ала-эда произошло следующее событие, так ярко иллюстрирующее методы работы ассасинов. Султан Джеллал-эд-дин, последний правитель хауризма, столь известный своим героическим сопротивлением Чингис хану, назначил эмира Архана правителем Нишабура, который вплотную примыкал к исмаилитской территории Кухистана. Архан был вынужден отправиться к султану, а оставленный вместо него заместитель совершил несколько разрушительных вторжений в Кухистан и опустошил исмаилитские районы Теем и Каин. Исмаилиты послали требовать удовлетворения, но единственным ответом на их жалобы и угрозы со стороны заместителя правителя было одно

из тех символических действий, которые так распространены на Востоке. Он пришел принять исмаилитского посланника с кинжалом за поясом, который он бросил на землю перед собой, чтобы выразить либо свое пренебрежение к кинжалам общества, либо намекнуть, что он может играть в эту игру так же хорошо, как и они. Однако исмаилиты не были людьми, которых можно безнаказанно провоцировать, и вскоре после этого в Кунджу, где при дворе султана проживал Архан, были отправлены три федава. Они наблюдали, пока эмир не вышел за стены города, а затем набросились на него и убили. Затем они поспешили к дому везира Шереф-аль-Мулька (*Благородство царства*) и проникли в его диван. К счастью, в это время он был занят с султаном, и они не заметили его; но они тяжело ранили одного из его слуг, а затем, выйдя вперед, прошли по улицам, громко провозглашая, что они ассасины. Однако они не избежали наказания за свое безрассудство: народ собрался и забил их камнями до смерти.

Посланник исмаилитов по имени Бедр-эд-Дин (*Полнолуние религии*) Ахмед направлялся ко двору султана. Услышав о случившемся, он остановился и послал к визирю узнать, следует ли ему ехать дальше или вернуться. Шериф-аль-Мулк, опасаясь разгневать ассасинов, велел ему продолжать путь, а когда тот прибыл, оказал ему всяческие почести. Целью миссии Бедр-эд-Дина было получение компенсации за опустошения, совершенные на территории исмаилитов, и уступка крепости Дамаган. Визирь без колебаний выполнил первое требование и так же без труда выполнил второе. Был составлен документ, по которому исмаилиты получали возделенную крепость при условии, что они будут ежегодно перечислять в королевскую казну 30 000 золотых.

Когда это дело было улажено, султан отправился в Азербейджан, а исмаилитский посол остался в гостях у визиря. Однажды, после роскошного пира, когда вино, которое они пили в нарушение закона, вскружило им голову, посол в порядке доверия сообщил визирю, что среди пажей, конюхов, стражников и других лиц, находящихся в непосредственной близости от султана, есть несколько исмаилитов. Визирь, встревоженный и в то же время желая узнать, кто эти опасные сопровождающие, попросил посла указать ему на них, дав ему свою салфетку в залог того, что с ними не случится ничего дурного. Мгновенно, по знаку посланника, пять человек из числа служителей палаты вышли вперед, объявив себя скрытыми ассасинами. "В такой день и в такой час, - сказал один из них, индеец, визирю, - я мог бы убить тебя, не будучи замеченным или наказанным; а если я этого не сделал, то только потому, что не имел приказа от своих начальников". Визирь, робкий от природы и еще более усилившийся под действием вина, разделся до рубашки и, сев перед пятью ассасинами, стал умолять их пощадить его, уверяя, что он такой же преданный раб шейха Ала-эд-Дина, как и султана Джеллал-эд-Дина.

Как только султан узнал о подлости и трусости своего везира, он отправил к нему гонца с самыми резкими упреками и приказом сжечь живьем пятерых исмаилитов без промедления. Визирь, хотя и с неохотой, вынужден был подчиниться, и, нарушив свое обещание, пятеро камергеров были брошены на пылающий костер, где и умерли, ликуя от того, что их сочли достойными пострадать на службе у великого шейха аль-Джебала. Хозяин пажей также был предан смерти за то, что допустил к себе исмаилитов. Затем султан отправился в Ирак, оставив визиря в Азербейджане. Пока он там находился, к нему прибыл посланник из Аламута, который, получив аудиенцию, сказал: "Ты предал огню пять исмаилитов; чтобы выкупить свою голову, заплати за каждого из этих несчастных по 10 000 золотых". Визирь осыпал посланника почестями и велел своему секретарю составить договор в обычной форме, по которому тот обязывался выплачивать исмаилитам ежегодную сумму в 10 000

золотых, а также выплачивать за них 30 000, которые поступали в казну султана. После этого Шереф-аль-Мулька заверили, что ему нечего опасаться.

Предыдущий очень характерный анекдот опирается на веские основания, поскольку он приводится Абу-ль-Фетахом Ниссави, секретарем везира, в его жизни султана Джеллал-эд-Дина.

Астроном Насир-эд-дин был не единственным невольным пленником Аламута. Однажды Ала-эд-дин послал в Фарсиستان к атабегу Мозафферу-эд-дину с просьбой прислать ему способного врача. Просьбы Аламута не были легкомысленными, и атабег отправил в горы Джебала имама Беха-ед-дина, одного из самых известных врачей того времени. Мастерство имама оказалось очень полезным для принца, но когда лекарь попросил разрешения вернуться к своей семье, он обнаружил, что ему суждено провести остаток своих дней в Аламуте, если только он не переживет своего пациента.

Однако освобождение имама оказалось более скорым, чем он ожидал. Ала-эд-дин, у которого было несколько детей, назначил старшего из них, Рукн-эд-дина (*Опора религии*), пока тот был еще ребенком, своим преемником. Когда Рукн-эд-дин подрос, люди стали уважать его наравне с отцом и считать его повеления одинаково обязательными для них. Ала-ед-дин обиделся и заявил, что передаст наследство другому из своих детей; но поскольку это прямо противоречило одной из максим исмаилитов, а именно тому, что первая кандидатура всегда верна, к нему мало прислушались. Рукн-эд-дин, опасаясь за свою жизнь, которой угрожал его отец, удалился в крепкий замок, чтобы там дожидаться того времени, когда его призовут к престолонаследию. Тем временем тирания и капризы Ала-эд-дина дали многим из приближенных повод опасаться за свою жизнь, и они решили опередить его. В Аламуте жил один человек по имени Хасан, уроженец Мазендерана, который, хотя и не был исмаилитом, отличался гнусным и распутным характером. Он был объектом любовной привязанности Ала-ед-дина, и поэтому имел к нему свободный и постоянный доступ. Они выбрали его в качестве своего агента и без труда заполучили его. Ала-ед-дин, чье пристрастие к разведению и уходу за овцами никогда не ослабевало, построил для себя деревянный дом неподалеку от своих овечьих загонов, куда он часто удалялся и где предавался всем излишествам, от которых был в восторге. Хасан Мазендеранский воспользовался моментом, когда Ала-эд-дин лежал пьяный в этом доме, и прострелил ему шею стрелой. Рукн-эд-дин, который, как говорят, участвовал в заговоре, взял на себя роль мстителя за кровь, убийца и вся его семья были преданы смерти, а их тела - огню; но этот акт кажущейся справедливости не избавил Рукн-эд-дина от подозрений, и горькие упреки его матери были вылиты на него как на отцеубийцу.

Конец власти исмаилитов был уже близок. Рукн-эд-Дин едва успел взойти на трон убитого отца, как узнал, что приближается враг, против которого все попытки сопротивления будут тщетны.

Глава XII.

Монголы - Хулагу, посланные против исмаилитов - Рукн-эд-дин покоряется - Взятие Аламута - Уничтожение библиотеки - Судьба Рукн-эд-дина - Расправа над исмаилитами - Людовик и убийцы - Миссия по обращению народа Кухистана - Заключение.

Прошло полвека с тех пор, как голос монгольского провидца на берегах Селинги возвестил племенам этой расы, что он видел в видении Великого Бога, восседающего на своем троне и приговаривающего, что Темуджин, один из их вождей, должен стать Чингисханом (*Великим Ханом*), и послушные племена под предводительством Темуджина начали завоевательный путь, который простирался от восточных пределов Азии до границ Египта и Германии. В это время главная власть над монголами находилась в руках Мангу, внука Чингиса, принца, ставшего известным Европе благодаря долгому пребыванию при его дворе знаменитого венецианца Марко Поло. Монголы еще не вторглись в Персию, хотя при самом Чингисе они свергли и лишили владений могущественного султана Хауризма. Однако было очевидно, что эта страна не сможет долго избежать участи многих обширных и могущественных государств и что вскоре будет найден предлог для того, чтобы на нее хлынули полчища монголов.

Нам рассказывают, хотя это и кажется маловероятным, что от багдадского халифа к Невиану, монгольскому полководцу, командовавшему на северной границе Персии, прибыли послы с просьбой о безопасной доставке ко двору Мангу. Цель их миссии заключалась в том, чтобы умолять великого хана послать свои непобедимые войска для уничтожения этих вредителей общества - банд исмаилитов. Молитву посланников преемника Пророка поддержал судья Касвин, который в это время находился при дворе Мангу, где появился в почтовом плаще, чтобы, по его словам, обезопасить себя от кинжалов ассасинов. Хан отдал приказ собрать войско; командовать им был назначен его брат Хулагу, и, когда он собирался в путь, Мангу обратился к нему с такими словами

"С тяжелой конницей и могучим войском я посылаю тебя из Тоорана в Иран, страну могущественных князей. Теперь тебе надлежит строго соблюдать, как в великих, так и в малых делах, законы и постановления Чингисхана и овладеть странами от Оксуса до Нила. Привлечи к себе благосклонностью и наградами послушных и покорных, а непокорных и мятежных, с их женами и детьми, повергни в прах презрения и несчастья. Когда ты покончишь с ассасинами, приступай к завоеванию Ирака. Если багдадский халиф готов служить тебе, ты не причинишь ему вреда; если он откажется, пусть его постигнет участь остальных".

Армия Хулагу была усилена тысячей семей китайских пожарных, которые управляли таранными машинами и сжигали горящую нефть, известную в Европе под названием греческого огня. Он выступил в путь в месяце рамазан 651-го года хеджры (1253 г. н.э.). Его поход был настолько медленным, что он пересек Оксус только через два года после этого. На дальнем берегу этой реки он решил поохотиться на львов, но наступили такие сильные холода, что большая часть его лошадей погибла, и он был вынужден ждать наступления весны, прежде чем смог двинуться в путь. Все князья угрожавших стран отправили в лагерь монголов посольства с заявлением о своей покорности и послушании. Штаб-квартира Хулагу находилась теперь в Хорасане, откуда он отправил посланников к Рукн-эд-дину, вождю исмаилитов, требуя его подчинения. По совету астронома Насир-эд-дина, который был его советником и министром, Рукн-эд-дин отправил к Баиссуру Нубину, одному из генералов Хулагу, который продвинулся к Хамадану, заявление о своей покорности и желании жить в

мире со всеми. Монгольский генерал посоветовал Рукн-эд-дину, поскольку приближался сам Хулагу, лично подождать его. После некоторой задержки тот согласился послать своего брата Шахиншаха, который сопровождал сына Баиссура в покои монгольского принца. Тем временем Баиссур по приказу Хулагу вошел на территорию исмаилитов и приблизился к Аламуту. Войска ассасинов заняли крутой холм неподалеку от этого места. Монголы напали на них, но при каждой попытке подняться были отбиты. Вынужденные отказаться от нападения, они довольствовались тем, что сжигали дома и опустошали окрестности.

Когда Шахиншах достиг лагеря Хулагу и сообщил о покорности своего брата, горному вождю были переданы следующие приказы: "Поскольку Рукн-эд-дин прислал к нам своего брата, мы прощаем ему обиды, нанесенные его отцом и его последователями. Сам он, поскольку за время своего короткого правления не совершил ни одного преступления, должен разрушить свои замки и прийти к нам". Одновременно с этим Баиссуру был отправлен приказ передать опустошение района Рудбар. Рукн-эд-дин начал рушить некоторые из крепостей Аламута и в то же время послал просить отсрочки на год, прежде чем явиться к Хулагу. Но приказы монгола были настоящими; от него требовалось явиться немедленно и поручить оборону своей территории монгольскому офицеру, который был носителем приказов Хулагу. Рукн-эд-дин колебался. Он послал еще раз, чтобы оправдаться и попросить больше времени; в доказательство своей покорности он приказал правителям Кухистана и Кирдкоха отправиться в монгольский лагерь. Знамена Хулагу развевались у подножия Демавенда, недалеко от территории исмаилитов, и в Маймундез, где укрылся Рукн-эд-дин со своей семьей, снова пришел приказ: "Властитель мира прибыл в Демавенд, и медлить больше нельзя. Если Рукн-эд-дин хочет подождать несколько дней, он может тем временем послать своего сына". Испуганный вождь заявил, что готов послать сына, но, по уговорам своих женщин и советников, вместо себя послал сына рабыни, который был того же возраста, с просьбой вернуть ему брата. Хулагу вскоре узнали о навязывании, но не пожелали заметить этого иначе, как отослав ребенка обратно, сказав, что он слишком мал, и потребовав, чтобы вместо Шахиншаха прислали его старшего брата, если таковой у него имеется. В то же время он отстранил Шахиншаха от должности такими словами: "Скажи брату твоему, чтобы он разрушил Маймундез и пришел ко мне; если он не придет, то вечный Бог знает последствия".

Монгольские войска теперь покрывали все холмы и долины, и Хулагу лично предстал перед Маймундеем. Ассасины храбро сражались, но у Рукн-эд-дина не хватило духу выстоять. Он послал другого своего брата, сына, везира Насир-ед-дина и главных лиц общества с богатыми подарками к монгольскому принцу. Насир-эд-дину было приказано превозносить силу исмаилитских крепостей, чтобы добиться хороших условий для своего господина; но вместо этого он велел Хулагу не обращать на них внимания, заверив его, что соединение звезд возвещает о падении исмаилитов и что солнце их могущества спешит к закату. Было решено сдать замок при условии свободного выхода. Рукн-эд-дин, его министры и друзья вошли в лагерь монголов в первый день месяца Зоо-л-Кааде. Его богатства были разделены между монгольскими войсками. Хулагу сжалился над ним, говорил с ним ласково и обращался с ним как со своим гостем. Насир-эд-дин стал визирем завоевателя, который впоследствии построил для него обсерваторию в Мераге.

Теперь монгольские офицеры были направлены во все замки исмаилитов в Кухистане, Рудбаре и даже в Сирии с приказом Рукн-эд-дина губернаторам сдать или разрушить их. Число этих сильных крепостей достигало ста, из них только в Рудбаре было разрушено сорок. Три самых сильных замка в этой провинции, а именно Аламут, Ламсир и Кирдкох, не решались сдаваться: их губернаторы ответили на вызов, что будут ждать, пока Хулагу лично не явится к ним. Через несколько дней монгольский принц и его пленник были у подножия

Аламута. Рукн-эд-дина привели под стены, и он приказал правителю сдаться. Его приказ был проигнорирован, и Хулагу, не желая терять времени, перенес свой лагерь в Ламсир, оставив корпус для блокады Аламута. Жители Ламсира немедленно явились со своими почестями, а через несколько дней после этого из Аламута прибыли посланцы с просьбой к Рукн-эд-дину ходатайствовать за жителей перед братом Мангу. Завоеватель был умерен; он разрешил им свободный выезд и дал три дня на то, чтобы собрать и вывезти свои семьи и имущество. На третий день монгольские войска получили разрешение войти в крепость и разграбить ее. Жаждающие добычи, они бросились в доселе непобедимое, а теперь опустевшее Гнездо стервятника и разграбили все, что в нем оставалось. Когда они спешили по подземельям в поисках сокровищ, то, к своему изумлению, часто оказывались погруженными в мед или плавали в вине; ведь там были большие сосуды для вина, меда и кукурузы, вырубленные в твердой скале, природа которых была такова, что, хотя, как нам говорят, они были наполнены во времена Хасана Сабаха, кукуруза была совершенно цела, а вино не прокисло. Это необычное обстоятельство исмаилиты считали чудом, совершенным основателем их общества.

Когда Аламут перешел в руки монголов, Ата-Мелек (*отец короля*) Джовайни, знаменитый везир и историк, попросил у Хулагу разрешения осмотреть знаменитую библиотеку этого места, основанную Хасаном Сабахом и увеличенную его преемниками, и выбрать из нее такие произведения, которые могли бы занять достойное место в ханской библиотеке. Разрешение было получено с готовностью, и он приступил к изучению книг. Но Ата-Мелек был слишком ортодоксальным мусульманом или слишком ленивым экспертом, чтобы наилучшим образом использовать предоставленную ему возможность; все, что он сделал, - это выбрал из коллекции Коран и несколько других книг, которые посчитал ценными, а остальные, вместе со всеми философскими трудами, предал огню, как нечестивые и еретические. Таким образом, все архивы общества были уничтожены, и единственным источником информации о его доктринах, правилах и истории является то, что Ата-Мелек в своей собственной истории рассказывает о результатах своих поисков среди архивов и книг библиотеки Аламута, предшествовавших созданию *ауто-да-фе* из них.

Судьба последнего представителя династии, каким бы ни был ничтожным и незначительным его персонаж, всегда интересна только тем обстоятельством, что он был последним и, таким образом, как бы воплотил в себе историю своих предшественников. Поэтому мы сделаем паузу, чтобы рассказать оставшуюся часть истории слабого Рукн-эд-дина.

Когда Хулагу, завершив поход на Рудбар, удалился в Хамадан, где оставил своих детей, он взял с собой Рукн-эд-дина, к которому продолжал относиться с добротой. Здесь принц-ассасин влюбился в монгольскую девицу из самого низкого сословия. Он попросил у Хулагу разрешения взять ее в жены, и, по указанию этого принца, свадьба была отпразднована с большой торжественностью. Затем он попросил отправить его ко двору Мангу-хана. Хулагу, хотя и был удивлен этой просьбой, согласился на нее и дал ему в сопровождение корпус монголов. В то же время он велел ему по пути приказать гарнизону Кирдкоха, который еще держался, сдаться и разрушить крепость. Рукн-эд-дин, проезжая мимо Кирдкоха, выполнил приказ, но в то же время отправил губернатору личное послание с просьбой держаться как можно дольше. Прибыв в Кара-Курум, резиденцию хана, он не был допущен к аудиенции, но ему было передано следующее послание: "Так говорит Мангу: Поскольку ты намерен быть послушным нам, почему не сдан замок Кирдкох? Возвращайся и разрушь все оставшиеся замки; тогда ты сможешь удостоиться чести лицезреть наш императорский лик". Рукн-эд-дин был вынужден вернуться, и вскоре после того, как он переправился через Оксус, его

сопровождающие, заставив его сойти под предлогом развлечения, пронзили его своими мечами.

Мангу-хан был полон решимости истребить весь род исмаилитов, и приказы об этом уже дошли до Хулагу, который ждал только исполнения, пока не сдастся Кирдкох. Поскольку гарнизон этого места продолжал упорствовать, он больше не смел медлить. Был отдан приказ о беспорядочной резне, и вскоре жертвами стали 12 000 исмаилитов. Процесс был коротким: где бы ни встречался член общества, ему без всякого разбирательства приказывали встать на колени, а его голову тут же валили на землю. Хулагу послал одного из своих визирей в Касвин, где жила семья Рукн-эд-дина, и все они были преданы смерти, кроме двух (говорят, женщин), которые были оставлены, чтобы отомстить принцессе Боолган Халун, чей отец Джагатай погиб от кинжалов ассасинов.

Осаду Кирдкоха Хулагу (который теперь шел на Багдад, чтобы положить конец империи халифов) поручил князьям Мазендерана и Руяна. Замок продержался три года, и осада была примечательна следующим любопытным случаем: в начале весны в лагерь пришел поэт по имени Курби из Руяна. Он начал петь на диалекте Таберистана знаменитую народную песню о весне, начинающуюся такими строками

Когда солнце от рыбы к барану возвращается,
Знамя весны развевается на утреннем ветерке.[\[66\]](#)

Песня пробудила в умах принцев и воинов воспоминания о весенних удовольствиях, которые они оставили позади; непобедимая тоска по ним охватила все войско, и, не задумываясь о последствиях, они сняли осаду и отправились наслаждаться сезоном цветов в благоухающих садах Мазендерана. Хулагу, узнав об их поведении, сильно разгневался и послал против них войска, но простил их, когда они принесли должные извинения и покорность.

Исмаилитской власти в Персии теперь был положен полный конец; халифат, уничтожение которого было ее главной целью, также был вовлечен в ее гибель, а власть монголов установилась над всем Ираном. Монгольские войска безуспешно пытались захватить исмаилитские крепости в Сирии, но по истечении четырнадцати лет то, чего они не смогли добиться, было достигнуто великим Бейбарсом, черкесским мамлюком, султаном Египта, который разрушил все крепости ассасинов в сирийских горах и уничтожил их власть в этом регионе.

Последним контактом ассасинов с западными христианами, о котором мы читаем, был контакт со Святым Людовиком. Вильгельм Нангисский рассказывает - но эта история, очевидно, апокрифическая - что в 1250 году двое из *Арсакидов* были посланы во Францию, чтобы убить этого принца, которому тогда было всего двадцать два года. Однако *Сенекс де Монте* раскаялся и послал других, чтобы предупредить французского монарха. Прибывшие вовремя, первые были обнаружены, и тогда король наградил их всех подарками и отпустил с богатыми дарами для их господина.

Отбросив эту пустую легенду, мы можем смело верить рассказу Жуанвиля о том, что в 1250 году, когда Людовик Святой жил в Акре после плена в Египте, к нему прибыло посольство от Старика с Горы, целью которого было добиться через него отмены дани, которую он платил тамплиерам и госпитальерам. Как бы уклоняясь от ответа, который, естественно, мог быть сделан, посол сказал, что его господин считает совершенно бесполезным жертвовать

жизнями своих людей, убивая магистров этих орденов, так как на их место немедленно будут назначены люди не хуже их. Наступило утро, и король пожелал, чтобы они вернулись вечером. Когда они явились снова, с ними были магистры Храма и Госпиталя, которые, повторив предложения, объявили их самыми экстравагантными и заверили послов, что, если бы не святость их характера и не уважение к слову короля, они бы бросили их в море. Им было приказано вернуться и в течение пятнадцати дней привезти королю удовлетворительное письмо. Они ушли и, вернувшись в назначенное время, сказали королю, что их вождь в знак дружбы прислал ему свою рубашку и золотое кольцо. Они также принесли ему шашки и шахматные доски, украшенные янтарем, слона и жирафа (*орафл*) из хрусталя. Не уступая в щедрости, король отправил в Массиат посольство с подарками для вождя исмаилитов - алыми одеждами, золотыми кубками и серебряными вазами.

Умозрительные догматы будут продолжаться и распространяться еще долго после того, как секта или общество, придерживающееся их, потеряет всякое временное влияние и значение. Так, через семьдесят лет после разрушения Аламута, в правление Абу-Зейда, восьмого преемника Хулагу, выяснилось, что почти все жители Кухистана придерживаются исмаилитских взглядов. Монарх, который был ортодоксальным суннитом, посоветовался с правителем провинции, и было решено отправить миссию, состоящую из ученых и ревностных богословов, для обращения еретиков. Во главе миссии был поставлен благочестивый и ортодоксальный шейх Эмад-эд-дин из Бохары; другими членами миссии были два сына шейха и еще четыре ученых улема (*доктора права*), всего семь человек. Полные энтузиазма и рвения к благому делу, которое они затеяли, миссионеры отправились в путь. Прибыв в Кайн, главный город провинции, они с огорчением и негодованием обнаружили, что нет ни одного из обычных свидетельств мусульманской преданности. Мечети лежали в руинах, не было слышно ни утреннего, ни вечернего призыва к молитве, не было видно ни школы, ни больницы. Эмад-эд-Дин решил начать свою миссию с торжественного призыва к молитве. Приняв меры предосторожности и облачившись в доспехи, он и его спутники поднялись на террасу замка и с разных сторон разом закричали: "Скажи, что Бог велик! Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед - его пророк. К молитве, к добрым делам!" Жители, для которых эти звуки были необычными и оскорбительными, сбежались, решив наградить миссионеров мученическим венцом; но эти добрые люди, чье рвение было благоразумным, не стали, хотя и были вооружены, выдерживать схватку. Они укрылись в акведуке, где прятались до тех пор, пока народ не разошелся, тогда они снова вышли, поднялись на террасу и возвестили молитву. Народ снова собрался, и миссионеры снова попытались скрыться. Однако благодаря настойчивости и мощной поддержке губернатора провинции они постепенно приучили народ к формам православия. Спустя много лет султан Шахрох, сын Тимора, решил послать комиссию для выяснения состояния религии в Кохистане. Во главе ее он поставил Джелали из Кайна, внука Эмад-эд-Дина, человека образованного и талантливого, выдающегося писателя. Джелали считал себя особенно избранным небесами для этой цели, поскольку его внук возглавлял прежнюю миссию, а сам Пророк явился ему во сне и дал метлу для подметания земли, что он истолковал как поручение вымести из страны нечистоту неверности. Поэтому он с радостью приступил к исполнению своих обязанностей и после одиннадцатимесячного странствия положительно отзывался о вере жителей Кохистана, за исключением некоторых дервишей и других приверженцев *суфизма*.

В настоящее время, спустя почти шесть веков после уничтожения власти исмаилитов, эта секта все еще существует как в Персии, так и в Сирии. Но, как и анабаптисты, она утратила свой ужас, и учение исмаилитов теперь является всего лишь одной из спекулятивных ересей ислама. Сирийские исмаилиты живут в восемнадцати деревнях вокруг Массиата и ежегодно

платят 16 500 пиастров губернатору Хамы, который назначает их шейха или эмира. Они делятся на две секты или партии: соовейдани, названные так по имени одного из их бывших шейхов, и хисреви, названные так из-за их большого почитания Хизера, хранителя Колодца Жизни. Все они внешне строго соблюдают предписания ислама, но, как говорят, верят в божественность Али, в несотворенный свет как первопричину всех вещей и в шейха Рашид-эддина Синана как последнего представителя Бога на земле.

Персидские исмаилиты живут главным образом в Рудбаре, , но их можно встретить по всему востоку, и они даже появляются в качестве торговцев на берегах Ганга. Их имам, чью родословную они ведут от Исмаила, сына Джааффера-эс-Садика, живет под покровительством шаха Персии в деревне Кхех, в округе Кум. Поскольку, согласно их доктрине, он является воплощенным лучом божества, они почитают его и совершают паломничество из самых отдаленных мест, чтобы получить его благословение.

Таким образом, мы проследили зарождение, рост и упадок этого грозного общества, которое по масштабам могущества и единству планов и целей можно сравнить только с иезуитами. Однако, в отличие от последнего, его цель была исключительно злой, а карьера - кровавой: поэтому оно не оставило после себя никаких деяний, к которым его апологеты могли бы апеллировать в свою защиту. Тем не менее, его история всегда будет любопытной и поучительной главой в истории человеческой расы.

ТЕМПЛАРЫ.

Глава I.

Введение - Крестовые походы - Ошибочные представления об их происхождении - Истинные причины их возникновения - Паломничество Фротмонда - Паломничество графа Анжуйского - Разительное различие между христианством Востока и Запада - Причины различия их характеров - Феодализм - Масштабы и сила этого принципа.

Среди множества необычных явлений, которые представляют собой средние века, ни одно не заслуживает большего внимания и не является более характерным для того времени и состояния общества и мнений, чем учреждение военно-религиозных орденов госпитальеров, тамплиеров и тевтонских рыцарей. Из этих орденов, все из которых обязаны своим происхождением крестовым походам, начавшимся в XII веке, последний, после окончательной потери Святой земли, перенес место своей деятельности на север Германии и направив свое оружие против язычников, все еще занимавших южное побережье Балтики, стал в значительной степени основателем Прусской державы; В то время как первые, установив свой штандарт на острове Родос, долгое время галантно противостояли силам турок-османов, а когда в конце концов были вынуждены оставить этот остров, заняли свой пост на скале Мальта, где они храбро отразили войска величайшего из османских султанов и сохранили хотя бы номинальную независимость до конца XVIII века. Менее славная судьба постигла рыцарей Храма. Они стали жертвами беспринципной жадности безжалостного принца; их имущество было захвачено и конфисковано; их самые благородные члены погибли в огне; их память была опорочена и опошлена; им вменялись в вину самые жестокие

преступления; утверждалось, что на их советах царила тайная доктрина, разрушающая общественное спокойствие и национальную независимость. Несмотря на то, что нашлось немало умелых защитников этих обиженных рыцарей, обвинения против них повторяются и в наши дни; а один выдающийся востоковед (фон Хаммер) недавно даже попытался привести дополнительные и новые доказательства их тайной вины.[67] Добавить еще одного к числу их защитников, проследить происхождение, разработать внутреннюю конституцию их общества, рассказать об их действиях, изучить историю их осуждения и подавления и показать, насколько абсурдными и легкомысленными были обвинения против них, - вот цель настоящего автора, который, хотя и убежден и надеется доказать, что они не придерживались никакого тайного учения, все же относит их к тайным обществам средневековья, поскольку многие с уверенностью утверждают, что они были таковыми.

Поскольку общество тамплиеров было обязано своим возникновением крестовым походам, мы, прежде чем приступить к нашему повествованию, постараемся исправить некоторые ошибочные представления о причинах и характере этих знаменитых походов.

Мнение о том, что крестовые походы были эманацией рыцарского духа, - одно из самых ошибочных, которые только можно придумать, но при этом оно наиболее широко распространено. Романтики и те, кто пишет историю как роман, прилагают все усилия, чтобы поддерживать эту иллюзию, и само слово "крестовый поход" вызывает в сознании большинства мысли о развевающихся плюмажах, нарядных плащах, украшенных щитах, о любви дамы, рыцарской чести и учтивых ратных подвигах. Значительная часть этого извращения истины, несомненно, принадлежит прославленному автору великолепного эпоса, темой которого является первый крестовый поход. Тассо, жившего в то время, когда последний слабый отблеск угасающего рыцарства слабо светился сквозь моральный и политический мрак, охвативший бывшие обители свободы и промышленности в Италии, можно извинить, если он, молодой и не сведущий в философии истории, ошибся в характере европейского общества, он ошибся в характере европейского общества за шесть столетий до своего времени или счел себя вправе служить вкусу двора, который любил причудливые образы прежних времен, и побуждать его к великодушному подражанию, представляя героев первого крестового похода одушевленными духом и добродетелями идеального рыцарства. Но то же самое не может служить оправданием для тех, кто, пишущий в наши дни, смешивает рыцарство и крестовые походы, излагает историю последних под названием истории первых и смеет утверждать, что доблестный Танкред был *идеалом* рыцарства и что "Талисман" содержит верное изображение духа и характера крестовых походов.[68]

Мы осмелимся утверждать, что крестовые походы возникли *не* из рыцарства, и что первый крестовый поход, самый важный из них и задавший тон и характер всем последующим, не содержит ни малейших признаков того, что обычно понимается под рыцарством, ни следа того, что воображение, а не знания Берка описывали как воплощение "великодушной преданности чину и полу, гордую покорность, достойное послушание и то подчинение сердца, которое даже в самом рабстве сохраняло дух возвышенной свободы, ту принципиальную чувствительность, то целомудрие чести, которое ощущало пятно, как рану, которое вдохновляло на мужество, смягчая свирепость, которое облагораживало все, чего касалось, и под которым сам порок терял половину своего зла, теряя всю свою грубость." Мало кто знает XI век и его дух, кто может предположить, что хоть часть вышеприведенного описания относится к тем, кто с оружием в руках отправился в Азию, чтобы освободить гробницу Христа; мало кто ознакомился с *Gesta Tancredi* Радольфа Кадомена, кто может

представить себе этого галантного воина, каким он, несомненно, был, как зеркало рыцарства.

Рыцарство и крестовые походы начались в одном и том же веке и черпали свое начало из одного и того же источника. Одно не было причиной другого, но оба были следствиями одной и той же причины, а этой причиной был *феодализм*. Он прививал "гордую покорность, достойное повиновение" и т.д., и т.п., которые постепенно идеализировались в рыцарство; он внушал вассалу те принципы уважения к правам и собственности своего господина, которые, казалось, оправдывали и санкционировали Священную войну. Однако прежде чем объяснить, как действовал этот мотив, мы должны остановиться на другой сопутствующей причине крестовых походов, без которой они, возможно, никогда бы не начались.

Во все времена человек под влиянием сильного импульса своей природы стремился посетить те места, которые были отмечены как сцены великих и знаменитых деяний или места обитания выдающихся личностей. Действие этого природного чувства становится еще сильнее, когда оно сочетается с религией, и возникает убеждение, что объект его поклонения получает удовлетворение от этого акта внимания, и его благосклонность таким образом обеспечивается для верующего. Поэтому *паломничество*, или практика дальних путешествий к прославленным храмам и другим местам поклонения, преобладало во все века мира. В самые отдаленные периоды мифической истории Греции, где не нужно искать исторической правды, а можно лишь проследить за нравами и образом мышления, мы постоянно встречаем *теорию*, или паломничество в Дельфы, упоминаемое в истории героев, из чего можно с уверенностью заключить, что оно во все времена составляло часть нравов греков. Индия в наши дни является свидетелем ежегодного паломничества мириад людей к храму Джаггернаута, а Иерусалим на протяжении тысячелетий был местом отдыха благочестивых израильтян.

Страна, ставшая свидетелем жизни и смерти Господа, естественно, приобрела важное значение в глазах первых христиан, многие из которых, к тому же, были иудеями по происхождению и всегда относились к Иерусалиму с чувством почтения. Все они также путали, как это, к сожалению, часто случалось в последующие времена, старый и новый закон, не замечая, что первый был лишь "нищими элементами" по сравнению со вторым, и считая, что политические и экономические предписания, предназначенные для одного народа, населяющего один небольшой регион, обязательны для Церкви Христа, которая должна была включать в себя весь род человеческий. Поэтому многие обычаи иудаизма соблюдались христианами, и, возможно, именно этому принципу мы в значительной степени обязаны быстрым развитием практики и верой в действенность паломничества в Святой город.

Злоупотребления паломничества были замечены довольно рано, и некоторые из наиболее благочестивых отцов Церкви проповедовали и писали против этой практики. Но благочестие и красноречие были тщетны и мало что могли сделать, чтобы остановить поток, когда люди верили, что воды Иордана способны омыть любой грех, хотя и не сопровождаются искренним покаянием. Церковь, по мере своего разложения, совершенствовалась в житейской мудрости и, взяв паломничество под свою защиту, сделала его частью своей уголовной дисциплины. Теперь грешнику предписывалось путешествие в Святую землю как средство освобождения души от вины за его, возможно, многообразные преступления. С каждым годом число паломников росло, а растущее почитание реликвий, среди которых наиболее действенными считались те, что были привезены из Святой Земли, стимулировало паломничество, добавляя к этому стимул прибыли, поскольку небольшой запас денег, выложенный на покупку поддельных реликвий, которые всегда продавались в Иерусалиме,

мог принести тысячу процентов по возвращении паломника в родную страну. Паломник также пользовался уважением и почитанием, куда бы он ни прибыл, как особый любимец Божества, допущенный им к высокой привилегии посещения святых мест, часть святости которых, как можно предположить, все еще могла оставаться с ним.

XI век был великим сезоном паломничества. Странное заблуждение относительно смысла некоторых мест Писания привело людей к мысли, что 1000 год должен был стать годом пришествия Христа, чтобы судить мир. Поскольку долина Иосафата считалась местом, где произойдет это ужасное событие, то то же чувство, которое в наши дни заставляет людей придавать своим душам льстивую благосклонность, полагая, что покаяние на смертном одре будет равноценно в глазах Бога жизни, проведенной в послушании Его воле и в добродетели, побуждало многих отправляться в Святую Землю в уверенности, что эта, как бы сказать, официозность доселе нерадивых слуг будет благосклонно воспринята их Господом и обеспечит им снисходительное слушание перед Его судейским креслом. Паломничество, таким образом, сильно возросло; несостоятельность их ожиданий, когда назначенное время прошло без пришествия Сына Человеческого на облаках небесных, не только не помешала ему, но, напротив, придала дополнительный импульс; и в течение этого века караваны паломников достигли такого размаха и силы, что заслужили название *"Армии Господней"* - то есть первого и величайшего Крестового похода.

По правде говоря, вера в заслуженность и даже обязательность паломничества в Иерусалим перед лицом Божиим была теперь так же прочно впечатана в сознание каждого христианина, какого бы звания он ни был, как вера в необходимость и пользу посещения Каабы в Мекке в сознании последователей Мухаммеда; а при деградировавшем состоянии человеческого интеллекта в тот период паломничество считалось достаточной мерой для избавления от всех грехов. В доказательство этого мы расскажем о паломничестве двух выдающихся личностей тех времен. Первое произошло в IX, второе - в XI веке.

В царствование Лотаря, сына Людовика Дебоннера, один дворянин из Бретани по имени Фротмон, убивший своего дядю и младшего брата, начал испытывать угрызения совести за свои преступления. Облечившись в привычку кающегося, он предстал перед монархом и собранием его прелатов и сделал признание о своих преступлениях. Король и епископы крепко связали его железными цепями, а затем повелели ему в искупление своей вины отправиться на Восток и посетить все святые места, облечившись в волосяной покров и посыпав лоб пеплом. В сопровождении слуг и соучастников своего преступления бретонский владыка направился в Палестину, которой он благополучно достиг. Повинуясь предписаниям своего государя и церкви, он посетил все святые места, пересек Аравийскую пустыню, которая была местом скитаний Израиля, и вошел в Египет. Затем он пересек часть Африки и дошел до Карфагена, откуда отплыл в Рим. Здесь папа римский, посоветовавшись с ним, посоветовал ему совершить второе паломничество, чтобы завершить покаяние и получить полное отпущение грехов. Фротмонд снова отправился в путь и, исполнив необходимые обязанности в Святом городе, перешел на берег Красного моря, где поселился на три года на горе Синай, после чего совершил путешествие в Армению и посетил гору, на которой покоился Ноев ковчег. Искупив свои преступления, он вернулся на родину, где был принят как святой, и, поселившись в монастыре Редон, провел там остаток своих дней и умер с глубоким сожалением о своих братьях.^[69]

Фульк де Нерра, граф Анжуйский, пролил много невинной крови; свою первую жену он сжег заживо, а вторую заставил искать убежища от своего варварства в Святой земле. Общественная молва преследовала его, и совесть, отстаивая свои права, представляла его расстроенному воображению образы тех, кто погиб от его рук, выходящих из своих могил и

обличающих его в преступлениях. Стремясь убежать от своих невидимых мучителей, граф надел на себя одежду паломника и отправился в Палестину. Бури, с которыми он столкнулся в сирийских морях, показали его виновной душе орудием божественного возмездия и усилили пыл его раскаяния. Добравшись до Иерусалима в целости и сохранности, он с душой принялся за дело покаяния. Он ходил по улицам Святого города с веревкой на шее, его били прутьями слуги, а он повторял слова: *"Господи, помилуй неверного и лживого христианина, грешника, блуждающего вдали от дома своего"*. Во время своего пребывания в Иерусалиме он раздавал обильную милостыню, облегчая нужды паломников и оставляя многочисленные памятники своего благочестия и щедрости.

Как ни глубоко было покаяние графа Анжуйского, оно не помешало ему проявить немного благочестивого мошенничества. Хитроумным приемом он обманул нечестивую злобу оскверненных сарацин, которые хотели заставить его осквернить святую гробницу; летописцы рассказывают, что, лежа на земле перед священной гробницей, он сумел отколоть от нее драгоценный камень, который унес с собой на Запад. По возвращении в свое герцогство он построил в замке Лош церковь по образцу иерусалимской церкви Воскресения Христова и каждый день со слезами молил о прощении. Однако его разум не мог успокоиться, его все еще преследовали те же ужасные образы, и он снова посетил Святую землю, назидая верующих строгостью своего покаяния. Возвращаясь домой через Италию, он избавил верховного понтифика от грозного врага, опустошавшего его территорию, и благодарный папа в ответ даровал ему полное отпущение всех грехов. Фульк привез с собой в Анжу огромное количество реликвий, которыми украсил церкви Лоша и Анжера; а главным его занятием в дальнейшем стало строительство городов и монастырей, за что он получил прозвище *Великого Строителя*. Его народ, благословлявший небеса за его обращение, почитал и любил его; вина за его грехи была снята средствами, которые в то время считались суверенными; но все же монитор, заложенный Богом в человеческую грудь, который в благородном разуме никакая сила не может заставить замолчать, не утихал, и Святая Земля в третий раз видела, как граф Анжуйский орошает гроб Христа своими слезами и вновь стенает о своих проступках. В последний раз он покинул Иерусалим, отдав свою душу на молитву благочестивым братьям, в чьи обязанности входило принимать паломников, и повернулся лицом к дому. Но Анжу он больше не увидел; смерть застала его в Меце. Его тело перевезли в Лош и похоронили в церкви Гроба Господня.

Этих примеров может быть достаточно, чтобы показать, каким было мнение об эффективности и достоинствах паломничества в Святую землю в то время, о котором мы пишем. Мы находим здесь убедительное доказательство того, что в умах принцев и прелатов, высшего и наиболее просвещенного слоя общества, уверенно считалось, что оно помогает снять вину за преступления самой глубокой смерти. И пусть никто не говорит, что духовенство пользовалось невежеством народа и делало его орудием расширения своей власти и влияния; ведь такое утверждение свидетельствовало бы о незнании как человеческой природы в целом, так и нравов и поведения римской иерархии в тот, а можно сказать, во все периоды ее существования. Какой бы распутной ни была жизнь многих священнослужителей, они никогда не ставили под сомнение истинность догм своей религии. Даже великий и дерзкий Григорий VII, несмотря на то, что кажется нам высокомерным и почти нечестивым, ни на минуту не усомнился в том, что курс, которым он следовал, был правильным и угодным небесам. Духовенство, как и миряне, было твердо убеждено в действенности паломничества, и в обоих случаях убежденность была, естественно, сильнее пропорционально невежеству верующих. Соответственно, мы видим, что огромное количество людей всех сословий и обоих полов, как духовенства, так и мирян, ежегодно отправлялись к гробнице Христа.

Остается объяснить, по какому принципу возникла идея о правильности и справедливости возвращения Святой земли, которая теперь находилась в руках фанатичных турок, а не терпимых сарацинов. Причиной тому был, как мы уже утверждали выше, феодальный дух, то есть дух эпохи, а не то его порождение, которое называется рыцарством.

Религия, какой бы ни была ее изначальная природа и характер, всегда будет иметь оттенок, обусловленный нравами и темпераментом тех, кто ее принимает. Ничто не может быть более наглядным подтверждением истинности этого наблюдения, чем история христианской религии. Любой, кто откроет Евангелие и прочтет его без предубеждений и предрассудков, не сможет сразу же не заметить разумную и горячую набожность, деятельную доброжелательность, чистую нравственность, благородную свободу от оков мира, а также ревностное исполнение всех общественных обязанностей, которые проповедует каждая его страница. Однако мы видим, что на Востоке эта религия вырождается в презренное суеверие и метафизические споры, преследуемые со всей яростью *odium theologicum*, в то время как на Западе она принимает пламенный фанатичный характер и считает меч инструментом обращения, превосходящим разум и аргументы. Эта разница, кажущаяся столь странной, возникла из-за различий в социальном положении и политических институтах народов Востока и Запада в то время, когда они принимали христианство.

Свободный дух уже давно покинул Грецию, когда первые христианские миссионеры проповедовали веру среди ее жителей. Но нрав грека все еще оставался живым, а его рассудочные способности острыми. Более того, он все еще склонялся к чувственной и материальной религии, которая всегда отличала его, а растущий деспотизм империи с каждым днем все больше и больше подавлял и ослаблял воинственный дух, который он проявлял в дни своей свободы. Для его умственной деятельности не оставалось другого поля, кроме философии и религии. Первую, которая долгое время была его наслаждением, он сумел превратить в почти непонятный мистицизм; в таком виде она быстро распространила свою инфекцию через его новую веру, которая к тому же еще больше метаморфизировалась и изменила свой характер благодаря вливанию из дуалистической системы Персии. Тем временем аскетический дух, пришедший с Востока, в сочетании с робостью, вызванной давлением деспотизма, заставил его принять дух Евангелия и превратить христианство в трусливое суеверие. Когда император Никифор Фока пытался вселить в своих подданных воинственный и фанатичный дух и побудить их к энергичным действиям против сарацин, епископы отвечали на его увещевания ссылкой на канон святого Василия, который предписывал, что тот, кто убил врага в бою, должен в течение трех лет воздерживаться от участия в святых таинствах. Однажды священник небольшого городка в Киликии совершал мессу, когда в город ворвался отряд сарацин и начал грабить его. Не дожидаясь снятия священнического облачения, он схватил молоток, который в восточных церквях часто служит колоколом, и, влетев в толпу неверных, так ударил своим оружием, что обратил их в стремительное бегство и спас город. Какова же была награда доблестного священника? Его порицал епархиальный архиерей, запретил ему выполнять свои призрачные функции и так плохо обращался с ним в других отношениях, что он сбросил с себя рясу и присоединился к сарацинам, чье более воинственное и энергичное вероисповедание лучше соответствовало его мужественным чувствам. Когда паломники первого крестового похода стали прибывать в Константинополь в таком огромном количестве, греческий император и его подданные с трудом могли убедить себя в том, что религия может быть движущей силой столь грозного движения - так мало сочетались в их сознании религия и ратные подвиги!

Но с народами Запада дело обстояло иначе. В них правящая часть, та, что задавала тон всему, принадлежала к готской и германской расам, чьи выносливые отряды разнесли в клочья изношенную ткань Западной империи. Поклонявшиеся в родных лесах Тору, Одину и другим божествам Валгаллы, не допускавшие никого, кроме доблестных мертвецов, к небесной свинине и медовухе, которые каждый день венчали правление в их светлой обители, их манеры, их чувства, все их существо было воинственным, и они прониклись этим духом в религию, которую переняли у своих римских подданных. В этом изменении тона им помогла иудейская часть священного тома, которой во все века злоупотребляли люди, не знающие ее характера и первоначального назначения, в целях фанатизма и преследования; и религия христианской Европы, начиная с пятого века и далее, приобрела воинственный и завоевательный характер. Мечом Карл Великий обратил в христианство язычников-саксов; его преемники использовали меч против язычников-вендов; огнем и мечом Олоф Тригва-сон распространил христианство по всему Северу. В прежние времена этот способ обращения был в значительной степени чужд западной церкви, и для распространения веры среди языческих народов в основном использовались убеждения.

Религия Запада, как мы видим, была воинственной; но одного этого духа было бы недостаточно для крестового похода, который должен был заинтересовать и показаться долгом для всех сословий. Здесь вступил в действие феодальный принцип, который и дал необходимый импульс.

В XI веке феодальная система была полностью развита во Франции и Германии, и вытекающие из нее способы мышления, речи и действия пронизывали все жизненные отношения. На всех уровнях общества признавались и выполнялись взаимные обязательства лордов и вассалов, и каждый вассал считал своим священным долгом защищать оружием честь и имущество своего вышестоящего лорда. Кроме того, в христианском мире существовал некий верховный временный вождь в лице императора Германии, который рассматривался как преемник Карла Великого и представитель римских императоров. Феодальные идеи распространялись даже на иерархию, которая теперь выдвигала столь непомерные претензии на верховенство над мирской властью. Глава церкви был признанным наместником Того, Кто в Священном Писании назван Господом всех царств земли. Иисус Христос, таким образом, был вершиной пирамиды феодального общества; он был великим сюзереном и верховным владыкой всех князей и народов, и все в равной степени были обязаны защищать его права и честь. Таковы были, очевидно, настроения эпохи.

Вряд ли стоит напоминать читателю, что религия того периода, о котором мы рассказываем, носила грубый и материальный характер, и что страсти и немощи человеческой природы были безвозмездно переданы прославленному Сыну Божьему. Считалось, что он проявлял особый интерес к месту, где пребывал на земле, и особенно к гробнице, в которой покоилось его тело, и с горечью и негодованием видел их в руках тех, кто презрительно насмехался над его божественностью и с оскорблением и жестокостью относился к тем его верным вассалам, которые преодолевали трудности и опасности далекого путешествия, чтобы воздать почести его гробнице. Поэтому ничто не могло быть более благодарным для его чувств, чем видеть священную землю Палестины свободной от языческого загрязнения, занятой и защищаемой его верными вассалами, и ни один истинный сын церкви не мог колебаться ни минуты, полагая, что его долг - вооружиться для дела своего господина и помочь восстановить его в его наследии. Таким образом, здесь, не прибегая к романтическому принципу рыцарства, мы имеем адекватное решение феномена первого крестового похода. Здесь мы имеем мотив, рассчитанный на воздействие на умы всех

сословий, одинаково действенный как на людей благочестивых, добродетельных и богатых, таких как Годфрид Буйонский и Стефан Шартрский, не искавших никаких мирских выгод, так и на самых жалких и суеверных вассалов и крепостных, которые, как можно предположить, лишь искали убежища от бед и угнетения, приняв на себя крест. Мы ни в коем случае не станем отрицать, что в то же самое время действовало множество других причин и мотивов, но этот мы считаем главным. Это был мотив, который придавал достоинство и святость всем остальным, и который влиял на сознание каждого крестоносца, независимо от его ранга или положения в обществе.

Паломничество тогда считалось долгом и мощным средством снятия вины и умиротворения гнева Всевышнего; дух эпохи был воинским, и религия, под влиянием древней системы севера Европы, носила тот же характер; феодальный принцип был в силе и распространялся даже на отношения человека с божеством; Грубые и варварские турки узурпировали наследие, самые, можно сказать, коронные земли Иисуса Христа и оскорбили его слуг, чьим долгом было наказать их и освободить гробницу их господина; естественным результатом такого положения вещей и мнений стал первый крестовый поход.

Глава II.

Первый госпиталь в Иерусалиме - Церковь Санта-Мария-де-Латина - Госпиталь Святого Иоанна - Госпитальеры - Происхождение тамплиеров - Их первоначальная бедность - Они получают признание - Святой Бернар - Характер тамплиеров - Орден, одобренный и подтвержденный Советом в Труа - Доказательства уважения, в котором они находились.

Вследствие того, что паломники и торговцы с Запада устремились в Иерусалим, возникла необходимость построить там, с согласия сарацинов, *гостеприимства*, или места развлечений для них во время их пребывания в святом городе. Ведь они не могли, в силу религиозной вражды, царившей между ними и мусульманами, искать гостеприимства у этих последних, а христиане греческой церкви, жившие в Святом городе, помимо того, что не питали дружеских чувств к своим братьям-католикам, не желали принимать их в своих домах из-за неосторожных выражений и непристойных поступков, которым они слишком часто предавались и которые могли скомпрометировать их хозяев с их сарацинскими владыками. Так, монах Бернард, посетивший Иерусалим в 870 году, обнаружил там, в долине Иосафата, неподалеку от церкви Святой Девы, госпиталь, состоящий из двенадцати особняков для западных паломников, в распоряжении которого было несколько садов, виноградников и кукурузных полей. В нем также имелась хорошая коллекция книг, подаренная Карлом Великим. Перед ним находился рынок, к которому часто прибегали, и каждый торговец платил два куска золота зрителю за разрешение устроить там прилавок.

В XI веке, когда пыл паломничества разгорелся с новой силой, в стенах Иерусалима появился госпиталь для латинских паломников, который возвели итальянские торговцы, в основном из Амальфи. Рядом с этим госпиталем, в двух шагах от церкви Гроба Господня, они возвели, с разрешения египетского халифа, церковь, посвященную Пресвятой Деве, которую обычно называли Святой Марией Латинской. В этом госпитале жили настоятель и множество

монахов, которые принадлежали к латинской церкви и следовали правилу святого Бенедикта. Они посвятили себя приему и развлечению паломников, а также раздавали милостыню тем, кто был беден или ограблен разбойниками, чтобы те могли заплатить налог, требуемый мусульманами за разрешение посещать святые места. Когда число паломников стало настолько велико, что больница не могла принять всех, монахи построили рядом со своей церковью еще один *госпиталь* с часовней, посвященной канонизированному патриарху Александрии по имени святой Иоанн Елеон, или Сострадательный. Этот новый госпиталь не имел собственных доходов; монахи и паломники, которых они принимали, получали поддержку от щедрот настоятеля монастыря Святой Девы или от милостыни благочестивых христиан.

В то время, когда армия крестоносцев появилась перед стенами Иерусалима, госпиталем святого Иоанна руководил Жерар, уроженец Прованса, человек великой честности и примерного благочестия. Его благожелательность носила истинно христианский характер и намного превосходила благожелательность его эпохи в целом; во время осады он помогал всем, кто обращался к нему за помощью, и не только раскольники-греки разделяли его щедрость, даже неверующий мусульманин не получал отпора, когда просил его о помощи. Когда город был взят, многие раненые паломники были приняты и вылечены в госпитале святого Иоанна, а благочестивый герцог Годфри, посетив их через несколько дней после этого, услышал только похвалы доброму Герарду и его монахам.

Ободренные всеобщей благосклонностью, которой они пользовались, Герард и его спутники выразили желание отделиться от монастыря Святой Марии де Латина и продолжать свои дела милосердия в одиночку и независимо. Их желание не встретило сопротивления: они составили для себя правило, которому дали обет послушания в присутствии патриарха, и приняли в качестве одежды черную мантию с белым крестом на груди. Смирение этих госпитальеров было чрезвычайным. Они называли бедных и больных своими господами, а себя - своими слугами; к ним они были либеральны и сострадательны, к себе - строги и аскетичны. Самая лучшая мука шла на приготовление пищи, которую они давали больным и бедным; то, что оставалось после их насыщения, смешанное с глиной, служило пищей монахам.

Пока братство было бедным, они продолжали повиноваться аббату Санта-Мария-де-Латина, а также платили десятину патриарху. Но вскоре на них хлынул поток богатства. Герцог Годфри, восхищенный их добродетелью, подарил им свое владение Монтбуар в Брабанте со всеми приданными; а его брат и преемник Балдуин отдал им часть всей добычи, захваченной у неверных. Этим примерам последовали и другие христианские князья, так что в течение нескольких лет Госпиталь Святого Иоанна владел многочисленными поместьями как на Востоке, так и в Европе, которые были переданы под управление членов его общества. Теперь госпитальеры жаждали полного освобождения от всех тягот, которыми они были обременены, и им не составило труда получить все, что они желали. Папа Пасхалий II в 1113 году подтвердил их правило, разрешил им после смерти Жерара избирать своего главу без вмешательства какой-либо мирской или духовной власти, освободил их от обязанности платить десятину патриарху и подтвердил все пожертвования, которые были или должны были быть сделаны для них. Братство Госпиталя теперь значительно продвинулось в своем развитии и насчитывало среди своих членов немало доблестных рыцарей, которые отложили оружие и посвятили себя смиренному служению больным и нуждающимся.

Достойный Жерар умер в один год с королем Болдуином I (1118), и Раймонд Дюпюи, рыцарь из Дофине, ставший братом ордена, был единогласно избран его преемником на этом посту. Раймон, который был человеком очень энергичным и способным, составил ряд правил для

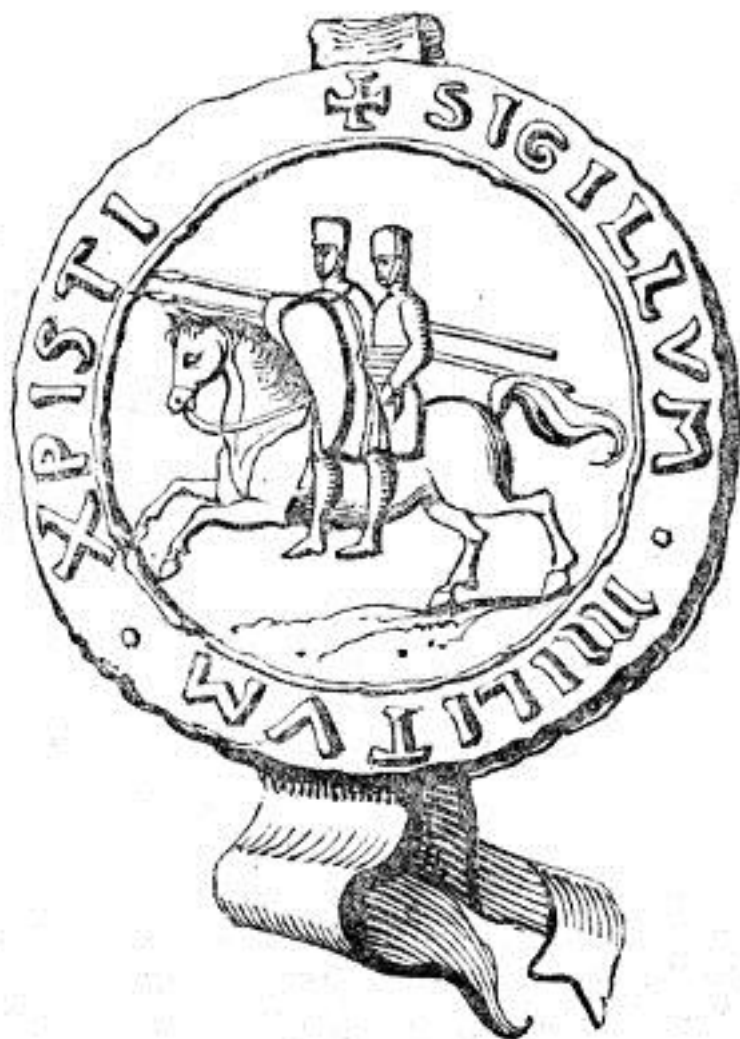
руководства обществом, адаптированных к его нынешнему состоянию и масштабам. Из этих правил следует, что орден Святого Иоанна принимал в свои члены как духовенство, так и мирян, и что и те, и другие были обязаны беспрекословно подчиняться приказам своего начальника. Были ли у Раймонда какие-то скрытые намерения, неизвестно, но в принятых им правилах мы не можем обнаружить никаких следов того духа, который впоследствии одушевлял орден Святого Иоанна.

Однако едва Раймонд закончил свои правила, как возникло новое общество с иными правилами, чей пример орден Святого Иоанна был вынужден впоследствии принять и следовать ему. В то время Святая Земля находилась в очень беспокойном и неспокойном состоянии; египетская держава давила на нее юге, турецкая - на севере и востоке; арабские племена предавались своим обычным хищническим привычкам и совершали враждебные набеги; жители-мусульмане были все еще многочисленны; сирийские христиане плохо относились к латинянам, от которых они часто испытывали жестокое обращение; латинян было мало, и они были рассеяны. Поэтому паломник подвергался многочисленным опасностям; опасности подстерегали его на пути от порта, в котором он высаживался на берег, до Святого города, и новые опасности подстерегали его, когда он посещал берега Иордана или шел сорвать ветку освященной пальмы в садах Иерихона. Многие паломники погибали в таких случаях.

Видя эти беды, девять доблестных и благочестивых рыцарей решили объединиться в ассоциацию, которая должна была объединить характеры монаха и рыцаря, посветив себя целомудренной и благочестивой жизни у гробницы Спасителя и используя свои мечи для защиты паломников во время их посещения святых мест. Они избрали своей покровительницей милую Божью Матерь (*La douce Mère de Dieu*), и их решение, столь прекрасно соответствующее духу крестовых походов, сочетавшему благочестие и доблесть, сразу же получило горячее одобрение короля и патриарха. В присутствии последнего они дали три обычных обета целомудрия, бедности и послушания, а также четвертый - непрерывно сражаться за паломников и Святую землю против язычников. Они обязались жить по правилам канонов святого Августина и избрали своим первым магистром Хью де Пайенса. Король, Болдуин II, выделил им часть своего дворца для проживания, а сам и его бароны внесли свой вклад в их содержание. Поскольку дворец стоял рядом с церковью и монастырем Храма, аббат и каноники выделили им улицу, ведущую от нее к дворцу, для хранения их магазинов и снаряжения, и поэтому они называли себя Солдатами Храма (*Militia Templi*), или тамплиерами. Они привлекли к себе столь пристальное внимание, в значительной степени, несомненно, благодаря новизне своего плана, что в тот же год после их основания (1120) Фульк, граф Анжуйский, приехавший в паломничество в Иерусалим, вступил в их общество в качестве женатого брата, а по возвращении домой ежегодно передавал им тридцать фунтов серебра в поддержку их благочестивых целей, и примеру графа Анжуйского последовали некоторые другие принцы и дворяне Запада.

Английский историк Бромптон, писавший в XII веке, утверждает, что основатели ордена Храма первоначально были членами ордена Святого Иоанна. Мы не знаем, в какой степени можно доверять этому^[70], но несомненно, что в этом последнем еще не было ничего военного, и что принятие им такого характера было подражанием обществу Храма; Ибо, побуждаемые похвалами, которые, как они видели, воздавались тамплиерам за их достойное поведение, госпитальеры решили добавить задачу защиты к задаче ухода и помощи паломникам, и те из их членов, которые были рыцарями, возобновили свое оружие, радуясь возможности снова использовать его в деле Божьем. Благодаря большим доходам они смогли взять на свое жалованье несколько рыцарей и лакеев - в этом им, вероятно,

предшествовали тамплиеры, которые таким образом использовали деньги, переводимые им из Европы. Но при жизни Раймона Дюпюи орден Госпиталя не стал полностью военным; он всегда носил простой титул директора (*procurator*) Госпиталя, и только спустя некоторое время глава общества, подобно тамплиерам, стал называться магистром и вел свои войска в бой. Во все времена уход за бедными и больными входил в обязанности братьев Госпиталя, и это всегда заметно отличало их от соперничающего ордена Храма, единственной задачей которого была борьба с неверными.

В течение первых девяти лет, прошедших после учреждения ордена, рыцари Храма жили в бедности, религиозно посвящая все деньги, которые им присылали из Европы, на благоустройство Святой земли и обслуживание паломников. У них не было особых привычек, их одежда была такой, какой их одаривала благотворительность верующих; и хотя рыцари постоянно участвовали в войне с неверными, их бедность и умеренность были таковы, что Хью де Пайенс и его товарищ Годфри из Сент-Омера имели только одну боевую машину. Омера, имели лишь одного боевого коня - обстоятельство, которое они впоследствии, в свой блестящий период, отметили своей печатью, изображавшей двух рыцарей, сидящих на

одном коне, - приспособление, выбранное с целью привить смирение братьям, которые теперь начали становиться надменными и дерзкими.

Главной причиной необычайного успеха первых крестоносцев было отсутствие единства среди их врагов. Сарацины и турки взаимно ненавидели друг друга и не желали объединяться для достижения общей цели, а турки, кроме того, враждовали между собой, и один князь часто вступал в союз с христианами против другого. Но теперь они начали понимать необходимость объединения и с каждым днем становились все более грозными для своих христианских соседей. Король Болдуин II, побывавший в их плену, после обретения свободы приложил все усилия для укрепления своего королевства и, помимо прочих средств, решил добиться для тамплиеров, чья доблесть, смирение и единомыслие были предметом всеобщего одобрения, дополнительного внимания, получив от Святого отца подтверждение их ордена. С этой целью в 1127 году он отправил двух членов ордена, Андреаса и Гундемара, в Рим с этой просьбой к Папе, которому они также должны были убедительно доложить об опасном положении Святой земли. Кроме того, король снабдил их рекомендательным письмом к святому Бернарду, аббату Клервоскому, чье влияние в то время было всемогущим в христианском мире, и который приходился племянником посланнику Андреасу. Вскоре после этого в Европу прибыл и сам Хью де Пайенс с пятью другими братьями.

Ничто не могло быть более выгодным для нового ордена, чем благосклонность и расположение прославленного аббата из Клерво, который уже некоторое время был поклонником его целей и деяний. За три года до этого он написал письмо графу Шампани, вступившему в орден тамплиеров, в котором восхвалял этот поступок, как имеющий выдающиеся заслуги перед Богом. Теперь, по случаю визита магистра^[71], он написал, по его просьбе, красноречивое сочинение, увещевая братьев нового ордена упорно выполнять их трудоемкую, но весьма похвальную задачу борьбы с тиранией язычников, и обращая внимание всех верующих на их благочестие, решительно противопоставляя роскошь рыцарей его времени скромности и простоте этих святых воинов. Он восхвалял безграничное послушание тамплиеров своему господину как дома, так и в поле. "Они уходят и приходят, - говорит он, - по знаку своего Мастера; они носят одежду, которую он им дает, и не просят ни еды, ни одежды ни у кого другого; они живут весело и умеренно вместе, без жен и детей, и, чтобы ничего не было недостатка для евангельского совершенства, без имущества, в одном доме, стараясь сохранять единство духа в узах мира, чтобы одно сердце и одна душа, казалось, жили во всех них. Они никогда не сидят без дела и не ходят в поисках новостей. Когда они отдыхают от войны с неверными, что случается редко, чтобы не есть хлеб безделья, они занимаются ремонтом своей одежды и оружия или делают что-то, что предписывает повеление господина или общая нужда. У них нет уважения к личности; наиболее высоко ценятся лучшие, а не самые благородные; они стараются опередить друг друга в уважении и облегчить бремя друг друга. Ни одно неприличное слово, ни одна легкая насмешка, ни один ропот или неумеренный смех не остаются без порицания, если кто-либо позволяет себе их. Они избегают шахмат и настольных игр; им противна погоня, а также охота на ястребов, которой так увлекаются другие. Они ненавидят всех жонглеров и конных бандитов, все развратные песни и пьесы, как суету и глупость этого мира. Они стригут волосы, повинувшись словам апостола: "Не подобает человеку иметь длинные волосы"; никто никогда не видит их нарядными; они редко моются; чаще всего их можно увидеть с беспорядочными волосами, покрытыми пылью, коричневыми от корсетов и солнечного зноя. Выходя на войну, они вооружаются внутри верой, снаружи - железом, но никогда не украшают себя золотом, желая возбудить во враге страх, а не желание добычи. Они предпочитают сильных и быстрых коней, а не тех, что красиво выделены и богато убранны,

желая внушить ужас, а не восхищение. Они идут в бой не порывисто и с головой, а осторожно и предусмотрительно, спокойно, как истинные сыны Израиля. Но как только начинается бой, они без промедления бросаются на врагов, считая их за овец, и не знают страха, даже если их будет мало, полагаясь на помощь Господа Саваофа. Поэтому один из них часто обращает в бегство тысячу, а двое - десять тысяч. Таким образом, в странном союзе они в одно и то же время мягче ягнят и грознее львов, так что можно сомневаться, называть ли их монахами или рыцарями. Но оба имени им подходят, ибо в них есть кротость монаха и доблесть рыцаря. Что остается сказать, кроме того, что это дело рук Господа, и оно прекрасно в наших глазах? Таких избрал Бог из храбрейших в Израиле, чтобы они, бдительные и верные, охраняли святой гроб, вооруженные мечами и искусные в войне".

Хотя в этих выражениях святого Бернарда можно усмотреть следы риторического преувеличения, они неопровержимо доказывают высокий характер и искреннюю добродетель основателей общества тамплиеров, а также то, что оно было организовано и регулировалось не иначе как с достойными целями. Кроме того, если это необходимо, они служат дополнительным доказательством того, что крестовый поход не был порождением рыцарства; ведь те, кому святой Бернард противопоставляет тамплиеров, были рыцарством той эпохи.

Это послание аббата из Клерво было распространено, и были использованы все другие справедливые и честные средства, чтобы примирить общественность с тамплиерами, когда 31 января 1128 года магистр Хью де Пайенс предстал перед советом Труа, состоящим из архиепископов Реймского и Сенского, десяти епископов и нескольких аббатов, среди которых был сам святой Бернард, и под председательством кардинала Альбано, папского легата. Магистр рассказал о принципах и подвигах тамплиеров, собравшиеся отцы одобрили новый орден и дали им новое правило, содержащее их собственные прежние предписания с несколькими дополнениями, взятыми из предписаний бенедиктинцев, и касающееся главным образом духовных вопросов. Действительность этого правила была поставлена в зависимость от одобрения его Святым Отцом и Патриархом Иерусалимским, которые не замедлили подтвердить его. По указанию папы Гонория синод назначил отличительной одеждой братьев Храма белую мантию, а братьев Госпиталя - черную. Эта мантия была простой, без креста, и такой она оставалась до понтификата папы Евгения III, который в 1146 году предписал тамплиерам носить на груди *красный* крест, как символ мученичества, которому они постоянно подвергались: крест, который носили на своих черных мантиях рыцари Святого Иоанна, был, как мы видели^[72], *белым*. Теперь орден принял или получил особое знамя из ткани в черно-белую полоску, называемое на старофранцузском языке *Bauseant*^[73], которое стало боевым кличем рыцарей Храма и часто вселяло ужас в сердца неверных. На нем был изображен румяный крест ордена и благочестивая и смиренная надпись: *Non nobis, Domine, non nobis, sed nomini tuo, da gloriam* (Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу!).

Несколько рыцарей приняли облик ордена, и в ходе продвижения, которое Хью де Пайенс в сопровождении некоторых братьев совершил по Франции и Англии, он приобрел для него всеобщее расположение. Он не пренебрег поручением, возложенным на него королем Иерусалима, призвать на помощь Святую землю, которая сейчас так сильно страдает, и его увещевания не остались безрезультатными. Фульк, граф Анжуйский, вновь присоединился к своему господину и братьям; но поскольку он получил приглашение отправиться в Иерусалим и жениться на единственной дочери короля, он отправился на Восток раньше них.

Хью де Пайенс не принимал в орден ни одного рыцаря, который не покончил бы со всеми своими враждами и не исправил бы свою жизнь. Так, когда рыцарь по имени Хью д'Амбуаз, притеснявший жителей Мармутье и отказавшийся подчиниться судебному приговору графа Анжуйского, пожелал вступить в орден, он отказался принять его в обеты, пока тот не даст полного удовлетворения тем, кого он обидел.

Почет и уважение ожидали тамплиеров, где бы они ни появлялись, и люди всех рангов стремились сделать то, что могло бы быть им полезно. Когда тамплиер, пришедший с печатью Годфрида Сент-Омерского, в качестве верительной грамоты получил право на участие в церемонии. Омера, явился с печатью Годфри Сент-Омера к правителю этого места, чтобы потребовать свои товары, которые Годфри передал ордену, он встретил самый благосклонный прием не только у правителя, но и у епископа; а когда они обратились, как это было необходимо в данном случае, к графу Фландрии и Эльзаса, этот принц не стал чинить никаких препятствий, так что в очень короткий срок здания, принадлежавшие Годфри, были превращены в церковь и храм. Многие фламандские дворяне последовали примеру Годфри и передали тамплиерам часть своего имущества. Король Англии Генрих I, встретившийся и побеседовавший с Хью де Пайенсом в Нормандии, был настолько доволен его рассказом о новом ордене, что преподнес ему множество богатых подарков и дал настоятельные рекомендации главным английским баронам. Император Лотарь в 1130 году подарил ордену большую часть своей вотчины Суплинбург. Старый граф Раймонд Беренгер из Барселоны и Прованса, уставший от мира и трудов правления, стал тамплиером и поселился в храме в Барселоне; поскольку он не мог лично отправиться на борьбу с неверными в Святую землю, он постоянно посылал богатые дары братьям в Иерусалим и неукоснительно соблюдал все прочие обязанности ордена. В 1133 году Альфонсо, король Арагона и Наварры, доблестный и воинственный монарх, победивший в девяти и двадцати сражениях с маврами, составив завещание, в котором назначил рыцарей Храма и Госпиталя, а также каноников Гроба Господня своими наследниками, полагая, вероятно, что самые доблестные защитники Святой Земли лучше всего выполнят его любимую задачу - сломить власть неверных. Престарелый монарх пал в следующем году в битве при Фраге с маврами; и, не заботясь о его распоряжении королевством, дворяне Арагона и Наварры собрались и выбрали государей из его семьи. Ордена не были достаточно сильны, чтобы отстаивать свои права, и этот случай, таким образом, служит лишь для того, чтобы показать высокую степень уважения, которой они так рано достигли.

Печать тамплиеров.

Глава III.

Возвращение тамплиеров на Восток - оправдание и опровержение обвинения в связи с исмаилитами - действия тамплиеров - поход Людовика VII - осада Аскалона - продажа Нассир-эд-Дина - коррупция госпитальеров - булла "*Omne Datum Optimum*" - отказ тамплиеров от похода на Египет - убийство посланника исмаилитов.

В 1129 году Хью де Пайенс в сопровождении 300 рыцарей из знатнейших семей Европы, ставших членами ордена, и большого обоза паломников вернулся в Святую землю. Вскоре после его прибытия была предпринята неудачная экспедиция в Дамаск, о которой рассказывалось выше^[74], и тамплиеры составили часть войска, которое отправилось в поход, чтобы, как им казалось, овладеть этим городом. Как было замечено, это первый случай, когда мы видим христиан в союзе и связи с исмаилитами; и поскольку Хаммер, историк последних, выдвигает серьезное обвинение против Хью де Пайенса в том, что он создал свое новое общество по плану этой смертоносной ассоциации и был главным организатором и подстрекателем вероломного покушения на Дамаск, мы прервем ход нашего повествования, чтобы обсудить вероятность этого мнения, хотя при этом мы должны немного предвосхитить организацию Ордена Храма.

Хаммер доказывает идентичность двух орденов, как он их называет, исмаилитов и тамплиеров, на основании сходства их одежды, внутренней организации и тайной доктрины; а поскольку оба общества существовали в одной стране, и первым было учреждено общество исмаилитов, он делает вывод, что оно было оригиналом, а тамплиеры - копией.

Во-первых, в отношении внешнего одеяния, одежды ордена. Ничто, как нам кажется, не может быть слабее, чем придавать значение такому случайному обстоятельству, как сходство форм или цветов, особенно когда можно указать истинную и ясную причину для их принятия с той или другой стороны. Цвет халифов дома Оммии был *белым*; поэтому дом Аббаса, соперничая с ними, принял *черный* цвет в качестве отличительного; и поэтому, когда Аббасиды обладали верховной властью, все те, кто под предлогом поддержки прав семьи Али или под любым другим предлогом поднимал штандарт восстания против них, естественно, выбирали *белый цвет* в качестве знака своей оппозиции. Хасан Сабах, таким образом, лишь сохранил использование цвета, который он нашел уже установленным. Когда он создавал институт федави, или *посвященных смерти*, какой более подходящий знак отличия он мог им приписать, чем *красный* пояс или шапочка, которые указывали на их готовность пролить свою или чужую кровь? Что касается тамплиеров, то общество госпитальеров уже существовало, когда Хью де Пайенс и его спутники решили объединиться в новую ассоциацию. Мантия, которую носили члены Госпиталя, была *черной*: какой же цвет они могли принять в качестве ее противоположности, *белого*? И когда, спустя почти тридцать лет после их учреждения, Папа назначил их или дал им разрешение носить крест на мантии, как и конкурирующий орден, никакой цвет не мог так хорошо подходить для тех, кто ежедневно и ежечасно подвергал себя мученичеству, как цвет крови, в котором было так много символического.

Что касается внутренней организации, то, как мы полагаем, всегда можно обнаружить, что она, по большей части, является порождением времени и результатом обстоятельств, и всегда почти одинакова там, где эти обстоятельства схожи. Владычество ассасинов распространялось на большие территории страны; отсюда возникла необходимость назначать лейтенантов. Точно так же, когда тамплиеры получили большие владения на Западе и Востоке, они не могли избежать, по примеру госпитальеров, назначения лиц для управления делами общества в разных странах. Поэтому, как у исмаилитов был свой Шейх-аль-Джебал со своим Дайс-аль-Кебиром в Кухистане и Сирии, так и у тамплиеров были свои Магистры и Приоры в разных провинциях. Сходство пока точное, но, как мы видим, легко объяснимое. То, что Хаммер далее проводит между составными частями каждого общества, совершенно причудливо. Рефику, Федавею и Лазику исмаилитов он ставит в пример рыцарей, эсквайров и слуг-братьев тамплиеров. Нет нужды указывать на произвольность этого сравнения. Капелланы тамплиеров, как мы видим, опущены, и, возможно, именно они имели наибольшее сходство с рефиками, в то время как ни рыцари, ни эсквайры не имели ни малейшего сходства с федавами.

Что касается тайной доктрины, то в дальнейшем мы обсудим вопрос о том, была ли она у тамплиеров или нет. Здесь же отметим лишь, что доказательства этого и того, что конечная цель тамплиеров была такой же, как и у исмаилитов, а именно приобретение независимой власти, приводимые Хаммером, отнюдь не удовлетворительны. Он говорит, что целью обоих обществ было стать хозяевами близлежащей страны, владея крепостями и замками, и таким образом стать грозными соперниками князей; и он видит в прецепториях или домах тамплиеров копии крепостей исмаилитов. То, что таков был замысел этого последнего общества, совершенно очевидно из предыдущей части нашей работы; но какое сходство между такими грозными оборонительными сооружениями, как Аламут и Ламсир, и простыми

строениями, в которых жили несколько рыцарей и их слуг в разных частях Европы и которые вряд ли были сильнее обычных баронских резиденций, если вообще были? И какое сопротивление мог оказать Лондонский или Парижский храмы королевской силе, если бы она была задействована? Здесь Хаммер снова впал в свою обычную ошибку, слишком поспешно отталкиваясь от случайных сходств. Прецептории тамплиеров, как мы покажем, были необходимым следствием приобретения орденом собственности, и в их природе не было ничего враждебного обществу.

Когда мы размышляем о характере первых крестоносцев, и особенно первых тамплиеров, и вспоминаем их благочестие, невежество и простоту, ничто не может показаться более абсурдным, чем приписывать им тайные философские доктрины нечестия, почерпнутые у тех, чей язык они даже не понимали, а религия и нравы которых вызывали у них отвращение, и предполагать, что первые бедные рыцари Храма могли иметь видения о будущем могуществе своего ордена и предвкушать его господство над христианским миром. "Но это обычная ошибка изобретательных людей, которые вечно приписывают основателям империй, религий и обществ тот атрибут божественности, который с самого начала видит конечную цель и формирует все свои планы и проекты с учетом ее. Так, некоторые хотели бы убедить нас, что Махоммед в своей уединенной пещере в Мекке ясно и отчетливо видел будущие победы ислама и его знамена, развевающиеся на Пиренеях и Оксусе; что Кромвель, будучи неизвестным человеком, уже в воображении схватил скипетр Англии; что Лойола видел, как члены его ордена управляют совестью королей и правят империей в Парагвае. Все эти результаты на самом деле являются медленным и постепенным ростом времени; один шаг приводит к другому, пока человек или общество не оглядываются с изумлением на слабое начало".

Тамплиеры и исмаилиты упоминаются историей вместе еще только в одном случае, а именно в связи с данью, выплаченной первым сирийской ветвью вторых, и убийством исмаилитского посла, о котором говорилось выше^[75]. Поскольку этот акт был совершен, скорее всего, по приказу магистра Храма, который, возможно, сомневался в способности или склонности короля выплачивать 3000 византийцев в год, он мало свидетельствует о каких-либо дружеских чувствах между тамплиерами и исмаилитами. Однако Хаммер полагает, что 3000 византийцев были выплачены не как дань слабым сильным, а как пенсия за тайные услуги, которые тамплиеры имели обыкновение оказывать своему делу; например, за то, что однажды отказались присоединиться к экспедиции против халифа Египта, великого главы общества ассасинов.

Рассказывать о различных подвигах рыцарей Храма означало бы написать историю крестовых походов; ведь с тех пор, как орден обрел силу и последовательность, не было ни одного сражения с неверными, в котором рыцарство Храма не принимало бы выдающегося участия. Их боевой клич всегда звучал в самой гуще схватки, и редко кто из *Баузеанта* дрогнул или отступил в конфликте. Рыцари Святого Иоанна сражались с достойной подражания доблестью; пример соперничающих орденов стимулировал все части христианской армии, и этому влиянию можно в значительной степени приписать многие из самых замечательных побед Креста в течение двенадцатого века.

В 1147 году, когда папа Евгений III прибыл в Париж, чтобы договориться с Людовиком VII о предполагаемом крестовом походе, и папа, и король почтили своим присутствием генеральную главу ордена Храма, которая проводилась в этом месте. Вероятно, именно по этому случаю верховный понтифик даровал ордену важную привилегию - раз в год совершать мессу в местах, находящихся под интердиктом. Новоизбранный магистр Храма Эберхард де Бар и 130 рыцарей сопровождали короля в его походе в Святую землю; их

доблесть и мастерство во многом способствовали сохранению армии крестоносцев в их злополучном походе через Малую Азию. Осада Дамаска, предпринятая после прибытия французского и немецкого королей в Святую землю, сорвалась, как хорошо известно, из-за предательства. Предателями, несомненно, были *пулланы*, как называли латинян в Сирии, которые в это время были способны на все дурные поступки. Некоторые авторы несправедливо обвиняют тамплиеров в этой вине; но те, кто лучше всех осведомлен в этом вопросе, не выдвигают против них никаких обвинений. Однако это обвинение, хотя и показывает силу и внимание тамплиеров в то время, может рассматриваться как доказательство того, что они несколько выродились из своей первоначальной добродетели, ибо в противном случае оно никогда не могло бы быть выдвинуто.

В 1153 году христианская армия осадилась город Аскалон, который все еще удерживали сарацины и взяли бы его, если бы не коварство тамплиеров. Осаждающие навалились на часть стены большую кучу дров и подожгли ее. Всю ночь в сторону города дул сильный ветер, неся дым и жар в город, так что гарнизон был вынужден отступить из этого квартала. Христиане подкармливали пламя смолой, маслом и другими горючими веществами, и стена рядом со сваями, потрескавшаяся от жара, обрушилась, оставив значительную брешь. Армия готовилась войти в этот проем, когда Бернар де Тремелай, магистр Храма, заняв со своими рыцарями позицию у него, отказал всем во входе. В те времена среди крестоносцев существовал закон войны, согласно которому любой дом или трофей, захваченный при штурме города, становился его собственностью. Поэтому тамплиеры стремились получить право первого выбора, и, не допустив никого, Тремелай с сорока своими рыцарями смело ворвался в сильно укрепленный город. Но они поплатились за свое безрассудство и самоуверенность: гарнизон окружил и перебил их всех, а затем заделал брешь.

Одно из самых позорных деяний, запятнавших летопись тамплиеров, произошло в 1155 году, когда магистром ордена был Бертран де Бланфорд, которого Вильгельм Тирский называет "благочестивым и богобоязненным человеком". В борьбе за верховную власть в Египте, которую визирь, носивший гордый титул *султана*, осуществляли под фантомными халифами, султан Аббас, предавший смерти халифа, своего повелителя, был вынужден бежать от мести разгневанного народа. Со своим гаремом, с собственными и большей частью царских сокровищ он отправился в путь через пустыню. Под Аскалоном беглецов поджидали христиане, в основном тамплиеры; сопротивление мусульман было слабым и неэффективным; сам Аббас был либо убит, либо бежал, а его сын Насир-эд-Дин и сокровища стали призом победителей. Большая часть добычи, конечно, досталась тамплиерам, но это не удовлетворило их жадности; и хотя Насир-эд-Дин исповедовал свое желание стать христианином и начал, в качестве подготовки к этому, изучать латинский язык, они продали его врагам отца за 60 000 золотых и стали наблюдать, как его связывают по рукам и ногам и помещают в своего рода клетку или седан с железными решетками на верблюде, чтобы везти в Египет, где его ждала смерть от длительных пыток.

Госпитальеры в это время стали такими же развращенными, как и тамплиеры; и в этом же году, когда патриарх потребовал от них десятину, которую они обязаны были ему платить, они отнеслись к этому требованию с презрением; возвели, чтобы показать свое превосходное богатство, величественные и возвышенные здания перед скромной церковью Гроба Господня; И всякий раз, когда патриарх входил в нее, чтобы увещевать народ или произносить отпущение грехов, они, по приказу своего господина, звонили в колокола госпиталя так громко, что, приложив все усилия, он не мог добиться, чтобы его слышали. Однажды, когда прихожане собрались в церкви, госпитальеры ворвались туда в оружии и пустили в них стрелы, словно в разбойников или неверных. Эти стрелы были собраны и

вывешены на горе Голгофе, где был распят Христос, к вящему сожалению этих отступников-рыцарей. Обратившись за помощью к папе Адриану IV, сирийские священнослужители обнаружили, что он и его кардиналы настолько настроены в пользу их врагов - подкуплены ими, как говорили, - что у них не было никаких шансов на помощь. Вследствие этого наглость госпитальеров стала еще большей, чем прежде.

В самом деле, как замечает один чрезвычайно рассудительный автор[76], как бы доблестно ни сражались рыцари духовных орденов с язычниками и как бы ни были велики их несомненные заслуги в защите беспомощных паломников, нельзя отрицать, что эти рыцари были если не первоначальными инициаторами, то, по крайней мере, активными участниками всех бед, царивших в Святой земле, и что их часто доводило до позорного неисполнения своих обязанностей жадность и жажда наживы.

1162 год занимает видное место в летописи тамплиеров как дата издания буллы *Omne Datum Optimum*, Magna Charta ордена и великого ключевого камня их власти. После смерти Адриана IV были избраны два соперничающих папы: Александр III от сицилийцев и Виктор III от императорской партии. Тамплиеры сначала признали последнего, но на синоде, состоявшемся в Назарете в 1161 году, перешли на сторону его соперника. Александр, вышедший победителем, не был неблагодарным, и 7 января следующего года была издана вышеупомянутая булла. Этим документом, который почти что диктуется орденом, тамплиеры освобождались от всякого духовного повиновения, кроме Святого Престола; им разрешалось иметь при своих домах особые усыпальницы и собственных капелланов; они освобождались от обязанности платить десятину и могли, с согласия епископа, получать ее. Кроме того, любому, кто однажды вступил в орден, запрещалось покидать его, если только он не вступал в более строгий орден. Эти великие привилегии неизбежно вызывали зависть и вражду духовенства к тамплиерам и госпитальерам, которым понтифики одинаково благоволили; но эти хитрые прелаты, стремившиеся теперь к всеобщей власти, хорошо понимали, какое преимущество они могут извлечь, если прочно привяжут к себе эти объединения, соединявшие доблесть рыцаря с послушанием монаха, члены которых принадлежали к самым знатным семьям Европы, а владения были обширны и распространялись по всем частям христианского мира.

В 1167 году произошел один из немногих случаев трусости или, скорее, можно сказать, вероломства, о которых повествуют летописи тамплиеров. Альмерик, король Иерусалима, поручил тамплиерам охранять одну из тех сильных укрепленных пещер, которые находились по ту сторону Иордана. Здесь их осадили турки, и, хотя король поспешил им на помощь, они капитулировали. Альмерик, разгневанный их поведением, хотя и был большим другом ордена, а особенно магистра Филиппа Наплузского, немедленно велел повесить двенадцать трусливых или вероломных рыцарей, не встретив никакого сопротивления со стороны ордена. Филипп, заметим, был первым магистром Храма, урожденным сирийцем; но, судя по всему, он был человеком честным и благородным. Он был повелителем крепостей Крак и Монреаль в Каменистой Аравии, которые он получил вместе со своей женой. Только после ее смерти он стал тамплиером. Пробыв в звании магистра три года, он сложил с себя это звание. Причина его отставки неизвестна, но до конца жизни он пользовался большим почетом и уважением и был задействован в различных важных делах.

Именно во время правления Филиппа Неаполитанского король Альмерик, по наущению магистра Госпиталя и в нарушение торжественного договора, предпринял неудачную экспедицию в Египет. Тамплиеры громко протестовали против этого акта вероломства и отказались принимать какое-либо участие в войне, либо, как замечает Вильгельм, честный архиепископ Тирский, "потому что это было против их совести, либо потому, что магистр

соперничающего ордена был автором и организатором этого". Похоже, прелат считает более почетную причину истинной. Возможно, мы правильно выразимся, если скажем, что в этом, как и во многих других случаях, долг и предрассудки счастливо сочетались, и путь, который был наиболее приятным, был и наиболее почетным.

Во время правления Адо Святого Амандо, преемника Филиппа Неаполитанского, произошло вероломное убийство посланника исмаилитов, о котором мы уже рассказывали^[77], - поступок, который ввел тамплиеров в большую немилость среди благочестивых христиан, поскольку было совершенно очевидно, что они предпочитают деньги завоеванию душ для Христа.

Глава IV.

Героизм тамплиеров и госпитальеров - битва при Хиттине - поход Ричарда Английского и Филиппа Французского - коррупция в ордене - папа Иннокентий III пишет порицательную грамоту - Фридрих II - великая резня тамплиеров - Генрих III Английский и тамплиеры - власть тамплиеров в Моравии - расправа с ними госпитальеров - падение Акры.

Падение христианской державы на Востоке теперь стремительно приближалось, и его не в малой степени ускоряла вражда соперничающих орденов. Истинность старой фразы о том, что Божество лишает смысла тех, кого хочет погубить, проявилась и в этом, и во многих других подобных случаях; и пока великий и способный Саладин укреплял свою власть и готовился к выполнению задачи, которая, как истинный мусульманин, лежала ближе всего к его сердцу, - возвращению Святого города, среди тех, кто должен был действовать единой душой и единым духом, царили раздор, вражда и неприязнь.

Однако оба рыцарских ордена не отступили от своей первоначальной доблести, и последние дни Иерусалима были освещены некоторыми благородными подвигами. 1 мая 1187 года, когда Малек-эль-Афдаль, сын Саладина, возвращался из похода в Святую землю, предпринятого им с согласия графа Триполиса, регента королевства, магистра Храма и Госпиталя, собрав около 140 рыцарей и 500 пехотинцев, встретили мусульман, которых было 7000, у знаменитого ручья Кишон. Они сразу же бросились на них с величайшей стремительностью; турки, по обычаю, повернули и бежали; христианские рыцари преследовали их, оставив свою пехоту без защиты. Вдруг из долины выскочило большое тело турок, обрушилось на пеших и зарубило их. Их крики привели рыцарей на помощь, но из-за узости местности они не могли ни вскинуть копья, ни направить коней на врага, и все пали под ударами турок, за исключением магистра храма и трех его рыцарей, которых спасла быстрота их коней. Среди убитых был и магистр госпиталя. В этой злополучной схватке особенно отличились Джеймс де Мейли, маршал тамплиеров, и госпитальер по имени Генрих. После того как все их храбрые товарищи были убиты вокруг них, они все еще продолжали сражаться; турки, преисполненные восхищения их доблестью, неоднократно предлагали им четвертовать их, но тщетно; в конце концов они пали, ошеломленные дротиками, выпущенными издалека, и никто не осмелился приблизиться к ним. Историк Винисауф рассказывает, что де Мейли был посажен на белого коня, который, в сочетании с его светлыми руками и белой мантией, показался неверным Святым Георгием, и они очень ликовали, убив святого покровителя христиан. Он добавляет, что турки покрыли его тело

пылью, которой потом посыпали свои головы, думая таким образом перенять часть его доблести.

В роковой битве при Хиттине, где погибло 30 000 христиан, где король и все его принцы оказались в плену, а власть латинян на Востоке была навсегда сломлена, магистр Храма Герард Ридефортский и несколько его рыцарей и рыцарей госпиталя оказались в числе пленников. Саладин, питавший особую ненависть к духовным рыцарям, пощадил их только при условии, что они откажутся от своей веры. Все они галантно отказались, и всем, за исключением магистра, отрубили головы. Многие из тех, кто не принадлежал к ордену, одержимые желанием мученической славы, сбросили с себя мантии тамплиеров и с радостью пошли на смерть в качестве таковых. Один тамплиер, по имени Николай, проявлял такую радость и нетерпение к этой славной участи, что, по представлениям тех времен, небо, как считалось, засвидетельствовало свое одобрение видимым знаком, и в течение трех ночей небесный свет освещал непогребенный труп христианского мученика.

Тамплиеры действительно редко отрекались от своей веры: предрассудки, или честь, как мы можем это назвать, или лучший принцип всегда поддерживали его в ней, какими бы ни были отклонения в его жизни. Мы помним лишь один случай, когда брат Храма отрекся от своей веры, и это был, к несчастью, английский рыцарь по имени Роберт из Сент-Олбанса. По какой-то непонятной причине он сбросил одежду своего ордена, нарушил обеты, перешел на сторону Саладина и стал мусульманином. Султан отдал ему в жены одну из своих родственниц, и рыцарь-отступник появился перед Иерусалимом во главе армии неверных. Он обещал Саладину покорить Святой город, но ее час еще не настал, и, опустошив огнем и мечом всю страну от Монруаля до Иерихона, он был вынужден отступить перед иерусалимским рыцарством, которое выступило со святым крестом и нанесло ему тяжелое поражение. Это событие произошло в 1184 году; отступничество тамплиера вызвало крайнее смятение среди христиан и возбудило большую неприязнь к ордену в целом.

До сих пор орден считал своим долгом не выкупать из плена никого из своих членов ни за какой более высокий выкуп, чем пояс, или нож, или какой-нибудь другой незначительный предмет, действуя в этом по тому же принципу, что и древние римляне, которые никогда не выкупали пленников. Магистр Адо де Сент-Амандо умер в плену; но чтобы выкупить Жерара де Ридефора, был дан не меньший выкуп, чем город Аскалон. Жерар умер от раны, полученной в бою в следующем году.

Во время памятного крестового похода Филиппа Французского и Ричарда Английского в Святую землю, который их соперничество и вражда сделали совершенно безрезультатным, мы видим госпитальеров на стороне короля Англии, и, конечно, тамплиеров - горячих приверженцев короля Франции. И все же, когда Ричард возвращался в Европу, он послал за магистром Храма и сказал ему, что знает, что многие его не любят и что он сильно рискует жизнью на пути в свое королевство; поэтому он просит его разрешить ему принять одежду ордена и отправить с ним двух братьев. Магистр с готовностью удовлетворил просьбу столь могущественного монарха, и король поднялся на борт в одежде тамплиера. Вероятно, именно из-за известной враждебности ордена к нему король Ричард принял это решение, думая, что никто и никогда не заподозрит его в связи с тамплиерами. Его брат Джон, как мы можем заметить, был, напротив, очень благосклонен к ордену, которому он подарил остров Ланди в устье Бристольского канала. На протяжении всего своего правления этот одиозный принц привязался к тамплиерам как к верным слугам своего господина Папы, рассчитывая на их помощь в борьбе со своими доблестными баронами, которые не хотели оставлять свободу нации у ног неверного тирана. Теперь у монархов было принято сдавать свои сокровища на хранение в Храмы; в 1213 году мы видим, как король Иоанн требует 20 000

марок, которые он передал на хранение тамплиерам. Мы не встречаем ни одного случая нарушения доверия со стороны рыцарей.

Тамплиеры разделяли общую нечестность церкви в отношении ложных чудес и не стеснялись приумножать свои богатства за счет обманов, рассчитанных на невежество и рвение мирян. В 1204 году стало известно, что образ Богородицы в монастыре неподалеку от Дамаска облекся плотью и что из его груди исходит некий сок или ликер, обладающий чудесной эффективностью для снятия грехов с благочестивых паломников. Поскольку место было далеким, а дорога сопряжена с опасностями, рыцари Храма взяли на себя задачу доставить чудодейственную жидкость на ту часть побережья, которую еще удерживали латиняне, и угостить ею паломников, и казна ордена значительно пополнилась за счет этого благочестивого промысла.

Хотя, как и все другие владельцы Святой земли, орден Храма оказался в проигрыше в результате ее завоевания Саладином, их владения на Западе были настолько обширны, что они почти не ощущали потери. В это самое время мы находим число их владений различного рода в Европе, указанное в 7050, расположенных главным образом во Франции и в Англии. Их высокомерие и роскошь, естественно, не отставали от их богатства; и хотя писатели двенадцатого века и даже трубадуры - сатирики той эпохи - всегда с почтением отзываются о рыцарях Храма, тайная неприязнь к ним усиливалась, особенно среди духовенства, вследствие больших привилегий, дарованных им буллой *Omne Datum Optimum*, и наглой манеры, в которой эти привилегии использовались.

Поэтому в 1208 году великий Иннокентий III, самый честлюбивый из пап и неизменный друг ордена, вынужден был выступить с первым публичным осуждением ордена и попытаться авторитетом поставить предел его бесчинствам. В своем послании к магистру по этому поводу святой отец говорит, что они злоупотребляли привилегией совершать мессу в местах, находившихся под интердиктом, заставляя открывать свои церкви и совершать мессу каждый день, с громким звоном колоколов, неся на груди крест Христа, но не заботясь о том, чтобы следовать его доктринам, которые запрещают оскорблять кого-либо из малых, которые верят в него. Далее он утверждает, что, следуя доктринам демонов, они прикрепили крест своего ордена на груди (т.е. *крест своего ордена на груди (т.е. на груди каждого негодяя)*), утверждая, что тот, кто, заплатив два или три пенса в год, становится членом их братства, не может, даже будучи запрещенным, быть лишенным христианского погребения; и поэтому известные прелюбодеи, ростовщики и другие, находящиеся под приговором интердикта, с честью погребаются на их кладбищах; "и таким образом они сами, будучи в плену у дьявола, не перестают делать пленными души верных, стремясь оживить тех, кого они считают мертвыми". Понтифик сетует, что вместо того, чтобы, как религиозные люди, использовать мир ради Бога, они использовали свой религиозный характер как средство потакания мирским удовольствиям. И хотя из-за этих и подобных злоупотреблений они заслуживают лишения дарованных им привилегий, святой отец не идет на крайние меры, полагаясь на усилия Магистра по исправлению ситуации.

В этом послании собраны все обвинения, которые, как выяснится в дальнейшем, можно было бы в любой момент предъявить по справедливости ордену, разращение которого происходило в рамках обычного хода человеческой природы, и никак иначе, - привилегии и льготы порождали дерзость и самонадеянность, а богатство - роскошь и распущенность нравов. Именно щедрость пап, принцев и дворян стала причиной гибели тамплиеров.

Тамплиеры сыграли выдающуюся роль в экспедиции в Египет и осаде Дамииетты в 1219 году, поскольку главным командиром в тот раз был папский легат, чьим поведением, под видом

послушания, они в основном руководили. Но когда в 1228 году император Фридрих II, находившийся тогда под приговором церкви, предпринял крестовый поход, в котором он дал обет, он не встретил ничего, кроме противодействия и предательства со стороны этих верных приверженцев папы. Учитывая дух эпохи, их противодействие, возможно, не так уж сильно заслуживает порицания; но никакие принципы не оправдают поступок, когда они написали письмо, чтобы сообщить египетскому султану о планах императора. Великодушный мусульманин, вместо того чтобы воспользоваться этим вероломством, отправил письмо Фредерику, к смятению его авторов. Тогда Фредерик сдержал свое негодование, но по возвращении в Европу он обрушил свое удовлетворение на тех, кто был наиболее виновен, и конфисковал имущество ордена на Сицилии и в своих итальянских владениях. Хотя за это его снова отлучили от церкви, Фредерик продолжал враждовать и с ними, и с госпитальерами; и хотя он, пожалуй, меньше всех своих сверстников был склонен к суевериям и безнравственности, он не преминул выдвинуть против них серьезное обвинение в дружеских связях с мусульманами. "Надменная религия тамплиеров, - пишет он, - воспитанная на удовольствиях местных баронов, становится все более и более опасной. Нам достоверно известно, что султанов и их свиты с помпезной щедростью принимают в воротах Храма, и что тамплиеры позволяют им праздновать светские спектакли и совершать суеверные обряды с призывом Махоммета".

Вражда между тамплиерами и госпитальерами все еще продолжалась, хотя власть христиан теперь была почти ограничена стенами Акры. Тамплиеры находились в союзе с принцем Дамаска: госпитальеры были друзьями султана Египта. Тамплиеры распространили свою вражду против императора на тевтонских рыцарей, которых они лишили своих владений в Сирии. Появление нового врага, однако, на некоторое время принесло им согласие. Турки Хауризмы, расположенные к востоку от Каспия, были обращены в бегство перед полчищами монголов, и 20 000 их всадников ворвались в Святую землю. Они взяли и разграбили неукрепленный и открытый Иерусалим, а затем объединились с войсками Египта. Христиане обратились за помощью к князю Дамаска, который немедленно прислал необходимые войска, и объединенные силы отправились на поиски врагов. В сражении тамплиеры и ополченцы заняли центр, госпитальеры расположились на левом фланге, легкая конница - на правом. Битва продолжалась два дня и закончилась полным поражением христиан, которое приписывают, хотя, возможно, и несправедливо, вероломству дамаскинцев. Магистр Храма и весь капитул с рыцарями, всего 300 человек, были убиты; спаслись только четыре рыцаря и четырнадцать эсквайров.

Непостоянный и нуждающийся Генрих III Английский, в общем-то такой послушный сын святого отца, который за долю добычи обычно помогал ему в благочестивом деле ограбления подданных, в 1252 году набрался смелости и заговорил о захвате части имущества церкви и военных орденов. "У вас, прелатов и религиозных деятелей, - сказал он, - особенно у вас, тамплиеров и госпитальеров, так много вольностей и хартий, что ваши огромные владения вызывают у вас гордость и надменность. То, что было дано неосмотрительно, должно быть поэтому благоразумно отменено; а то, что было неосмотрительно даровано, должно быть предусмотрительно отозвано..... Я разорву эту и другие хартии, которые мои предшественники и я сам опрометчиво выдали". Но настоятель тамплиеров тут же ответил: "Что ты говоришь, о король? Далеко не следует, чтобы твои уста произносили столь неприятные и глупые слова. Пока ты вершишь правосудие, ты будешь царствовать; но если ты нарушишь его, ты перестанешь быть королем!" Эти смелые слова, по-видимому, умилили пыл слабого короля, который в следующем году попросил оба ордена стать его залогом за крупную сумму денег, которую он задолжал. Они отказали ему в просьбе, и Генрих впредь наносил им все возможные обиды.

В 1252 году в Моравии произошло событие, которое может служить доказательством могущества ордена в Европе. Один дворянин по имени Вратислаф, который был вынужден бежать из этой страны, стал тамплиером во Франции. Он передал ордену все свое имущество, среди которого был замок Эйхгорн в Моравии. Но его старший брат, Буриан, завладел его имуществом, как перешедшим к нему как к главе семьи. Король Винцель, получив прошение, принял решение в пользу ордена. Однако Буриан все еще продолжал владеть им. На следующий год тамплиеры собрали несколько тысяч человек и под командованием своего великого приора отправились брать замок. Буриан, собрав 6000 человек, 900 из которых он разместил в замке, выступил вперед, чтобы дать им бой. Схватка была кровавой; 1700 человек, среди которых был и великий приор тамплиеров, лежали убитыми, когда ночь положила конец конфликту. Было заключено перемирие на три дня, по истечении которых Буриан и его люди были загнаны в замок, который они храбро защищали, пока король Аттокар не прислал пригрозить им своим гневом, если они не сдадут его. Буриан сдал его, а Вратислаф, вернувшись в Моравию, стал приором Эйхгорна, в котором поселились тридцать тамплиеров.

Хотя тамплиеры были так многочисленны в Европе, они не были склонны отправляться на Восток, чтобы столкнуться с трудом и опасностью, выполняя свои обязанности. Они предпочитали жить в легкости и роскоши в своих богатых владениях на Западе; и только члены капитула с несколькими рыцарями и другими лицами, связанными с орденом, проживали в Сирии. Кажется даже, что главы общества подумывали об окончательном отступлении с Востока, где, вероятно, видели, что ничего путного из этого не выйдет. Госпитальеры же, какими бы ни были причины, более ревностно следовали своему призванию и имели большее число своих членов в Сирии; и, вероятно, именно этой причине мы должны приписать полное поражение, которое они смогли нанести своим соперникам в 1259 году: вражда между орденами достигла такого накала, что в этом году они вступили в открытую войну. Произошло кровопролитное сражение, в котором тамплиеры потерпели поражение, но, по мере ожесточения их вражды, победители не брали пленных, а рубили на куски всех тамплиеров, попавших им в руки, и едва ли остался один тамплиер, чтобы донести весть в Европу.

С этого периода и до взятия Акры и окончательного уничтожения латинской державы на Востоке в 1291 году, после почти двух столетий, летопись тамплиеров не содержит никаких событий. Соперничество между ними и другими орденами все еще продолжалось, и, по мнению некоторых историков, именно их ревность ускорила падение этого последнего остатка христианского владычества на Востоке. Не более десяти рыцарей Храма спаслись во время штурма города, и они, вместе с остатками других орденов и гарнизона, укрылись на Кипре.

Теперь мы проследили историю ордена с момента его учреждения до нескольких лет, когда он был пресечен. Рассмотрение этого важнейшего события мы отложим на некоторое время и займем промежуток времени рассказом о внутренней организации общества, его офицерах, богатстве и различных владениях. Мы надеемся, что это внесет немалый вклад в наши знания об одной из самых любопытных частей мировой истории - истории средних веков - и порадует читателя демонстрацией нравов и институтов, которые уже давно канули в Лету.^[78]

Глава V.

Классы тамплиеров - рыцари - их квалификация - способ приема - одежда и оружие рыцаря - способ погребения - капелланы - способ приема - одежда - обязанности и привилегии - служители - братья - способ приема - их обязанности - присоединенные - причины и преимущества присоединения - донаты и облаты.

Основателями ордена тамплиеров были, как мы видели, рыцари; именно они первыми задумали новаторскую и счастливую, как мы можем назвать ее в соответствии с настроениями тех времен, идею объединить в одном лице два персонажа, которые высоко ценились - рыцаря и монаха. Последний добавлял святости первому, первый придавал достоинство и уважение второму в глазах воинственного поколения. Поэтому тамплиер, естественно, считал себя первым из людей; а самые гордые дворяне христианского мира считали честью принадлежать к ордену. Таким образом, рыцари были силой, цветком, украшением общества.

Орден тамплиеров, когда он полностью развился, состоял не из *степеней*, а из отдельных и самостоятельных *классов*. Это были рыцари, капелланы и служащие братья; к ним можно добавить аффилированных, донатов и облитов, или лиц, прикрепленных к ордену без принятия обетов.

I. Рыцари. Тот, кто представлялся к принятию в рыцари ордена, должен был торжественно заявить, что происходит из рыцарской семьи и что его отец был или мог быть рыцарем. Кроме того, он должен был доказать, что родился в законном браке, поскольку, как и церковь в целом, тамплиеры исключали бастардов из своего общества. В этом правиле была своя благоразумность, хотя, возможно, оно было просто установлено в соответствии с идеями того времени; ведь если бы король Франции или император Германии смог принять в орден своего родного ребенка, а затем избрать его магистром, как он, вероятно, и сделал бы, орден мог бы потерять свою независимость и стать простым орудием монарха. Кроме того, кандидат должен был заявить, что он свободен от всех прежних обязательств; что он не женат и не обручен; не давал никаких обетов и не получал посвящения в другом ордене; и что он не связан долгами. Наконец, он должен был заявить, что имеет крепкое и здоровое телосложение и свободен от болезней. Когда орден стал большим и могущественным, а кандидаты на вступление в него были многочисленными и принадлежали к самым высоким семьям, вошло в обычай требовать уплаты большого взноса при приеме.

Было необходимо, чтобы кандидат на вступление в рыцари Храма уже был рыцарем; поскольку рыцарство было светской честью, орден счел бы умаляющим свое достоинство, если бы кто-то из его членов получил его. Госпитальеры и тевтонские рыцари считали иначе, и у них соискатель посвящался в рыцари при поступлении. Таким образом, если кандидат в тамплиеры не был посвящен в рыцари, он должен был получить рыцарство обычным образом от светского рыцаря или епископа, прежде чем принять обеты.

Послушничество составляет существенную и разумную часть курса приема в духовные ордена в целом; ведь вполне справедливо, что человек должен в какой-то мере ознакомиться с правилами и обязанностями общества, прежде чем вступить в него. Но, хотя первоначальное правило тамплиеров и предписывало введение послушничества, на практике этим полностью пренебрегали, что впоследствии стало одним из пунктов обвинения в адрес ордена. Возможно, в их случае не было особой необходимости в этом подготовительном процессе; тамплиеров было так много в мире, а те, кто присоединялся к

ним, в целом так часто бывали среди них и, следовательно, были так хорошо знакомы с их образом жизни, что им вряд ли требовалась какая-либо предварительная дисциплина, чтобы ознакомить их с их обязанностями. Пренебрежение этой практикой в то же время давало тамплиерам преимущество перед соперничающими орденами, которые ее предписывали; ведь молодой дворянин, по всей вероятности, чувствовал бы себя наиболее расположенным вступить в общество, в которое его могли принять сразу же; и, возможно, немалая часть коррупции тамплиеров, в которой они, несомненно, превосходили своих соперников, может быть приписана той возможности, которая таким образом предоставлялась недостойным лицам, вступающим в их ряды.

Что касается возраста, в котором принимались люди, то, судя по тому, как ранее требовалось принимать рыцарство, он должен был соответствовать подростковому или мужскому возрасту. В уставе говорится лишь о том, что ни один ребенок не может быть принят, и что родители или родственники ребенка, которому суждено стать членом ордена, должны содержать и воспитывать его до тех пор, пока *он не сможет мужественно и вооруженной рукой истреблять врагов Христа на земле*. Это заметно отличало тамплиеров от простых религиозных орденов, которые и в наши дни, как мы полагаем, принимают детей, беря на себя их воспитание и образование; тогда как в ордене Храма дети могли быть только предназначены и не могли быть представлены к приему, пока не будут способны носить оружие, то есть обычно на двадцать первом году своего возраста.

Прием рыцаря происходил в одной из капелл ордена, в присутствии собравшегося главы. Он был тайным, даже родственникам кандидата не разрешалось присутствовать. Церемонию начинал магистр^[79] или приор, который председательствовал, говоря: "Возлюбленные братья, вы видите, что большинство согласно принять этого человека в братья. Если среди вас есть тот, кто знает о нем что-то такое, из-за чего он не может законно стать братом, пусть скажет об этом; ибо лучше, чтобы это было известно заранее, чем после того, как он предстанет перед нами".

После этого претендента, если не было возражений, вели в комнату рядом с залом главы, и два или три авторитетных рыцаря из старейших в доме посылались изложить ему то, что ему было необходимо знать. Вначале они спрашивали: "Брат, желаешь ли ты вступить в орден?". Если он отвечал утвердительно, ему излагали всю строгость ордена. Если он отвечал, что готов вытерпеть все ради Бога и всю жизнь быть слугой и рабом ордена, они спрашивали его, есть ли у него жена или обрученная, давал ли он исповедание или обеты в каком-либо другом ордене, должен ли он кому-либо в мире больше, чем может заплатить, здоров ли он телом и не имеет ли тайных недугов, и является ли он чьим-либо слугой? Если ответы были отрицательными, братья возвращались к главе и сообщали Мастеру или его представителю о результатах проверки. Затем последний еще раз спрашивал, не знает ли кто-либо об обратном. Если все молчали, он сказал: "Вы согласны, чтобы его привели во имя Господа?". Тогда рыцари сказали: "Пусть его приведут во имя Бога". Тогда те, кто уже был с ним, снова вышли и спросили его, остается ли он в своем решении. Если он отвечал, что да, они инструктировали его, что он должен делать, когда подает иск о приеме. Затем они привели его обратно к главе, где, бросившись на колени со сложенными руками перед рецептором, он сказал: "Господин, я пришел перед Богом, перед вами и братьями, и молю и умоляю вас, ради Бога и нашей дорогой Госпожи, принять меня в ваше общество и в добрые дела ордена, как того, кто будет всю свою жизнь слугой и рабом ордена". Тогда рецептор ответил: "Возлюбленный брат, ты желаешь великого дела, ибо видишь лишь внешнюю оболочку нашего ордена. Это лишь внешняя оболочка, когда ты видишь, что у нас прекрасные лошади и богатые капари, что мы хорошо едим и пьем, великолепно одеты. Из этого вы делаете

вывод, что с нами вам будет хорошо. Но вы не знаете тех строгих правил, которые заложены у нас внутри. Ибо трудно тебе, который сам себе хозяин, стать слугой другого. Вряд ли в будущем вы сможете исполнить то, что желаете сами. Ибо когда ты пожелаешь быть по эту сторону моря, тебя отправят на другую сторону; когда ты пожелаешь быть в Акко, тебя отправят в район Антиохии, в Триполис или в Армению; или тебя отправят в Апулию, в Сицилию, в Ломбардию, в Бургундию, во Францию, в Англию или в любую другую страну, где у нас есть дома и владения. Когда вы захотите спать, вам прикажут дежурить; когда вы захотите дежурить, вам прикажут ложиться спать; когда вы захотите есть, вам прикажут делать что-нибудь другое. А так как и мы, и ты можем потерпеть большие неудобства от того, что ты, может быть, скрыл от нас, то смотри сюда на святых евангелистов и слово Божие и отвечай правду на вопросы, которые мы тебе зададим; ибо если ты солжешь, то будешь лжесвидетельствовать и можешь быть изгнан из ордена, от чего да хранит тебя Бог!"

Теперь рецептор снова задавал ему те же вопросы, что и раньше, и, кроме того, спрашивал, не заключал ли он какого-либо симонического договора с тамплиером или кем-либо еще для поступления в орден. Если его ответы оказывались удовлетворительными, рецептор продолжал: "Возлюбленный брат, позаботься о том, чтобы ты говорил нам правду; ибо если бы ты сказал неправду хоть в одном пункте, ты мог бы быть исключен из ордена, от чего да хранит тебя Господь! Теперь, возлюбленный брат, строго следи за тем, что мы тебе скажем. Обещаешь ли ты Богу и нашей дорогой леди Марии всю свою жизнь быть послушным магистру храма и настоятелю, который будет над тобой поставлен?"

"Да, господин, с Божьей помощью!"

"Обещаешь ли ты Богу и нашей дорогой леди Марии жить целомудренно в своем теле всю свою жизнь?"

"Да, господин, с Божьей помощью!"

"Обещаете ли вы Богу и нашей дорогой леди Марии всю жизнь соблюдать похвальные нравы и обычаи нашего ордена, как те, что уже используются, так и те, которые магистр и рыцари могут добавить?"

"Да, сэр, с Божьей помощью!"

"Обещаете ли вы Богу и нашей дорогой леди Марии, что с помощью сил и способностей, дарованных вам Богом, будете помогать, пока живы, завоевывать Святую землю Иерусалима; и что вы будете всеми силами помогать хранить и охранять то, чем владеют христиане?"

"Да, господин, с Божьей помощью!"

"Обещаете ли вы Богу и нашей дорогой леди Марии никогда не держать этот орден сильнее или слабее, лучше или хуже, чем с разрешения магистра или главы, имеющего власть[80]?"

"Да, господин, с Божьей помощью!"

"Обещаете ли вы, наконец, Богу и нашей дорогой леди Марии никогда не присутствовать при несправедливом и незаконном лишении христианина его наследия, и что вы никогда, ни советом, ни делом, не будете принимать в этом участия?"

"Да, сэр, с Божьей помощью!"

"Итак, во имя Бога, и нашей дорогой госпожи Марии, и во имя святого Петра Римского, и нашего отца папы, и во имя всех братьев Храма, мы принимаем во все добрые дела ордена, которые совершались с самого начала и будут совершаться до конца, тебя, твоего отца, твою мать и всех твоих родственников, которым ты позволишь иметь в них долю. Таким же образом вы принимаете нас на все добрые дела, которые вы совершали и будете совершать. Мы гарантируем вам хлеб и воду, и бедную одежду ордена, и труд и труды в достатке".

Затем магистр взял отличительную привычку ордена, а именно белую мантию с красным крестом, и, надев ее на шею кандидата, крепко сжал ее. Затем капеллан повторил 132-й псалом, *Ecce quam bonum*, и молитву Святого Духа, *Deus qui corda fidelium*, а каждый брат повторил *Pater noster*. Затем магистр и капеллан поцеловали его в уста, и он сел перед магистром, который произнес перед ним речь, суть которой сводится к следующему.

Он не должен был ударять или ранить никого из христиан; не должен был сквернословить; не должен был принимать от женщины никаких услуг или прислуживать ей без разрешения начальства; ни в коем случае не должен был целовать женщину, даже если она его мать или сестра; не должен был держать ребенка у купели крещения или быть крестным отцом; не должен был обижать человека или обзывать его; но должен был быть всегда учтивым и вежливым. Спать он должен был в льняной рубашке, кальсонах и рукавах, подпоясавшись небольшим кушаком. Он должен был пунктуально посещать богослужение, а за столом начинать и заканчивать молитвой; во время трапезы он должен был сохранять молчание. Когда магистр умирал, он должен был, где бы он ни находился, повторять 200 *Pater noster* за упокой его души.

Каждый рыцарь снабжался одеждой, оружием и снаряжением из средств ордена. Его одеждой была длинная белая туника, по форме почти напоминающая священническую, с красным крестом на спине и спереди; под ней, поверх льняной рубахи, был пояс. Поверх всего этого он носил белую мантию с красным крестом из четырех рук (нижняя - самая длинная, так что она напоминала ту, на которой страдал Спаситель) на левой груди. Голову покрывал колпак или капюшон, прикрепленный к мантии. Его вооружение состояло из щита, меча, копья и булавы; из-за жары Востока и необходимости быть активным в боях с турками и сарацинами его оружие и снаряжение в целом были легче, чем у светских рыцарей. Ему полагались три лошади и эсквайр, который был либо служилым братом ордена, либо нанятым для этой цели мирянином. Иногда эту должность исполняли юноши благородного происхождения, которых родители и родственники с радостью отдавали на службу знатым рыцарям Храма, чтобы они имели возможность приобрести рыцарские добродетели; впоследствии они часто становились членами ордена.

Костюм рыцаря-тамплиера.

Когда рыцарь становился неспособным к службе из-за возраста или ран, он поселялся в одном из храмовых домов, где жил безбедно, и к нему относились с величайшим уважением и почтением. Эти рыцари *emeriti* часто упоминаются под именем *Prodomes* (Добрые люди); они присутствовали на всех важных совещаниях, а их опыт и знание правил ордена высоко ценились и учитывались.

Когда тамплиер умирал, его клали в гроб в его привычке, со скрещенными ногами, и таким образом хоронили. За его душу служили мессу; его оружие и одежду частично отдавали маршалу или драпировщику ордена, частично распределяли среди бедняков.

II. Капелланы.- Орден тамплиеров, будучи чисто военным по своему происхождению, состоял тогда исключительно из мирян. Госпитальный орден, напротив, в силу своей

обязанности оказывать помощь больным, с самого начала обязательно имел в своем составе священников. Это преимущество последнего общества вызвало ревность тамплиеров, и они настоятельно требовали от папы предоставить им аналогичную привилегию. Но понтифики не хотели обижать восточных прелатов, и без того недовольных освобождением от их контроля, предоставленным в этом случае госпитальерам; и только в 1162 году, то есть через четыре года после основания ордена, когда папский престол занял их великий фаворит, Александр III, тамплиеры достигли своей цели.

Рыцари в церкви Темпл, Лондон.

Булла "*Omne Datum Optimum*", изданная по этому случаю, разрешала тамплиерам принимать в свои дома духовных лиц во всех странах, не связанных прежними обетами. Если это были клирики окрестностей, они должны были просить их у епископа; если же он отказывал в согласии, булла давала им право принимать их без него. Духовенство Храма должно было проходить годичное послушничество - практика, от которой, как и в случае с рыцарями, отказались во времена могущества и разложения ордена. Прием духовенства был таким же, как и у рыцарей, с опущением тех вопросов, которые их не касались. От них требовалось лишь дать три обета - бедности, целомудрия и послушания. Ритуал их приема был на латыни и почти полностью совпадал с ритуалом бенедиктинцев. Как и у рыцарей, их прием был тайным. После пения псалмов магистр надевал на принимающего орденское платье и пояс, а если тот был священником, то и шапочку, называемую *баретом*.

Обычай капелланов ордена представлял собой белую облегающую тунику с красным крестом на левой груди. Хотя, согласно уставу, они должны были иметь лучшую одежду в ордене, им не разрешалось надевать белую мантию, пока они были простыми священниками. Но если кто-то из них, как это нередко случалось, достигал епископского сана, ему, если он того желал, с радостью предоставляли эту привилегию. Еще одним отличием рыцарей от капелланов было то, что первые носили бороду, а вторые - бритву. Капелланы также должны были носить перчатки *из уважения к телу Господа*.

Все, кто принял *первый постриг*, имели право на должность капеллана ордена. Когда тех, кто был только иподиаконом или дьяконом, требовалось возвести в сан священника, магистр или его заместитель посылал их с димиссориальными письмами к близлежащему епископу, который обязан был присвоить требуемый сан.

Духовенство, как и все остальные члены ордена, обязано было повиноваться магистру и капитулу. Магистр и главные офицеры ордена всегда держали при себе капелланов для совершения мессы и других религиозных обрядов, а также в качестве секретарей, поскольку рыцари в целом были такими же неграмотными, как и их светские собратья. Именно благодаря этой последней должности капелланы приобрели свое главное влияние в обществе; ум и превосходные знания защищали, как это всегда бывает, их естественные права. И хотя было специально оговорено, что духовенство не должно принимать участия в управлении обществом без приглашения начальства, мнение секретаря, естественно, принималось в целом, и если он был человеком разумным и талантливым, ему чаще всего следовали [\[81\]](#)

Обязанности духовенства ордена были почти такими же, как и у монахов в целом. Они исполняли все религиозные обряды, участвовали во всех церемониях ордена, таких как прием членов, назначение магистра и т. д. Их привилегии были очень незначительны: они носили только лучшую одежду, сидели рядом с магистром в капитуле и в трапезной и первыми подавали на стол; когда они совершали какой-либо проступок, их также наказывали более мягко, чем других. Однако они могли, если это было угодно руководителям ордена, занять в нем высокое положение; и мы видим, что они нередко входили в число прецепторов. Генеральный прокурор ордена в Риме, который всегда был важной персоной, скорее всего, был священником ордена; по крайней мере, мы знаем, что Петр де Бонония, последний из них, был таковым.

Стоит отметить, что даже в самый цветущий период существования ордена у него никогда не было достаточного количества капелланов, и он всегда был вынужден прибегать к служению светских священников. Причиной этого, вероятно, было то обстоятельство, что орден достиг своей полной формы и последовательности задолго до того, как духовенство стало его частью, и, следовательно, у него не было возможности устроить его так, чтобы дать себе должную долю власти и значения. Должно быть, гордость тех, кто привык властвовать, подчиняясь только своим духовным начальникам, была уязвлена тем, что они подчинялись простым мирянам, каковыми они считали рыцарей ордена. Кроме того, хотя они и разделяли блага ордена и пользовались преимуществами, которые давало им уважение, они не имели никаких достоинств, на которые могли бы рассчитывать; в то время как вступление в бенедиктинский орден открывало перед честолюбцами перспективу богатых приорств, аббатств и епископств и, по крайней мере, права голоса в капитуле. Можно предположить, что гордость рыцарей Храма не позволяла принимать в свое общество таких людей, как те, кто впоследствии вступил в ордена мендикантов, - крестьян и других, кто предпочитал жизнь в праздности и безделье труду плуга и мастерской. Соответственно, число тех, кто подал заявку на вступление, было невелико. Но рыцари не чувствовали себя от этого в невыгодном положении; было достаточно светских священников, которые были готовы принять магистра Храма в качестве своего ординария и разделить блага ордена, а поскольку ни одна из сторон не была связана с другой, они могли легко расстаться, если не соглашались.

III. Служащие братья. Орден, состоявший поначалу только из рыцарей и людей благородного происхождения, не имел в своем составе слуг-брадобреев. Вероятно, рыцари на ограниченное время находили оруженосцев среди тех, кто сражался под их знаменем и получал жалованье. Госпитальеры, по-видимому, подали пример, введя в орден сословие слуг-братьев, которое появилось у тамплиеров только через некоторое время после совета в Труа. Преимущество этого изменения было весьма очевидным. До сих пор только рыцари и дворяне были заинтересованы в судьбе общества, к которому принадлежали их родственники; теперь же внимание мещан и торговцев должно было быть обеспечено за счет создания этого сословия, в которое могли быть приняты их сыновья и братья. Они чувствовали себя польщенными тем, что их родственники вступали в контакт с рыцарями, и поэтому были щедры на вступительный взнос и другие взносы на *квесты* ордена.

Мы ошибаемся, полагая, что все служилые братья были людьми низкого происхождения. Высокое положение, в котором находился орден, побудило многих людей, обладавших богатством, талантом и доблестью, но не имевших благородного происхождения, вступить в него. Так, среди служилых братьев мы находим Вильгельма Артеблейского, алмонера короля Франции; Радульфа де Гизи, сборщика налогов в Шампани; Джона де Фолкай, выдающегося юриста. Бартоломью Бартоле предоставил имущество на сумму 1000 *ливров Турнуа*, чтобы быть допущенным к службе; Вильгельм Льежский давал 200 *ливров Турнуа* в год. Служилый брат, правда, никогда не мог достичь рыцарского достоинства (к которому он был лишен права по рождению) и, следовательно, не мог занимать высшие должности в ордене, но в других отношениях он пользовался теми же преимуществами и привилегиями, что и рыцари и священники.

Прием служилых братьев был таким же, как и у двух высших сословий, с той лишь разницей, что вопросы им задавались разные. Поскольку орден не принимал в свое тело рабов, от кандидата требовалось заявить, что он свободнорожденный: кроме того, он должен был заявить, что не является рыцарем. Это последнее условие может вызвать удивление, но, вероятно, оно было оправдано опытом, поскольку не исключено, что зло могли предчувствовать или ожидать люди благородного происхождения, из смирения, или для

искупления грехов своей молодости, или по другим причинам, которые могут действовать на умы суеверных людей, или даже от бедности, если, как это вероятно, вступительный взнос был ниже для слуги-брата, чем для рыцаря, скрывающего свое рождение, и вступающего в орден в качестве слуги-брата. Поскольку на их долю, вероятно, выпадали более неприятные обязанности ордена, общие обязанности и обязательства излагались перед ними в более сильных и ясных выражениях, чем это считалось необходимым в случае с рыцарями и священниками.

Во времена бедности ордена одеждой служилых братьев служили брошенные рыцарями вещи. Но этот обычай продолжался недолго, и поскольку возникли некоторые злоупотребления, связанные с тем, что все члены ордена были одеты в белое, слуги-бретеры были назначены носить черные или коричневые кирты с красным крестом на них, чтобы указать на их принадлежность к ордену. В бою их оружие было почти таким же, как у рыцарей, но более легким, поскольку им часто приходилось спрыгивать с лошадей и сражаться пешком. Брату-служителю орден разрешал иметь только одну лошадь, но магистр имел право одолжить ему другую, если считал это целесообразным, которую потом должен был вернуть.

Изначально служилые братья были одного рода; они сражались в поле, выполняли рутинную работу в домах ордена; но впоследствии мы видим, что они разделились на два класса - братья-оруженосцы (*Frères servons des armes*) и братья-ремесленники (*Frères servons des mestiers*). Последние, которые были наименее уважаемыми из двух, жили в домах и на землях ордена, занимаясь различными ремеслами или присматривая за имуществом общества. Мы читаем в уставе о кузнецах и пекарях ордена, слышим о *прецепторах* (как тогда выражались) кобыл, коров, свиней и т. д. ордена. Эти братья-ремесленники выполняли обычные религиозные обязанности ордена, и им даже разрешалось присутствовать на соборах. Кузнец, который был также оружейником, пользовался гораздо большим уважением, чем другие ремесленники, поскольку эта профессия высоко ценилась воинственным поколением средневековья. [82]

Другие сословия пользовались более высоким уважением. Рыцари общались с ними на равных. Они ели в одной трапезной с рыцарями и священниками, хотя и за отдельными столами, и всегда на одно блюдо меньше, чем представители высших сословий. Однако они строго подчинялись рыцарям; магистр и все высшие должностные лица ордена имели по несколько слуг-брадобреев для обслуживания, а каждый рыцарь имел несколько слуг-брадобреев среди своих эсквайров. Устав тщательно следил за тем, чтобы рыцари не тиранили их и не обращались с ними иным образом.

Устав проводит различие между слугами-братьями, которые были вооружены железом, и теми, кто не был вооружен. Первые были собственно легкой лошадью ордена; они предназначались главным образом для поддержки рыцарей в бою и обычно ставились во второй шеренге. Место безоружных - в багаже; поскольку они не подвергались особой опасности, на них были только льняные корсеты. Остальным предписывалось сражаться, не дрогнув, до тех пор, пока на поле развевалось христианское знамя: для последних было делом похвалы, если им удавалось выйти из боя невредимыми. Когда войска Храма выступали в поход, эсквайры ехали перед рыцарями с поклажей. Когда рыцари отправлялись в бой, один эсквайр ехал впереди с копьём, другой - позади с боевым конем.

В обществе существовали различные должности, о которых речь пойдет далее и которые были предназначены для служилых братьев или на которые они имели право.

Рыцари, капелланы и служилые братья были истинными членами ордена, и только к ним относится название "тамплиеры". Но и тамплиеры, и госпитальеры разработали способ приобщения светских лиц к своим интересам и получения преимуществ от связи с ними, в чем им впоследствии подражали мендикантские ордена францисканцев и доминиканцев; иезуиты, которые всегда были столь остры в распознавании того, что может быть полезно для их общества, также переняли его; и мы полагаем, что он все еще практикуется в католических странах. Эта система называется *аффилиацией*.

Аффилиатами становились люди разных рангов в обществе и обоих полов, которые, не отказываясь от светского образа жизни и не нося никаких особых привычек, вступали в орден с целью получения преимуществ, как духовных, так и мирских, которые они ожидали от него получить. Эти преимущества кажутся весьма значительными, если вспомнить, что все, кто вступал в орден, принимали участие в его добрых делах, которые в те времена считались наивысшего порядка. Ничто так не способствовало распространению членства, как освобождение, которым тамплиеры пользовались от последствий интердикта. В те времена, когда каждый епископ был в силах наложить на целые города этот грозный приговор, для благочестивых и суеверных умов должно было быть весьма утешительным принадлежать к обществу, которое игнорировало эту духовную грозу и могло предоставить им возможность хотя бы иногда слушать мессу и принимать таинства, а также обеспечить им, если они умрут, пока длится интердикт, преимущество христианского погребения. В те времена, когда повсеместно господствовало клубное право, а безопасность человека зависела не столько от его невиновности или справедливости его дела, сколько от силы его партии, принадлежность к такому могущественному органу, как тамплиеры, имела немаловажное значение, и для светской и духовной гордости юриста или мещанина должно было быть весьма приятным быть членом одного органа с высокородными монахами-воинами Храма.

Эти важные преимущества тамплиеры не уступали друг другу без эквивалентных соображений. Этот честолюбивый и корыстный орден требовал, чтобы тот, кто добивался чести принадлежать к нему, помимо принесения трех обетов, обязывался вести добропорядочную жизнь, способствовать интересам ордена в меру своих сил и оставить ему все свое имущество после смерти. Если он был женат и умер раньше жены, он мог оставить ей достойное обеспечение на всю жизнь; но со дня своего принятия в орден он должен был воздерживаться от ее постели, хотя мог продолжать жить с ней в одном доме; ибо если бы у него были дети, он мог бы обеспечить их в ущерб ордену, или после его смерти они могли бы доставить ему неприятности, претендуя на его имущество. По той же причине родным запрещалось быть спонсорами, чтобы они не могли тайно или открыто отдать часть своего имущества крестникам. Им даже не разрешалось делать подношения духовенству. Если же они осмеливались нарушить эти предписания, то их ждало суровое наказание - как правило, пожизненное заключение.

Все сословия стремились к союзу с этим почетным и могущественным обществом. Среди филистеров мы находим и владетельных князей, и высокопоставленных прелатов: даже великий папа Иннокентий III в одной из своих булл заявляет о своем отношении к этому ордену. Многие рыцари, жившие вместе с тамплиерами и сражавшиеся под их знаменем, также были членами ордена, а в истории ордена не раз упоминаются *сестры*, то есть женщины, которые были связаны с ним, поскольку в более поздние времена не было монахинь Храма, подобных монахиням Мальтийского ордена.

В менее тесной связи с орденom, чем аффилированные, находились те, кого называли *донатами* и *облатами*. Это были люди, которые, как следует из их названий, были отданы

или подарены ордену. Это были либо дети, которых родители или родственники предназначали для служения ордену, когда они достигали достаточного возраста, либо уже взрослые люди, которые обязывались служить ордену до тех пор, пока они живут без вознаграждения, исключительно из почтения к нему и с целью пользоваться его защитой и участвовать в его добрых делах. Среди облатов Храма можно было встретить людей всех рангов, как принцев и священников, так и других.

Глава VI.

Провинции ордена - Восточные провинции - Иерусалим - Дома этой провинции - Триполис - Антиохия - Кипр - Западные провинции - Португалия - Кастилия и Леон - Арагон - Франция и Овернь - Нормандия - Акитания - Прованс - Англия - Германия - Верхняя и Центральная Италия - Апулия и Сицилия.

Таким образом, мы увидели, какое количество людей всех рангов было более или менее тесно связано с орденом Храма, и насколько сильным должно было быть его влияние во всем христианском мире. Чтобы читатель мог составить некоторое представление о его богатстве и могуществе, мы, прежде чем объяснить систему его внутреннего распорядка, дадим представление о его владениях в различных странах.

Обширные владения ордена Храма в Азии и Европе были разделены на провинции, каждая из которых содержала многочисленные прецептории или храмовые дома, и каждая подчинялась своему назначенному губернатору. Эти провинции можно разделить на восточные и западные.

К восточным провинциям ордена относились

I. Иерусалим. Эта провинция всегда считалась правящей, главной резиденцией и столицей ордена. Магистр и глава проживали здесь до тех пор, пока Святой город находился в руках христиан. Эта провинция была основана первой, и ее правила и организация служили образцом для всех остальных. Провинциальный магистр, или, как его называли, прецептор земли и королевства Иерусалима, имел преимущество перед всеми другими лицами того же ранга.

Бэйливики, или командорства, в этой провинции были следующими

1. Иерусалимский Храм, колыбель ордена и первоначальная резиденция магистра и главы.
2. Замок Пелерин, или Замок пилигримов, известный в истории крестовых походов. Этот замок был построен тамплиерами в 1217 году, чтобы стать их главной резиденцией после потери Иерусалима. Он располагался на восточной стороне горы Кармель, которая вдается в море между Кайфой и Кесарией. У тамплиеров уже давно была башня на перевале этой горы, называемая *Разрушением*, или Башней Перевала, для защиты паломников от разбойников, скрывавшихся в ущельях гор. В строительстве замка, который также должен был стать защитой Акко, им помогали Вальтер д'Авеснес и немецкие рыцари и паломники, которые в то время находились в Святой земле, поэтому, возможно, они и называли его Шато Пелерин. Кардинал де Витри, который в то время был епископом Акко, описывает его следующим образом. Он был построен на мысе, три стороны которого омывались морем. Когда они

закладывали фундамент, то наткнулись на две стены из древней каменной кладки и на несколько источников с удивительно чистой водой; они также нашли множество древних монет с неизвестными надписями, подаренных, как благочестиво считает епископ, Богом его любимым сыновьям и воинам, чтобы облегчить их труды и расходы. Вероятно, в прежние времена это место было укреплено иудеями или римлянами. Строители возвели две огромные башни из больших каменных масс с прибрежной стороны, каждая высотой 100 футов и шириной 74; они были соединены высокой стеной, достаточно широкой на вершине, чтобы вооруженный рыцарь мог спокойно стоять на ней. Она имела парапет и бойницы, к которым вели ступени. На пространстве внутри этой стены находились часовня, дворец и несколько домов, с рыбными прудами, солеварнями, лесами, лугами, садами и виноградниками. Расположенный на расстоянии шести миль от горы Фавор, он открывал вид на прилегающую равнину и морское побережье до Акко. Здесь Мастер и глава окончательно поселились, прожив с 1118 по 1187 год в Иерусалиме, с 1187 по 1191 год в Антиохии, а с этого последнего года по 1217 год в Акко. "Главное назначение этого здания, - говорит д'Витри, - в том, что весь капитул тамплиеров, выведенный из грешного города Акко, полного всякой нечистоты, будет жить под защитой этого замка, пока стены Иерусалима не будут отстроены". Пророчество, которому никогда не суждено исполниться! После падения Акко в 1291 году замок Пелерин был покинут рыцарями, а его стены сравнивали с землей неверные.

3. Замок Сафат у подножия горы Табор. Этот крепкий замок был взят Саладином. Он был разрушен в 1220 году Корладином, а затем отстроен тамплиерами, которые удерживали его до 1266 года, после чего окончательно потеряли.

4. Храм в Акко, удивительно прочное здание, последнее место, взятое при захвате этого города.

5. Городище Док, расположенное между Вефилем и Иерихоном.

6. Фаба, древний Апхек, недалеко от Тира, на территории древнего колена Ашшура.

7. Несколько небольших замков в окрестностях Акко, упомянутых в истории войны с Саладином: *Ла Кейв, Марле, Ситерн-руж, Кастель-блан, Ла Сомеллеры дю Темплъ*.

8. Дом в Газе.

9. Замок Иаков-форд на берегу Иордана, построенный в 1178 году королем Болдуином IV, чтобы сдерживать набеги бродячих арабов. Когда Саладин захватил этот замок, он с особой жестокостью обошелся с тамплиерами, которых нашел в нем.

10. Дом в Яффо.

11. Замок Ассур, недалеко от этого города.

12. *Геринум парвум*.

13. Замок Бофорт, близ Сидона, купленный орденом в 1260 году у Юлиана, владыки этого города.

Можно заметить, что большинство из этих обитателей тамплиеров были сильными замками и крепостями. Только с их помощью можно было удержать владение такой страной, как Палестина, подвергавшейся постоянным нашествиям турок и сарацин. Кроме этих крепостей, тамплиеры владели большими фермами и участками земли, о которых, хотя их названия неизвестны, часто упоминается в истории ордена.

II. Триполис. Главные дома ордена в этой провинции находились в самом Триполисе; Тортосе, древнем Антараде; Кастель-Блане, в том же районе; Лаодикее, Тире, Сидоне и Беритусе.

III. Антиохия - об этой провинции известно очень мало. В Алеппо был дом, а юрисдикция настоятеля, вероятно, распространялась на Армению[83], где ордену принадлежали владения стоимостью 20 000 византийцев.

IV. Кипр. Пока тамплиеры удерживали свои позиции на континенте, Кипр, судя по всему, не составлял отдельной провинции, а входил либо в Триполис, либо в Антиохию. В то время, когда Ричард, король Англии, совершил завоевание этого острова, он продал суверенитет над ним за 25 000 марок серебра тамплиерам, которые уже имели на нем обширные владения. В следующем году, с согласия ордена, который, разумеется, получил компенсацию, он передал владения Ги де Лузиньяну, королю Иерусалима. После взятия Акры главная резиденция ордена была размещена в Лимессале, называемом также Лимиссой и Немосией, на этом острове, и этот город, имеющий отличную гавань, они сильно укрепили. Кроме того, у них был дом в Никосии, а в древнем Пафосе - Гастира, и там же - неприступный замок Колосса.

Некоторое представление о ценности владений тамплиеров на Кипре можно составить из того факта, что когда в 1316 году, после подавления ордена, Папа Римский поручил епископу Лимиссы передать их имущество госпитальерам, в доме в этом городе было найдено 26 000 византийских монет и серебряные пластины на сумму 1500 марок. Поскольку последний магистр, отправляясь во Францию за десять лет до этого, взял с собой сокровища ордена, это имущество должно было быть накоплено за это время из излишков доходов от владений ордена на острове.

Западными провинциями ордена были...

I. Португалия.- Уже в 1130 году (убедительное доказательство быстрого роста ордена) Галдин Паэс, первый провинциальный магистр Храма в Португалии, построил замки Томар, Монсенто и Иданна. У тамплиеров также были поселения в Кастромарине, Алмурале и Лангровии. Томар был резиденцией великого приора.

II. Кастилия и Леон.- В этой провинции владения ордена были настолько обширны, что только в Кастилии образовалось двадцать четыре бейлики. Нет необходимости перечислять их названия .[84]

III. Арагон.- В этой провинции, изобилующей замками, несколько из них принадлежали тамплиерам; а бейлик Майорка, где они также были поселены, находился под юрисдикцией великого приора Арагона.

Следует отметить, что большинство замков, которыми владел орден в Испании и Португалии, находились на границах мавританской территории. Некоторые из них были отданы тамплиерам как закоренелым врагам неверных, другие были отвоеваны ими у мавров.

Франция, где владения ордена были столь значительны, была разделена на четыре провинции, а именно.

IV. Франция и Овернь, включая Фландрию и Нидерланды.

V. Нормандия.

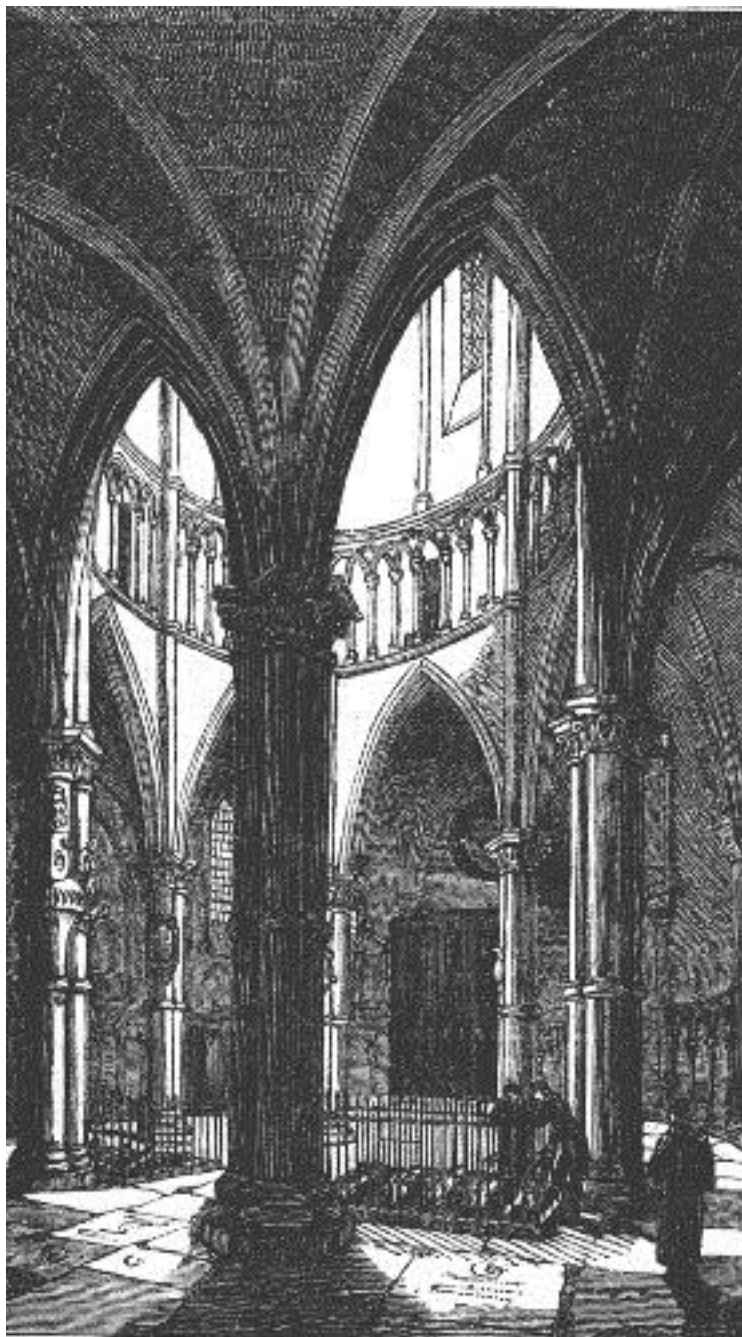
VI. Аквитания, или Пуату.

VII. Прованс.

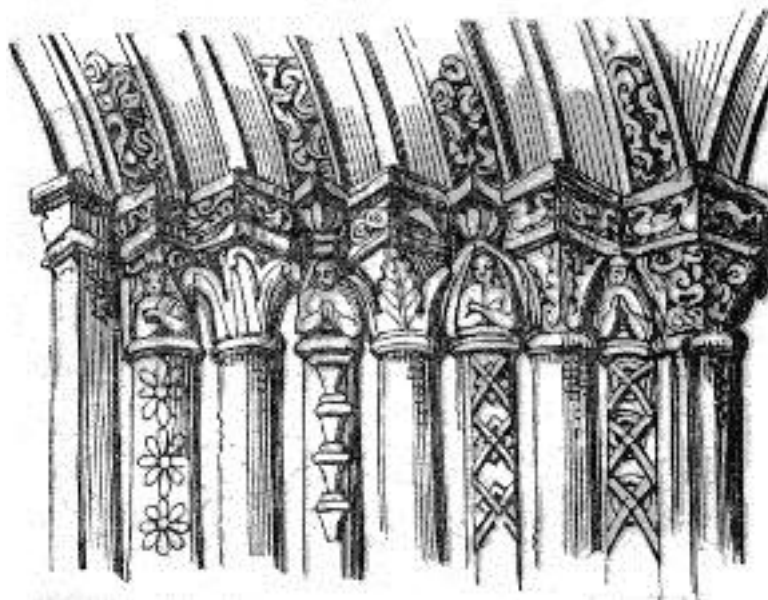
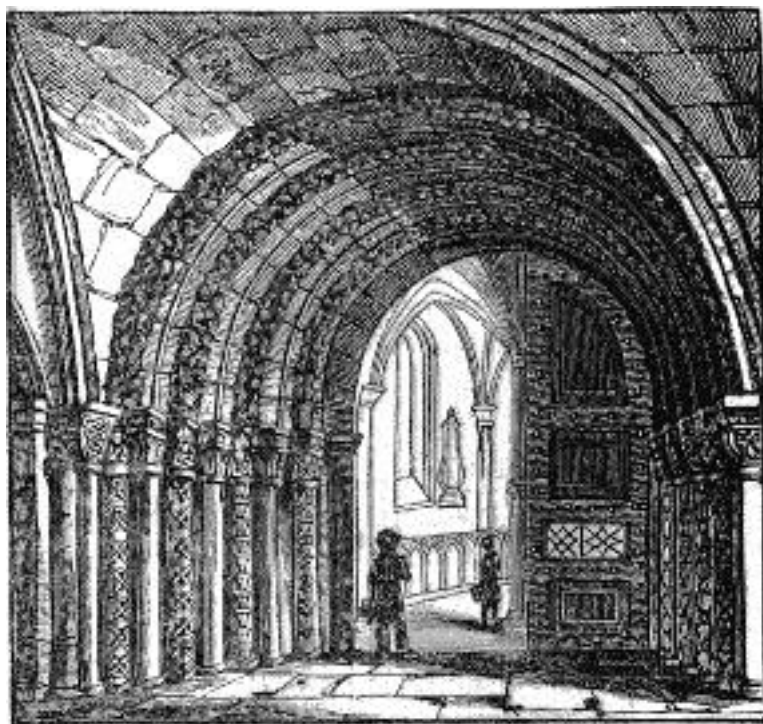
Резиденциями великих правителей этих четырех провинций были: для Франции - вместительный и величественный храм в Париже, который, как нам сообщает Мэтью Парис, был достаточно большим и просторным, чтобы вместить целую армию; для Нормандии, как предполагается, *La ville Dieu en la Montagne*; для Пуату - храм в Пуатье; для Прованса - храм в Монпелье.

VIII. Англия Провинция Англия включала в себя Шотландию и Ирландию. Хотя каждое из этих двух последних королевств имело своего великого приора, они были подчинены великому приору Англии, который проживал в Лондонском храме.

Главными бейликами Англии были: 1. Лондон; 2. Кент; 3. Уорик; 4. Уэстон; 5. Линкольн; 6. Линдсей; 7. Болингброк; 8. Уидин; 9. Эджерстон; 10. Йорк. В этих городах было семнадцать прецепторий; а количество церквей, домов, ферм, мельниц и т.д., которыми владел орден, было весьма значительным .[\[85\]](#)

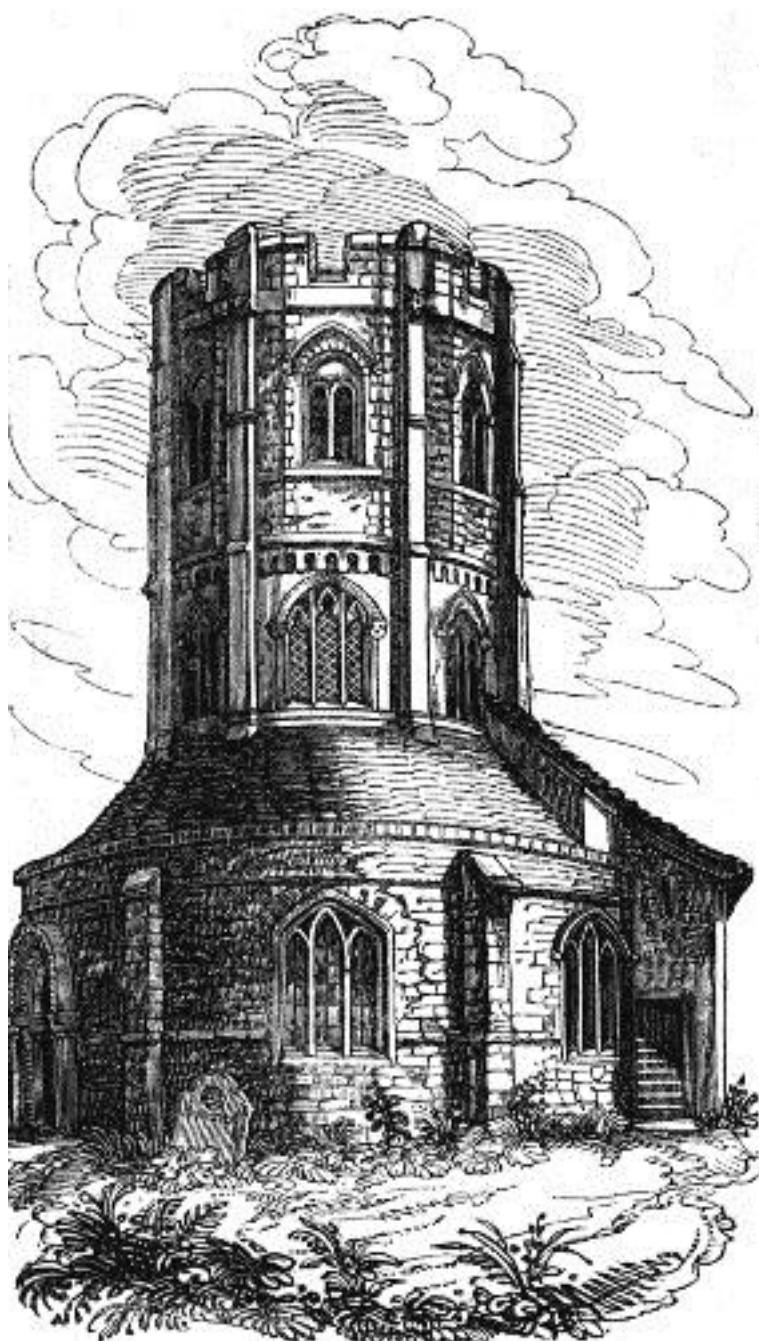

Интерьер круглой башни в церкви Темпл, Лондон.

Саксонский дверной проем, церковь Темпл, Лондон.

Детали саксонских капителей.

Круглая церковь Темпл, Кембридж.

Главной резиденцией ордена в Шотландии, по-видимому, был Бланкрадокс. Его владения не были обширными в этой бедной и беспокойной стране, а в Ирландии тамплиеры, похоже, были немногочисленны и ограничивались Пале. Мы слышим лишь о трех их домах в этой стране - Глаухорпе в епархии Дублина, Уилбрайде в епархии Фернса и Сиверке в епархии Килдэра.

IX. Германия.- Трудно установить, как регулировался орден в Германии, где его владения были очень обширны. Мы слышим о трех великих приорах: Верхней Германии, Бранденбурга, Богемии и Моравии; один из них, но невозможно определить, какой именно, вероятно, имел власть над остальными. Хотя тамплиеры получили земли в Германии еще в 1130 году, до XIII

века их приобретения в этой стране были невелики. Польша была включена в состав провинции Германия. Великий приор в Алемании и Славии был обычным титулом великого приорства Германии. Хотя владения тамплиеров в Венгрии были очень значительными, нет оснований полагать, что она составляла отдельную провинцию: скорее всего, она подчинялась великому приору Германии.

X. Верхняя и Центральная Италия В этой части Итальянского полуострова не было ни одного сколько-нибудь значимого города, в котором тамплиеры не имели бы своего дома. Главным из них был дом на Авентинском холме в Риме, в котором проживал великий приор. Его церковь до сих пор сохранилась и называется *Il Priorato*, или Приорат.

XI. Апулия и Сицилия. Владения тамплиеров на Сицилии были очень значительными. У них были дома и земли в Сиракузах, Палермо, Трапани, Бутере, Лентини и т. д.; все они зависели от главного дома, который находился в Мессине. Великий принцепс проживал либо в Мессине, либо в Беневенто в Апулии. Возможно, резиденция была перенесена в это последнее место после того, как император Фредерик II захватил большую часть имущества ордена на Сицилии.

В Дании, Норвегии и Швеции у ордена не было никаких владений. Хотя жители этих стран принимали некоторое участие в крестовых походах и, следовательно, не испытывали недостатка в религиозном рвении, их бедные и малоизвестные земли не вызывали у рыцарей Храма ни жадности, ни честолюбия, и они никогда не стремились обосноваться в них.

Таким образом, мы видим, что, за исключением северных королевств, не было ни одной части Европы, в которой бы не утвердился орден Храма. Везде у них были церкви, часовни, десятины, фермы, деревни, мельницы, права на выпас скота, рыбную ловлю, венерианство и лес. Кроме того, во многих местах они имели право проводить ежегодные ярмарки, которыми управляли и получали пошлины либо некоторые братья из ближайших домов, либо их *донаторы* и слуги. Число их прецепторий, по самым скромным подсчетам, оценивается в 9 000; а ежегодный доход ордена составляет около шести миллионов стерлингов - огромная сумма по тем временам! Владея таким доходом, происходя из самых благородных домов христианства, объединяя в своих рядах самых уважаемых светских и религиозных персонажей, считаясь избранными поборниками Христа и цветком христианских рыцарей, тамплиеры не могли избежать впадения в пороки экстравагантной роскоши и непомерной гордыни в такие спокойные времена, как XII и XIII века. Не стоит удивляться и тому, что они стали объектом зависти и неприязни как духовенства, так и мирян, возбудив страх и коварство скупого и неверного принца.

Глава VII.

Должностные лица ордена - магистр - способ избрания - его права и привилегии - ограничения, налагаемые на него - сенешаль - маршал - казначей - драпировщик - туркопилар - великие приоры - командоры - визитеры - субмаршал - знаменосец.

Орден, состоящий из такого количества членов, чье богатство и владения были столь велики, обязательно должен был иметь множество офицеров, обладающих различными

чинами и достоинствами. Разъяснение этой части их конституции и должно привлечь наше внимание.

Во главе ордена стоял магистр, или, как его иногда называли, Великий магистр^[86] Храма. Этот человек всегда был рыцарем и, как правило, занимал одно из высших достоинств ордена. Хотя, подобно дожу Венеции, его власть в значительной степени контролировалась капитулом, он пользовался большим уважением и всегда считался представителем ордена. На советах магистры храма и госпиталя имели преимущество перед всеми послами и сидели рядом с прелатами. Все монархи уступали магистру Храма княжеский ранг и место.

Положение, которое сулило такое большое состояние и внимание, должно было, конечно, стать объектом честолюбия; но скудные записи, сохранившиеся от общества, не позволяют нам указать на конкретные случаи интриг, использовавшихся для его достижения. В случае с последним Мастером, о котором пойдет речь далее, все несколько проблематично.

Избрание Мастера Храма происходило следующим образом.

Когда магистр умирал, что всегда происходило на Востоке, поскольку он был обязан там проживать, если это происходило в Иерусалимском королевстве, и маршал ордена оказывался на месте, он брал на себя исполнение вакантного достоинства, пока с помощью главы и всех приставов по эту сторону моря (*то* есть на Востоке) не назначал великого приора, который представлял бы магистра. Но эти выборы состоялись только после похорон. Если смерть магистра наступала в провинции Триполис или Антиохия, настоятель провинции брал на себя руководство орденом до назначения великого приора.

Из-за постоянного состояния войны, царившей на Востоке, и по другим причинам между смертью одного магистра и назначением его преемника иногда проходил значительный промежуток времени. В период *междоцарствия* обществом руководил великий приор, имевший печать магистра.

Когда наступал день, назначенный для выборов, высшие должностные лица ордена и все бейлифы, приглашенные для присутствия, собирались в месте, выбранном для проведения выборов - как правило, в орденой часовне. Великий приор, отведя нескольких рыцарей в сторону, посоветовался с ними; затем они заставили двух, трех или более рыцарей, которые пользовались наибольшим уважением, удалиться. Великий принц принимал во внимание голоса присутствующих о достоинствах отсутствующих рыцарей; и тот, кто высказался в его пользу, объявлялся избранным принцем. Затем вызывались рыцари, и им сообщалось о выборе собрания. Рыцаря, обладающего теми же добродетелями благочестия, миролюбия и беспристрастности, что и он сам, назначили помощником избранного приора, и все собрание удалилось, оставив их вдвоем в часовне, где они провели всю ночь в молитве.

Рано утром следующего дня, совершив свои обычные богослужения и выслушав мессу Святого Духа, глава вновь собрался. Великий настоятель увещевал двух избранных братьев исполнять свой долг искренне и честно. Они, удалившись, избрали еще двух братьев; эти четверо избрали еще двух, и так далее, пока их число не достигло двенадцати, в честь апостолов. Затем эти двенадцать выбирали брата-капеллана, который должен был представлять личность Иисуса Христа и поддерживать мир и согласие. Необходимо было, чтобы эти тринадцать человек были из разных провинций: восемь рыцарей, четыре служителя-брата и один священник. Затем тринадцать выборщиков вернулись к капитулу, и избранный приор попросил всех присутствующих молиться за них, поскольку на них возложена великая задача. Затем все опустились на колени и помолились, а великий приор торжественно напомнил выборщикам об их долге и призвал их исполнять его честно и

добросовестно. Вновь обратившись к молитвам собравшихся, выборщик и его спутники удалялись в место, назначенное для совещания. Если выборщики или большинство из них высказывались за какого-либо рыцаря по эту или по ту сторону моря, его назначали; если же они разделялись на партии, то выборщик приходил с одним из рыцарей и, сообщив собранию об этом обстоятельстве, просил их молитв. Все падали на колени, и двое выборщиков возвращались к своим товарищам; если они соглашались, то выбранный ими человек объявлялся магистром.

Если же объект их выбора, как это нередко случалось, действительно присутствовал в главе, входили тринадцать человек; и избирающий настоятель, выступая от их имени, говорил: "Возлюбленные господа, воздайте хвалу и благодарение Господу нашему Иисусу Христу, и нашей дорогой Госпоже, и всем святым, что мы согласны и, согласно вашему повелению, избрали, во имя Бога, хозяина храма. Довольны ли вы тем, что мы сделали?" Все ответили: "Во имя Бога!" "Обещаете ли вы повиноваться ему, пока он жив?" "Да, с Божьей помощью!" Затем избранный приор обратился к великому приору и сказал: "Приор, если Бог и мы избрали тебя в магистры, обещаешь ли ты повиноваться главе, пока жив, и поддерживать добрые нравы и обычаи ордена?" И тот ответил: "Да, с Божьей помощью!" Затем тот же вопрос был задан некоторым из самых знатных рыцарей; и если избранный присутствовал, то избирающий приор подходил к нему и говорил: "Во имя Отца, Сына и Святого Духа мы избрали тебя, брат Н.Н., в магистры, и избираем тебя!" Затем он сказал: "Возлюбленные господа и братья, воздайте благодарение Богу: вот наш Учитель". Затем капелланы пропели вслух *Te Deum laudamus*, братья встали и, с величайшим благоговением и радостью, взяв нового Мастера на руки, отнесли его в часовню и поставили перед алтарем, где он продолжал стоять на коленях, пока братья молились, а капелланы повторяли *Kyrie Eleison*, *Pater noster* и другие благочестивые формы.

Избрание магистра Храма не требовало папского подтверждения: выбор главы был окончательным. Два рыцаря были приставлены к нему в качестве сопровождающих.

Пособие и содержание магистра соответствовали рангу, который он должен был поддерживать в этом мире, и достоинству ордена, который он представлял. Ему полагались четыре лошади и эсквайр благородного происхождения. У него был капеллан и два секретаря: один - для ведения латинской переписки, которого через некоторое время он мог бы принять в рыцари ордена; другой, которого называли сарацинским секретарем и который, вероятно, был восточным христианином, - для ведения арабской переписки с неверными. Кроме того, у него были кузнец, повар, туркополец^[87], два лакея и туркоман^[88], служивший проводником. В походе туркоман ехал на лошади позади эсквайра: во время войны его вели за собой на веревке, чтобы он не сбежал. В обычном путешествии хозяин мог взять с собой двух тягловых животных; но во время войны или в случае перехода за Иордан или Собачий перевал^[89], он мог увеличить их число до четырех, которых по уставу полагалось ставить в конюшню по прибытии в дом, где он собирался остановиться, и использовать для работы в доме. В конце концов магистр стал главнокомандующим ордена в поле; и тогда, подобно спартанским царям, он мог действовать в некоторой степени без ограничений со стороны главы. Когда он умирал, его хоронили с большой торжественностью и пышностью, при свете факелов и восковых бумажек - такой чести орден не удостоивал ни одного из своих членов. Все рыцари должны были присутствовать на похоронах, а прелаты были приглашены на них. Каждый присутствующий брат должен был в течение семи дней повторить 200 *Pater noster* за упокой души усопшего, а вечером накормить дома 100 бедняков с той же целью.

С другой стороны, магистр был обязан подчиняться капитулу и не мог ничего предпринять, не посоветовавшись с некоторыми братьями. Он не мог назначать на высшие должности ордена, но мог, по совету и с согласия некоторых наиболее авторитетных рыцарей, назначать в низшие приорства и прецептории. Он не мог продавать или каким-либо иным образом распоряжаться землями ордена без согласия капитула; он также не мог заключать мир или перемирие без их одобрения. Их согласие требовалось также для того, чтобы он мог вносить какие-либо изменения в законы общества, принимать в него кого-либо или отправлять брата за море. Он не мог брать деньги из казны без согласия настоятеля Иерусалима, который был казначеем общества. Фактически, магистр Храма был настолько ограничен и сдержан во всех отношениях, а его должность стала настолько почетной, что его достоинство можно сравнить с достоинством спартанского царя или венецианского дожа. Весьма любопытно, что магистр Храма был таким образом ограничен во власти, в то время как аббат бенедиктинцев, чьи правила тамплиеры в значительной степени переняли, пользовался монархической властью.

Следующим по рангу после магистра был сенешаль, который, как следует из его имени^[90], являлся представителем и лейтенантом магистра. Он имел право присутствовать на всех заседаниях ордена и быть в курсе всех важных дел. Ему полагалось столько же лошадей, сколько и магистру, но вместо мула он должен был иметь полукровку: у него было два эскайра и рыцарь в качестве сопровождающего; дьякон исполнял обязанности капеллана и латинского секретаря; у него также был сарацинский секретарь и туркопольский, с двумя лакеями. Как и магистр, он носил печать ордена.

Маршал был генералом ордена; он распоряжался знаменем и вел братьев в бой. Все оружие, снаряжение и конюшни ордена находились в его ведении. Именно он назначал субмаршала и знаменосца. Как и все остальные высшие офицеры, он назначался магистром и главой. Как мы уже видели, когда Мастер умер в Иерусалимском королевстве, маршал занимал его место до тех пор, пока не был выбран великий приор. Маршалу полагались четыре лошади, два эскайра, слуга-брат и туркополь.

Должность казначея ордена всегда совмещалась с саном прецептора Иерусалимского королевства. В ведении этого чиновника находились все поступления и расходы ордена, о которых он обязан был отчитываться, когда это требовалось, перед магистром и капитулом. В его подчинении находился также гардероб ордена, а в качестве его компаньона был назначен драпировщик, без ведома которого он не мог распоряжаться ни одной из вещей. Поскольку корабли, хотя и немногочисленные, которыми владели тамплиеры, находились в его подчинении, его можно считать также в некотором роде адмиралом ордена; и по этой причине ему подчинялся прецептор Акко. Казначей имел такое же содержание лошадей и т. д., как и сенешаль.

За одежду ордена отвечал драпировщик: он должен был следить за тем, чтобы каждый брат был прилично и правильно одет. В его распоряжении было четыре лошади, два эскайра и вьючный слуга.

Туркопилар был командиром легкой лошади. Ему подчинялись все вооруженные слуги-братья и туркополы. Сам он подчинялся маршалу. Когда он собирался в бой, с ним отправляли несколько рыцарей. Они подчинялись ему, но если их число достигало десяти, и они имели при себе знамя и рыцаря-прецептора, то туркопилар становился подчиненным этому офицеру; это доказывает, что должность туркопилара не относилась к высшим сановникам ордена. Туркопилару полагалось четыре лошади.

Кроме этих должностей в ордене на Востоке были великие приоры, великие прецепторы, или провинциальные магистры (поскольку эти термины являются синонимами) трех провинций - Иерусалима, Триполиса и Антиохии, а также прецепторы, которые были им подчинены.

Великий приор Иерусалимского королевства также был казначеем. О его должности мы уже рассказывали. Великие приоры Триполиса и Антиохии осуществляли надзор за братьями и имуществом ордена в этих провинциях. Им полагались те же слуги и лошади, что и сенешалю. Настоятелю Антиохии, когда он отправлялся в Армению, которая граничила с его провинцией и в которой у ордена были владения, разрешалось брать с собой капеллана и переносную часовню, поскольку армяне были еретиками-монофизитами, с которыми ортодоксальные братья Храма не могли объединяться в богослужении.

У настоятеля города Иерусалима были особые обязанности. В его обязанности входило вместе с десятью рыцарями, находившимися под его командованием, сопровождать паломников на пути к Иордану и обратно - одна из главных целей учреждения ордена. По этому случаю он взял с собой знамя ордена и круглую палатку, в которую он мог брать всех, кого обнаружит больным во время стоянки: он также должен был взять с собой провизию и тягловых животных, на которых можно было бы разместить тех паломников, которые устали на обратном пути.

Когда истинный крест выносился в поход, приор Иерусалима должен был со своими десятью рыцарями стоять у него днем и ночью и охранять его; он должен был расположиться недалеко от него, а двое братьев должны были сторожить его каждую ночь.

Все светские рыцари, присоединившиеся к ордену в Иерусалиме, подчинялись его приказу и сражались под его знаменем. Все братья ордена, находившиеся в Иерусалиме, в отсутствие маршала подчинялись ему. Половина добычи, захваченной за Иорданом, доставалась ему, другая половина - приору королевства.

Как мы видели выше, Запад, как и Восток, был разделен на орденские провинции. Каждой из этих провинций руководил лейтенант магистра, называемый провинциальным магистром, великим приором или великим прецептором, с главой и должностными лицами, соответствующими тем, что были в Иерусалимском королевстве. Назначался он, как видно, магистром и капитулом; вступая в должность, он связывал себя клятвой защищать католическую религию не только устами, но и оружием и всеми силами; следовать правилам, составленным св. Бернардом; повиноваться магистру; приходить за море на помощь, когда это будет необходимо; защищать его от всех неверных королей и князей; не бежать перед этими неверными врагами; не отчуждать имущество ордена; быть верным князю страны; быть целомудренным; и помогать всем духовным лицам, особенно цистерцианцам, словами и делами.

Под началом провинциальных магистров стояли приоры, бейлифы или магистры, которые управляли большими районами провинций и имели в своем ведении несколько домов ордена и их прецепторов. Они жили в больших храмах-домах с большим числом рыцарей; они имели право проводить соборы и принимать членов в орден.

Прецепторы подчинялись приорам; они возглавляли один или несколько домов. Как правило, это были рыцари, но иногда и священники. Они были двух видов - прецепторы домов и прецепторы рыцарей; первые, как следует из их названия, просто руководили домами и могли быть священниками или слугами-братьями; вторые, которых, вероятно, можно было встретить только на Востоке или в Испании, возглавляли в бою по десять рыцарей.

Еще одна должность, которую можно было встретить среди тамплиеров, - посетители. Это были рыцари, которые, как представители магистра, посещали различные провинции ордена, особенно на Западе, чтобы исправить злоупотребления, принять новые правила и прекратить споры и судебные тяжбы, которые обычно оставались на усмотрение магистра и капитула. Все провинциальные чиновники, даже великие приоры, подчинялись посетителям, как представителям магистра. Полномочия посетителей прекращались, как только заканчивалось дело, ради которого они были посланы, или когда их отзывали.

Прецептория, Свингфилд, Дувр

Помимо вышеперечисленных должностей, которые почти исключительно принадлежали рыцарям, существовали и более низкие, предназначенные для слуг-братьев. Таких должностей было пять - субмаршал, знаменосец, кузнец, повар и прецептор побережья Акры. Каждому из них полагалось по две лошади.

В ведении субмаршала находилась вся низшая амуниция (*le petit harnois*) ордена, в которую, по-видимому, входила и конская утварь. Все ремесленники ордена находились в его подчинении и должны были отчитываться перед ним за свою работу. Он снабжал их необходимыми инструментами и материалами, мог посылать их, куда ему заблагорассудится, на службу в дом, а в праздники разрешал им переходить из одного дома в другой, чтобы развлечься. Субмаршал и знаменосец были представителями друг друга в его отсутствие.

Знаменосец имел власть над всеми оруженосцами дома, то есть теми, кто был нанят на ограниченное время на службу ордена, которых он должен был ознакомить с правилами, которым они подчинялись, и наказаниями, которым они подвергались в случае неповиновения; он также должен был выплачивать им жалованье. Всякий раз, когда эсквайры выводили лошадей на пастбище, он был обязан предшествовать им со

штанدارтом ордена. Он всегда председательствовал за столом слуг-братьев и оруженосцев. Когда орден шел в бой, его задачей было ехать перед штандартом, который нес за ним эскавайр или везли на вейне^[91]; он должен был вести его туда, куда укажет маршал. Когда начиналась битва, те эскавайры, которые вели лошадей рыцарей, должны были сражаться позади своих господ; остальные должны были взять мулов, на которых ехали их господа, и остаться со знаменосцем, который должен был намотать на свое копье знамя, которое, увидев маршала, ведущего бой, он должен был развернуть и поставить эскавайров в как можно более красивом порядке позади сражающихся, чтобы поддержать их.

Служилые братья имели право на должность домоправителя; но между ними и рыцарями, занимавшими эту должность, существовало такое различие: если служилым братьям полагалась только одна лошадь, то их эскавайр был служилым братом. Поскольку Акко был морским портом, через который осуществлялись все поставки ордена в Европу и из Европы, прецептория в нем обязательно была должностью, которая влекла за собой много трудов и дел для человека, занимавшего эту должность, и требовала знания торговли и дел мира. Поэтому эта должность не считалась подходящей для рыцаря и всегда передавалась служивому брату. Слуги-братья также управляли различными фермами и поместьями ордена. Они назывались братьями-стюардами - по-латыни *grangiarii* и *preceptores grangiarum* - и, вероятно, отбирались из ремесленников ордена. Им полагались две лошади и эскавайр.

Глава VIII.

Капитулы - способ их содержания - образ жизни тамплиеров - амуниция - поведение на войне.

Таковыми, как мы их описали, были члены, владения и различные должности могущественного общества Храма. Чтобы завершить наше представление, остается лишь проследить его внутреннее управление и важнейшие правила. Поэтому мы начнем с описания глав, из которых исходили все акты и правила общества.

В уставе часто говорится о том, что Учитель занимает место Бога и что все его повеления должны выполняться как Божьи. Но эти выражения, заимствованные из правил бенедиктинцев, как мы уже видели, не следует понимать слишком буквально; ведь конституция ордена тамплиеров была аристократической, а не монархической, и магистр не был абсолютным. В любом вопросе он должен был руководствоваться мнением большинства членов капитула.

Генеральный капитул, или высшее законодательное собрание ордена, состоял из всех высших офицеров, великих князей провинций и самых знатных рыцарей, которые могли присутствовать. Каждый брат, даже самый низкий из слуг, имел право присутствовать в качестве зрителя, но только достойные члены капитула обладали привилегией говорить. Место проведения главы не было определено и оставалось на усмотрение Мастера. Все законы и правила принимались или подтверждались на генерального капитула: там принимались братья, назначались старшие офицеры, выбирались визитеры для отправки в различные провинции. Примечательно, что папский легат, кажется, никогда не присутствовал на капитуле тамплиеров; хотя легаты часто помогали на капитулах других орденов. Скорее всего, это объясняется тайной, в которую тамплиеры облакали свои советы и заседания; а поскольку они редко проводили генеральные соборы, подходящего предлога

для того, чтобы освободиться от присутствия легата, когда они того желали, просто не могло не быть. Те, кто приписывает тамплиерам тайную доктрину, естественно, считают это причиной того, что они не допускали к своим главам тех, кто не был в нее посвящен.

Общий капитул собирался нечасто - это обстоятельство легко объяснимо. Хотя орден был богат, он мог не выдержать без неудобств расходов на поездки депутатов из всех провинций в Иерусалимское королевство, где обычно проводились собрания глав; кроме того, очевидно, магистр и высшие должностные лица были заинтересованы в том, чтобы не собирать орган, который сразу же принял бы на себя полномочия, которые они имели обыкновение исполнять.

В промежутках между встречами генеральных глав полномочия ордена осуществлялись главой Иерусалимского храма. Он состоял из магистра, сановников ордена, тех провинциальных магистров, которые случайно оказывались рядом, двух помощников магистра и тех рыцарей, которых он решал пригласить на него. Это последнее положение было большим источником власти магистра; и, если он был человеком талантливым и умным, он мог, задействовав в различных должностях своих друзей и тех, на кого мог положиться, и созвав на капитул рыцарей, которые были к нему привязаны или на которых он смотрел, добиться осуществления любых дел, которые он хотел. Однако законы, сдерживая его, требовали, чтобы высшие должностные лица ордена имели места в капитуле; а поскольку они не назначались магистром и были независимы от него, предполагалось, что они не будут его креатурами. Этот капитул мог решать все вопросы, касающиеся ордена, за исключением некоторых важных дел, таких как война и мир; принимать законы и постановления, обязательные для всего общества, и посылать посетителей в различные провинции. Все государственные документы, такие как папские буллы, адресовались ему и магистру; все решения по важным вопросам исходили от него; все братья, принятые на Западе, отправлялись к нему, чтобы быть распределенными там, где их могло не хватить. Заявление одного французского рыцаря, сделанное им на экзамене, о том, что приемы в Иерусалимском капитуле были редкими, поскольку члены капитула редко могли прийти к согласию относительно кандидата, дает намек на то, что в целом это не было сценой величайшей гармонии и единства. Вполне естественно предположить, что, будучи главным местом силы ордена, он был также великим театром интриг и заговоров.

Каждая провинция ордена имела свой генеральный капитул, а также капитул поменьше, возглавляемый великим приором и состоящий из главных офицеров и тех рыцарей с характером и репутацией, которых приор решал призвать к себе. Подобным образом каждый прецепторий и каждый большой дом ордена имел свою главу, на которой должны были присутствовать все братья. Командор был президентом, и каждый вопрос решался большинством голосов. Главные операции в нем заключались в приеме новых братьев, а также в улаживании ссор и споров, которые, должно быть, часто возникали среди таких людей, как тамплиеры, которые почти все были солдатами. Они проводились рано утром в воскресенье, и всем присутствующим предписывалась строжайшая тайна относительно происходящего, ибо *тайна была душой ордена*.

Обычные главы проводились следующим образом. Каждый брат, входя, осенял себя крестным знаменем и, если только он не был лысым, снимал шапку. Затем президент вставал и говорил: "Встаньте, возлюбленные братья, и помолитесь Богу, чтобы он послал нам сегодня свою святую благодать". Каждый член церкви повторял *pater noster*, а если присутствовал капеллан, он произносил молитву. Затем проверяли, нет ли среди присутствующих кого-либо, кроме тех, кто принадлежит к ордену. Затем президент произнес речь, увещевая братьев к исправлению жизни. Во время этой речи никому не разрешалось

покидать комнату. Когда она закончилась, все, у кого были проступки, в которых нужно было признаться, подходили к президенту и исповедовались. Затем он удалялся из поля зрения и слуха, и было принято мнение собрания, которое затем было доведено до его сведения. Братья также должны были напоминать друг другу об их проступках и увещевать к исповеди и покаянию. Если кто-либо ложно обвинял брата, его сурово наказывали: пока шло расследование, обвиняемый должен был удалиться из капитула. Дисциплинарные наказания обычно проводились в присутствии собравшихся членов капитула, с помощью бича или препоясания. Больных не наказывали до тех пор, пока они не выздоравливали.

Когда с этим было покончено, президент разъяснил часть устава и увещевал всех присутствующих жить в соответствии с ним. Затем он сказал: "Возлюбленные братья, теперь мы можем завершить нашу главу, ибо, хвала Господу, все хорошо; и да дарует Бог и наша дорогая Леди, чтобы так продолжалось, и доброта возрастала с каждым днем. Возлюбленные братья, вы должны знать, как обстоит дело с прощением в нашей главе, и кто в нем не участвует; знайте, что те не участвуют ни в прощении нашей главы, ни в других добрых делах главы; кто живет так, как не должен жить; кто отступает от праведности ордена; кто не признает своих преступлений и не совершает покаяния в порядке, предписанном орденом; кто обращается с милостыней ордена как со своей собственностью или каким-либо иным образом, противоречащим закону, и растрчивает ее несправедливым, скандальным и глупым образом. Но те, кто честно признает свои проступки, ничего не утаивает из стыда или страха перед наказанием ордена и искренне сожалеет о своих проступках, имеют большую долю в прощении нашей главы и в добрых делах, которые происходят в нашем ордене. И таким, в силу моей власти, я дарую прощение во имя Бога и нашей дорогой Госпожи, во имя апостолов Петра и Павла, нашего отца папы и всех вас, кто дал мне власть; и молю Бога, чтобы он, по своей милости, за заслуги своей матери, и себя, и всех святых, простил вам ваши грехи, как он простил знаменитую Марию Магдалину". Затем он попросил прощения у тех, кому он мог нанести обиду или причинить вред; помолился за мир, за церковь, за святое Иерусалимское королевство, за орден и все его дома и людей, за братьев и сестер ордена, за его живых и умерших благодетелей; наконец, за всех умерших, ожидающих милости Божьей, особенно за тех, кто покоится в усыпальницах Храма, и за души отцов и матерей тамплиеров. Капеллан, если он присутствовал, повторял исповедь греха, в которой все ему вторили, а затем произносил отпущение грехов. Если капеллана не было, каждый брат повторял *pater* и *ave*, и так заканчивалась глава.

Устав ордена полон самых подробных указаний относительно снаряжения, одежды и образа жизни различных членов ордена. Они обязаны были каждый день пунктуально посещать богослужение во все часы, когда оно совершалось, и регулярно соблюдать все церковные посты; они также должны были проводить в своих домах как общественные, так и частные богослужения. Их трапезы также были строго регламентированы. Они собирались по звону колокола: если в доме был священник, он произносил за них молитву, если нет, каждый брат повторял *pater*, прежде чем приступить к еде. Во время трапезы священник читал им что-нибудь назидательное, а когда трапеза заканчивалась, никто не должен был говорить, пока не будет произнесена молитва. Качество еды не различалось; все, и высокие, и низкие, ели одинаково, по двое с одной тарелки. Мясо ели только три раза в неделю, за исключением праздничных дней. В дни, когда мяса не было, они ели только два блюда. Когда орден находился в поле, подачу и раздачу провизии регулировал слуга. Прежде чем раздать провизию, он должен был велеть подающим братьям сообщить об этом начальникам ордена, чтобы те пришли и выбрали для себя самое лучшее; остальное он раздавал без всякого различия, кроме того, что лучшее отдавал больным. Тарелка, которую давали двум братьям, была так велика, что того, что оставалось, когда они заканчивали, хватало на двух

бедняков. Двум братьям полагалось столько еды, сколько трем туркополам, а двум из них - столько, сколько трем слугам. Братьям не разрешалось искать никакой другой пищи, кроме как у сервера, за исключением овощей, дичи и оленины. Но поскольку по правилам ордена погоня была им запрещена, они не могли добывать ее сами.

Развлечения не могли быть строго запрещены для людей, которые были полусветскими и должны были так много общаться с миром, как тамплиеры. Поэтому им было разрешено сражаться, но только на копьях без голов; только ли между собой, или также на публичных турнирах, точно неизвестно^[92]. Им разрешалось участвовать в скачках на своих лошадях, но не более чем на болт из арбалета без головы или на какую-нибудь другую мелочь. Шахматы и шашки были запрещенными играми; им также не разрешалось играть ни в какие другие игры на кон. Тамплиерам категорически запрещалось играть в ястреба, вероятно, из-за высокой цены на ястребов, а также из-за того, что это было любимым развлечением светских рыцарей. Причина, указанная в уставе, такова: "Потому что членам ордена не подобает играть греховно, но охотно прислушиваться к повелениям Бога, часто молиться и ежедневно в своих молитвах перед Богом оплакивать свои грехи с плачем и слезами". Тамплиер не мог даже сопровождать того, кто отправлялся в поход. Более того, поскольку крики и плач были неприличны для члена ордена, он не мог отправиться на охоту в лес с луком и арбалетом и не мог сопровождать того, кто этим занимался, кроме как для защиты от язычников. В общем, тамплиерам были запрещены все виды погони, кроме львиной, "которая ходит и ищет, кого бы пожрать, чья рука против всех, и рука каждого против него"^[93].

Битва была местом славы тамплиеров, и поэтому все, что касалось поведения ордена на войне, было строго регламентировано. На марше тамплиеры, как хранители святого креста, составляли авангард христианской армии; в строю они находились в правом крыле. Госпитальеры обычно составляли арьергард, а в полевых условиях располагались слева. Тамплиеры выезжали вперед по команде своего маршала, а знаменосец шел впереди них со штандартом ордена. Они двигались то шагом, то мелкой рысью. Марш обычно проходил ночью, из-за жары восточного климата, и были приняты все меры предосторожности, чтобы избежать путаницы и неудобств. Когда штандарт останавливался для лагеря, маршал выбирал место для своей палатки и часовни, в которой должен был находиться истинный крест; палатки сервера и великого приора провинции также имели свои места. Затем раздавался возглас: "Братья, ставьте палатки во имя Господа!", и каждый тамплиер немедленно поднял свою палатку по рангу. Все палатки расположились вокруг часовни, за ее пределами. Геральт поставил палатку у штандарта. Ни одному брату не разрешалось выходить за пределы слышимости боевого клича или заходить в палатки кого-либо, кроме госпитальеров, на случай, если эти последние расположатся лагерем рядом с ними. Место для лагеря выбирал приор провинции, в которой шла война, и, таким образом, он был в некотором роде генерал-квартирмейстером; маршал назначал различные кварталы, и над каждым ставил рыцаря-прецептора, чтобы управлять и регулировать его.

Когда начиналось сражение, маршал обычно брал штандарт из рук субмаршала и разворачивал его во имя Бога. Затем он назначал от пяти до десяти братьев, которые должны были окружать и охранять его; одного из них он назначал рыцарем-прецептором, который должен был держаться рядом с ним со знаменем, намотанным на копье, чтобы в случае, если знамя, которое нес маршал, порвется, или упадет, или случится какое-либо другое несчастье, он мог показать его. Если маршал был ранен или окружен, рыцарь должен был поднять знамя вместо него. Никто не должен был опускать знамя или бросать его, опасаясь вызвать смятение. Братья должны были сражаться со всех сторон, всячески досаждая врагу,

но при этом держаться достаточно близко, чтобы в случае необходимости иметь возможность защитить знамя ордена. Но если тамплиер видел, что христианину грозит неминуемая опасность, он был вправе последовать велениям своей совести и поспешить ему на помощь. Он должен был как можно быстрее вернуться на свое место; если же турки оказывались между ним и знаменем, он должен был присоединиться к ближайшей христианской эскадре, отдавая предпочтение госпитальерам, если они были под рукой. Если христиане потерпят поражение, тамплиер под страхом изгнания из ордена не должен был покидать поле боя до тех пор, пока развеивается знамя ордена; а если не будет видно краснокрестного флага, он должен был присоединиться к отряду госпитальеров или любому другому. Если же все христианские знамена исчезнут, он должен был отступить так хорошо, как только мог.

Таковы были военные принципы ордена Храма - принципы, которые,

вместо ярости,

Дышала доблесть, твердая и непоколебимая.

Со страхом смерти перед бегством или нечестным отступлением;

И никогда, вне всякого сомнения, тамплиеры не проявляли более непоколебимой доблести. Там, где все были храбрыми и смелыми, как сказочные герои романов, тамплиеры все еще считались выдающимися, и кардинал Витри мог так говорить о них в начале тринадцатого века, когда их можно считать несколько упавшими с их первоначального возвышения:-...

"Они стремятся изгнать врагов креста Христова из земель христиан, сражаясь мужественно и выходя на бой по сигналу и команде того, кто стоит во главе их войск, *не стремительно и беспорядочно, но благоразумно и со всей осторожностью* - первые впереди, последние в отступлении; им не позволено ни поворачиваться спиной в бегстве, ни отступить без приказа. Они стали настолько грозными для противников веры Христовой, что один гонится за тысячей, а второй - за десятью тысячами; не спрашивают, когда призывают к оружию, сколько их, а где они: львы на войне, нежные ягнята дома; суровые воины в походе, как монахи и эремиты в церкви". Язык достойного кардинала, несомненно, декларативен и риторичен, и, следовательно, из него следует сделать некоторые выводы; но все же достаточно, чтобы доказать, что рыцарство Храма все еще сохраняло не малую долю тех добродетелей, которыми оно изначально славилось.

Глава IX.

Моле избран магистром - последняя попытка христиан в Сирии - поведение трех военных орденов - Филипп Справедливый и папа Бонифаций VIII - захват папы - избрание Климента V - перенос папского престола во Францию - причины вражды Филиппа к тамплиерам - прибытие Моле во Францию - его беседы с папой - обвинения против тамплиеров - захват рыцарей - разбирательства в Англии - характер обвинений против ордена.

В предыдущей части мы проследили орден тамплиеров с момента его основания до того периода, когда латинское владычество было навсегда свергнуто на побережье Сирии, и

подробно описали его внутреннюю организацию, а также продемонстрировали его мощь и размеры владений. Нам остается рассказать, как этот могущественный орден был внезапно уничтожен, рассмотреть обвинения, выдвинутые против него^[94], и, как мы обещали, установить их ложность и бесполезность - задача далеко не неблагодарная, хотя и не лишенная мучительности; ведь для укрепления нашей любви к справедливости и ненависти к тирании и угнетению полезно оправдать память даже тех, кто погиб их жертвами много веков назад. Также полезно представить миру еще один пример действия принципа, который, как правило, преобладает, что, пусть ложь и софистика прилагают все усилия, чтобы скрыть правду, всегда остаются средства, чтобы опровергнуть их и показать порок, как бы высоко он ни сидел, в его истинном свете.

В 1297 году, когда орден основал свою штаб-квартиру на острове Кипр, магистром был избран Джеймс де Моле, уроженец Безансона, что во Франш-Конте. Характер Моле во все времена был благородным и достойным; но если верить утверждению рыцаря по имени Хью де Траво, он добился своего достоинства с помощью ухищрений, не похожих на те, которые, как говорят, использовал Сикст V для достижения папства. Капитул, по словам де Траво, не мог прийти к единому мнению: одна часть была за Моле, другая, и более сильная, - за Хью де Пейро. Моле, видя, что у него мало шансов на успех, заверил некоторых главных рыцарей, что он не жаждет должности и сам проголосует за своего конкурента. Поверив ему, они с радостью сделали его великим приором. Теперь его тон изменился. "Мантия готова, теперь наденьте на нее капюшон. Вы сделали меня великим приором, и хотите вы того или нет, я тоже стану великим магистром". Изумленные рыцари тут же выбрали его.

Если этот рассказ верен, то способ избрания в это время должен был сильно отличаться от того, который мы описали выше в уставе ордена. Более того, эти выборы состоялись во Франции, где в 1297 году Моле, как нам рассказывают, держал четвертого сына короля у купели крещения.

Одна слабая попытка, последний военный подвиг тамплиеров, была предпринята христианами, чтобы вновь закрепиться на азиатском континенте во время правления Моле. В 1300 году монгольский вождь Газан пришел на помощь королю Армении против турок. Поскольку политика татар, еще не принявших ислам, состояла в том, чтобы подстрекать врагов магометан, Газан, пройдя по стране до Дамаска, отправил посольство к папе Бонифацию VIII, приглашая христиан, особенно три военных ордена, прийти и овладеть Святой землей. Тамплиеры, госпитальеры и Генрих, король Кипра, немедленно снарядили семь галер и пять судов меньшего размера. Альмерик де Лузиньян, владыка Тира, и магистры двух орденов высадились на Тортосе и попытались удержать островок против египетского султана, но были вынуждены уступить числом. Тамплиеры сражались безрезультатно, а несколько человек из них, защищавших башню, в которую они бросились, сдались и были доставлены пленниками в Египет.

В 1306 году госпитальеры возобновили атаки на остров Родос, где им удалось изгнать турок и установить штандарт своего ордена. Тевтонские рыцари перенесли сферу своих военных действий на Русь и прилегающие к ней страны, жители которых все еще оставались язычниками. Тамплиеры тем временем бездействовали на Кипре и, похоже, даже подумывали об отступлении в Европу.

Францией в это время управлял Филипп Справедливый, сын Людовика Святого. Филипп, вступивший на престол в раннем возрасте семнадцати лет, получил образование у Жиля де Колонна, впоследствии архиепископа Буржского, человека, отличавшегося образованностью и смелостью взглядов. Одной из его любимых сентенций было то, что

"Иисус Христос не давал никакой временной власти своей церкви, и что король Франции имеет свою власть только от Бога". Такие принципы были рано внедрены в его сознание, и молодой монарх вряд ли мог быть очень послушным сыном Церкви, а характер Бонифация VIII, который, не обладая талантами и добродетелями Григория или Иннокентия, пытался довести папские притязания до предела, вскоре пробудил его к сопротивлению. Воодушевленный своей властью, папа издал буллу, запрещающую духовенству давать какие-либо субсидии светским властям без разрешения Рима. Филипп в ответ издал указ, запрещающий вывоз золота, серебра и товаров из Франции, тем самым перекрыв большой источник папских доходов. В ходе спора Бонифаций утверждал, что князья подчиняются ему и во временных отношениях. Филипп ответил так: "Филипп, милостью Божьей, король французов, Бонифацию, действующему как верховный понтифик, здоровья мало или нет. Пусть ваша крайняя глупость знает, что во временных отношениях мы никому не подчиняемся". Вскоре после этого он публично сжег буллу папы и провозгласил об этом в Париже при помощи трубы. Бонифаций, пылая от негодования, созвал французское духовенство в Рим, чтобы обсудить средства сохранения свобод Церкви. Филипп созвал в Париже национальное собрание, на котором впервые появились депутаты от третьего сословия, с готовностью выразившие решимость встать на сторону своего монарха в защиту его прав, а духовенство охотно отрицало временную юрисдикцию понтифика. Несколько прелатов и аббатов подчинились призыву папы, и король наложил арест на их временные владения. Папа грозил лишением всех тех, кто не явился, и в своей знаменитой булле *Unam sanctam* утверждал, что каждый человек подчиняется римскому понтифику. Другая булла объявила, что каждый человек, независимо от его ранга, обязан лично являться по вызову в Рим. Филипп запретил публиковать эти буллы, и Генеральные штаты, созданные вновь, обратились к собору против папы. По Франции были разосланы комиссары, чтобы заручиться согласием духовенства с этим актом, которое в одних случаях было дано добровольно, в других - достигнуто с помощью некоторой полезной строгости. Король, его жена и сын пообещали поддерживать тех, кто поддерживает сопротивление, оказываемое Францией папской узурпации. Затем Бонифаций отлучил от церкви короля, который перехватил буллу и помешал ее публикации. В конце концов папа предложил корону Франции императору Альберту Австрийскому. Дело дошло до крайности, и Филипп решился на один из самых смелых поступков, которые когда-либо предпринимались в христианском мире.

Филипп предоставил убежище при своем дворе некоторым членам семьи Колонна, личным врагам папы. Его канцлером и верным приверженцем был Вильгельм де Ногаре, который был его агентом в деле обращения к Генеральному совету, представив Генеральным штатам обвинение в симонии, магии и обычных реальных или мнимых преступлениях того времени против понтифика. Этот человек и несколько итальянских изгнанников в сопровождении 300 лошадей отправились в Италию и поселились в замке между Флоренцией и Сиеной под предлогом того, что это удобное место для переговоров с Римом. Папа тем временем проживал в Ананьи, своем родном городе. Ногаре, щедро раздав деньги и собрав достаточное количество партизан, рано утром 7 сентября 1303 года явился к воротам Ананьи. Ворота открыл предатель, и французы со своими партизанами побежали по улицам с криками *Живи, король Франции, умри Бонифаций*. Они вошли во дворец без сопротивления; французы бегали туда-сюда в поисках добычи, и только Сциарра Колонна со своими итальянцами предстал перед папой. Бонифаций, которому было уже восемьдесят шесть лет, был облачен в свои понтификальные одеяния и стоял на коленях перед алтарем в ожидании смерти. При виде его заговорщики, которые намеревались убить его, остановились, охваченные невольным трепетом, и не осмелились поднять на него руку. В течение трех дней они держали его в плену; на четвертый жители города поднялись, изгнали их и освободили

понтифика. Бонифаций вернулся в Рим, но ярость от пережитого унижения лишила его рассудка, и в одном из пароксизмов он ударился головой о стену своих покоев и умер от полученной травмы .[95]

Бенедикт XI, преемник Бонифация, освободил Филиппа, его министров и подданных от приговора об отлучении. Почувствовав свою власть, он перешел к более энергичным мерам, чтобы отомстить за оскорбленное достоинство святого престола, когда умер от яда, введенного, как утверждает современный историк, агентами Филиппа. В течение десяти месяцев конклав не мог договориться о его преемнике среди итальянских кардиналов. Тогда приверженцы короля Франции предложили, чтобы одна партия в конклаве назвала трех ультрамонтанных прелатов, из которых другая должна была выбрать одного. Выбор пал на Бертрана де Готта, архиепископа Бордо, у которого было много серьезных причин враждовать с Филиппом и его братом Карлом Валуа. Друг Филиппа, кардинал Прато, немедленно отправил курьера с известием, посоветовав королю согласиться на избрание, как только он обеспечит его интересы. Филипп отправился в Гасконь и имел частную беседу с избранным понтификом в аббатстве, расположенном посреди леса близ Сен-Жан-д'Анжели. Поклявшись хранить взаимную тайну, король сказал прелату, что в его власти сделать его папой при условии, что он окажет ему шесть милостей. Он показал ему свои доказательства, и честлюбивый гасконец, упав к его ногам, пообещал все. Шесть милостей, которых требовал Филипп, заключались в полном примирении с Церковью; допуске к причастию для себя и друзей; десятине с духовенства Франции на пять лет, чтобы покрыть расходы на его войну во Фландрии; преследовании и уничтожении памяти папы Бонифация; присвоении кардинальского сана Якову и Петру Колонне. "Шестая услуга, - сказал он, - великая и тайная, и я оставляю просьбу о ней для подходящего времени и места". Прелат поклялся в этом хозяину и дал в качестве заложников своего брата и двух племянников. Затем король отправил приказ кардиналу Прато избрать архиепископа Бордо, который принял имя Климента V.

Побуждаемый то ли тщеславием возвыситься в глазах своих соотечественников, то ли страхом перед тиранией, которую кардиналы проявляли по отношению к его предшественникам, то ли, что представляется более вероятным, в соответствии с желаниями Филиппа или вследствие препятствий, чинимых этим монархом на пути его отъезда, Климент, к ужасу всего христианства, вместо того чтобы отправиться в Рим, созвал кардиналов в Лион для своей коронации. Они неохотно подчинились, и он был коронован в этом городе 17 декабря 1305 года, король, его брат и главные вельможи помогали в церемонии. Климент сразу же учредил двенадцать новых кардиналов, все они были креатурами Филиппа, чьим самым преданным рабом папа проявлял себя во всех случаях. Его обещания были исполнены самым тщательным образом, за исключением того, что касалось памяти Бонифация, которое кардинал Прато доказал Филиппу, что было бы крайне невежливо и опасно выполнять; но Климент с радостью уполномочил его захватить в праздник святой Мадлены всех евреев в своем королевстве, изгнать их и конфисковать их имущество во имя религии.

Что это была за шестая и тайная милость, которую требовал Филипп, неизвестно. Было высказано множество предположений, не дающих никаких результатов. Не исключено, что в то время у короля не было определенной цели, и, подобно сказочному дару Нептуна Тесею, она должна была быть востребована, когда представится достаточно важный случай.

Такими, как мы их описали, были Филипп и понтифик; один - способный, дерзкий, хищный, честлюбивый и беспринципный; другой - подлый, покорный и мало щепетильный. Поскольку целью Филиппа было ослабить папскую власть и сделать ее подвластной своим амбициям, он, естественно, должен был желать лишить ее поддержки. Тамплиеры, которые

во всех случаях были ярыми приверженцами папства, должны были стать объектом его неприязни только по этой причине; кроме того, они громко заявляли о том, что он неоднократно подделывал монету, чем причинял им столько вреда; и они очень настойчиво требовали возврата денег, которые они ссудили ему по случаю брака его дочери Изабеллы с сыном короля Англии. Их богатство было огромным; их владения во Франции были самыми обширными; они были связаны с самыми знатными семьями королевства; следовательно, теперь, когда они, казалось, отказались от всякой идеи предпринимать дальнейшие усилия на Востоке, они могли стать серьезным препятствием на пути установления абсолютной власти короны. Наконец, их в целом недолюбливали из-за их чрезмерной гордости и высокомерия, и следовало ожидать, что при посягательстве на их власть и привилегии народ будет склоняться на сторону короля. Эти мотивы, как мы полагаем, в достаточной степени объясняют стремление Филиппа дать отпор ордену, дальше которого, как видно, его планы поначалу не простирались. Мы не беремся сказать, когда этот проект впервые пришел в голову королю Филиппу; имел ли он в виду также госпитальеров, и побудил ли он Папу пригласить магистров двух орденов во Францию.

Поскольку соперничество и недоброжелательность между двумя орденами давно считались одной из главных причин незначительных успехов христиан на Востоке, возникла идея объединить их, и Григорий X. и Людовик Святой пытались, но тщетно, на совете в Лионе добиться этого. Папа Бонифаций VIII также стремился воплотить этот проект в жизнь, и теперь Климент решил попытаться это сделать. 6 июня 1306 года, всего через полгода после своей коронации, он обратился к магистрам двух орденов с письмом следующего содержания: "Короли Армении и Кипра обращались к нему за помощью; Поэтому он хотел бы посоветоваться с ними, хорошо знающими страну и столь заинтересованными в ней, о том, что лучше всего сделать, и желал, чтобы они прибыли к нему как можно более тайно и с небольшим обозом, поскольку по эту сторону моря они найдут много своих рыцарей; он велел им обеспечить оборону Лимиссо на время своего отсутствия.

Магистр госпиталя Уильям де Вилларе, когда пришло письмо, был занят атакой на Родос, и поэтому не мог подчиниться вызову. Но де Моле, магистр Храма, доверив Лимиссо и руководство орденом маршалу, отправился в путь с шестьюдесятью самыми знатными рыцарями, взяв с собой сокровища ордена, состоявшие из 150 000 флоринов золота и такого количества серебра, что все это составляло груз для двенадцати лошадей. Когда они прибыли во Францию, он направился в Париж, где король принял его с величайшими знаками благосклонности и отличия, а сокровища он положил на хранение в храм этого города. Вскоре после этого он отправился в Пуатье, где имел беседу с Климентом, который советовался с ним о делах на Востоке. Говоря о новом крестовом походе, Моле высказал мнение, что ничто, кроме одновременных усилий всех христианских держав, не принесет пользы. Он возражал против объединения орденов на следующих основаниях, которые в целом были достаточно легкомысленными. Он сказал, во-первых. Что новое не всегда является лучшим; что ордена, какими они были, хорошо послужили в Палестине, и, короче говоря, использовал старый добрый аргумент антиреформаторов: *"Это хорошо работает"*. Во-вторых. Что поскольку ордена были как духовными, так и мирскими, и многие вступали в них ради блага своей души, то для них не может быть безразличным оставить тот, который они выбрали, и вступить в другой. В-третьих. Могут возникнуть разногласия, поскольку каждый орден будет стремиться к собственному богатству и влиянию, а также к завоеванию господства в соответствии со своими правилами и дисциплиной. В-четвертых. Тамплиеры щедро делились своим имуществом, в то время как госпитальеры стремились только к накоплению - разница, которая может привести к раздору. В-пятых. Поскольку тамплиеры получали больше подарков и поддержки от мирян, чем госпитальеры, они окажутся в

проигрыше или, по крайней мере, будут вызывать зависть у своих соратников. 6-е. Вероятно, между настоятелями возникнут разногласия по поводу назначения на должности в новом ордене. Однако он чистосердечно признал, что новый орден будет сильнее старого, а значит, более ревностно бороться с неверными, и что многие командорства могут быть подавлены, а некоторые спасены таким образом. Высказав таким образом свои соображения, Моле удалился от папы и вернулся в Париж. В связи со смутными слухами о серьезных обвинениях, выдвинутых или готовящихся выдвинуть против ордена, Моле в сопровождении Рембо де Карона, прецептора Оутр-мера, Джеффри де Гоневиля, прецептора Аквитании, и Хью де Перандо, прецептора Франции, вновь отправился в Пуатье, около апреля 1307 года, чтобы оправдать себя и орден в глазах папы. Климент, как нам сообщают, сообщил им о серьезных обвинениях совершении различных преступлений, которые были выдвинуты против них; но они дали ему такие объяснения, которые, как оказалось, удовлетворили его, и вернулись в Париж, довольные тем, что устранили все сомнения из его головы.

Обвинения против тамплиеров были выдвинуты следующим образом.

В Париже или Тулузе лежал в тюрьме за какое-то преступление человек по имени Сквин де Флексиан, уроженец Безье, который раньше был тамплиером и приором Мантфокона, но был исключен из ордена за ересь и другие проступки. Его спутником в плену был флорентиец по имени Ноффо Деи - "человек (говорит Виллани), полный всех беззаконий". Эти двое начали планировать, как им лучше всего выпутаться из своего нынешнего безнадёжного положения; и, как оказалось, зная о неприязни короля к тамплиерам и ненависти их за то, что они наказали его за преступления, Сквин де Флексиан решил обвинить их в самых чудовищных преступлениях и таким образом добиться своего освобождения. Призвав к себе начальника тюрьмы, он сказал ему, что должен сделать королю открытие, которое принесет ему больше пользы, чем приобретение нового королевства, но что он откроет его королю только при личной встрече. Сквин был немедленно доставлен в Париж и предстал перед королем, которому он объявил о преступлениях ордена; по приказу Филиппа некоторые тамплиеры были схвачены и допрошены.

По другой версии, Сквин Флексиан и Ноффо Деи, оба разжалованные тамплиеры, некоторое время назад активно участвовали в восстании народа, от которого король был вынужден укрыться в Храме. Их схватили, и они лежали в тюрьме без всякой надежды на жизнь, когда им пришлось в голову обвинить своих бывших соратников. Их обоих отпустили на свободу, но Сквин был впоследствии повешен, а Ноффо Деи обезглавлен, как утверждают тамплиеры с небольшой долей вероятности.

Говорят также, что примерно в то же время кардинал Кантилупо, камергер папы, который был связан с тамплиерами с одиннадцатого года жизни, сделал своему господину некоторые открытия, касающиеся их.

Обвинения, выдвинутые Сквин Флексианом против ордена, были следующими: - 1.

1. Каждый тамплиер при вступлении в орден давал клятву никогда не покидать его и отстаивать его интересы как добром, так и злом.

2. Главы ордена находятся в тайном союзе с сарацинами; в них больше магометанской неверности, чем христианской веры; в доказательство этого они заставляют каждого послушника плевать и попирать крест Христа, а также хулить его веру различными способами.

3. Главы ордена - еретики, жестокие и святотатственные люди. Если кто-либо из послушников, узнав о беззакониях ордена, пытается выйти из него, они предадут его смерти и ночью хоронят в уединении. Они учат беременных от них женщин делать аборт и тайно убивают новорожденных младенцев.
4. Тамплиеры заражены всеми заблуждениями Фратичелли; они презирают папу и власть Церкви; они презирают таинства, особенно покаяния и исповеди. Они притворяются, что соблюдают церковные обряды только для того, чтобы избежать разоблачения.
5. Начальство пристрастилось к самым постыдным проявлениям разврата, за что, если кто-то выражает свое несогласие, его наказывают вечной неволей.
6. Храмовые дома являютсяместилищем всех преступлений и мерзостей, которые только можно совершить.
7. Орден стремится отдать Святую землю в руки сарацинов; он благоволит им больше, чем христианам.
8. Назначение магистра происходит тайно, и лишь немногие из младших братьев присутствуют при этом; отсюда возникает сильное подозрение, что он отрекается от христианской веры или обещаний, или делает что-то противоречащее праву.
9. Многие уставы ордена незаконны, профанированы и противоречат христианской религии; поэтому членам ордена запрещено под страхом вечного заточения открывать их кому бы то ни было.
10. Ни один порок или преступление, совершенные ради чести или пользы ордена, не считаются грехом.

Таковы были обвинения, выдвинутые против ордена разжалованным приором Монфокона, - обвинения в целом абсурдные или основанные на грубом преувеличении некоторых правил общества. Другие, еще более невероятные, были впоследствии выдвинуты в ходе допросов свидетелей.

Филипп и его министры, имея теперь, как они считали, правдоподобное дело против тамплиеров, тайно подготовили свои меры; и 12 сентября 1307 года всем губернаторам и королевским чиновникам по всей Франции были разосланы запечатанные письма с приказом вооружиться 12 числа следующего месяца, а ночью вскрыть письма и действовать согласно содержащимся в них инструкциям. Назначенный день настал, и утром в пятницу, 13 октября, почти все тамплиеры во всей Франции увидели себя пленниками в руках своих врагов. Филипп так хорошо продумал свои меры, что его предполагаемые жертвы не вызвали подозрений; и накануне ареста Моле был выбран коварным монархом в качестве одного из четырех носильщиков гроба на похоронах принцессы Екатерины, жены графа Валуа.

Король приказал своим офицерам захватить людей и имущество тамплиеров, допрашивать, пытать и добиваться от них признаний, обещать помилование тем, кто признается, и угрожать тем, кто отрицает.

В день ареста магистра и его рыцарей король овладел храмом в Париже, а магистр и прецепторы Аквитании, Франции и за морем были отправлены пленниками в Корбейль. На следующий день доктора Парижского университета и несколько каноников собрались

вместе с королевскими министрами в церкви Нотр-Дам, и Вильгельм де Ногаре, канцлер, объявил им, что против рыцарей возбуждено дело из-за их ереси. 15-го числа Университет собрался в Храме; некоторые главы ордена, особенно магистр, были допрошены и, как говорят, сделали несколько признаний в вине ордена за последние сорок лет.

Теперь король опубликовал обвинительный акт, составленный не в самых умеренных и мягких выражениях. Он называет обвиняемых в нем пожирающими волками, вероломным и идолопоклонническим обществом, чьих поступков, чьих одних слов достаточно, чтобы загрязнить землю и заразить воздух, и т. д., и т. п. Тогда жители Парижа собрались в королевских садах; представители короля выступали с речами, а некоторые монахи проповедовали против обвиняемых.

Филипп, враждебно относясь к ордену, не мог довольствоваться ничем иным, как его полным уничтожением. Почти сразу после своего *переворота* 13 октября он отправил священника по имени Бернард Пелетус к своему зятю, Эдуарду II, королю Англии, приглашая его последовать его примеру. 30 числа того же месяца Эдуард написал, что обвинения, выдвинутые против тамплиеров Филиппом и его агентом, кажутся ему, его баронам и прелатам неправдоподобными, и что поэтому он вызовет сенешаля Агена, откуда пошли эти слухи, чтобы тот сообщил ему об этом, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие действия.

Климент сначала был оскорблен поспешными и произвольными действиями короля Франции против тамплиеров; но Филиппу легко удалось его успокоить; и 22 ноября папа написал королю Англии, заверив его, что магистр Храма спонтанно признался, что братья, по их признанию, отреклись от Христа; и что несколько братьев в разных частях Франции признали идолопоклонство и другие преступления, вменяемые в вину ордену; и что рыцарь высочайшего и почтеннейшего рода, которого он сам допрашивал, признал отречение от Иисуса Христа частью церемонии принятия в орден. Поэтому он призывает короля арестовать всех тамплиеров, находящихся в его владениях, и поместить их земли и имущество под надежную охрану, пока не будет установлена их вина или невиновность.

В письме от 26 ноября Эдуард обратился к сенешалю Агена в Гиени с особым запросом по поводу обвинений, выдвинутых против тамплиеров. 4 декабря он написал королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии, рассказав им о том, что услышал, добавив, что не придавал этому значения, и умоляя их не прислушиваться к этим слухам. 10-го числа, очевидно, еще до получения буллы, он написал папе, выражая свое недоверие к услышанному и моля его святейшество начать расследование. Но когда папская булла, столь решительно утверждающая виновность ордена, прибыла, добросердечный король не решился отказать в ее соблюдении; и 15 декабря он издал указ, назначив утро среды после Богоявления в следующем месяце для захвата тамплиеров и их имущества, но предписав обращаться с ними со всей мягкостью. Аналогичные приказы были направлены в Шотландию, Уэльс и Ирландию 20 числа; а 26 числа он написал на , заверяя Папу, что его мандаты будут быстро исполнены. Аресты были произведены соответственно; таким образом, тамплиеры и их имущество были конфискованы в двух странах, в которых они были наиболее влиятельны .[96]

Нежелание короля Англии и его парламента прибегать к каким-либо жестким мерам против тамплиеров дает основания полагать, что, если бы Филипп руководствовался подобной любовью к справедливости, орден не подвергся бы столь жестокому обращению во Франции. Но Филипп решил уничтожить это общество, и его тайные советники и фавориты не были людьми, которые пытались бы остановить его в его кровавой и разорительной

карьере. Среди них были Вильгельм Имберт, его духовник, монах-доминиканец, один из ордена, привыкшего в Лангедоке к крови и глубоко осведомленного во всех инквизиторских искусствах и практиках; Вильгельм Ногаре, его канцлер, нарушитель святости главы церкви; Вильгельм Пласиан, который участвовал в этом дерзком поступке, а после поклялся в собрании пэров и прелатов Франции, что Бонифаций был атеистом и колдуном, и имел знакомого демона. Весь орден доминиканцев также принял участие в благочестивой работе по выявлению и наказанию еретиков. Мы должны постоянно помнить, что обвинения, выдвинутые против тамплиеров, если и не все они могут быть отнесены к ереси, то все те, которые Церковь имела обыкновение выдвигать против тех, кого она преследовала как публичных еретиков. И в этом Филипп и его советники поступили мудро в своем поколении; ведь измена или любое другое политическое обвинение прозвучало бы в ушах народа скучно и неэффективно по сравнению с грозным словом "ересь".

Филипп ле Бель.

Глава X.

Допрос пленных рыцарей - Различные виды пыток - Причины признания - Какие признания были сделаны - Тамплиеры предстали перед папой - Их заявления - Папская комиссия - Моле предстал перед ней - Понсар де Гизи - Защитники ордена - Акт обвинения - Руководители защиты - Свидетели против ордена - Пятьдесятчетыре тамплиера, преданные огню в Париже - Примечательные слова Аймерика де Виллар-ле-Дюка - Тамплиеры, сожженные в других местах - Дальнейшие расследования - Глава, которой поклонялись тамплиеры - Джон де Поллинкур - Петр де ла Палю.

Ответственность за проведение расследования против общества Филипп, не спрашивая и не дожидаясь одобрения Папы, возложил на Имберта, который не терял времени, приступая к действиям. Он написал всем инквизиторам своего ордена, предписывая им действовать против тамплиеров, как это уже делал он сам; и в случае установления истинности обвинений сообщить об этом монахам миноритам или какому-нибудь другому ордену, чтобы люди не обижались на эту процедуру; и как можно скорее отправить заявления королю и ему самому. Они не должны были проявлять жестокости по отношению к заключенным, но в случае необходимости могли применять пытки. 19 октября, через шесть дней после их захвата, Имбер начал свои допросы в Парижском храме. Было допрошено сто сорок заключенных, от которых обещаниями и пытками добились признаний в изобилии. Тридцать шесть рыцарей скончались под воздействием мягких методов, которые использовал, чтобы выведать у них правду. Затем ревностный Имберт отправился в Байе, Мец, Туль и Верден; во всех этих местах были проведены допросы и получены признания тем же способом. Однако в каждом показании тщательно оговаривалось, что свидетель говорил без всякого принуждения.

Поскольку наши читатели, к счастью, не могут быть знакомы с мягкими и нежными способами, применявшимися братьями святого Доминика для выведывания правды, мы приведем небольшое описание некоторых из них, чтобы они могли составить некоторое представление о ценности показаний, полученных с помощью дыбы.

Иногда пациента раздевали догола, руки связывали за спиной, к ногам прикрепляли тяжелые гири, а шнур, сковывающий руки, пропускали через шкив. По сигналу его поднимали в воздух, где он повисал, держась за руки, которые таким образом выводились из естественного положения: затем шнур внезапно отпускали, но проверяли, прежде чем пациент достигал земли, и таким образом получали колоссальный удар по его раме. Другой способ пытки заключался в том, что ноги пациента привязывали к какому-нибудь приспособлению, которое не позволяло ему отвести их назад; затем их натирали каким-нибудь нечистым веществом и ставили перед пылающим огнем; между ногами и огнем периодически клали доску и снова убирали, чтобы усилить боль в промежутках между ее прекращением. Иногда пятка пациента была заключена в железный каблук, который затягивали по желанию и тем самым причиняли мучительную боль. Очень щадящим способом считался тот, который применялся только к тем, у кого не было сил выдержать предыдущие пытки: между пальцами вставляли круглые палки и сжимали их до тех пор, пока кости пальцев не трескались. Иногда тамплиерам вырывали зубы, поджаривали ноги, подвешивали гири ко всем частям тела; и таким образом они давали показания без принуждения!

Под показаниями или признанием инквизиторы понимают утвердительный ответ на задаваемые ими вопросы. Обычно они исходят из того, что обвиняемый виновен; свидетели защиты не заслушиваются. Бесполезно доказывать абсурдность и необоснованность обвинений, ибо это означало бы усомниться в здравом смысле и рассудительности тех, кто их выслушивал; и всегда даются обещания, что в случае полного и свободного признания с преступником поступят мягко. Кроме того, обвиняемый всегда заключен в одиночную камеру; у него нет никого, кто мог бы утешить и ободрить его; он чувствует себя покинутым всем миром; сознание своей невиновности бесполезно; его единственная надежда - на милость судьи. Тамплиеры, как мы помним, были схвачены в начале зимы, и в это время в темнице средневековья должно было царить неописуемое веселье. Им едва давали самое необходимое для жизни; их лишили привычек ордена, отказали в утешениях религии, поскольку с ними обращались как с еретиками; им показали настоящее или притворное письмо их магистра, в котором он признавался в преступлениях ордена и призывал их поступить так же. Энтузиастов в религии или политике поддерживает сознание своей правоты, и они переносят лишения и пытки, твердо рассчитывая на благосклонность божества или на похвалу и уважение благодарного и восхищенного потомства. Но подавляющее большинство тамплиеров были далеко не такими людьми; это были неграмотные рыцари, долгое время жившие в роскоши и предававшиеся высокомерию; они знали, что вызывают неприязнь у многих, и чувствовали, что их власть ушла. Стоит ли удивляться, что, обманутые надеждами, многие из них с готовностью признали все обвинения, выдвинутые против их ордена? И разве не должны мы тем более восхищаться стойкостью тех, кто, не наученный лстивыми надеждами, не сломленный угрозами и пытками, скорее сдался, чем признался в неправде?

В Париже рыцари, которые исповедовались, признали отрицание Христа (это был тот пункт, который инквизиторы больше всего хотели установить), но неопределенно, противоречиво, поскольку то, что было сказано на одном допросе, было опровергнуто на другом, либо увеличено, либо уменьшено. Было также признано, что в их капитулах поклоняются идолу. В Ниме, в ноябре 1307 года, сорок пять рыцарей признали вину ордена. После этого они отказались от своих слов, но в 1311 году пытки заставили их вернуться к первоначальному заявлению. В Труа два рыцаря признались во всем, что от них требовалось. В Пон-де-л'Арк признались семеро. Этих и еще шестерых снова допросили в Кане; они закончили свои показания мольбами о милосердии Церкви и слезами просили избавить их от пыток. Те, кого допрашивали в Каркассоне, все признались в поклонении образу; но некоторые из них впоследствии отказались от этого признания и умерли, отстаивая невиновность ордена. Шесть тамплиеров в Бигорре^[97] и семь в Кагоре признались в этом, но некоторые из них впоследствии отказались от своих слов.

Филипп и его креатуры находились на этой стадии своей карьеры, когда Папа Римский начал выражать некоторое недовольство по поводу нерегулярности разбирательства. Король тут же написал ему письмо, в котором упрекнул его в вялости в деле религии. Он заявил, что епископы, которые были его (короля) помощниками в управлении Церковью, были самыми подходящими людьми для ведения этого дела, благодаря их знанию местности; и добавил, что ни он, ни они не могли выполнить желания папы: "Он действует, - сказал он, - как слуга Божий, и должен дать Богу отчет". Климент не решился препятствовать благочестивым трудам столь ревностного слуги Господа; он отменил подготовленную им буллу по этому вопросу, потребовав лишь, чтобы инквизиторы каждого епископа были утверждены провинциальным советом, а рассмотрение дел глав ордена оставил за собой. Затем Филипп снисходительно предложил отдать пленников в руки папских судей, а имущество ордена

направить на благо Святой земли. Духовенство отказалось взять на себя ответственность за рыцарей, и король и папа стали управлять имуществом ордена сообща.

В начале 1308 года, как нам сообщают[98], магистр тамплиеров, прецептор Кипра, визитатор Франции, а также вельможи Аквитании и Нормандии предстали перед папой в Шиноне, где добровольно, без применения пыток, признались в истинности тех злодеяний, которые были вменены в вину ордену. Они отреклись от своих заблуждений, и кардиналы обратились к королю с мольбой в их пользу.

М. Рейнуар[99], не знаем, на каком основании, категорически отрицает, что магистр и его спутники когда-либо представляли перед папой. Он утверждает, что в августе следующего года они направлялись в Пуатье, чтобы быть лично осмотренными понтификом, но под предлогом болезни некоторых из них их задержали в Шиноне, вместо того чтобы доставить в Пуатье, где оставался папа, и в итоге, не повидав его, отвезли обратно в Париж. Он не называет дату этого события, но, по-видимому, оно произошло осенью следующего года.

Действия против тамплиеров настолько явно противоречили интересам папы, что Филипп считал необходимым строго следить за ним. Созвав в мае 1308 года ассамблею государств в Туре и получив от них декларацию о своем праве наказывать отъявленных еретиков, не спрашивая согласия папы, в которой он призывал действовать против тамплиеров со всей строгостью, он сам отправился с ней в Пуатье и представил ее Клименту. Во время переговоров, происходивших в это время, папа попытался бежать в Бордо, но его багаж и сокровища были остановлены по приказу короля у ворот города, и Климент остался фактически пленником.

Пока верховный понтифик находился в его власти, Филипп, все еще остававшийся в Пуатье, чтобы устранить все свои угрызения совести, 29 и 30 июня и 1 июля привел к Клименту на допрос семьдесят два тамплиера, которые признали свою вину. Как и следовало ожидать, большая часть из них повторила свои прежние заявления о нечестивости, идолопоклонстве и разврате ордена. Из этих показаний ясно видно, что для получения прежних признаний применялись пытки.

Пьер де Броэль заявил, что его раздели и подвергли пыткам, но он не сказал ни больше, ни меньше. Он добавил, что все, кто его пытал, были пьяны.

Гийома де Хайма не пытали, но, по словам, его месяц держали в одиночной камере на хлебе и воде, прежде чем он сделал какое-либо признание.

Жерар де Сен-Мартин, который признался в том, что отрекся от Христа и плевался у креста, сказал, что его жестоко пытали, и поначалу ему было стыдно признать эти факты, хотя они были правдой.

Деодат Джафет был подвергнут пыткам, но признаться в этом его заставило вдохновение Бога и Пресвятой Девы Марии, а не дыба. Он признал все преступления, вменяемые ордену. Говоря об идоле, он сказал: "Я был один в комнате с человеком, который меня принял: он достал из ящика голову, или идол, который показался мне трехликим, и сказал: *"Ты должен поклоняться ему как своему Спасителю и Спасителю ордена Храма"*. Тогда мы преклонили два колена, и я воскликнул: *"Благословен тот, кто спасет мою душу, и я поклонился ему"*". Однако впоследствии Джафет отказался от этого заявления и выступил как один из защитников ордена.

Итер де Рошфор, хотя и сказал, что признался в содеянном, неоднократно подвергался пыткам с целью выудить из него новые сведения. Он заявил, что, будучи принятым

незаконным путем, исповедовался патриарху Иерусалимскому, который горько плакал, услышав о таком злодеянии. Как справедливо замечает Рейнуар, патриарх, который вряд ли мог быть другом тамплиеров, вряд ли удовлетворился бы пролитием нескольких бесполезных слез, если бы до его ушей дошло известие о подобной ереси.

Пьер де Кондерс исповедовался при виде дыбы.

Раймон де Стефани был подвергнут жестоким пыткам в Каркассоне. Когда его спросили, почему он тогда не сказал правду, он ответил: "Потому что я этого не помнил; но я молил сенешаля позволить мне посоветоваться с моими товарищами, и когда я с ними посоветовался, я вспомнил".

Кто может доверять подобным показаниям, большинство из которых впоследствии были отменены? Тем не менее именно с их помощью папа заявил, что полностью уверен в виновности ордена, и оправдал строгие меры, которые он санкционировал против него. Филипп, надо заметить, все это время находился в Пуатье: заключенные были осмотрены перед кардиналами, и только те, кто не отказался от своих прежних вымученных признаний, были представлены в большом скоплении знати, духовенства и народа, собравшегося по этому случаю .[100]

Климент и Филипп организовали созыв Вселенского собора во Вьенне, чтобы объявить об упразднении ордена. Папа также назначил комиссию, которая должна была взять в Париже юридические сведения против него; 1 августа он уполномочил епископов и своих делегатов приступить к расследованию. 12 августа в булле *Faciens misericordiam*, утверждая виновность ордена, он призвал всех князей и прелатов всего христианского мира помочь ему в расследовании этого дела.

В состав комиссии, назначенной папой, вошли архиепископ Нарбонны, епископы Байе, Менде и Лиможа; Матфей Неаполитанский, архидиакон Руана, нотариус Святого престола; Иоанн Мантуанский, архидиакон Трента; Иоанн Монтлорский, архидиакон Магелона; и Вильгельм Агелин, проректор Экса, который из-за дел не смог присутствовать. Они приступили к исполнению своих обязанностей 7 августа 1309 года и распорядились, чтобы братья Храма предстали перед ними в первый рабочий день после праздника Святого Мартина, в ноябре. Призывы должны были быть опубликованы в присутствии народа и духовенства в соборах, церквях и школах, в главных домах ордена и в тюрьмах, в которых содержались рыцари. Никто не появлялся, издавались новые постановления; в конце концов комиссия обратилась к епископу Парижскому с просьбой самому отправиться в тюрьму, где содержались магистр и главы ордена, и уведомить их об этом. Сделав это, он распорядился, чтобы такое же уведомление было сделано по всей его епархии. Следующее обстоятельство, произошедшее в это время, как представляется, указывает на то, что на пути тех, кто был настроен защищать орден, возникли препятствия со стороны королевских министров. Комиссарам сообщили, что губернатор Шатле арестовал и заключил в тюрьму несколько человек, которые, как предполагалось, пришли защищать орден. Губернатор, вызванный к ним, заявил, что по приказу министров он арестовал семь человек, на которых донесли как на тамплиеров в мирской одежде, приехавших в Париж с деньгами, чтобы найти адвокатов и защитников для обвиняемых. Он признал, что подверг их пыткам, но заявил, что не верит, что они тамплиеры.

В среду, 26 ноября, состоялось заседание комиссии, и перед ней предстал магистр Храма Моле. Его спросили, будет ли он защищать орден или говорить за себя. В ответ он выразил удивление тем, что Церковь должна проявлять такую решительность в этом деле, когда приговор императору Фредерику был приостановлен на тридцать два года. Хотя у него нет ни

знаний, ни таланта, достаточных для защиты ордена, он должен считать себя мерзким в своих собственных глазах и в глазах других, если не решается сделать это; но, будучи пленником короля и папы и не имея денег, он просит помощи и совета.

Комиссары пожелали, чтобы он обдумал свое предложение и рассмотрел признания в отношении себя и приказа, которые он сделал. Однако они согласились дать ему время и, чтобы он не был в неведении относительно того, что против него выдвигалось, зачитали ему документы, содержащие их полномочия, на вульгарном языке.

Во время чтения писем, в которых излагалось его признание, сделанное кардиналам в Шиноне, он неоднократно перекрестился, подал другие знаки возмущения и удивления и сказал, что, если бы не уважение к посланникам папы, он должен был бы выразить себя иначе. Они сказали, что пришли туда не для того, чтобы принимать вызовы. Он ответил, что не говорил о картелях, а лишь пожелал, чтобы в этом случае поступили так, как поступали сарацины и татары, которые отрубали голову и разрубали тело надвое тем, кого признавали виновным.

Два обстоятельства заслуживают внимания в этой экспертизе: во-первых, то, что Вильгельм Пласиан присутствовал на ней, и, как прямо заявили комиссары, без их приглашения; во-вторых, то, что признания, которые были вменены Молею, и которые он явно намекал, что они ложные, были вставлены в буллу *Faciens misericordiam*, которая имеет дату 12 августа, хотя праздник Успения, то есть 16 августа, указан как день, в который они были сделаны^[101]. Там было объявлено, что главы ордена исповедались и получили отпущение грехов; однако здесь мы видим, что магистр рассматривается как еретик, который все еще не примирился.

На следующий день (27 ноября) перед комиссией предстал Понсар де Гизи, приор Пайенса. На вопрос, будет ли он защищать орден, он ответил: "Да; обвинения в том, что мы отрекаемся от Христа, плюем на крест, санкционируем позорные преступления, и все подобные обвинения - ложные. Если я сам или другие рыцари делали признания перед епископом Парижа или в других местах, мы предали истину - мы поддались страху, опасности, насилию. Нас пытали Флексьен де Безье, настоятель Монфокона, и монах Уильям Роберт, наши враги. Несколько пленников договорились между собой сделать эти признания, чтобы избежать смерти, а также потому, что тридцать шесть рыцарей погибли под пытками в Париже и множество в других местах. Что касается меня, то я готов защищать орден от своего имени и от имени тех, кто сделает со мной общее дело, если мне будет выделено из имущества ордена столько, сколько позволит покрыть необходимые расходы. Я прошу предоставить мне совет Райно Орлеанского и Петра Болонского, священников ордена". Его спросили, подвергался ли он пыткам. Он ответил, что да, за три месяца до исповеди.

На следующий день магистра снова вызвали в суд. Он потребовал, чтобы его привели к папе, в доказательство своего благочестия сослался на доблесть и милосердие тамплиеров и их усердие в украшении церквей, а также сделал ортодоксальное исповедание своей веры. Присутствовавший при этом Ногаре заметил, что в хрониках Сен-Дени говорится о том, что магистр ордена оказал почтение Саладину, и что султан приписал их несчастье их тайным порокам и нечестию. Моле заявил, что он никогда не слышал о подобной клевете; и привел пример благоразумия и добросовестности бывшего магистра, когда он сам и несколько других молодых людей хотели, чтобы он нарушил перемирие. В заключение Моле обратился к канцлеру и комиссарам с мольбой оказать ему милость - отслужить мессу и присутствовать на ней в сопровождении своих капелланов.

Было приказано доставить в Париж всех тамплиеров, желающих принять участие в защите ордена, и они были доставлены туда под надежной охраной. Затем комиссия возобновила свои заседания. По мере того как заключенные последовательно представляли перед ней, они, за редким исключением, заявляли о своей готовности защищать свой орден - *до смерти*, говорили одни; *до конца*, говорили другие; *потому что я хочу спасти свою душу*, добавлял один. Бертран де Сен-Поль заявил, что он никогда не признавал и не признает вины ордена, потому что это неправда; и что он верит, что Бог сотворит чудо, если тело Христово будет приложено к тем, кто исповедует, и к тем, кто отрицает. Семеро из тех, кто был допрошен перед папой и исповедовался, теперь заявили, что солгали, и отказались от своих слов. Иоанн де Вальгелле утверждал, что не делал никаких признаний в тот раз. "Меня так пытали и так долго держали перед пылающим огнем, - рассказывал Бернар де Вадо, - что плоть моих пяток была сожжена, а эти две кости (которые он показывал) оторвались".

В ходе этих допросов один из тамплиеров, по имени Лоран де Бон, показал письмо с печатями Филиппа де Воэ и Джона Жэнвилля, лиц, поставленных папой и королем над узниками, адресованное тамплиерам, заключенным в Сенсе, с предложением признаться в том, что требуется, и объявлением, что папа отдал приказ, что те, кто не будет упорствовать в своих признаниях, должны быть преданы пламени. Филипп де Воет, будучи допрошен, заявил, что не верит в то, что он отправил это письмо; его печать часто находилась в руках его секретаря; он всегда советовал заключенным говорить правду. Жэнвиль не был допрошен, как и Джон Карпини, передавший письмо. Де Бон был одним из первых, кого впоследствии предали огню; естественно предположить, что письмо было уловкой короля и его министров.

Магистр вновь предстал перед комиссарами и повторил свое требование отправить его к папе, они обещали написать папе по этому поводу, но доказательств того, что они это сделали, нет.

28 марта все тамплиеры, выразившие готовность защищать орден, были собраны в саду епископского дворца. Их число составило 546 человек. Магистра среди них не было. Обвинительные статьи были зачитаны им на латыни; комиссары приказали зачитать их снова на вульгарном языке, но все рыцари закричали, что этого достаточно, они не желают, чтобы подобные мерзости, которые были ложными и не подлежали упоминанию, повторялись на вульгарном языке. Кроме того, они жаловались на лишение их религиозных привычек и церковных таинств и желали, чтобы магистр и главы ордена также были вызваны туда. Но эта разумная просьба не была удовлетворена. Напрасно магистр требовал предстать перед папой, напрасно рыцари требовали, чтобы им позволили насладиться присутствием своего вождя. Ни то, ни другое не соответствовало ни интересам, ни замыслам короля.

Вскоре число тамплиеров в Париже достигло почти 900 человек. Комиссары хотели, чтобы назначили агентов для их защиты; но те отказались это сделать: одни утверждали, что не могут этого сделать без согласия своего вождя, другие настаивали на том, чтобы защищать орден лично. В конце концов, после долгих споров и обсуждений, семьдесят пять тамплиеров были выбраны для составления защиты ордена; священники ордена, Рейно де Пруино и Петр Болонский, и рыцари, Уильям де Шамбонне и Бертран де Сартигес, были назначены присутствовать при даче показаний свидетелям.

Обвинительный акт против тамплиеров, составленный от имени папы, гласил следующее. Во время приема их заставили отрицать Бога, Христа, Богородицу и т. д.; в частности, они заявили, что Христос не был истинным Богом, а лжепророком, который был распят за свои собственные преступления, а не для искупления мира. Они плевали и топтали крест,

особенно в Страстную пятницу. Они поклонялись кошке, которая иногда появлялась в их главах. Их священники, совершая мессу, не произносили слов освящения. Они верили, что их Учитель может отпустить им грехи. При приеме им говорили, что они могут предаваться любой распущенности. Во всех провинциях у них были идола, одни с тремя лицами, другие с одним. Они поклонялись этим идолам в своих главах, верили, что те могут спасти их, считали их дарителями богатства для ордена и плодородия для земли; они прикасались к ним шнурами, которые потом обвязывали вокруг собственного тела. Тех, кто во время приема не подчинялся этим обычаям, предавали смерти или заключали в тюрьму. Все это, как утверждалось, происходило *в соответствии с уставом ордена*; это был общий и древний обычай, и не существовало другого способа приема. Далее в обвинительном акте говорилось, что тамплиеры не останавливались ни перед какими средствами для обогащения ордена .[102]

Тамплиеры в своем ответе утверждали, что все эти обвинения ложны, и что если кто-то из них и признался в них, то сделал это под влиянием террора и насилия: тридцать шесть человек скончались под пытками в Париже, а несколько других - в других местах. В отношении них были нарушены все нормы закона; чтобы получить от них ложные показания, им были предъявлены письма короля, в которых объявлялось, что орден осужден бесповоротно, и предлагались жизнь, свобода и пенсии тем, кто даст ложные показания. "Все эти факты, - говорили они, - настолько публичны и так известны, что нет ни средств, ни предлогов от них отречься". Обвинительные статьи были не чем иным, как ложью и абсурдом, а булла не содержала ничего, кроме ужасной, отвратительной и незаконной лжи. Их орден был чист, и если бы мы обратились к их уставу, то обнаружили бы, что он одинаков для всех тамплиеров и для всех стран. Их вера была верой Церкви; родители приводили в орден своих детей, братья - друг друга, дяди - племянников, потому что он был чист и свят. Попад в плен к неверным, тамплиеры скорее умерли, чем отреклись от своей религии. Они заявили о своей готовности защищать свою невиновность всеми способами и против любого лица, кроме папы и короля, потребовали, чтобы их лично привели на генеральный совет, чтобы тех, кто покинул орден и дал показания против него, держали под строгим арестом до выяснения их правды или лжи, и чтобы при допросе не присутствовал ни один мирянин для запугивания обвиняемого. Рыцари, по их мнению, были поражены таким ужасом, что ложные признания некоторых из них вызвали не столько удивление, сколько восхищение мужеством тех, кто утверждал правду. Поинтересуйтесь, говорили они, у тех, кто присутствовал при последних минутах жизни рыцарей, умерших в тюрьме; пусть их признания станут известны, и тогда станет ясно, правдивы ли обвинения. Не странно ли, спросили они в заключение, что лжи тех, кто поддался пыткам или обещаниям, должно быть оказано большее доверие, чем утверждениям тех, кто, защищая истину, умер с пальмой мученичества, как и большинство тех рыцарей, которые так страдали и продолжают страдать за совесть?

11 апреля 1310 года начались слушания свидетелей против ордена. Их было всего двадцать один, двое из которых не принадлежали к ордену, а остальные были в основном теми, кто упорствовал в своих заявлениях перед Папой. Как и следовало ожидать, все преступления, вменяемые ордену в вину папской буллой, были вновь подтверждены этими людьми; но комиссия дошла только до допроса тринадцатого свидетеля, когда нетерпение короля проявилось в варварском и незаконном акте, который, очевидно, давно замышлялся.

Архиепископ Сенса, чьим суффраганом был епископ Парижа, умер около Пасхи 1309 года, и папа оставил за собой право выдвижения. Филипп написал ему письмо с просьбой назначить Филиппа де Мариньи, епископа Камбрейского, брата Энкеррана, его премьер-министра, утверждая, что его молодость не является справедливым препятствием, и что его

действия докажут, насколько он превосходит свой возраст. Папа, хотя и с большой неохотой, вынужден был согласиться, и в апреле 1310 года Мариньи был поставлен на престол. Теперь не было потеряно время, чтобы приступить к операции. В воскресенье, 10 мая, четыре защитника ордена узнали, что в Париже создан провинциальный совет Сен-Санса, чтобы выступить против рыцарей по отдельности. Они встревожились и обратились в комиссию, которая, хотя и не заседала по воскресеньям, собралась, и Петр Болонский сообщил им о том, что услышал. Он просил, чтобы ему позволили зачитать составленную им апелляцию. Они отказались это сделать, но сказали, что если у него есть какие-либо возражения против приказа уступить, то они их примут. Он тут же положил письменную бумагу, в которой излагал опасность, которой боялись заключенные, взывал к святому собору и умолял комиссию остановить действия архиепископа и его приспешников. Защитники ордена удалились, и дальнейшее рассмотрение дела было отложено до окончания вечерни, когда они снова появились и передали архиепископу Сенскому обращение, содержащее призыв к папе. Комиссары, однако, отказались от дальнейшего вмешательства.

Следует отметить, что защитники ордена по этому случаю просили комиссию назначить одного или нескольких нотариусов для составления акта защиты, поскольку они не могли найти ни одного нотариуса, который бы выступил в их защиту, вероятно, из-за страха перед королевским недовольством или из-за отсутствия средств у обвиняемых.

В понедельник и вторник были заслушаны еще два свидетеля. Один из них, по имени Гумберт де Пюи, заявил, что, отказавшись признать преступления, вменяемые в вину ордену, он подвергся трем пыткам и тридцать шесть недель содержался на хлебе и воде в подвале зараженной башни по приказу Иоанна де Жэнвиля.

В это время комиссары с ужасом узнали, что совет собирается предать огню пятьдесят четыре рыцаря, выступивших в качестве защитников ордена. Они немедленно послали одного из своих нотариусов и одного из хранителей тюрьмы тамплиеров, чтобы убедить архиепископа действовать осторожно, поскольку есть веские причины сомневаться в истинности обвинений; и представить, что свидетели были так напуганы тем, что услышали о намерениях совета, что не в состоянии дать показания; кроме того, тамплиеры подали апелляцию папе.

Архиепископа, который расплачивался за свое возвышение до жесткого кредитора, эти соображения не остановили. Он быстро справился с делом. В понедельник он привел в совет нескольких человек, взявшихся защищать орден, и сам еще раз допросил их. Те из них, кто, исповедавшись, впоследствии отказался от своих слов и теперь упорствовал в своем отказе, были объявлены *рецидивистами-еретиками*, переданы светской власти и осуждены на костер; те, кто не признался и не хотел признаваться, были приговорены к тюремному заключению как *непримирившиеся* тамплиеры; те, кто упорствовал в своих признаниях в преступлениях, вменяемых в вину ордену, были отпущены на свободу и названы *примирившимися* тамплиерами.

На следующее утро пятьдесят четыре тамплиера, объявленные примирившимися, были выведены из тюрьмы, посажены в телеги и доставлены к месту казни, где они увидели приготовленные сваи и палачей, стоящих с горящими факелами в руках. Присутствовал посланник от двора, который провозгласил свободу и королевскую милость для тех, кто откажется от своих заявлений и признает вину приказа. Друзья и родственники несчастных жертв столпились вокруг них, со слезами и мольбами умоляя их сделать требуемое признание и спасти свои жизни. Тщетно. Эти доблестные рыцари, которые, поддавшись мукам пыток, измученные одиночеством и лишениями, признались в истинности самых

абсурдных обвинений, теперь, когда они увидели определенный предел своих страданий, не пожелали купить ложью продление жизни, которую им предстояло провести в позоре и презрении. В один голос они вновь заявили о своей невиновности и невиновности своего ордена. Они призвали Бога, Деву и всех святых помочь и поддержать их, вознесли предсмертный гимн и скончались под слезы и соболезнования окружающих.

Как известно, преступники, осужденные по самым явным уликам, умирают, утверждая свою невиновность, но это происходит тогда, когда у них не остается надежды на спасение. Здесь же предлагались жизнь и свобода, и жертвы умоляли принять их от тех, кого они больше всего любили. Можно ли утверждать, что люди, сопротивлявшиеся всем уговорам, были искренни, говорили правду, и их поддерживала уверенность в том, что их примет как мучеников тот Бог, которого они благочестиво почитали в соответствии с доктринами своей церкви?

В среду Аймерик де Вилларс-ле-Дюк, в возрасте около пятидесяти лет, предстал перед членами комиссии. Он был очень бледен и казался до крайности напуганным. Когда ему объяснили статьи, по которым он должен был давать показания, он самым решительным образом подтвердил свою решимость говорить правду; затем, ударив себя в грудь сжатыми руками, он согнул колени и, простирая руки к алтарю, произнес эти памятные слова: "Я упорно утверждаю, что

"Я упорно утверждаю, что заблуждения, вменяемые тамплиерам, абсолютно ложны, хотя я сам признался в некоторых из них, преодолевая пытки, которым приказали подвергнуть меня Ж. де Марсильяк и Хью де Келле, рыцари короля. Я видел, как пятьдесят четыре рыцаря везли в телегах, чтобы предать огню, потому что они не хотели делать признаний, которых от них требовали. Я слышал, что их сожгли; и сомневаюсь, что у меня, как и у них, хватило бы благородного упорства, чтобы выдержать ужасы этой кучи. Я верю, что, если бы мне это грозило, я должен был бы под присягой заявить перед комиссией и перед любыми другими лицами, которые будут меня допрашивать, что те же самые ошибки, вменяемые ордену, являются правдой. *Я готов убить самого Бога, если бы от меня этого потребовали*".

Затем он убедительно попросил присутствовавших при этом комиссаров и нотариусов не разглашать королевским чиновникам и хранителям тамплиеров слова, которые вырвались у него, чтобы они не предали его также огню.

Разве не должны эти простые честные слова, сами по себе являющиеся акцентами истины, одержать верх над всеми признаниями, полученными под пытками, обещаниями или угрозами, и убедить нас в их ценности?

Комиссары, чье поведение в течение всего дела было продиктовано гуманностью и справедливостью, заявили, что накануне вечером один из свидетелей пришел к ним и умолял сохранить его показания в тайне из-за опасности, которая грозит ему, если они станут известны; и, решив, что в нынешнем состоянии ужаса было бы несправедливо выслушивать свидетелей, они решили отложить заседание до будущего времени.

Таким образом, мы видим, что даже папская комиссия не могла защитить от короля тех свидетелей, которые были достаточно честны и смелы, чтобы утверждать невиновность ордена. Поэтому о строгом правосудии не могло быть и речи, Филипп *хотел*, чтобы орден был виновен самых невероятных преступлений, и смерть ждала свидетеля, который не дал показаний, как он того хотел. В то же время его агенты были заняты подтасовкой заключенных; угрозами и обещаниями они убедили сорок четыре из них отказаться от намерения защищать орден.

21 мая комиссары собрались в отсутствие архиепископа Нарбоннского и архидиакона Трентского и, объявив, что на сегодня их работа приостановлена, объявили перерыв до 3 ноября.

За это время действиям Сенского собора стали подражать в других провинциях. Архиепископ Реймский провел совет в Сенлисе, по приговору которого девять тамплиеров были преданы огню. Другой совет был проведен в Пон-де-л'Арк архиепископом Руана, и несколько рыцарей были сожжены. Епископ Каркассона председательствовал на совете, который принес много жертв светской руке. 18 августа архиепископ Сенса провел второй совет и сжег четырех рыцарей. Тибо, герцог Лотарингии, близкий друг короля Филиппа, предал смерти многих тамплиеров и конфисковал имущество ордена.

3 ноября трое папских комиссаров собрались в Париже: они спросили, не желает ли кто-либо защищать орден тамплиеров. Никто не явился, и они объявили перерыв до 27 декабря. Возобновив заседание, они призвали Вильгельма де Шамбонне и Бертрана де Сартжа присутствовать при заслушивании свидетелей. Эти рыцари потребовали присутствия Рейно де Пруино и Петра Болонского, но им сообщили, что эти священники торжественно и добровольно отказались от защиты ордена и отозвали свои отречения; что последний сбежал из своей тюрьмы и скрылся, а первый не может быть допущен к защите ордена, поскольку он был разжалован на Сенском соборе. Рыцари повторили свой отказ и удалились. Тогда комиссары продолжили свои труды без них и продолжали допрос свидетелей до 26 мая 1311 года.

Всего перед комиссией предстал 231 человек, в основном служилые братья. Из них около двух третей признали истинность основных обвинений, выдвинутых против ордена. Отречение от Христа и плевков на крест были в целом признаны, но многие сказали, что плевали *рядом* с ним, а не *на* него, а также что они отреклись от Бога устами, а не сердцем.

Что касается головы, которой, как говорили, поклонялись тамплиеры, то, поскольку было очень важно доказать это преступление, чтобы снять обвинение в ереси, о ней свидетельствовали немногие. Одни говорили, что она была похожа на голову мужчины с длинной белой бородой, другие - на голову женщины, а третьи утверждали, что это голова одной из 11 000 девственниц. Один из свидетелей привел следующий рассказ об этом, который, по его словам, он получил от светского рыцаря в Лимиссо на Кипре.

Некий дворянин был страстно влюблен в одну девицу. Не в силах преодолеть ее отвращение к нему, он вытащил ее тело, когда она была мертва, из могилы и отрубил ей голову, и во время этого он услышал голос, взывающий: *"Сохрани это, все, что на это посмотрит, будет уничтожено"*. Он поступил так, как хотел, и впервые испытал это на гриссонах, арабском племени, обитавшем на Кипре и в соседней стране, и всякий раз, когда он обнажал голову и поворачивал ее в сторону любого из их городов, его стены мгновенно рушились. Затем он отправился с головой в Константинополь, решив разрушить и этот город. По дороге его кормилица из любопытства открыла ящик, в котором находилась голова. В тот же миг поднялся страшный шторм, корабль разлетелся на куски, и почти все, кто был на борту, погибли. Сама рыба исчезла из этой части моря.

Другой свидетель слышал ту же историю. По его словам, на Востоке распространено предание о том, что в давние времена, еще до возникновения двух духовных рыцарских орденов, в некоем водовороте под названием Сеталия поднималась голова, появление которой было очень опасно для кораблей, оказавшихся вблизи него. Мы должны предположить, хотя свидетели этого не говорят, что тамплиеры сумели завладеть этой грозной головой.

Мы должны заметить, что свидетели, давшие показания, были отобраны во всех частях Франции офицерами короля из тех, кто исповедовался перед различными прелатами и провинциальными советами и кого угрозами и обещаниями заставили продолжать свои слова. Ужас, который они испытывали, был замечен в их лицах, словах и действиях. Многие из них начинали с того, что заявляли, что не отступят от того, что заявили перед таким-то епископом или таким-то собором; но даже среди них находились смельчаки, которые отказывались от своих признаний, заявляя, что их вырвали из них пытками, и утверждали, что орден не виновен. Другие отказывались от своих признаний, когда представляли перед комиссарами, но вскоре после этого, вероятно, подвергаясь угрозам или пыткам со стороны королевских офицеров, возвращались и отказывались от своих показаний.

Случай с Джоном де Полленкуром, тридцать седьмым свидетелем, является примечательным примером. Он начал как обычно, заявив, что будет упорствовать в своем признании, сделанном перед епископом Амьенским, касающемся отречения от Христа и т. д. Комиссары, заметив его бледность и волнение, посоветовали ему сказать правду и спасти свою душу, и не продолжать исповедь, если она не была искренней, заверив его, что ни они, ни их нотариусы не раскроют ничего из того, что он сказал. После некоторой паузы он ответил:.

"Тогда я заявляю, под угрозой своей души и под клятвой, которую я дал, что во время моего приема я не отрекался от Бога, не плевал на крест и не совершал никаких непристойностей, в которых нас обвиняют, и от меня этого не требовали. Правда, я делал признания перед инквизиторами; но это было под страхом смерти и потому, что Жиль де Ротанжи со слезами на глазах сказал мне и многим другим, кто был со мной в тюрьме в Монтрейе, что мы заплатим за это жизнью, если не поможем своими признаниями уничтожить орден. Я уступил и после этого пожелал исповедаться епископу Амьенскому; он направил меня к монаху-минориту; я обвинил себя в этой лжи и получил отпущение грехов, но с условием, что больше не буду давать ложных показаний в этом деле. Я говорю вам правду; я упорно подтверждаю ее перед вами; что бы ни случилось, я предпочитаю свою душу своему телу".

Ничто не может носить более явный характер правды, чем это заявление; однако через три дня после этого свидетель вернулся, отказался от своих показаний, рассказал о кошке, которая раньше появлялась в главах, и сказал, что, если бы орден не был отменен, он бы ушел из него. Не подвергался ли он в это время угрозам и пыткам?

Допрос Питера де ла Палу, бакалавра теологии ордена проповедников, 201-го свидетеля, принес от него такие примечательные слова: "Я присутствовал при допросе нескольких тамплиеров, некоторые из которых признались во многих вещах, содержащихся в упомянутых статьях, а другие полностью отрицали их; и по многим причинам мне показалось, что больше доверия должно было быть оказано тем, кто отрицал, чем тем, кто признавался".

Глава XI.

Экзамены в Англии-Германии-Испании-Италии-Неаполе и Провансе-Сицилии-Кипре-Совещание Вьеннского совета-Подавление ордена-Судьба его членов-Смерть Моле.

Приближалось время заседания совета во Вьенне, на котором должна была решиться судьба ордена. Прежде чем перейти к рассказу о его деяниях, мы вкратце изложим результаты проверок тамплиеров в других странах.

Папа послал в Англию в качестве судей Дье-Донне, аббата Ланьи, и Сикара де Во, каноника Нарбонны; 25 ноября 1309 года в Йорке, Лондоне, Линкольне и других местах начались экзамены. Расследование продолжалось до совета, состоявшегося в Лондоне в 1311 году; число допрошенных тамплиеров составило двести двадцать восемь человек, свидетелей против ордена - семьдесят два, почти все кармелиты, минориты, доминиканцы и августинцы, естественные враги ордена. К тамплиерам относились очень мягко; в Англии, Ирландии и Шотландии они единодушно и постоянно утверждали, что орден невиновен. Доказательства против ордена были почти все на слуху: их характер покажут следующие примеры.

Джон де Годераль, минорит, *слышал*, что Роберт де Раксат, тамплиер, однажды ходил по лугу и кричал: "Горе мне, горе, что я вообще родился. Меня заставили отречься от Бога и отдаться дьяволу".

Один тамплиер сказал Уильяму де Берни в присутствии нескольких уважаемых людей на похоронах приходского священника из Дуксворта, недалеко от Кембриджа, что у человека после смерти не больше души, чем у собаки.

Джон де Эвр, светский рыцарь, рассказал, что однажды он пригласил настоятеля Уильяма де Фенна отобедать с ним. После ужина приор достал из своей груди книгу и дал ее почитать даме рыцаря. На бумаге, вложенной в книгу, она нашла следующие слова: "Христос не был Сыном Божьим, не родился от девы, но был зачат Марией, женой Иосифа, точно так же, как и все остальные люди. Христос был не истинным, а лжепророком и был распят за свои собственные преступления, а не для искупления человечества и т. д.". Дама показала эту бумагу мужу, тот поговорил с настоятелем, который лишь посмеялся над ней; но, представ перед судом, он признал правду, оправдываясь тем, что был неграмотен и не знал, что содержит книга.

Роберт из Отерингема, минорит, рассказывал: "Однажды вечером мой настоятель не явился к столу, так как из Палестины привезли реликвии, которые он хотел показать братьям. Около полуночи я услышал непонятный шум в часовне; я встал и, заглянув в замочную скважину, увидел, что в ней горит свет. Утром я спросил одного из братьев, кто тот святой, в честь которого они ночью справляли праздник? Он побледнел от ужаса, решив, что я что-то увидел, и сказал: "Не спрашивай меня; и если тебе дорога твоя жизнь, не говори об этом начальству"".

Другой свидетель рассказал, что сын тамплиера подглядывал через щели двери в зал капитула и видел, как нового члена предали смерти за колебания в отречении от Христа. Спустя много времени, когда отец попросил его стать тамплиером, он отказался, рассказав о том, что видел: отец тут же убил его.

Иоанну Гертийскому, минориту, женщина по имени Агнес Лавкот рассказала, что, по ее словам, она узнала от Эксвалетуса, приора в Лондоне, что когда в одной из глав брат

отказался плюнуть на крест, его подвесили в колодце и прикрыли. Этот свидетель также рассказал о некоторых других жестокостях, о которых, по его словам, он слышал от той же женщины, которая сама говорила понаслышке.

В июне 1310 года папа написал королю Эдуарду письмо, в котором упрекал его в мягкости и призывал применить пытки, чтобы добиться правды. Лондонский совет после долгого обсуждения постановил применить пытку, но так, чтобы не изувечить конечности, не нанести неизлечимую рану и не вызвать обильное истечение крови. Рыцари упорно продолжали утверждать, что они невиновны.

В Германии различные прелаты проводили допросы тамплиеров в своих епархиях. Ничего не удалось выяснить. В Менце орден был признан невиновным. Вильдграф Фредерик, прецептор на Рейне, предложил пройти испытание раскаленным железом. Он близко знал Магистра на Востоке и считал его таким же добрым христианином, как и все остальные.

Тамплиеры на испанском полуострове были допрошены, свидетели за и против них были заслушаны в Кастилии, Леоне, Арагоне и Португалии, и ничего против них не было доказано. Совет Таррагоны в Арагоне, применив пытки, объявил орден свободным от пятна ереси. На совете Медина-дель-Кампо в Леоне один из свидетелей рассказал, что слышал, как некоторые минориты, посетив прецептора в Виллальпандо, застали его за чтением небольшой книги, которую он тут же запер в три ящика, сказав: "Эта книга может попасть руки, где она может быть очень опасна для ордена".

Можно предположить, что влияние Папы в Италии было сильнее, чем в вышеупомянутых странах, и, соответственно, мы видим, что там были сделаны заявления, аналогичные тем, что были сделаны во Франции. Однако именно во Флоренции поклонение идолам, кошке и т. д. было признано наиболее полно. В вотчине Святого Петра было сделано несколько признаний в том же духе; но в Болонье, Чезене и Анконе ничего не произошло. Девять тамплиеров отстаивали невиновность ордена на совете в Равенне. Обсуждалось, следует ли применять пытки. Два доминиканских инквизитора были за это, остальные члены совета высказались против. Постановили, что невиновные должны быть отпущены, а виновные наказаны по закону. *Те, кто отказался от признаний, сделанных под пытками или под страхом их применения, должны были считаться невиновными* - правило, сильно отличающееся от того, по которому действовал король Филипп.

Карл II Анжуйский, родственник короля Филиппа и враг тамплиеров, выступавший на стороне Фредерика, короля Сицилии, приказал схватить тамплиеров и подвергнуть их допросу в Провансе и Неаполе. Те, кого допрашивали в Провансе, все были служилыми братьями, и некоторые из них свидетельствовали о нечестивости и идолопоклонстве ордена. Два тамплиера были допрошены в Бриндизи, в Неаполитанском королевстве, в июне 1310 года; один из них отрекся от креста на Кипре, по его словам, через шесть лет после вступления в орден; другой попирает крест во время своего приема. Он, как и другие, преклонился и поклонился серому коту в главах.

На Сицилии шесть тамплиеров, единственные, кто был арестован, выступили против ордена. Один из них заявил, что был принят незаконным путем в Каталонии, где, как мы только что видели, была полностью признана невиновность ордена. Его показания были полны абсурда. Он заявил, что кошка уже давно не появляется в главах, но в древних уставах Дамьетты говорится, что она появлялась и ей поклонялись.

На Кипре было допрошено 110 свидетелей; 75 из них принадлежали к ордену и утверждали его невиновность; показания остальных также были в его пользу.

Таким образом, мы видим, что во всех местах, находящихся вне сферы влияния короля Франции и его креатуры папы, невиновность ордена была поддержана и признана; и, несомненно, так же было бы и во Франции, если бы разбирательство против него регулировалось справедливостью и любовью к истине.

Наступило время, назначенное для заседания генерального совета. 1 октября 1311 года папа прибыл во Вьенну, расположенную на небольшом расстоянии от Лиона, и обнаружил там 114 епископов, а также несколько других прелатов, которые уже собрались. 13-го числа, в годовщину ареста тамплиеров за четыре года до этого, совет начал свои заседания в соборе. Папа в своей вступительной речи изложил основания для его созыва, а именно: процесс против тамплиеров, поддержка Святой земли, реформация церкви. Епископы Суассона, Менде, Леона и Аквилеи, которым было поручено составить отчет о результатах различных проверок ордена, зачитали его перед собравшимися отцами, которые затем еще раз пригласили явиться всех тамплиеров, желающих защитить орден.

Хотя орден был теперь разгромлен и преследуем, а многие из его лучших членов погибли или томились в темницах вместе со своими начальниками, тем не менее девять рыцарей нашли в себе мужество выступить в защиту своего ордена и представить себя перед советом как представителей от 1500 до 2000 тамплиеров, которые все еще жили или, скорее, скрывались в Лионе и его окрестностях. Папа не присутствовал при их появлении, но его письмо от 11 ноября показывает, как он поступил, узнав о выступлении защитников ордена. Климент приказал арестовать этих храбрых рыцарей и бросить их в тюрьму, а также, испытывая реальный или мнимый ужас перед количеством тамплиеров на свободе, принял дополнительные меры предосторожности для безопасности своей персоны и посоветовал королю сделать то же самое.

К чести собравшихся отцов, они отказались санкционировать этот вопиющий акт несправедливости. Прелаты Испании, Германии, Дании, Англии, Ирландии и Шотландии, без исключения; итальянцы - все, кроме одного; французы, за исключением архиепископов Реймса, Сенса и Руана, заявили, но тщетно, о необходимости принять тамплиеров и выслушать их защиту. Вместо того чтобы выполнить это требование справедливости и гуманности, Климент внезапно положил конец сессии. Зима прошла в спорах и уговорах.

Филипп, который всегда заботился о своих делах сам, посчитав необходимым свое присутствие во Вьенне, отправился туда, куда прибыл в начале февраля в сопровождении трех сыновей, брата, нескольких дворян и оруженосцев. Эффект от его присутствия вскоре стал заметен; папа собрал кардиналов и нескольких других прелатов в тайной консистории и 22 марта 1313 года своей единоличной властью отменил орден.

Вторая сессия совета была открыта 3 апреля с большой торжественностью; на ней присутствовали король Франции, его сыновья и брат, а королевские гвардейцы явились для почестей, для защиты или устрашения. Папа зачитал свою буллу об отмене рабства. Все присутствующие молча слушали. Никто не осмелился возвысить голос в защиту справедливости. Богатый и могущественный орден рыцарей Храма был подавлен. 2 мая булла была опубликована, и орден как таковой прекратил свое существование.

Орден был подавлен, преследования стали ненужными, и, следовательно, они в значительной степени прекратились. Король и Папа обратили в свою пользу движимое имущество ордена во Франции. Другие его владения, вопреки воле короля, были переданы ордену госпитальеров, которые, однако, были обязаны выплачивать королю и папе такие большие штрафы, которые полностью их обедняли. Это распространялось на все страны, кроме Испанского полуострова и Майорки. Владения тамплиеров в Арагоне были переданы

ордену Богоматери Монтеса, который был основан в 1317 году. Его предназначением была борьба с маврами; его обычаи были схожи с обычаями тамплиеров, и поэтому его можно назвать почти тем же самым орденом. Диниш, способный и просвещенный король Португалии, не стал подавлять орден, чью невинность признали его прелаты. Чтобы продемонстрировать покорность папской воле, он заставил его изменить название, и великий приор тамплиеров в Португалии стал магистром ордена Христа, который сохранился до наших дней.

Что касается остальных тамплиеров, находившихся в тюрьме, то на совете было приказано отпустить на свободу тех, кто будет признан невиновным, и содержать их за счет имущества ордена; с виновными, если они признаются и сокрушаются о своих преступлениях, обращаться мягко; если же нет, то поступать с ними согласно церковному закону и содержать под стражей в бывших храмах и в монастырях. Сбежавшие должны были быть отлучены от церкви, если в течение года они не предстанут перед собором или своим епархиальным архиереем.

Большинство рыцарей были немедленно отпущены на свободу, но все имущество ордена было уничтожено, и у них не осталось никаких средств к существованию: поэтому они оказались в тяжелейшем положении, и многие из них были вынуждены заниматься самой скудной работой, чтобы добыть себе пропитание. Многие из них были приняты в орден Святого Иоанна на тех же основаниях, на которых они стояли в своем собственном ордене - убедительное доказательство того, что вина ордена тамплиеров ни в коем случае не считалась доказанной. Постепенно, по мере того как члены ордена вымирали или вливались в другие ордена, имя тамплиеров предавалось забвению или вспоминалось лишь с жалостью к их незаслуженной судьбе.

Пока благородный орден, которым он руководил, был подавлен, его члены рассеяны, а имущество раздарено другим, магистр Джеймс де Моле с тремя своими сподвижниками, великим приором Нормандии, Хью де Пейро, визитером Франции, и Ги, братом дофина Овернского, все еще томился в тюрьме. У Моле был только один прислужник - его повар; выдаваемого ему жалованья едва хватало на самое необходимое, и жизнь теперь потеряла для него всякую ценность. В конце концов Папа решил сообщить пленникам о судьбе, которая им уготована.

Папская комиссия, состоящая из епископа Альбы и двух других кардиналов, отправилась в Париж, чтобы не выслушивать пленников, а, приняв их вину за доказанную, вынести им приговор. Чтобы придать этому акту огласку, вероятно, по желанию короля, перед церковью Нотр-Дам была возведена сцена, на которой 18 марта 1314 года три комиссара с архиепископом Сен-Санса и несколькими другими прелатами заняли свои места. Вокруг собралось огромное количество народа. Четырех знатных узников вывели из темниц и повели на сцену. Кардинал Альба зачитал их прежние признания и огласил приговор о вечном заточении. Затем он приступил к разоблачению вины ордена, когда магистр прервал его и заговорил, взяв в свидетели всех зрителей

"Справедливо, что в столь ужасный день и в последние минуты своей жизни я должен раскрыть все беззакония лжи и заставить истину торжествовать. Итак, я заявляю перед лицом неба и земли и признаю, хотя и к своему вечному стыду, что совершил величайшее из преступлений; но это было признание тех, которые так нечестно вменялись в вину ордену. Я подтверждаю, и истина обязывает меня подтвердить, что он невиновен. Я сделал противоположное заявление только для того, чтобы приостановить чрезмерные муки пыток и успокоить тех, кто заставлял меня их терпеть. Мне известны наказания, которым

подвергались все рыцари, имевшие смелость отказаться от подобного признания; но ужасное зрелище, представшее передо мной, не может заставить меня подтвердить одну ложь другой. От жизни, предложенной мне на столь позорных условиях, я отказываюсь без сожаления".

За Моле в его утверждении о невиновности ордена последовал Ги; двое других молчали. Комиссары были сбиты с толку и остановились. Сведения об этом были переданы королю, который, мгновенно созвав свой совет, на котором не присутствовало ни одного духовного лица, приговорил двух рыцарей к сожжению.

На том месте островка в Сене, где впоследствии была воздвигнута статуя Генриха IV, была воздвигнута свая, и на следующий день Моле и его спутник были доставлены и помещены на нее. Они все еще упорствовали в своем утверждении о невиновности ордена. Пламя сначала охватило их ноги, затем более жизненно важные части тела. Едкий запах горящей плоти наполнял окружающий воздух и усугублял их мучения, но они все равно упорствовали в своих заявлениях. В конце концов смерть положила конец их страданиям. Зрители проливали слезы, глядя на их постоянство, а ночью их прах собрали, чтобы сохранить как реликвию.

Портрет последнего Великого магистра.

Некоторые историки упоминают в качестве предания, что Моле перед смертью призвал Климента предстать в течение сорока дней перед верховным судьей, и Филиппа - перед тем же трибуналом в течение года. Понтифик *действительно* умер от холеры в ночь на 19-е число следующего месяца, а церковь, в которой лежало его тело, охватил огонь, и труп наполовину сгорел. Король, не дожив до конца года, умер от падения с лошади. Скорее всего, именно эти события и послужили поводом для возникновения традиции, свидетельствующей о всеобщем убеждении в невинности тамплиеров. Также было отмечено, что все активные гонители ордена погибли преждевременной или насильственной смертью.

Остается обсудить два следующих вопроса: - Придерживался ли военно-религиозный орден рыцарей-тамплиеров тайной доктрины, подрывающей религию и мораль? Сохранился ли этот орден до наших дней?

Мы видели, какими были доказательства против тамплиеров, и совершенно очевидно, что такие доказательства не были бы приняты ни одним современным судом. Они были либо

получены со слов, либо даны людьми, совершенно недостойными доверия, либо вырваны у обвиняемого путем мучений и пыток. Сами статьи абсурдны и противоречивы. Неужели мы должны поверить, что те же самые люди приняли чистый деизм магометан и были виновны в идолопоклонстве[103], слишком грубом для самого низкого суеверия? Но когда началось это развращение среди тамплиеров? Неужели те, кого святой Бернард превозносил как образец христианского рвения и благочестия, и кем восхищался и почитал весь христианский мир, участвовали в тайном заговоре против религии и правительства? Да, смело отвечает Хаммер, два скромных и благочестивых рыцаря, основавших орден, были учениками и тайными союзниками магометанских исмаилитов. Для Вилика это было слишком далеко, и он считает, что вина за введение тайной доктрины лежит на капелланах; ведь он мог понять, что доктрины гностицизма, которых, как предполагается, придерживались тамплиеры, были непостижимы для неграмотных рыцарей, которые, хотя и умели сражаться и молиться, были не в состоянии проникнуть в лабиринты мистической метафизики. Поэтому, по мнению одной стороны, весь орден был коррумпирован сверху донизу; по мнению другой, тайны хранились лишь у немногих, и, вопреки всякой аналогии, главы ордена часто пребывали в неведении о них. Ни те, ни другие не приводят ничего похожего на доказательства в поддержку своих предположений.

Настоящей виной тамплиеров было их богатство и гордыня[104]: последнее отвращало от них народ, а первое возбуждало коварство короля Франции. Мы не вправе утверждать, что мораль тамплиеров была чище, чем у других религиозных орденов. При таких широких возможностях, какими они обладали для потворства всем своим аппетитам и страстям, было бы противоречием всякому опыту полагать, что они всегда сдерживали их, и мы даже признаем, что некоторые из их членов были подвержены обвинениям в деизме, нечестивости, нарушении религиозных обетов и грубой разнузданности. Мы лишь отрицаем, что таковы были правила ордена. Если бы они не были так преданы Святому престолу, то, возможно, дошли бы до нас такими же незапятнанными, как рыцари святого Иоанна[105]; но они встали на сторону папы Бонифация против Филиппа Красивого, и покорный понтифик принес в жертву собственной алчности и личным амбициям самых преданных приверженцев римского двора.[106]

Мы не сомневаемся, что любой, кто спокойно и откровенно рассмотрит предыдущий рассказ о том, как был подавлен орден, с готовностью признает, что вина его членов была не доказана. Современным противникам ордена следовало бы представить более веские доказательства, чем те, которые они до сих пор приводили. Главным противником тамплиеров в настоящее время является писатель, чья правдивость и любовь к справедливости не вызывают сомнений, и который заслужил себе непреходящую славу своими трудами в области восточной литературы, но в чьем уме, как должны признать его самые пристрастные друзья, образованность и воображение склонны преобладать над рассудительностью и философией[107]. Ему отвечали Рейнуар, Мюнтер и другие умелые защитники рыцарей.

Теперь мы переходим к вопросу о сохранении ордена до наших дней. То, что он в каком-то виде дошел до наших дней, не вызывает сомнений; ведь, как мы только что видели, король Португалии создал Орден Христа из тамплиеров в своих владениях. Но наши читатели, несомненно, знают, что масоны утверждают о своей связи с тамплиерами, и что существует общество, называющее себя тамплиерами, чья главная резиденция находится в Париже, а филиалы распространяются в Англии и других странах. Они рассказывают о себе следующее:...

В 1314 году Яков де Моле, предвидя свою скорую мученическую смерть, назначил Иоганна Марка Лормениуса своим преемником в сане. Это назначение было произведено на основании обычного, хорошо заверенного устава с подписями различных вождей ордена, который до сих пор хранится в Париже вместе с уставом, архивами, знаменами и т.д. воинов Храма. Вплоть до наших дней существует непрерывная череда великих магистров, среди которых можно встретить самые прославленные имена Франции. Бертран дю Гесклен был гроссмейстером в течение нескольких лет; этот сан поддерживали несколько Монморанси; а в течение последнего столетия главами общества были принцы различных ветвей дома Бурбонов. В настоящее время его главой является Бернар Раймон Фабре Палапра, по крайней мере, был им несколько лет назад .[108]

Это, несомненно, очень правдоподобный косвенный рассказ; но, если применить к нему копьё критики Итуриэля, возникают различные уродливые формы, напоминающие ложь. Так, Моле, как нам говорят, назначил своего преемника в 1314 году. Он был предан смерти 18 марта того же года, а приказ был отменен почти за год до этого. Почему же он так долго медлил и почему так опасался мученической смерти в это время, особенно когда, как известно, не было никакого намерения предавать его смерти? Опять же, где в это время находились вожди общества? Сколько их было в живых? И как им удалось собраться в подземелье Моле и оформить официальный документ! Кроме того, разве не противоречит правилам и обычаям тамплиеров то, что магистр назначает своего преемника? Это лишь некоторые из возражений, которые, как нам кажется, могут быть справедливо выдвинуты; в целом же мы решительно отвергаем всю эту историю.

Что касается масонов, то мы склоняемся к мысли, что именно случайное обстоятельство, связанное с именем тамплиеров, заставило их заявить о своем происхождении от этого ордена; и вполне возможно, что, если бы та же участь постигла рыцарей Святого Иоанна, претензии никогда не были бы выдвинуты. Мы далеки от того, чтобы отрицать, что во времена подавления ордена Храма существовала тайная доктрина, и что свержение папской власти с ее идолопоклонством, суеверием и нечестием было целью тех, кто ее придерживался, и что масонство, возможно, является этой доктриной под другим названием[109] . Но мы совершенно убеждены, что никаких весомых доказательств причастности тамплиеров к этой доктрине приведено не было, и что вся вероятность находится на другой стороне. В общем, мы рассматриваем их, какими бы ни были их грехи, как мучеников, пострадавших от жадности, кровожадности и честолюбия короля Франции.

ТАЙНЫЕ ТРИБУНАЛЫ ВЕСТФАЛИИ .[110]

Глава I.

Введение - Первоначальная Вестфалия - Завоевание саксов Карлом Великим - Его постановления - Герцоги Саксонии - Государство Германия - Генрих Лев - Его вне закона - Последствия этого - Происхождение немецких городов - Происхождение Fehm-gerichte, или тайных трибуналов - Теории их происхождения - Происхождение их названия - Синонимичные термины.

Теперь мы подошли к ассоциации, замечательной самой по себе, но которая магическим искусством романтиков, особенно великих архимагов севера, была окутана мраком, тайной и благоговением, далеко выходящими за рамки того, что может придать ей поэтический наряд спокойный искатель истины. Мрак полуночи поднимется в сознании многих читателей при имени Тайного Вестфальского трибунала: тускло освещенная пещера под стенами какого-нибудь замка или, быть может, швейцарского *общезития*, где в торжественном молчании сидят судьи в черных мантиях, предстанет его воображению, и он с затаенным дыханием будет готов ознакомиться с подробностями дел, не имеющих названия. [111]

Боимся, что мы не можем обещать полного удовлетворения этих завышенных ожиданий. Какими бы необычными ни были Тайные трибуналы, мы можем рассматривать их лишь как пример того компенсирующего принципа, который можно обнаружить как в моральной, так и в естественной империи Божества; ведь в самый бурный и незаконный период истории Германии почти единственным сдерживающим фактором преступности в значительной части этой страны был спасительный ужас этих Fehm-Gerichte, или Тайных трибуналов. И те читатели, которые почерпнули свои представления о них только из художественных произведений, с удивлением узнают, что ни один суд того времени не превосходил, а может быть, и равнялся на них по справедливости своих разбирательств.

К сожалению, их история во многом туманна, и мы не можем, как в случае с двумя предыдущими обществами, четко проследить эту ассоциацию от ее первого образования до того момента, когда она стала исчезать и пропадать из виду. Пока она процветала, ужас и страх перед ней слишком сильно давили на умы людей, чтобы они могли решиться проникнуть в ее тайны. Верная и мгновенная смерть грозила тому, кого видели в месте, где заседал трибунал, или кто осмеливался заглянуть в книги, содержащие законы и постановления общества. Смерть ожидала также любого члена общества, раскрывшего его тайны; и так сильно действовал этот ужас или принцип чести, что, как уверяет нас Энеас Сильвиус (впоследствии папа Пий II), секретарь императора Фридриха III, хотя число членов общества обычно превышало 100 000, никакие мотивы никогда не побуждали ни одного из них быть неверным своему доверию. Тем не менее, можно найти достаточно материалов, чтобы удовлетворить все разумное любопытство по этому вопросу.

Выяснение точной и законной сферы действия этой грозной юрисдикции, а также указание на ее наиболее вероятное происхождение являются необходимыми предварительными условиями для изложения ее конституции и деятельности. Поэтому мы начнем с рассмотрения этих вопросов.

Итак, Вестфалия была местом рождения этого учреждения, и только над Вестфалией оно осуществляло свою власть. Но Вестфалия средних веков не совсем соответствовала Вестфалии более поздних времен. В общем смысле она охватывала страну между Рейном и Везером; ее южной границей были горы Гессена, северной - округ Фрисландия, который в то время простирался от Голландии до Шлезвига. В записях и сводах законов Средневековья эта земля носит мистическое название "*красная земля*" - название, полученное, как считает

один автор, от *gules*, или красного цвета, который был цветом поля в герцогском щите Саксонии; другой считает его синонимом *кровавой земли*; третий намекает, что оно может быть обязано своим происхождением *красному* цвету почвы в некоторых районах Вестфалии.

Эти земли составляли большую часть страны саксов, которые после галантного сопротивления в течение тридцати лет были вынуждены подчиниться Карлу Великому и принять религию своего завоевателя. До сих пор саксы жили в состоянии грубой независимости, а их герцоги и князья практически не обладали гражданской властью, будучи лишь председателями в собраниях и предводителями в войне. Карл Великий считал целесообразным полностью упразднить это достоинство и распространил на страну саксов французскую систему графов и графств. Каждый граф был всего лишь королевским чиновником, который осуществлял в округе, где он находился, гражданскую и военную власть. *Доминиканские* или *королевские миссии* отправлялись от двора для проведения визитаций в Саксонии, а также в других владениях Карла, и на них могли являться лица всех сословий и подавать свои жалобы представителю короля, если они считали себя обиженными графом или кем-либо из низших чиновников.

В правление Людовика Немецкого прекрасные институты Карла Великого начали приходить в упадок; анархия и насилие значительно возросли. Набеги северян стали наиболее грозными, а венды^[112] также доставляли Германии большие неудобства. Саксонские земли, наиболее подверженные вторжению, император решил возродить древнее герцогское достоинство и подчинить всю область одному главе, который мог бы направлять энергию всего народа против захватчиков. Герцог был королевским лейтенантом, как и графы, отличаясь от них лишь размерами округа, над которым он осуществлял власть. Первым герцогом Саксонии был граф Людольф, основатель Гандерсгейма; после его смерти титул был передан его сыну Бруно, который, будучи убит в кровавой битве при Эбсдорфе с северянами, был преемником своего младшего брата Отто, отца Генриха Фаулера.

После провала германской ветви Карловингов различные народы, составлявшие германское тело, назначили своим верховным главой Конрада Франконского, ибо новый враг, мадьяры, или венгры, теперь преследовал империю, и от ее вождя требовалась энергия. Сам Конрад был настолько убежден в этом, что, умирая после недолгого правления, рекомендовал на выбор курфюрстов не своего брата, а Генриха Фаулера, герцога Саксонии, который в столкновениях с вендами и северянами дал самые убедительные доказательства своих талантов и доблести. Генрих был избран, и меры, принятые им во время правления, и поражение венгров оправдали акт его возвышения.

После смерти Генриха его сын Оттон, впоследствии справедливо прозванный Великим, был единогласно избран преемником императорского достоинства. Оттон передал герцогство Саксонское Герману Биллунгу. Благодаря постоянным войнам с вендами и северянами саксы теперь считались самым доблестным народом Германии и, естественно, пользовались наибольшей благосклонностью императоров из Саксонского дома. Эта линия закончилась с Генрихом II в 1024 году, скипетр перешел к Франконии, при которой и при последующей линии Суабии, из-за споров с папой по поводу инвеституры и по разным другим причинам, императорская власть в Германии сильно упала; анархия и междоусобицы возобладали в ужасающей степени; замки знати стали притонами разбойников, а закона и справедливости нигде не было видно.

Самым примечательным событием этого катастрофического периода, тесно связанным с нашей темой, является объявление Генриха Льва, герцога Саксонии и Баварии, вне закона. Магнус, последний из Биллунгов Саксонских, умер, оставив только двух дочерей, старшая из которых была замужем за Генрихом Черным, герцогом Баварским, который, следовательно, имел, согласно нормам того времени, право на герцогство Саксонское; но император Генрих V отказался признать его претензии и передал их Лотарю Супплинбургскому. Однако, поскольку сын Генриха Черного, Генрих Гордый, был женат на единственной дочери Лотаря, и этот принц стал преемником Генриха V в империи, Генриху не составило труда получить герцогство Саксонское от своего тестя, который также стремился к тому, чтобы его выбрали преемником в императорском достоинстве. Но другие принцы завидовали ему, и после смерти Лотаря они поспешно избрали Конрада Суабского, который под предлогом того, что ни один герцог не должен владеть двумя герцогствами, призвал Генриха отказаться от Саксонии или Баварии. Получив отказ, Конрад вместе с принцами империи объявил оба герцогства конфискованными и передал Баварию маркграфу Австрийскому, а Саксонию - Альберту Медвежьему, сыну второй дочери герцога Магнуса Саксонского.

Однако впоследствии Саксония была возвращена Конрадом Генриху Льву, сыну Генриха Гордого, а преемник Конрада, Фридрих Барбаросса, снова отдал ему Баварию. Сам Генрих пронес свое оружие от Эльбы до Балтики и отвоевал значительную территорию у вендов, которую считал своим особым княжеством. Теперь он владел большей частью Германии, и было совершенно очевидно, что он должен либо получить императорское достоинство, либо пасть. Его гордость и суровость нажили ему немало врагов; но поскольку у него не было детей, кроме дочери, которая была замужем за двоюродным братом императора, к его власти относились без особых опасений. Однако Генриху очень хотелось стать отцом целого рода героев, и, следуя моде тех времен, он развелся с женой и взял в жены Матильду, дочь Генриха II Английского, от которой у него родилось четверо сыновей. В силу этого и других обстоятельств между Генрихом и императором прекратились дружеские чувства, однако он сопровождал его в походе в Италию, завершившемся битвой при Леньяно. Но по дороге он внезапно свернул свои силы и покинул императорскую армию, и Фридрих, приписывая неудачный успех, который он встретил, в значительной степени поведению герцога Саксонского, по возвращении в Германию был готов выслушать любые обвинения в его адрес. Они не замедлили посыпаться: саксонское духовенство, над которым он присвоил себе право инвеституры, выступило в качестве его главных обвинителей. Их обвинения, отчасти правдивые, отчасти ложные, были выслушаны Фридрихом и принцами империи, и Генриха решили свергнуть. Его трижды вызывали, но тщетно, чтобы он явился и ответил на выдвинутые против него обвинения. Его вызвали в четвертый раз, но так же безрезультатно; тогда в Вюрцбурге был официально объявлен приговор об объявлении Генриха вне закона. Он отрицал законность приговора и пытался воспротивиться его исполнению; несколько графов поддерживали его в его сопротивлении, но он был вынужден покориться и подать прошение о милости в Эрфурте. Император помиловал его и разрешил сохранить аллодиальную собственность при условии, что он покинет Германию на три года. Он был лишен всех своих императорских вотчин, которые были немедленно переданы другим.

При разделе добычи Генриха Льва Саксония была разделена на части; большая часть ее досталась архиепископу Кельна, а Бернгард Ангальтский, сын Альберта Медведя, получил значительную часть оставшейся части; господство над Голштинией, Мекленбургом и Померанией прекратилось, а Любек стал свободным имперским городом. Все архиепископы, епископы, графы и бароны захватили столько, сколько смогли, и стали непосредственными вассалами империи. Ни Бернгард, ни архиепископ Кельнский не смогли полностью установить свою власть над отведенной им частью, и повсюду царило

беззаконие. "Не было царя в Израиле, и каждый делал то, что было справедливо в его собственных глазах", - так говорит летописец .[113]

Здесь мы снова встречаемся с примером компенсационного принципа, который преобладает в распоряжениях Провидения. Именно период смуты и анархии, последовавший за объявлением Генриха Льва вне закона, послужил толчком к строительству и расширению городов на севере Германии. Свободные германцы, как их описывает Тацит, не любили тесниться в стенах и рвах, и их потомки в Саксонии, похоже, унаследовали их настроения, поскольку в этой стране не было городов до времен Генриха Фаулера. В качестве защиты от северян, славян и мадьяр этот монарх обнес участки земли глинобитными стенами и рвами, в которые собиралась третья часть продукции с окрестных земель, и в которых должен был поселиться каждый девятый житель. В этих местах проводились судебные заседания, чтобы придать им значимость; и, по мере увеличения численности населения, они становились городами, способными противостоять нападениям врагов и давать приют и защиту жителям открытой местности. Другие города, такие как Мюнстер, Оснабрюк (*Оснабург*), Падерборн и Минден, выросли постепенно, из желания жителей жить рядом с аббатствами, церквями и епископскими резиденциями, где они могли бы получить помощь во время временных или духовных нужд и защиту от благоговения перед церковью. Третий класс городов обязан своим возникновением тому бурному периоду, о котором мы сейчас пишем; жители открытой местности, жертвы угнетения и тирании, бежали туда, где они могли в обмен на свое послушание встретить определенную защиту, и возводили свои дома у подножия замка какого-нибудь могущественного дворянина. Эти города постепенно набирали силу, пользуясь благосклонностью императоров, которые, как и другие монархи, видя в них союзников против чрезмерной власти церкви и дворянства, с радостью даровали им обширные привилегии; из них и возник знаменитый Ганзейский союз, к которому либо опосредованно, либо сразу принадлежал почти каждый сколько-нибудь значимый город Вестфалии.

Но рост городов, процветание и более совершенная система социального регулирования, которую они представляли, были не единственными благотворными последствиями свержения власти Генриха Льва. Есть все основания полагать, что именно в этот период в Вестфалии были учреждены Фем-герихте, или Тайные трибуналы; по крайней мере, самый ранний документ, в котором есть ясное и четкое упоминание о них, датируется 1267 годом. Это документ, в котором Энгельберт, граф Марки, освобождает некоего Гервина из Кинкенроде от феодальных обязательств за его наследство Брокке, которое находилось в графстве Марка; объявлено, что он был составлен в местечке под названием Берле, суд проходил под председательством Бернхарда Хенедорпского, и на нем присутствовали *феменоты*. Под феменотами во все времена понимались посвященные в тайны вестфальских трибуналов, так что здесь мы имеем ясное и решительное доказательство существования этих трибуналов в то время. В другом документе, датированном 1280 годом, феменоты снова появляются в качестве свидетелей, и после этого упоминания о них становятся частыми.

Таким образом, мы видим, что немногим более чем через полвека после объявления Генриха Льва вне закона в Вестфалии действовали фем-герихты; до этой даты нет ни малейшего упоминания о них, ни одного убедительного доказательства в пользу того, что они были более ранним учреждением. Поэтому не вправе ли мы принять мнение тех, кто относит их возникновение к первой половине XIII века, и приписать его анархии и неразберихе, вызванным устранением власти, которая до сих пор сдерживала эксцессы знати и народа? И разве можно считать предположением, полностью лишенным вероятности, что некоторые

мужественные и честные люди могли сформировать тайную решимость применить насильственное средство против невыносимых зол, от которых страдала страна, и принять те меры для сохранения общественного мира, из которых постепенно выросли Тайные трибуналы? Или что какой-то влиятельный князь страны, действуя из чисто эгоистических побуждений, разработал план общества и назначил своих судей, чтобы сделать его первое сочинение ?^[114]

Тем не менее, следует признать, что происхождение Fehm-gerichte находится в той же степени неясности, что и происхождение Ганзейской лиги и многих других институтов средневековья; и мало надежд на то, что эта неясность когда-нибудь будет полностью рассеяна. Поэтому предположения всегда будут иметь свободный простор в этом вопросе; и мнение, которое мы только что выразили как склонное к принятию, является лишь одним из девяти, которые уже были выдвинуты по этому вопросу. Четыре из них относят происхождение Fehm-gerichte ко времени Карла Великого, считая, что они были либо непосредственно учреждены этим великим принцем, либо постепенно выросли из некоторых других его учреждений для лучшего управления своими государствами. Пятый относит их происхождение ко второй половине XI века и рассматривает их как изобретение вестфальского духовенства для продвижения взглядов папы в его попытке достичь власти над всеми мирскими князьями. Шестой приписывает это учреждение святому Энгельберту, архиепископу Кельна, которому император Фридрих II поручил управление делами в Германии на время своего отсутствия на Сицилии и который отличался усердием в преследовании еретиков. Сторонники этого мнения утверждают, что он создал его по образцу недавно учрежденной инквизиции. Седьмая и восьмая теории не заслуживают внимания. По поводу остальных мы сделаем несколько замечаний.

Первыми авторами, упоминающими о Fehm-gerichte, являются Генрих Герворденский, доминиканец, писавший против них в правление императора Карла IV, примерно в середине XIV века; и Инеас Сильвиус, секретарь Фридриха III, столетием позже. Эти авторы относятся к числу тех, кто относит происхождение Fehm-gerichte к Карлу Великому, и, очевидно, таково было мнение того времени - мнение, которое старательно распространяли члены общества, стремясь придать ему значимость в глазах императора и народа, связав его с памятью прославленного монарха Запада. Однако нет ни внешних свидетельств, ни внутренней вероятности поддержать это мнение. Эгинхарт, секретарь и биограф Карла Великого, и все другие современные писатели молчат на эту тему; ценные фрагменты древних саксонских законов, собранные в XII веке, не содержат ни малейшего намека на эти суды; более того, их дух и способ судопроизводства полностью расходятся с институтами Карловингов. Что касается гипотезы, которая делает архиепископа Энгельберта автором Fehm-gerichte, то она совершенно не подкреплена внешними доказательствами, и в ее пользу говорит лишь совпадение по времени правления Энгельберта с первым рассказом, который мы имеем об этой юрисдикции, и сходство, которое она имела в тайне своих процедур со Святой инквизицией - сходство, которое легко объяснить, без необходимости прибегать к предположению, что одно было заимствовано у другого.

Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что в середине XIII века в стране, которую мы называли Вестфалией Средневековья, существовали и действовали фем-герихты. К этому можно добавить, что эта юрисдикция распространялась на всю территорию страны и первоначально была ограничена только ею, а все суды в других частях Германии, которые имели сходство с вестфальскими Fehm-gerichte, имели другой характер и природу.^[115]

Прежде чем перейти к описанию этих трибуналов, остается рассказать о происхождении их названия. И здесь мы снова сталкиваемся с не меньшими трудностями и неопределенностью, чем при выяснении происхождения самого общества.

Почти каждое слово в немецком и родственных языках, имеющее хоть малейшее сходство со словом *Fehm*[116], было приведено тем или иным писателем как его истинный этимон. В настоящем очерке истории *Fehm-gerichte* нет необходимости обсуждать достоинства каждого из претендентов: мы ограничимся замечанием, что среди тех, которые кажутся наиболее вероятными в их пользу, есть латинское *Fama*, которое впервые предложил Лейбниц. В то время, когда мы имеем больше всего оснований предполагать учреждение этих трибуналов, немцы были знакомы с языком гражданского и канонического права; *Fehm-gerichte* отошли от первоначальной максимы немецкого права, которая гласила - нет обвинителя, нет судьи, и, подражая тем иностранным законам[117], действовали на основании *общей славы* и без какого-либо формального обвинения против лиц, подозреваемых в преступлении или в дурных поступках. Более того, различные трибуналы, не в Вестфалии, которые действовали таким же образом, по общему сообщению, также назывались *Fehm-gerichte*, что можно перевести как "трибуналы славы", или такие, которые не требовали, согласно старому немецкому правилу, формального обвинения, но переходили к расследованию истинности любого обвинения, которое общая слава или общее сообщение выдвигали против любого человека - опасный способ судопроизводства, Несомненно, опасный способ ведения дела, допускающий самые серьезные злоупотребления, но беззаконие, царившее в Германии в тот период, и, как следствие, безнаказанность, которой могли бы пользоваться великие преступники, страх перед ними, сдерживающий обвинителей и свидетелей, пожалуй, вполне оправданы. Следует, однако, заметить, что *fem* - это старое немецкое слово, означающее осуждение; и далеко не факт, что *Fehm-gerichte* может означать просто трибуналы осуждения - другими словами, суды для наказания преступлений, или то, что мы должны называть уголовными судами.

Фем-герихт - не единственное название, которое носили эти трибуналы; их также называли *фем-динг*, причем слово *динг*[118] в средние века было эквивалентно *герихту*, или трибуналу. Их также называли Вестфальскими трибуналами, поскольку они могли заседать только в *Красной земле*, или Вестфалии, и только вестфальцы были подвластны их юрисдикции. Кроме того, их называли вольными трибуналами (*Frei-stühle*, *stühl* - то же самое, что *gericht*), вольными трибуналами и т. д., поскольку их юрисдикцией обладали только свободные люди. Фрай-герихт, однако, не был конвертируемым термином с вестфальским фем-герихтом; первый был родом, второй - видом. В протоколах они также называются Тайными трибуналами (*Heimliche Gerichte*) и Молчаливыми трибуналами (*Stillgerichte*), что объясняется секретностью их работы; Запрещенными трибуналами (*Verbotene Gerichte*), причина названия которых не совсем ясна; Каролинскими трибуналами, поскольку, как считалось, они были учреждены Карлом Великим; а также Свободным банном, последнее слово которого равнозначно *юрисдикции*. Фем-герихт также назывался *хеймлихе ахт* и *хеймлихе бесшлоссене ахт* (тайный и закрытый трибунал); *ахт* - то же самое, что *герихт*, или трибунал.

Глава II.

Трибунал - Лорд - Граф - Шёппен - Посланники - Публичный суд - Тайный трибунал - Объем его юрисдикции - Места проведения судов - Время их проведения - Судебные процессы - Процесс, когда преступник был пойман на месте преступления - Инквизиционный процесс.

Проследив происхождение Fehm-gerichte и их различных названий, насколько это позволяют существующие документы и другие свидетельства, мы теперь должны описать конституцию и процедуру этих знаменитых трибуналов, а также выяснить, кто был их членами, откуда исходили их полномочия и на какие категории лиц распространялась их юрисдикция.

Даже в периоды наибольшей анархии в Германии император считался источником всей судебной власти и полномочий, особенно там, где они распространялись на право вынесения смертных приговоров. Фем-герихты, таким образом, рассматривали императора как своего главу, от которого они получали всю власть, которой обладали, и признавали его право контролировать и изменять их конституцию и решения. Эти права императоров мы подробно опишем в дальнейшем.

Между императором и вестфальскими трибунальными лордами (*Stuhlherren*), как их называли, то есть светскими и церковными территориальными владыками, не было промежуточной инстанции до XIV века, когда архиепископ Кельна стал имперским лейтенантом в Вестфалии. Каждый трибунал-лорд имел свой округ, в пределах которого он имел право учреждать трибуналы, и за пределы которого его власть не распространялась. Он либо лично председательствовал в своем суде, либо назначал графа (*Freigraf*) на свое место. Права штульхерра^[119] имели некоторое сходство с правами владельца эвонсона в этой стране. Он имел лишь право назначать графом либо себя, либо другого человека; право выносить смертные приговоры должно было предоставляться императором или его заместителем. Для этого, когда трибун-лорд представлял графа к инвеституре, он должен был подтвердить под присягой, что представленный человек действительно и честно, как по отцу, так и по матери, родился на вестфальской земле; что он не пользуется дурной репутацией; что он не знает ни одного открытого преступления, которое он совершил; и что он считает его вполне пригодным для управления графством.

При назначении граф должен был поклясться, что будет судить честно и справедливо, в соответствии с законом и постановлениями императора Карла и *закрытого трибунала*; что будет послушен императору или королю и его лейтенанту; что будет по крайней мере раз в год являться на генеральное собрание, которое должно было проводиться на вестфальской земле, и давать отчет о своем поведении и т. д.

Доход вольного графа складывался из пошлин и доли в штрафах; кроме того, он получал фиксированное денежное или натуральное содержание от штурмфюрера. Каждый принятый вольноотпущенник делал ему подарок, *чтобы починить*, как выражаются в законах, *его графскую шляпу*. Если принимаемый был рыцарем, то эта плата составляла марку золота, если нет - марку серебра. Каждый посвященный, который клятвенно освобождал себя от какого-либо обвинения, платил графу крестовый пенни. Он имел долю от всех штрафов, наложенных в его суде, а также плату за цитирование и т. д.

Обычно в каждом трибунале был только один граф, но случалось, что их было до семи или восьми. Граф председательствовал в суде, и от него исходили обвинительные приговоры.

Рядом с графом находились заседатели или (*Schöppen*)[120]. Они составляли основную часть и силу общества. Они назначались графом с одобрения трибунала-лорда. Два человека, уже состоявшие в обществе, должны были под присягой ручаться за пригодность кандидата к приему. Необходимо было, чтобы он был немцем по происхождению; рожден в браке от свободных родителей; исповедовал христианскую религию; не был ни отлучен от церкви, ни объявлен вне закона; не был замешан в каком-либо процессе *Fehm-gericht*; не состоял ни в одном духовном ордене и т. д.

Эти *schöppen* делились на два класса: рыцарские и простые, уважаемые заседатели; поскольку в средние века принцип, согласно которому каждого человека должны судить равные ему, преобладал повсеместно, его необходимо было соблюдать и в фехтовальных трибуналах.

До допуска к познанию секретов общества *шёппены* назывались невеждами; после посвящения их называли знающими (*Wissende*) или фементами (*Fehmenotes*). Только эти последние допускались в тайный трибунал. Инициация *шёппе* проходила с большим количеством церемоний. Он предстал перед собравшимся трибуналом с обнаженной головой, и его допрашивали на предмет квалификации. Затем, опустившись на колени, держа большой и указательный пальцы правой руки на обнаженном мече и гальтере, он произносил следующую клятву вслед за графом:...

"Я обещаю при священном бракосочетании, что отныне буду помогать, хранить и скрывать святого Фехма от жены и ребенка, от отца и матери, от сестры и брата, от огня и ветра, от всего, на что светит солнце и что покрывает дождь, от всего, что находится между небом и землей, особенно от человека, который знает закон и представит перед этим свободным судом, под которым я заседаю, все, что относится к тайной юрисдикции императора, знаю ли я это сам или слышал от достойных доверия людей, все, что требует исправления или наказания, все, что не содержит фем (*m. e. e.* преступление, совершенное в графстве), чтобы оно было осуждено или, с согласия обвинителя, отложено в милость; и не перестану это делать ни из любви, ни из страха, ни за золото, ни за серебро, ни за драгоценные камни; и буду укреплять этот трибунал и юрисдикцию всеми моими пятью чувствами и силой; и что я не беру на себя эту должность ни по какой другой причине, кроме как ради права и справедливости; более того, что я всегда буду продолжать и чтить этот свободный трибунал больше, чем любые другие свободные трибуналы; и то, что я таким образом обещаю, я буду стойко и твердо соблюдать, да поможет мне Бог и его Святое Евангелие."

Далее он был вынужден поклясться, что будет всегда, по мере своих сил, расширять Святую империю и что не будет предпринимать ничего несправедливого против земли и народа Штульхерра.

Затем граф спрашивал у чиновников суда (*Frohnboten*), прошел ли кандидат все формальности, необходимые для приема, и когда тот отвечал утвердительно, граф открывал претенденту тайны трибунала и сообщал ему секретный знак, по которому посвященные узнавали друг друга. Что это был за знак, доподлинно неизвестно: одни говорят, что при встрече за столом они поворачивали острие ножа к себе, а рукоять - от себя. Другие принимают за знак буквы *S S G G*, которые были найдены в старом MS. в Херфорде, и толкуют их как *Stock Stein, Gras Grein*. Однако это самые произвольные предположения, не имеющие ни тени доказательств. После этого граф был обязан занести имя нового члена в свой реестр, и отныне он входил в могущественный корпус посвященных.

Князья и дворяне стремились иметь среди посвященных своих канцлеров и министров, а города - своих магистратов. Многие князья стремились сами стать членами этого грозного

объединения, и мы уверены, что в XIV и XV веках (а это единственные периоды, о которых у нас есть конкретные сведения) число посвященных превышало 100 000 человек.

В обязанности посвященных входило ходить по стране и подавать жалобы, отслеживать и обличать злодеев, а если их ловили на месте преступления, то немедленно вершить над ними правосудие. Они также были графскими заседателями, когда заседал трибунал. Для этого требовалось присутствие не менее семи человек, причем все они принадлежали к тому графству, в котором проходил суд; те, кто принадлежал к другим графствам, могли присутствовать, но не могли выступать в роли заседателей; они составляли лишь часть сторонних наблюдателей за судом. Часто их присутствовало несколько сотен.

Все посвященные всех степеней могли ходить по стране пешком и верхом, ибо смел тот, кто осмеливался причинить им вред, так как смерть была его неизбежной участью. Страшное наказание ожидало и того, кто забудет свою клятву и раскроет тайны общества: его схватят, завяжут глаза тканью, свяжут руки за спиной, наденут на шею недоуздок, бросят на живот, выдернут язык за загривок, а затем повесят на семь футов выше, чем любого другого преступника. Сомнительно, однако, что когда-либо существовала необходимость в таком наказании, поскольку Энеас Сильвий, писавший в то время, когда общество выродилось, уверяет, что ни один из его членов никогда не был побужден какими-либо мотивами выдать его секреты; он описывает посвященных как серьезных людей и любителей добра и справедливости. Аналогичным образом о них отзываются и другие писатели того времени.

Кроме графа и заседателей, для надлежащего проведения фехтовального суда требовались должностные лица, называвшиеся *фрунботенами*^[121], или сержантами, или посыльными, и секретарь для внесения решений в так называемую книгу крови (*Liber sanguinis*).

Разумеется, они были посвященными, иначе они не могли присутствовать. Требовалось, чтобы посланники были свободными людьми, принадлежащими к графству, и обладали всеми качествами простых шёппен. В их обязанности входило присутствовать на заседаниях суда и следить за тем, чтобы невежды, против которых выдвигались какие-либо обвинения, были должным образом приведены.^[122]

Граф должен был проводить два вида судов: один публичный, называемый Открытым или Публичным судом (*Offenbare Ding*), куда имел доступ каждый свободный человек; другой частный, называемый Тайным трибуналом (*Heimliche Acht*), куда не мог осмелиться явиться ни один не посвященный.

Первый суд проводился в установленные сроки, не менее трех раз в год. О нем объявляли за четырнадцать дней гонцы (*Frohnboten*), и каждый домохозяин в графстве, посвященный или нет, свободный или подневольный, был обязан под страхом штрафа в четыре тяжелых шиллинга явиться на него и заявить под присягой, какие преступления, по его сведениям, были совершены в графстве.

Когда граф проводил Тайный суд, от его юрисдикции освобождались священнослужители, принявшие постриг и рукоположение, женщины и дети, евреи и язычники^[123], а также, судя по всему, высшее дворянство. Духовенство было освобождено, вероятно, из соображений благоразумия, так как не считалось безопасным раздражать членов столь могущественного органа, посягая на их привилегии; однако они могли добровольно подчиниться *Fehm-gerichte*, если желали воспользоваться преимуществами инициации. Женщины и дети освобождались от обязательств в силу своего пола и возраста, а период младенчества продлевался, в цитатах, до четырнадцати, восемнадцати, а иногда и двадцати лет. Евреи,

язычники и прочие освобождались по причине своей недостойности. Высшее дворянство освобождалось от ответственности (если таковое действительно имело место) в соответствии с максимой немецкого права, согласно которой каждого человека должны судить равные ему, поскольку вряд ли в каком-либо графстве можно было найти графа и семь заседателей, равных по рангу обвиняемым этого класса.

По своей первоначальной конституции Fehm-gerichte, в соответствии с производным названием от *Fem* - осуждение, были сугубо уголовными судами и не имели юрисдикции по гражданским делам. Они рассматривали все преступления против христианской веры, святого Евангелия, святых десяти заповедей, общественного мира и частной чести - в эту категорию, однако, можно легко включить почти все проступки и преступления, которые только можно совершить. Соответственно, в законах Фем-герихта мы находим перечисление святотатства, грабежа, изнасилования, убийства, вероотступничества, измены, лжесвидетельства, чеканки монет и т. д. и т. п.; и судам, путем проникательного толкования закона, в конце концов удалось сделать дела, которые не имели даже отдаленной видимости преступности, *фембарными*, или подпадающими под их юрисдикцию.

Но все исключения игнорировались в случаях контузии или захвата человека при фактическом совершении преступления. Если человек, после того как его должным образом привлекли к ответственности, даже по гражданскому делу, не являлся отвечать на предъявленное ему обвинение, он объявлялся вне закона, и его преступление становилось *фехбарным*; тогда каждый судья имел право схватить обвиняемого, независимо от того, принадлежал он к своему графству или нет; вся сила посвященных была теперь направлена против него, и побег был едва ли возможен. Именно здесь проявилось превосходство власти Фем-герихта. Другие суды могли объявлять вне закона не хуже, чем они, но ни один из них не имел таких же средств для приведения своих приговоров в исполнение. Единственным средством, которое оставалось обвиняемому, было предложение явиться и защищать свое дело или обратиться за защитой к императору. В случаях, когда человек был пойман *на месте преступления*, трибуналы Вестфалии были компетентны приступить к немедленному наказанию.

Те, кто черпает свои знания о Fehm-gerichte из пьес и романов, склонны воображать, что они всегда проводились в подземных камерах или в самых глубоких дебрях непроходимых лесов, а ночь, навевая на них глубокий мрак, добавляла им ужаса и торжественности. Здесь, как и везде, мы должны, пусть и неохотно, помочь развеять иллюзии вымысла. Они *не* проводились ни в лесах, ни в склепах, а редко даже под крышей. Есть только *один* зафиксированный случай, когда фем-герихт проводился под землей, а именно в Хайнберге, в доме Джона Менкина. В Падерборне он проводился в городской ратуше, а в замке Вульфтен - в замке Падерборна. Но чаще всего для проведения суда выбирали место под голубым пологом небес, ибо свободный немец все еще сохранял склонность своих предков к простору и экспансии. Так, в Нордкирхене и Зюдкирхене (*северная и южная церкви*) суд проводился на церковном дворе; в Дортмунде - на рыночной площади рядом с городским домом. Но излюбленным местом проведения судов, как и в прежние времена, было соседство с деревьями: в Аренсберге мы читаем о суде во фруктовом саду, в другом - под боярышником, в третьем - под грушей, в четвертом - под липой и так далее. Мы также находим названия судов просто по названиям деревьев, у которых они проходили: трибунал у бузины, у широкого дуба и т. д.

Идея о том, что суды проводились по ночам, также совершенно лишена доказательств: ни в одном из сохранившихся документов нет упоминания о подобной практике. Гораздо более сходным с германским обычаем является вывод о том, что, поскольку Общественный суд и

вообще германские суды проводились утром, вскоре после рассвета, таково же было правило и для Тайного суда.

Когда дело поступало в фемский суд, в первую очередь выяснялось, относится ли оно к фемской юрисдикции. Если это оказывалось так, то обвиняемого вызывали для дачи показаний в государственный суд. В этот суд, на котором присутствовали и непосвященные шёппен, и который был таким же публичным, как и любой другой суд в Германии, могли быть вызваны все желающие, включая евреев и язычников. Если обвиняемый не являлся или являлся и не мог оправдаться, дело передавалось в Тайный суд. Гражданские дела, которые в связи с отказом в удовлетворении требований были переданы в Фемский суд, в случае крайней нечистоплотности также передавались туда.

Фем-трибуналы имели три различных способа судопроизводства, а именно: инквизиционный и чисто обвинительный, когда преступник был взят по факту.

В первом случае требовалось два условия: преступник должен быть взят на месте, а для его наказания должны присутствовать по меньшей мере три шёппена. Что касается первой особенности, то юридический язык Саксонии придавал термину "*взятый на месте*" большое значение. Он применялся не только к тому, кто был схвачен в момент совершения преступления, но и к тому, кто был пойман, когда убегал. В делах об убийстве захваченными считались те, кто был найден с оружием в руках; также в случае кражи захваченным считался человек, имевший ключ от любого места, в котором были найдены украденные вещи, если он не мог доказать, что они попали туда без его согласия или ведома. Фем-закон перечислял три признака или доказательства вины в этих случаях: *Habende Hand* (*наличие руки*), или наличие доказательства в руке; *Blickende Schein* (*внешний вид*), например, рана на теле убитого; и *Gichtige Mund* (*дрожащий рот*), или признание преступника. При всех этих обстоятельствах необходимо было немедленно схватить преступника, так как если ему удавалось бежать и его снова ловили, то, поскольку на этот раз он не был взят на месте преступления, он должен был предстать перед трибуналом со всеми необходимыми формальностями.

Вторым условием было то, что вместе должны были находиться не менее трех посвященных, чтобы они имели право схватить, судить и казнить человека, взятого на месте преступления. Таким образом, они были одновременно судьями, обвинителями, свидетелями и палачами. В дальнейшем мы опишем их порядок действий. Неизвестно, соблюдалось ли в этих случаях правило суда равных: так называемая Аренсбергская реформа феодального права утверждает, что в случае захвата человека на *месте преступления* родовитость не является исключением, и благородный должен быть судим как простолюдин. Однако случаи, когда трое посвященных случайно настигали преступника во время совершения преступления, должны были быть крайне редки.

Если преступление было совершено, а преступник не был схвачен в момент совершения, оставалось два способа судебного преследования: *инквизиционный* и *обвинительный*. Какой из них выбрать, зависело от обстоятельств. Однако в том случае, если он был инициирован, необходимо было, чтобы в отношении него применялся обвинительный процесс.

Предположим, что был выбран первый способ, - что обычно делалось, когда преступник был взят на месте преступления, но сумел скрыться, или когда он был человеком, которого общая слава открыто и четко обвиняла в преступлении, - его не приводили суд и не ручались за слушание. Обычно на него доносил один из посвященных; затем суд рассматривал доказательства его вины, и если они оказывались достаточными, он объявлялся вне закона,

или, как это называлось, *лишался свободы*^[124], а его имя заносилось в книгу крови. Тут же составлялся приговор, в котором все князья, лорды, дворяне, города, все люди, короче говоря, особенно посвященные, призывались оказать помощь правосудию. Разумеется, первоначально этот приговор мог распространяться только на Вестфалию; но постепенно фемские суды расширили свои притязания; их претензии были поддержаны императорами, которые рассматривали их как опору своей власти; и вскоре потребовалось, чтобы их приговору подчинялись по всей империи, как исходящему от императорской власти.

Несчастен был теперь тот, кто был *лишен свободы*; все тело посвященных, то есть 100 000 человек, преследовало его. Если встретивших его было достаточно, они сразу же хватали его; если же они чувствовали себя слишком слабыми, то призывали на помощь своих братьев, и каждый из общества был обязан, если к нему обращались трое или четверо посвященных, клятвенно заверявших его в том, что человек *лишен свободы*, помочь схватить его. Схватив преступника, они без промедления приступали к казни; они вешали его на дереве у дороги, а не на виселице, давая понять тем самым, что имеют право осуществлять свои полномочия от имени короля в любом месте, где им заблагорассудится, и без всякой оглядки на территориальную юрисдикцию. Удочка, которую они использовали, была, согласно обычаям средневековья, *виселицей*; и, как говорят, у них было так много практики и они достигли такого мастерства этом деле, что слово *Fehmen* в конце концов стало означать просто *повесить*, как и *казнить* в английском языке. Однако более вероятно, что именно это или близкое к этому значение было первоначальным значением слова, от которого трибуналы получили свое название. Если преступник сопротивлялся, его похитители имели право сбить его с ног и убить. В этом случае они привязывали труп к дереву и втыкали рядом с ним свои ножи, чтобы показать, что он был убит не разбойниками, а казнен от имени императора.

Если человек, подвергшийся *принудительной казни*, был непосвященным, он никак не мог узнать о своей опасности, пока на его шее не оказывался недоуздок; ведь суровое наказание, ожидавшее любого, кто разглашал секреты фехтовальных судов, полностью исключало возможность дружеского намека или предупреждения о необходимости быть начеку. Если же в результате какой-либо случайности, например, при побеге от тех, кто пытался его схватить, ему станет известно, в каком положении он находится, он мог, если считал, что сможет оправдаться, обратиться за защитой и помощью к Штульхерру или к императору.

Если кто-либо сознательно вступал в связь или развлекался с человеком, который был *лишен свободы*, он становился причастным к его опасности. Однако необходимо было доказать, что он сделал это сознательно, - этот вопрос решался императором или судьей округа, в котором проживал обвиняемый. Первоначально это правило распространялось только на Вестфалию, но впоследствии фехтовальные судьи получили право наказывать в любой части империи человека, который развлекал того, кто был лишен *прав*.

Ничто не может показаться более суровым и несправедливым, чем этот порядок действий тем, кто хотел бы применить идеи и максимы настоящего времени к прежним временам. Но жестокие беды требуют жестоких средств, а дезорганизованное состояние Европы в целом и Германии в частности в средние века было таким, что почти не поддавалось нашему представлению. Не следует ли тогда утверждать, что мы должны рассматривать как благо, а не как зло любой институт, который устанавливает некоторые границы несправедливости и насилия, вселяя в душу злодея спасительный страх перед последствиями? Когда человек совершал преступление, он знал, что существует трибунал, который будет судить его, и от которого его власть, как бы велика она ни была, не сможет его защитить; он не знал, кто

является посвященным и в какой момент он может попасть в их руки; его брат мог быть человеком, который донес на него; его близкие соратники могли быть теми, кто схватит и казнит его. Необходимость такой власти ощущалась настолько сильно, что несколько городов, таких как Нюрнберг, Кельн, Страсбург и другие, обратились к императорам и получили от них разрешение выносить смертные приговоры злодеям, даже неслыханным, когда свидетельства общей славы против них были удовлетворительны для большинства городского совета. Несколько графов также получили подобные привилегии, так что, как мы видим, феодальные суды существовали и в других местах, помимо Вестфалии, но они значительно уступали по силе, не имея многочисленного корпуса шёппенов в своем подчинении.

Наконец, следует отметить, что инквизиционный процесс мог быть принят только в тех случаях, когда преступления были очень масштабными, а голос славы громким и постоянным. В делах незначительного характера обвиняемый имел право быть выслушанным от своего имени. Здесь инквизиционный процесс имел свой предел: если доклад не был достаточно сильным и убедительным, а дело оставалось сомнительным, преступника следовало преследовать в обвинительном порядке. Если он был одним из посвященных, это было его несомненным правом и привилегией во всех случаях.

Глава III.

Обвинительный процесс - Лица, подлежащие ему - Способ привлечения - Способ процедуры - Право на апелляцию.

Как мы уже говорили выше, первым делом, когда дело поступало в фехтовальный суд, выяснялось, входит ли оно в его юрисдикцию, и, если выяснялось, что да, обвиняемый вызывался в Открытый суд, а когда он не являлся или не мог оправдаться, дело передавалось в Тайный суд. Теперь мы специально рассмотрим всю процедуру.

Вызов в суд осуществлялся за счет обвинителя; он должен был быть написан на хорошем новом пергаменте, без каких-либо подчисток, и скреплен не менее чем семью печатями, а именно графской и шести ассессоров. Печати разных судов были разными. Повестки различались в зависимости от того, был ли обвиняемый вольным графом, вольным шёппе или одним из невежественных и непосвященных, общинником, нешёппе или простым бродягой. Во всех случаях им должны были подавать шёппен. На них указывалось имя графа, обвинителя и обвиняемого, обвинение и место, где должен был состояться суд. Штутьхерр также должен был быть заранее извещен об этом.

Для качественного и законного исполнения службы требовалось, чтобы два шёптена либо лично вручили повестку обвиняемому, либо оставили ее открыто или тайно в его жилище или в том месте, где он укрылся. Если в течение шести недель и трех дней он не являлся для ответа на обвинение, его снова вызывали четыре человека. Шесть недель - наименьший срок для явки по этому вызову, и при этом требовалось отдать кусок императорской монеты. Если он по-прежнему не являлся, его вызывали в третий и последний раз шестью шёппенами и графом, и срок, как и прежде, составлял шесть недель и три дня.

Если обвиняемый был не только посвященным, но и графом, к нему относились с соответствующим уважением. Первая повестка вручалась семью шёппенами, вторая - четырнадцатью и четырьмя графами, третья - двадцатью одним и шестью графами.

Непосвященные, будь то кабальные или свободные, не пользовались предыдущими преимуществами. Повестка вручалась им самим или по месту их жительства посыльным, и только один раз. Есть некоторые сомнения относительно срока, установленного для их явки, но в целом он, по-видимому, был обычным - шесть недель и три дня.

Повестка города или общины обычно адресовалась всем жителям мужского пола. Как правило, некоторые из них были специально указаны в нем; Аренсбергская реформация предписывала указывать имена не менее тридцати человек. Срок службы составлял шесть недель и три дня, а те, кто вручал повестку, должны были быть *честными и порядочными* шёппенами.

Нотшёппе, то есть человек, тайно овладевший секретами общества, вызывался только один раз. Ему давалось обычное время для явки с повинной.

Если обвиняемый оказывался простым бродягой, не имеющим постоянного места жительства, то за шесть недель и три дня до дня заседания суда он отправлял четыре повестки на перекресток дорог, выходящих на четыре кардинальные точки, и клал к каждой из них часть императорских денег. Это считалось хорошей и действительной службой, и если обвиняемый не являлся, суд принимал решение.

Несмотря на привилегии, которыми пользовались члены общества, и меры предосторожности, которые применялись для обеспечения их безопасности, а также смертельную месть, которая могла быть применена к любому, кто их обидит, мы не должны полагать, что вручение повестки о явке в фехтовальный суд было абсолютно свободным от опасности. Тиранический и самовластный дворянин, находясь в собственном крепком замке и окруженный своими приближенными, мог не стесняясь подвергнуть жестокому наказанию дерзких людей, осмелившихся вызвать его для ответа перед судом; магистраты города также могли с негодованием отвергнуть вызов в фехтовальный суд и рассматривать его посланцев как преступников. Чтобы предотвратить подобные случаи, было решено считать хорошей службой, если повестка прикреплялась ночью к воротам города или замка, к двери дома обвиняемого или к ближайшей богадельне. Тогда нанятые шёппены должны были попросить сторожа или кого-нибудь из проходящих мимо людей сообщить обвиняемому о том, что повестка находится там, и забрать с собой щепку, срезанную с ворот или двери, в качестве доказательства службы для суда.

Если обвиняемый решался подчиниться вызову, ему оставалось только явиться в назначенный день в место, где должен был состояться суд, и вызов служил ему защитой. Те, кто хочет убедить нас в том, что фехтовальные суды проводились по ночам в тайных местах, говорят, что для встречи с судом обвиняемому назначался способ: за три четверти часа до полуночи он отправлялся на ближайший перекресток, где его всегда ждал шёпп, который завязывал ему глаза и приводил туда, где заседал суд. Однако все это выдумки, поскольку место, где должен был состояться суд, четко указывалось в каждой повестке.

Фемские суды (как и немецкие суды в целом) проводились во вторник^[125]. Если в этот день обвиняемый или его адвокат являлись в назначенное место, а суд не состоялся, повестка отменялась или теряла свою силу; то же самое происходило, если ему и его свите отказывали в приеме, что иногда случалось. Если же он не являлся по первому вызову, его штрафовали в первый раз на тридцать шиллингов, во второй - на шестьдесят, в третий - на лишение прав.

Однако суд имел право дать еще одну отсрочку на шесть недель и три дня перед вынесением этого последнего сурового приговора. Этот срок назывался "Королевским днем", или "Днем милости императора Карла".

Однако довод о необходимом и неизбежном отсутствии принимался во всех случаях, и закон Фехма четко выделял четыре законных препятствия для явки, а именно: тюремное заключение, болезнь, служение Богу (то есть паломничество) и государственная служба. Закон также справедливо добавлял следующие случаи: невозможность переправиться через реку из-за отсутствия моста или лодки, или из-за бури; потеря лошади, когда обвиняемый ехал в суд, так что он не мог прибыть вовремя; отсутствие в стране по рыцарским, торговым или другим честным делам; и, наконец, служба у своего господина или хозяина. Короче говоря, допускалось любое справедливое оправдание. Пока препятствие продолжало действовать, все судебные разбирательства против обвиняемого были недействительны. Если препятствие возникало из-за того, что он находился в тюрьме, на государственной службе или на службе своего господина, он должен был уведомить об этом письмом, запечатанным его печатью, или же собственной присягой и присягой двух или трех других лиц. О других перечисленных выше препятствиях он должен был поклясться только сам.

Если обвиняемый не отвечал на два первых вызова, но являлся на третий, он должен был заплатить два штрафа за неявку; если же он объявлял себя слишком бедным, чтобы заплатить их, он должен был положить два указательных пальца на обнаженный меч, лежавший перед судом, и поклясться *смертью, которую Бог претерпел на кресте*, что так оно и есть. После этого клятва была ему возвращена, и суд приступил к рассмотрению его дела.

Когда заседал фемский суд, председательствовал граф; перед ним на столе лежали обнаженный меч и витийственный молот; первый, как гласит закон, означал крест, на котором страдал Христос, и суровость суда, второй - наказание злодеев, которым утишается гнев Божий. Справа и слева от него стояли секретари суда, заседатели и зрители. Все они были с обнаженными головами в знак того, что, согласно закону, они будут действовать открыто и справедливо, наказывать людей только за те преступления, которые они совершили, и *не покрывать правотой неправду*. Они также должны были обнажить руки в знак того, что не будут делать ничего тайно и исподтишка. На плечах у них должны были быть короткие плащи, означающие горячую любовь, которую они должны питать к правосудию; *ибо как плащ покрывает всю остальную одежду и тело, так и любовь должна покрывать правосудие*. Они не должны были носить ни оружия, ни сбруи, чтобы никто не испытывал перед ними страха, и чтобы показать, что они находятся под властью императора, короля или империи. Наконец, они должны были быть свободны от гнева и трезвы, чтобы пьянство не заставило их выносить несправедливые суждения, *ибо пьянство порождает много зла*.

Если в собрании обнаруживали не посвященного, процесс был коротким. Его хватали без всяких церемоний, связывали руки и ноги и вешали на ближайшем дереве. Если же нот-шёппе ловили на собрании, ему на шею надевали удавку из дубовых веток и бросали на девять дней в темное подземелье, по истечении которых он предстал перед судом, и, если ему не удавалось оправдаться, с ним поступали по закону, то есть вешали.

Дела дня начинались, как и в целом в немецких судах, с того, что граф спрашивал у посланников, наступил ли день и время для проведения суда под королевской властью. Получив утвердительный ответ, граф спросил, сколько заседателей должно быть в трибунале

и как должны быть заполнены места. Когда ответы на эти вопросы были получены, он объявлял о проведении суда.

Каждой стороне разрешалось привести с собой до тридцати друзей в качестве свидетелей и обвинителей. Однако, чтобы они не пытались помешать отправлению правосудия, они должны были явиться без оружия. Кроме того, каждая сторона имела право быть представленной своим адвокатом. Нанятый таким образом человек должен быть посвященным; он также должен быть равным стороне, и если он был нанят одной из сторон, он не мог на любой стадии процесса быть нанятым другой стороной, даже с разрешения той стороны, которая только что наняла его. Когда он предстал перед судом, его полномочия тщательно проверялись, и если они признавались строго соответствующими предписаниям закона, то признавались действительными. Необходимо было, чтобы они были написаны на хорошем, новом и прочном пергаменте, без помарок и подчисток, и скреплены печатями не менее двух фрейлин.

Адвокат князя империи представлялся с зеленым крестом в правой руке и золотой копеей империи в левой. На правой руке у него также должна была быть перчатка. Если поверенных было двое, они оба должны были носить крест и пенсне. Адвокат простого князя носил серебряный пенни. В старом законе, который любит давать обоснование каждой вещи, говорится: "Крестом они намекают, что князь, которого они представляют, в случае признания его виновным, изменит свое поведение в соответствии с указаниями веры, которую проповедовал Иисус Христос, и будет неизменным и верным святой христианской вере и послушным святому царству и правосудию".

Все предварительные условия были соблюдены, и суд начался с того, что обвиняемому было предъявлено обвинение, и он был призван к защите. Если он не желал защищать себя лично, ему разрешалось нанять адвоката, которого он мог привести с собой. Если речь шла о гражданском иске, он мог, однако, сразу же приостановить разбирательство, предоставив надежные гарантии удовлетворения требований истца, и в этом случае ему предоставлялась обычная отсрочка в шесть недель и три дня. Кроме того, он мог заявить возражение против компетенции суда, законности вызова в суд или против чего-либо другого, что, если бы было нарушено, аннулировало бы процесс.

Если обвиняемый не являлся, прокурор, как правило, должен был *заверить* его, то есть сам поклясться святыми в истинности того, что он заявил, а шесть истинных и настоящих фрейшеппен поклясться, что они верят, что он говорил правду.

Старый закон Фем проводил большое различие между посвященными и невеждами, причем в пользу первых. Обвиняемому, если он был посвящен, разрешалось очистить себя от обвинения, положив два указательных пальца на обнаженный меч и поклявшись святыми, "что он невиновен в делах и поступках, о которых ему говорил суд и в которых его обвинял обвинитель, да поможет ему Бог и все святые". Затем он бросил суду крестовую копейку (крейцер?) и пошел своей дорогой, никому не позволено было его задержать или помешать. Но если он был одним из непосвященных, ему не разрешалось оправдываться таким образом, и истинность факта определялась по приведенным показаниям.

Однако совершенно очевидно, что такое положение вещей могло относиться только к тому времени, когда инициацию проходили только люди с безупречным характером. По мере деградации института это различие постепенно утрачивалось, и факты определялись на основании доказательств без учета ранга обвиняемого.

Обвинитель мог помешать обвиняемому очистить себя таким образом, предложив себя и шестерых сотрапезников поклясться в истинности своего обвинения. Если обвиняемый хотел перевесить эти доказательства, он должен был выступить с тринадцатью или двадцатью компуртерами и поклясться в своей невинности. Если он мог привести последнее число, его оправдывали, так как закон не допускал превышения этого числа; если же у него было только тринадцать, обвинитель мог одолеть его, приведя двадцать человек, чтобы поручиться за его правдивость.

Если обвинитель признавал обвиняемого виновным, он тут же обращался к графу с просьбой вынести ему справедливый приговор. Граф никогда не брал на себя обязанность выносить приговор; он всегда поручал это одному из заседателей. Если заседатель считал дело слишком трудным для своего суждения, он под присягой заявлял, что так оно и есть, и тогда суд передавал эту обязанность другому, который мог освободиться от ответственности таким же образом. Если ни один из заседателей не мог прийти к решению, дело откладывалось до следующего дня суда.

Если же заседатель брался за вынесение приговора, то он сам решал, делать ли ему это в одиночку или удалиться, чтобы узнать мнение других заседателей и сторонних наблюдателей. Чтобы приговор имел должную силу, он должен быть признан состоявшимся, в противном случае он может быть опротестован. Обязан ли был заседатель принять решение в соответствии с большинством голосов, неизвестно. После вынесения приговора заседатель вместе со своими коллегами представлял перед трибуналом и передавал его графу, который затем выносил приговор. Какие наказания предусмотрены за различные проступки, знали только посвященные; но если они носили капитальный характер, то орудием наказания служил недоуздок, о чем свидетельствовал тот, что лежал перед графом.

Если обвиняемый не являлся и в результате оказывался вне закона, его ждало следующее ужасное проклятие: Было объявлено, что "он должен быть исключен из общественного мира, лишен всех свобод и прав, и для него должны быть назначены высшая *немилость*, *немилость* и узда; что он должен быть отрезан от всякого общения с любым христианским народом и проклят так, чтобы он увял в своем теле, не стал ни более зеленым, ни каким-либо образом увеличился; чтобы жена его была вдовой, а дети сиротами; чтобы он был без чести и без права и отдан кому бы то ни было; чтобы шея его была оставлена воронам, тело - всем зверям, птицам воздушным и рыбам водным; душа же его должна быть предана Богу" и т. д., &c.

Если он оставался вне закона в течение года и одного дня, все его имущество переходило к императору или королю. Князь, город или община, подвергшиеся приговору вне закона, сразу же теряли все вольности, привилегии и милости.

Если приговор был смертным, граф выводил за пределы трибунала накинутую на голову недоуздок, шёппен плевал на него, и имя осужденного заносилось в книгу крови. Если преступник был на месте, его тут же хватали, и, по обычаю средневековья, когда, как и на Востоке, должность палача не была позорной, казнить его поручалось самому молодому из присутствующих шёппе, который тут же вешал его на ближайшем дереве. При этом должным образом учитывалось качество преступника: если он был посвященным, то его вешали на семь футов выше, чем любого другого, так как он считался более тяжким преступником. Если обвиняемый не присутствовал, все шёппены, как мы уже описывали, пускались в погоню за ним, и где бы они его ни настигали, его вешали без дальнейших церемоний.

Приговор держался в глубокой тайне от непосвященных. Его копия, составленная в обычной форме и скрепленная семью печатями, вручалась обвинителю.

Таким образом, мы видим, что судопроизводство в фемских судах строго соответствовало справедливости и даже склонялось на сторону милосердия. Но и это еще не все: обвиняемому также предоставлялось право апелляции в случае несогласия между шёппенами, совещавшимися по поводу приговора, или несоответствия показаний свидетелей, или, наконец, если вынесенный приговор считался несправедливым или неподходящим; последний случай предоставлял широчайшее поле для апелляции, поскольку очень редко случалось, чтобы приговор не казался осужденному несправедливым или слишком суровым. Однако было необходимо, чтобы апелляция была подана после публикации приговора или, по крайней мере, до того, как суд разойдется. Сторонам разрешили удалиться на несколько минут, чтобы посоветоваться с сопровождавшими их друзьями. Если после этого они не заявляли, что будут подавать апелляцию, приговор объявлялся абсолютным, и им запрещалось, под страхом сурового наказания, опротестовывать его в любом другом суде. Если же они все же решались подать апелляцию, то обе стороны должны были дать гарантии *de lite prosequenda*. Если одна из сторон, будучи бедной или чужестранкой, не могла дать залог, то достаточной считалась его клятва, чтобы, как гуманно и справедливо выражается закон, "чужестранец или бедняк мог добиваться своего права в Священной Римской империи так же, как и туземец или богач".

Обращение шло к генеральному главе *Тайного закрытого трибунала Императорской палаты*, который обычно, если не постоянно, заседал в Дортмунде; либо к императору, или королю, как верховному главе этих трибуналов. Если монарх был посвященным, он мог сам разбираться в деле; в противном случае он был обязан поручить расследование тем из своих советников, которые были посвящены, или посвященным комиссарам, и то только на территории Вестфалии. Такого рода апелляции имеют множество примеров. Наконец, апелляция могла быть подана имперскому лейтенанту, который затем сам расследовал дело с помощью посвященных шёппен или выносил его на рассмотрение генерального капитула, президентом которого он являлся. Ни его приговор, ни приговор главы не мог быть обжалован императору.

Кроме права обжалования, существовали и другие способы предотвратить исполнение приговора суда фем. В *прежнем государстве* это называлось *заменой*, которой, однако, могли воспользоваться только посвященные. Если приговор был вынесен неявившемуся человеку, он мог добровольно и лично отправиться на , где заседал тайный суд, и просить об этой милости. Он должен был явиться в суд, вынесший приговор, в сопровождении двух фрейлин, с недоуздов на шее, в белых перчатках, со сложенными руками, в которых была имперская монета и зеленый крест. Затем он и его спутники должны были пасть на колени и молиться о том, чтобы его привели в то состояние, в котором он находился до начала судебного разбирательства против него. Существовала также так называемая жалоба на недействительность, если была нарушена установленная форма судопроизводства. Некоторые другие способы будут рассмотрены далее.

Глава IV.

Общая глава - Права императора - Его лейтенанта - Штульхерна, или Трибунала - Лордов.

Чтобы завершить очерк фем-трибуналов и их судопроизводства, мы должны изложить права и полномочия генеральной главы, императора, его лейтенанта и трибунальных лордов.

Генеральный капитул - это общее собрание вестфальских трибуналов, графов и шеффенов, созываемое раз в год императором или его лейтенантом. Каждый граф был обязан явиться на него под присягой. Он мог проводиться только в Вестфалии, и почти исключительно в Дортмунде или Аренсберге. Никто не мог выступать на нем, не будучи посвященным, даже сам император. Президентом был император, если он присутствовал и был посвящен, в противном случае - лейтенант или его заместитель.

Задача генерального капитула заключалась в том, чтобы расследовать поведение и деятельность различных феодальных судов. Графы должны были дать отчет о всех своих делах за прошедший год; представить список имен принятых в шенген, а также начатых исков с именами обвинителей, обвиняемых, *конфискованных* и т. д. Те графы, которые пренебрегли своими обязанностями, были низложены генеральным капитулом.

Генеральный глава, как мы уже отмечали выше, был апелляционным судом всех фехт-трибуналов. В делах большой важности постановления нижестоящих судов, чтобы придать им больший вес, подтверждались генеральным главой. Наконец, именно на общем собрании принимались все постановления, законы и реформы, касающиеся фехм-права и судов.

Император, даже когда императорская власть была на самом низком уровне, считался в Германии источником судебной власти. В частности, считалось, что право выносить смертный приговор исходит от него либо опосредованно, либо непосредственно. Фемские суды отличались готовностью признать его источником своей власти, и все их постановления произносились от его имени.

Будучи верховным владыкой и судьей всех графских и трибунальных судов, император имел над ними право инспекции и реформации. Он мог созывать генеральные соборы и председательствовать на них; он мог входить в любой суд, а председательствующий граф обязан был уступить и позволить ему председательствовать вместо себя. Он имел право создавать новые шёппен, если делал это на вестфальской земле. Кроме того, каждый шёппен обязан был давать правдивый ответ императору, когда тот спрашивал, был ли тот или иной шёппен *конфискован* и в каком суде. Он также мог низложить непокорных графов, но только в Вестфалии.

Император мог даже изъять дело из ведения трибуналов. Право апелляции к нему уже было отмечено; но, кроме того, он имел право запретить графу продолжать дело, когда обвиняемый предлагал ему себя *за честь и право*; тогда граф на свой страх и риск продолжал дело. Император также мог предоставить безопасную защиту любому человеку, который мог обратиться за ней под страхом *лишения* свободы, и эту защиту шёппен не смел нарушать. Даже если человек был *лишен свободы*, император мог спасти его, отдав приказ об отсрочке исполнения приговора на сто лет, шесть недель и один день.

Понятно, что для осуществления этих прав император должен быть *посвященным*, ибо в противном случае он не мог, например, явиться на заседание суда, внести изменения в

законы, с которыми, если *он невежественен*, то обязательно должен быть не знаком, или оказать милость, когда он не мог знать, кто *лишен прав*, а кто нет. Поэтому в законах, устанавливающих права императора, всегда указывалось, что *он должен быть посвященным*, а акты непосвященных императоров фехтовальные суды часто объявляли недействительными. Таким образом, у императора был выбор: назначить своего заместителя над фехтовальными судами или самому пройти посвящение. Последний вариант, естественно, был предпочтительнее, и каждый император при коронации в Экс-ла-Шапель проходил посвящение у наследственного графа Дортмунда. Хотя Экс-ла-Шапель находился не в Вестфалии, закон санкционировал это отступление от общего правила, согласно которому *frei-schörren* должны совершаться только в этой стране.

Лейтенант императора, которым почти всегда был архиепископ Кельнский, имел право утверждать графов, представленных ему трибунальными лордами, и наделять их полномочиями жизни и смерти. Он также мог созывать генеральные соборы, председательствовать на них и осуществлять другие императорские права. Он мог выносить решения с помощью некоторых схопенов в делах, которые к нему обращались, не доводя дело до генерального капитула; и он имел право выносить схопены в любом трибунале Вестфалии, что доказывает, что, как и император, он имел свободный доступ ко всем ним. Отсюда ясно, что он также должен был быть посвященным.

Достоинство и превосходство архиепископа Кельнского, когда ему был присвоен этот сан, вызвало немалую зависть и ревность вестфальских лордов, которые до сих пор были ему равны и считали себя равными с ним. Они никогда не упускали случая проявить свои чувства, и их графы всегда были инвестированы императором, а не архиепископом; более того, нередко случаи, когда графы, которых он инвестировал, были подтверждены и повторно инвестированы императором.

Теперь остается рассмотреть только трибунальных лордов (*Stuhl-herrn*).

Трибун-лорд был владыкой округа, в котором находился фем-трибунал. Он мог сам, по собственной инициативе, стать графом этого округа, предварительно получив власть жизни и смерти от императора или его лейтенанта; если же он не решался на это, то мог, как мы уже видели, представить графа для инвеституры, за поведение которого он нес ответственность; и если назначенный им граф плохо себя вел, *штуль-герр* был обязан лишиться своих прав. Вследствие этого ему было разрешено осуществлять инспекцию феодальных судов на своей территории; без его одобрения не мог быть подан ни один *шёпп*, ни одно дело не могло быть передано в суд, даже ни одна повестка не могла быть выдана. К нему даже можно было подать апелляцию на приговор графа; кроме того, он, как и император, мог вывести из-под своей юрисдикции определенных лиц и дела. Но поскольку его власть не распространялась за пределы его собственной территории, граф мог передавать дела, по которым он хотел, но не имел права разбираться, в суды других территорий; он также мог, если ожидал противодействия со стороны трибунала, потребовать от него (если он был посвящен) присутствовать при разбирательстве.

Трибун-лорд, если он не был инициирован, мог, как и император в том же случае, осуществлять эти полномочия только через инициированных депутатов.

Огромное преимущество, вытекавшее из права иметь трибуналы-фехмы, побудило высших лордов, как духовных, так и мирских, очень стремиться к обладанию этим видом территориальной собственности, и в результате почти все лорды в Вестфалии имели трибуналы-фехмы. Даже города, такие как Дортмунд, Соест, Мюнстер и Оснабрюк, имели эти трибуналы либо в своих стенах, либо в своих округах, либо в своих окрестностях, так как с их

стороны не было бы хорошей политикой допускать, чтобы этот вид *Status in Statu* был независим от их власти.

Глава V.

Фем-суды в Целле, в Брауншвейге, Трибунал знающих в Тироле, замок в Бадене, африканские пурхи.

Мы ознакомились с конституцией и порядком работы вестфальских трибуналов, насколько это позволяют несовершенные сведения о них, дошедшие до наших дней. Остается проследить их историю вплоть до последних сохранившихся следов. Однако предварительно следует затронуть любопытный вопрос: насколько они были свойственны Вестфалии и какие учреждения, напоминающие их, можно встретить в других местах.

Фем-трибуналы, как мы уже заметили, не были свойственны Вестфалии. В написанной Франциском Альгерманном жизни герцога Юлиуса Целльского[126], датируемой 1608 годом, мы читаем следующее описание фемского суда, который, как вспоминает автор, он видел в своей юности в Целле: "Когда фемский суд был введен в действие, он был введен в действие.

"Когда должен был вступить в силу закон о фехтовании[127], все жители округа старше двенадцати лет обязаны были непременно явиться на пустошь или какое-нибудь большое открытое место и сесть на землю. Посреди собрания ставили несколько столов, за которыми садились князь, его советники и судебные исполнители. Тайные судьи сообщали о проступках и преступлениях, обходили с белым жезлом и били преступников по ногам. Кто после этого испытывал угрызения совести и осознавал себя виновным в смертном преступлении, тому разрешалось встать и покинуть страну в течение дня и ночи. Он мог даже дожидаться второго удара. Если же его ударяли в третий раз, то палач был уже под рукой, пастор давал ему причастие и уходил с ним к ближайшему дереву.

Если же человека ударили всего один или два раза, это было отеческим предупреждением, чтобы он впредь исправлял свою жизнь". Отсюда это называлось *Jus Veniæ*, потому что в нем была благодать, которая была испорчена и превращена в *Vim-richt*".

Подобные суды, как нам говорят, были в местах под названиями Вёльпе и Ротенвальд. Здесь у тайных судей был обычай, когда они узнавали, что кто-то совершил преступление, подпадающее под юрисдикцию Фехма, делать ему частное дружеское предупреждение. Для этого они ночью ставили на его двери метку, а на пирушках добивались, чтобы мимо него пронесли банку. Если эти предупреждения не возымели действия, устраивался суд.

Согласно старинному своду законов, суд фехма в Брунсвике регулировался и проводился таким образом. Некоторые из наиболее благоразумных и уважаемых граждан, называемые *фехменотами*, имели тайную обязанность наблюдать за поведением своих сограждан и сообщать о нем совету. Если совершалось так много преступлений, что казалось, что пора провести суд фехменов, назначался день для этой цели. Несколько членов совета из разных районов города собрались в полночь на церковном дворе Святого Мартина, а затем созвали весь совет. Все ворота и входы в город были закрыты, все углы и мосты, а также лодки, как над городом, так и под ним, охранялись. Фем-клерку было приказано приступить к

исполнению своих обязанностей, а феменотам - передать ему свои донесения для приведения их в законную форму, если время окажется достаточным.

На рассвете горожане узнали, что совет постановил провести в этот день фехм-суд, и им было приказано отправиться на рыночную площадь, как только прозвучит набат.

После того как колокол прозвонил три раза, все собравшиеся последовали за советом через ворота Святого Петра за город к так называемому Фемскому рву. Здесь они разделились; совет занял место на пространстве между рвом и городскими воротами, горожане стояли по другую сторону рва. Теперь феменоты смешались с горожанами, дознались о тех преступлениях, которые еще не были им известны, и передали все полученные сведения, а также свои прежние открытия (если не успели сделать это ночью) писарю, чтобы он придал им надлежащую форму и представил совету.

Передав протокол совету, клерк изучил его и выяснил, какие из содержащихся в нем правонарушений подлежат рассмотрению в фехтовальном суде, а какие - нет; ведь дела стоимостью менее четырех шиллингов к нему не относятся. Затем совет передал протокол клерку, который отправился с ним в фехтовальный суд, который теперь занял свое место в присутствии депутации совета.

Тех, на кого была совершена кража, сначала выводили вперед и спрашивали, знают ли они вора. Если они отвечали отрицательно, то должны были поклясться святыми в правдивости своего ответа; если они называли конкретного человека и это было первое обвинение против него, то ему разрешалось очистить себя клятвой; но если против него выдвигалось второе обвинение, то его собственной клятвы было недостаточно, и он должен был привести с собой шесть сотрапезников, чтобы те поклялись вместе с ним. В случае третьего обвинения единственным выходом было очистить себя испытанием. Он должен был немедленно вымыть руку в воде, взять в нее кусок раскаленного железа, которое палачи всегда держали наготове слева от трибунала, и пронести его на расстояние девяти футов. Фем-счет, согласно древнему обычаю, выбирал, кому выносить приговор. Совет мог распустить суд по своему усмотрению. Те дела, которые не успели начаться или были отложены по причине болезни или любого другого справедливого препятствия, в таких случаях отмечались и откладывались на другое заседание.

Однако очевидно, что этот муниципальный суд, главной задачей которого было наказание за кражу, главное преступление средневековья, хотя и назывался Фехм-судом, сильно отличался от одноименных судов в Вестфалии.

Трибунал знающих (*Gericht der Wissenden*) в Тироле также ошибочно считается одним и тем же с вестфальскими судами. Процедура в нем заключалась в том, что обвинитель прикладывал палец к голове обвиняемого и клялся, что знает его как позорного человека, а шесть авторитетных людей, прикладывая пальцы к руке обвинителя, клялись, что знают его, что он клялся искренне и честно. Это считалось достаточным доказательством против любого человека, и на основании этого суд выносил решение.

Нельзя обойти вниманием идеальный фехм-суд под замком Бадена, который, похоже, стал образцом, по которому наш популярный романист описал свой фехм-трибунал в Швейцарии! Одна писательница из Германии[128] сообщает нам, что под Баденским замком на значительное расстояние простираются лабиринтообразные своды, которые в прежние времена были отведены под тайные мистерии трибунала Фехм. Тех, кто предстал перед этим страшным судом, не вводили в подвалы замка обычным способом; их спускали в мрачную бездну на веревке в корзине и таким же образом возвращали на свет, если им

посчастливилось быть оправданными; так что они никогда не могли, как бы ни были склонны, узнать, где они были. Обычный вход вел через длинный темный проход, который закрывался дверью из одного камня размером с надгробную плиту. Эта дверь вращалась на невидимых петлях и была так точно подогнана, что, закрыв ее, человек, находившийся внутри, не мог отличить ее от соседних камней или сказать, куда он вошел. Открыть ее снаружи можно было только с помощью тайной пружины. Пройдя по этому проходу, вы попали в комнату пыток, где увидели крюки в стене, винты с большими пальцами и всевозможные орудия пыток. Дверь слева открывалась в углубление - место *Девичьего поцелуя*. Когда сюда приводили осужденного, под его ногами проваливался камень, и он падал в объятия Девы, которая, подобно жене Набиса, раздавливала его до смерти в своих руках, утыканных шипами. Пройдя дальше и миновав несколько дверей, вы попали в хранилище Трибунала. Это был длинный просторный четырехугольник, завешанный по кругу черным. В верхней части находилась ниша, в которой стояли алтарь и распятие. В этом месте сидел главный судья; его заседатели расположились на деревянных скамьях вдоль стен.

Не стоит и говорить о том, насколько все это совершенно не похоже на заседания настоящего фемского трибунала. То, что под замком Бадена есть хранилища, несомненно, и приведенное выше описание, возможно, верно. Но фем-суд, который в них проводился, - это просто чеканка дамского ума и совершенно не похож ни на что реальное, если только не на Святую канцелярию, чьи тайные разбирательства никогда не могли соперничать в справедливости и гуманности с вестфальскими фем-судами. Более того, она не подтверждается ни одним документом, ни даже традицией этого места, и была бы недостойна внимания, если бы не причина, указанная выше.

Сходство между судами Фехма и инквизицией часто отмечалось. Они похожи друг на друга тайной судопроизводства и большим числом агентов, которые были у них в подчинении; но Священная канцелярия не имела ничего общего с публичными и неоднократными ссылками на фехтовальные суды, справедливым судом над обвиняемыми, склонностью судей к милосердию и правом на апелляцию, которое было обеспечено.

Самое замечательное сходство с фемскими трибуналами можно найти (или было) у негров на западном побережье Африки, как их описывает французский путешественник^[129]. Это пуррахи фуллахов, которые обитают между рекой Сьерра-Леоне и мысом Монте.

Существует пять племен этого народа, которые образуют конфедерацию, во главе которой стоит союз воинов, называемый пурра. У каждого племени есть своя отдельная пурра, а у каждой пурры - свои вожди и свой трибунал, который в более узком смысле также называется пуррой. Общая пурра конфедерации формируется из пурр пяти племен.

Чтобы стать членом нижестоящих пуррахов, мужчина должен быть тридцати лет; никто моложе пятидесяти не может занимать место в общем пуррахе. Кандидат на вступление в низшую пурру должен пройти самый суровый испытательный курс, в ходе которого все элементы используются для его проверки. Прежде чем ему разрешат пройти этот курс, его родственники, уже являющиеся членами общества, должны поклясться в его благонадежности и поклясться лишить его жизни, если он выдаст секреты общества. Пройдя через это испытание, он принимается в общество и дает клятву хранить тайну и повиноваться. Если он не соблюдает клятву, то становится дитем смерти. Когда он меньше всего этого ожидает, появляется переодетый воин и говорит: "Великий Пурра посылает тебе смерть". Все присутствующие уходят; никто не осмеливается возражать, и жертва падает.

Подчиненные Пурры карают за все преступления, совершенные в их округе, и следят за тем, чтобы их приговоры исполнялись должным образом. Они также разрешают споры и ссоры между ведущими семьями.

Только в чрезвычайных случаях собирается большой Пурра. Тогда он принимает решение о наказании предателей и тех, кто сопротивлялся его указам. Нередко ему приходится вмешиваться, чтобы положить конец войнам между племенами. Собравшись по этому поводу, он дает знать воюющим сторонам, приказывая им воздержаться от военных действий и угрожая смертью, если прольется еще хоть капля крови. Затем он выясняет причины войны и приговаривает то племя, которое оказалось агрессором, к четырехдневному грабежу. Воины, которым поручается исполнение этого приговора, должны быть выбраны из нейтрального района. Они вооружаются, переодеваются, накладывают на лица ужасные гримасы и с вилами в руках отправляются ночью с места сбора. Не задерживаясь, они добираются до преданного района еще до рассвета, и, собравшись от сорока до шестидесяти человек, неожиданно обрушиваются на посвященное племя, и со страшными криками, оглашая приговор великого Пурраха, приводят его в исполнение. После этого добыча делится: одна половина достается пострадавшему племени, другая - великому Пурре, который дарует половину своей доли воинам, исполнившим приговор.

Даже одна семья, если ее могущество, как кажется, растет так быстро, что общество начинает опасаться за свою независимость, приговаривается пуррой к грабежу. Именно так, хотя и под более благовидными предлогами, афинская демократия пыталась уменьшить могущество своих великих граждан, приговаривая их к строительству кораблей, театральным представлениям и другим тратам своих состояний.

Ничто не может превзойти тот ужас, который внушает Пурра. Люди говорят о ней с ужасом и трепетом, а на ее членов смотрят как на колдунов, вступивших в союз с дьяволом. Сама Пурра стремится как можно больше распространить это представление, считая его хорошим средством для увеличения своей власти и влияния. Число его членов оценивается в 6000 человек, которые узнают друг друга по определенным словам и знакам. Его законы и секреты, несмотря на большое количество членов, религиозно скрыты от непосвященных.

Глава VI.

Император Людовик Баварский - Карл IV - Вацлав - Реформация Рупертиана - Посягательства феодальных судов - Дело Никеля Веллера и города Гёрлица - Дело города Данцига - Дело Ганса Давида и тевтонских рыцарей - Другие примеры презумпции вольности графов - Ссылка на императора Фридриха III - Дело графа Текенбурга.

История Фем-герихта, предшествующая пятнадцатому веку, предлагает лишь несколько событий, способных задержать внимание. Император Людовик Баварский, по-видимому, несколько раз использовал свою власть для предоставления привилегий в Вестфалии в соответствии, как это прямо указано, с Фехм-законом. Его преемник, роскошный Карл IV, действовал в отношении феодальных трибуналов с той же капризностью, что и во всем остальном, предоставляя привилегии и отменяя их, как казалось, в соответствии с его

интересами в данный момент. Этот монарх попытался распространить фемскую систему и за пределы Вестфалии, считая ее хорошим средством для подчинения всей Германии своему родовому королевству Богемия. Поэтому он дал разрешение епископу Хильдесхайма на создание двух свободных трибуналов за пределами Вестфалии. Однако по представлению архиепископа Кёльнского и вестфальских лордов он впоследствии упразднил их.

Вацлав, сын Карла, поступил со своей обычной глупостью в случае с Фем-трибуналами; говорят, что он, поскольку не умел хранить ничего в тайне, разболтал их частный знак и взялся, вопреки закону, сделать из Вестфалии фри-шоппен. Эти шёппены, сделанные императором, не встретили, однако, большого уважения со стороны подлинных, о чем свидетельствует ответ, данный императору Руперту вестфальскими трибуналами. На его вопрос, как они поступают с такими шенгенами, они ответили: "Мы спрашиваем их, при каком дворе они были сделаны шенгенами. Если окажется, что их сделали шпенами в судах, которые не имели на это права, мы вешаем их, если они встречаются в Вестфалии, немедленно, без всякой пощады". Вацлав, мало заботясь о Германии в целом, время от времени использовал феодальные суды для осуществления своих планов, а в 1389 году он приказал судить и повесить графа Генриха Верненгероде за измену вестфальским шёппенгам. Правление Вацлава особенно выделяется тем, что в этот период архиепископ Кёльнский занял важный пост лейтенанта императора над всеми вестфальскими трибуналами.

Правление Руперта в отношении вестфальских фем-судов примечательно прежде всего их реформацией, названной его именем. Эта реформация, которая является самым ранним публично подтвержденным источником, из которого можно почерпнуть знания о фехтовальном праве, была проведена в 1404 году. Она представляет собой сборник решений, в которых определяются права и привилегии короля римлян по отношению к этим трибуналам.

Рупертская реформация и учреждение должности лейтенанта в лице архиепископа Кёльнского, которое было завершено либо Рупертом, либо его преемником Сигизмундом, вместе составляют эпоху в истории Фем-герихта. До сих пор только Вестфалия была ареной их деятельности, и их власть была явно выгодна империи. Теперь их власть достигла зенита; уверенность в своих силах привела их к злоупотреблениям; и в течение столетия, прошедшего между Рупертской реформацией и учреждением императором Максимилианом Вечного общественного мира и Императорской палаты, мы должны будем рассматривать главным образом их злоупотребления и допущения.

Главным злоупотреблением со стороны Вольных судов было право цитирования. Теперь, когда они были официально признаны действующими под властью императора, они стали рассматривать Вестфалию как слишком узкий театр для проявления своей деятельности и власти. Как имперские комиссары, они утверждали, что их юрисдикция распространяется на все места, которые признают юрисдикцию императора, и вряд ли в Германии был уголок, свободный от визитов их посланников; более того, даже за пределами империи люди трепетали перед их ссылками.

В основном городам досаждали эти приговоры, которые часто выносились по требованию лиц, которых они наказывали или изгоняли за проступки. Их власть и влияние не защищали даже самых великих: в XV веке мы видим, как некоторые из главных городов империи предстают перед трибуналом вестфальских графов. Так, в записях тех времен мы читаем о вызовах в Бремен, Любек, Аугсбург, Нюрнберг, Эрфурт, Гёрлиц и Данциг. Их вмешательство

раздражало даже Пруссию и Ливонию, принадлежавшие в то время к ордену тевтонских рыцарей.

Один из самых примечательных случаев, относящихся к этому периоду, - беспокойство, причиненное городу Гёрлицу одним из его жителей по имени Никель Веллер. Этот человек, вестфальский шёпп, был обвинен в том, что он выкопал некрещеного ребенка, сделал свечу из кости его руки, которую наполнил воском от пасхальной свечи и ладаном, и использовал ее в сарае в присутствии своей матери, жены и старого крестьянина для магических целей. Поскольку он не мог отрицать этого факта, его, по законам того времени, должны были повесить; но верховный судебный пристав Штайна и некоторые другие значимые лица вступились за него, и магистраты ограничились тем, что выслали его из города и конфисковали его имущество. Как выяснилось впоследствии, они поступили бы более мудро, если бы приговорили его к вечному заточению.

Веллер немедленно отправился в Бресслау и обратился к совету, епископу Варадейна и имперскому канцлеру с просьбой выступить в его защиту. Они уступили его желанию, но магистраты Гёрлица прекрасно оправдали свое поведение. Веллер, все еще не в силах успокоиться, обратился к папе Иннокентию VIII, утверждая, что не может выдвинуть обвинение против совета Гёрлица в пределах города Мейсенской епархии и что у него нет шансов на правосудие. Папа сразу же назначил Иоанна Медичи и доктора Николаса Таухена из Бресслау духовными уполномоченными в этом деле, и они пожелали, чтобы верховный пристав Штейна сделал все возможное, чтобы Веллер восстановил свои права в течение месяца, по его присяге в истинности своих утверждений, в противном случае они сами будут вынуждены принять меры для этой цели.

Однако по какой-то неизвестной причине из этого ничего не вышло, и Веллер снова обратился к папе, у которого епископ Остии стал его защитником. Он был вновь принят в лоно Церкви, но постановление магистрата Гёрлица оставалось в силе, и новые комиссары, назначенные папой, даже подтвердили его.

Убедившись, что ему нечего ждать от папского вмешательства, Веллер наконец прибег к помощи фемских трибуналов, и 3 мая 1490 года Иоанн Халсхедский, граф трибунала в Бракеле, вызвал в свой трибунал бургомистров, совет и всех светских жителей Гёрлица старше восемнадцати лет. Эта повестка была вручена весьма примечательным образом, поскольку ее нашли прикрепленной к ветке на живой изгороди на ферме, принадлежащей человеку по имени Венцель Эммерих, в небольшом отдалении от города.

Поскольку по Золотой булле императора Карла IV, а также по особой привилегии, дарованной Сигизмундом, Гёрлиц был освобожден от всякой иностранной юрисдикции, магистрат сообщил об этом Владиславу, королю Богемии, и попросил его о посредничестве. Богемский монарх обратился к трибуналу в Бракеле, но Георг Хакенберг, который в то время был вольным графом этого суда, а Халшеде уже умер, даже не соизволил дать ему ответ.

Тем временем назначенный срок истек, жители Гёрлица не явились по повестке, и Веллер, обвинив их в неповиновении и неуважении к суду, просил осудить их на все понесенные расходы и штрафы, а ему самому разрешить продолжить рассмотрение своей жалобы. Для этого он оценил понесенные им убытки и ущерб в 500 рейнских флоринов и сделал соответствующее заявление под присягой, с двумя солидарными свидетелями. В соответствии с этим суд уполномочил его возместить себе ущерб любым способом за счет жителей Гёрлица. Кроме того, было добавлено, что если кто-либо будет препятствовать Веллеру в осуществлении его прав, то этот человек *будет* подвергнут тяжкому

неудовольствию империи, мукам и наказаниям трибунала в Бракеле, а также будет обязан оплатить все расходы обвинителя.

16 августа того же года граф установил новый императивный срок для жителей Гёрлица, заверив их, что в случае неповиновения "он будет вынужден, хотя и вопреки своему желанию, вынести самый суровый и строгий приговор их лицам, их жизни и их чести". На этот раз приговор был найден на полу монастырской церкви. Совет в смятении обратился к архиепископу Кельнскому и к самому вольному графу с просьбой освободить их от этого условия, но тщетно; граф не соизволил обратить внимание на их прошение, а когда они не явились в назначенный срок, объявил город Герлиц вне закона за пререкания.

Похоже, что Веллер по тем или иным причинам выдвинул обвинение и против города Бресслау, поскольку в опубликованном указе о запрете Гёрлица он был включен. По этому акту каждому человеку под страхом такого же запрета было запрещено укрывать жителей любого из этих городов, есть, пить или вступать с ними в какие-либо сношения, пока они не примирятся с фехт-трибуналом и не дадут удовлетворение истцу. Веллер сам повесил копию этого указа на рынке в Лейпциге, но она была немедленно сорвана случайно оказавшимися там жителями Гёрлица.

Два города - Гёрлиц и Бресслау - собрались в Лигнице, чтобы решить, какие меры лучше всего принять, чтобы освободиться от этой системы преследований. Они решили, что будут совместно и отдельно защищать себя и свои дела публичной декларацией, которая должна быть вывешена в Гёрлице, Бресслау, Лейпциге и других местах. Они также решили изложить свои скорби перед пражским сеймом и молить его о заступничестве архиепископа Кельнского и ландграфа Гессенского. Они так и сделали, и Сейм удовлетворил их желание; но их добрые услуги оказались бесполезными, а ответ ландграфа ясно показал, что он либо не имеет власти над своим графом, либо втайне доволен тем, что сделал.

Теперь неутомимый Веллер попытался захватить некоторых жителей Бресслау и Гёрлица в Гейне и других местах Мейсена. Но они сорвали его планы, получив обещание защиты и безопасной перевозки от герцога Георга. Веллер, однако, не отступал, и когда герцог Альберт прибыл из Нидерландов в Мейсен, он искал и получил его защиту. Но и здесь его постигла неудача: когда верховный судебный исполнитель и совет Гёрлица сообщили принцу о реальном положении дел, тот отстранился от него. Утомленные этим беспрестанным издевательством, города обратились через короля Богемии к императору Фридриху III с просьбой о выдаче мандата всем подданным империи и о запрещении трибунала в Бракеле и всех вольных графов и шляхтичей. Получив их, они позаботились о том, чтобы тайно вручить совету Дортмунда и вольному графу Бракеля. Этим они, похоже, положили конец своим домогательствам на всю оставшуюся жизнь Веллера. Но в 1502 году его сын и зять возродили свои притязания на Гёрлиц. Граф Эрнест Гогенштейнский ходатайствовал за них, но совет твердо придерживался своего прежнего решения и заявил, что они должны искать помощи только у себя или у высших трибуналов. После этого дело затянулось на десять лет, когда его снова поднял некто Гай Таубенгеймский, и в конце концов было улажено полюбовно.

Как мы уже говорили, Фем-трибуналы распространяли свои притязания на юрисдикцию даже на Балтику. На сайте мы находим, что гражданин города Данцига по имени Ганс Холлогер, который был свободным шёппе, был приведен в трибунал Эллерингхаузена под боярышником, "потому что он говорил то, что не должен был говорить о Тайном трибунале". Казалось бы, этого достаточно, ведь он принадлежал к этому обществу; но городскому

совету было приказано под страхом штрафа в пятьдесят фунтов чистого золота бросить обвиняемого в тюрьму до тех пор, пока он не даст гарантии, что выдержит свой суд.

Даже могущественный орден тевтонских рыцарей, которые были хозяевами Пруссии и Ливонии, не избежал раздражения со стороны фем-трибуналов. О том, как мало помогала их власть против этой грозной юрисдикции, свидетельствует ответ Великого магистра городам, которые обращались к нему за защитой. "Любезные сеньоры! Вы просили нас защитить вас от нее; мы с радостью сделали бы это, если бы знали пути и средства для этого". А когда он написал Мангольту, графу трибунала во Фрейенхагене, предостерегая его от вызова к нему подданных ордена, тот надменно ответил: "Вы имеете свои права от империи, а я имею власть судить всех, кто владеет империей".

В первой половине XV века произошел следующий весьма любопытный случай.

Один лавочник в Либштадте умер, сильно задолжав двум офицерам Тевтонского ордена, в чьи обязанности входило снабжать небольшие города Пруссии торговыми товарами, и они, соответственно, наложили арест на оставленное им имущество. Однако их не хватило даже на то, чтобы удовлетворить требования одного из них, а тем более обоих, и они уже решили смириться с потерей, когда, к их удивлению, Ганс Давид, сын покойного, предъявил счет к ордену на такую сумму, что, как было замечено, если бы все дома в городе были проданы, а все горожане обложены налогом до предела, добыча не покрыла бы и половины его. Однако он предъявил документ, якобы являющийся залогом приказа. Этот документ носил все признаки фальсификации; он был весь испещрен подчистками и вставками; среди его свидетелей некоторые были записаны как приоры, которые были простыми братьями ордена; были имена других, которые никогда его не видели; утверждалось, что он был заверен и подтвержден трибуналом в Паснаре, но в записях этого суда не было ни малейших следов; печать Великого магистра, которая прилагалась к каждому документу любой важности, отсутствовала. Разумеется, выплата была отклонена, но Гансу Давиду сказали, что он может добиваться своего, если пожелает, перед императором и папой, которых орден признавал своими начальниками.

Поскольку Ганс Давид находился под покровительством короля Польши, он обратился к этому князю, но тот отказался вмешиваться дальше, чем ходатайствовать о предоставлении ему конвоя, чтобы он мог обратиться за новым расследованием. Великий магистр, обратившись к нему, поклялся своей честью, что он ничем не обязан истцу и что облигация была поддельной; кроме того, он обещал ответить на обвинение в любом подходящем месте, которое выберет истец, нет, даже в Пруссии, и предоставил ему безопасную конвоировку, как и прежде.

Неизвестно, какой курс избрал Ганс Давид; но через девять лет после этого (1441) мы видим, что он обратился в Свободный трибунал во Фрейенхагене, граф которого, небезызвестный Мангольт, немедленно издал свой приговор, "потому что, как он выразился, орден судит мечом и мягко убивает и сжигает". Великий магистр, возмущенный таким самоуправством, немедленно передал дело на рассмотрение собрания вольных графов в Кобленце, которое объявило процесс недействительным, а Мангольта - подлежащим наказанию, поскольку рыцари были духовными лицами. Кроме того, он обратился к императору, который, чтобы удовлетворить его, издал мандат, адресованный всем князьям империи, объявляющий поступок Мангольта беззаконием и недействительным.

Ганс Давид был брошен в тюрьму в Кельне и, несмотря на запрет Свободного трибунала, пробыл там два года. Существующие документы свидетельствуют (хотя этот факт не поддается объяснению), что император приказал архиепископу Кельна и маркграфу Бадена

заново изучить дело, направить акты в имперскую канцелярию и, наконец, освободить истца под присягой или под залог для явки в Нюрнберг. Поскольку это решение можно приписать только влиянию тайных трибуналов, стремившихся досадить порядку, оно служит для того, чтобы показать, каковы были их сила и последствия в то время.

Через два года после этого в Вене было ясно доказано, что узы были подделаны по желанию Ганса Давида ученым из Эльбингена по имени Ротофе. Поскольку дело против первого было столь очевидным, можно было предположить, что он будет наказан сразу же. Но вместо этого император передал дело папе, так как Ганс Давид поразил настоятеля ордена, а последний не удовлетворился удовлетворением, полученным от императора.

Дело ордена торжествовало и в Риме, но все же Ганс Давид нашел средства, чтобы не приводить в исполнение приговор, вынесенный ему в Вене. Только после смерти Великого магистра кардинал Йосси официально вынес окончательный приговор, и Ганс Давид, его товарищ Пауль Франклюэн и граф Мангольт были приговорены к вечному молчанию и выплате ордена 6 000 рейнских флоринов, а в случае неповиновения объявлены вне закона. Однако все это не помогло, и через два года Йосси был вынужден обратиться к императору за помощью мирской руки для исполнения приговора. Капеллан ордена в Вене также обнаружил, что Ганс Давид все еще обладает искусством обманывать многих и привлекать их на свою сторону, поэтому он позаботился о том, чтобы весь отчет о его поведении был вывешен на дверях церкви.

Но неутомимый Ганс Давид не успокоился. Он отправился в Вольный трибунал в Вальдеке и с помощью своих ложных представлений сумел обмануть графа. Он уверял его, что орден предложил ему не менее 15 000 флоринов и пособие, если он оставит свой иск; что они были бы очень довольны, если бы он сбежал из тюрьмы в Кельне, но что он предпочитает справедливость и правду свободе. Однако ордену снова удалось обнаружить и разоблачить его проделки, и граф честно признался, что был им обманут. Он немедленно прогнал его, и Ганс Давид, перестав досаждать ордену, до конца своих дней посвятил себя астрологии и фокусничеству .[\[130\]](#)

Однако он доставил ордену много хлопот и расходов. Существующие документы доказывают, что это дело обошлось им не менее чем в 1580 дукатов и 7000 флоринов, что в значительной степени должно быть приписано тайным махинациям вольных трибунов, стремившихся угнетать тевтонских рыцарей, которые стояли на их пути.

В 1410 году Дикий и Рейнский Граф был вызван в трибунал в Нордернау, а в 1454 году герцог Саксонии - в Лимбург. В 1448 году курфюрсту Пфальца было трудно защищаться от приговора, вынесенного ему одним из фехтовальных судов. Герцог Генрих Баварский в следующий раз счел необходимым фактически стать фрейлиной, чтобы спасти себя. Некий Гаспар из Торрингена обвинил его перед трибуналом Вальдека в том, что он "отнял у него наследственную должность главного егеря; схватил и избил его егерей и слуг, забрал его гончих, разгромил его замок Торринген и отнял у его жены ее имущество и драгоценности, вопреки Богу, чести и древнему праву". Вольный граф немедленно обратился к герцогу, который обратился к императору Сигизмунду и добился запрета для графа. Тем не менее герцог счел необходимым предстать перед судом; но он воспользовался тем, что его сделали вольным графом, а затем, вероятно, в силу своего положения и влияния, добился вынесения приговора в соответствии со своими желаниями. Гаспар, вероятно, обиженный, обратился к императору, который передал дело архиепископу Кельна, и нам не известно, чем все закончилось.

Но дерзость вольных счетоводов доходила до того, что они даже приводили в свои трибуналы самого главу империи. Имперская канцелярия, по справедливой и уважительной причине объявившая нескольких вольных графов и их трибуна, Вальрабе Вальдекского, вне закона, в 1470 году три вольных графа имели смелость сослаться на императора Фридриха III, вместе с его канцлером, епископом Пассау и заседателями канцелярского суда, явиться в вольный трибунал между воротами Вюнненберга в епархии Падерборна, "чтобы там защищать свою личность и высочайшую честь под страхом наказания за неповиновение императору"; а когда он не явился, они имели наглость вызвать его снова, заявив, что, если он не явится, правосудие должно действовать по своему усмотрению. Однако, как ни слаб был характер императора, он не поддался на подобные предположения.

Даже грабежи и растраты находили защиту в судах Фем. В конце XIII века граф Теккенбург разграбил и опустошил епархию Мюнстера. Епископ собрал своих людей и призвал на помощь союзников, которые взяли два замка, принадлежавшие графу, и довели его до крайности. Чтобы освободиться, он обвинил епископа и всех, кто был с ним, перед своим судом в Феме, и хотя среди них были епископ Падерборна, три графа и несколько рыцарей, вольный граф имел смелость призвать их всех явиться и защитить свою честь. В конце концов дело было улажено полюбовно, и вызов был отозван.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, как далеко отошли фем-трибуналы от первоначальной цели своего учреждения и насколько развращенными и незаконными они стали.

Глава VII.

Причины вырождения фемских трибуналов - Попытки реформации - Причины их высокой репутации - Дело герцога Вюртембергского - Керстиан Керкеринк - Причины упадка фемской юрисдикции.

Главной причиной вырождения феодальных судов было принятие в общество неподходящих людей. Первоначально, как мы видели, ни один человек не мог стать шёппе без предоставления удовлетворительных доказательств правильности его характера; но теперь, в случае графа или шёппе, достаточная сумма денег заменяла расследование, и следствием этого стало то, что люди с самыми позорными характерами часто председательствовали в судах и обладали грозными полномочиями общества. Писатель времен правления Сигизмунда говорит, что "те, кто получал право вешать людей, едва ли были достаточно достойны, чтобы держать свиней; что они сами были вполне достойны виселицы, если бросить взгляд на их жизненный путь; что они не оставляли без внимания соринку в глазу брата, но не замечали бревна в своем собственном, и т. д.". И писателю потребовалось немалое мужество, чтобы так выразиться; ведь, по его собственному свидетельству, люди тогда едва ли осмеливались даже заикнуться о Тайных трибуналах, настолько велик был трепет, который они вызывали.

Следствием этого было то, что ни в одном трибунале, где председательствовали продажные судьи, нельзя было добиться справедливости: они выбирали заседателей и даже сторонних наблюдателей, одного с ними характера, и выносили любой вердикт, какой им заблагорассудится. Трибунал-лорд обычно подмигивал на их разбирательства, а к праву апелляции к императору относились без особого уважения, так как у этих монархов обычно

были дела более важного значения для себя, чтобы занять их внимание. Право на освобождение от наказания также было попрано; принцы, как мы уже видели, привлекались к суду; то же самое касалось и евреев. Чисто гражданские дела теперь считались относящимися к юрисдикции фехма, и стороны в таких делах привлекались к суду, а в случае неповиновения *подвергались конфискации*. Короче говоря, юрисдикция фехма теперь стала положительным злом, вместо того чтобы быть, как раньше, благом для страны.

Несомненно, предпринимались различные попытки реформировать фехмовое право и суды, такие как Аренсбергская реформа, Оснабургское постановление и другие, но безрезультатно. Система, по сути, расходилась с духом, который начинал преобладать, и не могла быть приведена в соответствие с ним.

Прежде чем перейти к описанию упадка общества, мы сделаем небольшую паузу, чтобы рассмотреть причины той огромной репутации и влияния, которые оно приобрело и оказывало в период своего расцвета.

Первой и главной причиной было то преимущество, которое оно имело для поддержания общественного порядка и спокойствия. В самые тяжелые и беспокойные времена часть человечества всегда будет стремиться к миру и справедливости, даже независимо каких-либо частных интересов; другая часть, чувствуя себя жертвой угнетения, с радостью ухватится за любую надежду на защиту; даже сами могущественные и деспотичные люди порой с удовлетворением рассматривают любое учреждение, которое может защитить их от власти, превосходящей их собственную, или которое, по их мнению, может стать инструментом расширения и укрепления их последствий. Фем-юрисдикция была рассчитана на все эти порядки людей. Четырнадцатый и пятнадцатый века были самыми анархическими периодами в Германии; императорская власть была слаба в управлении, а характеры большинства императоров были таковы, что делали еще более бесполезным тот небольшой авторитет, которым они обладали как главы империи. Понимая свою слабость, эти монархи обычно благоволили к фем-трибуналам, которые так свободно и даже демонстративно признавали императорское превосходство, пока оно не пыталось контролировать их или препятствовать им в их деятельности. Знания о преступлениях и проступках, совершенных в империи, которые они могли получить, если были инициированы, а также возможность направить оружие общества против злодеев, также имели немаловажное значение, и постепенно они стали считать, что их собственное существование зависит от существования феодальных судов. Вестфальские дворяне тоже находили свою выгоду в принадлежности к обществу, а должность трибуна-лорда, как мы уже видели, была влиятельной и доходной.

Но именно более беспомощные и угнетенные слои общества, особенно несчастные крепостные, больше всего радовались существованию фем-трибуналов; ведь только там они могли надеяться на надежную защиту в случае обиды, и часто дело, когда другие суды были обжалованы безрезультатно, передавалось в Тайный трибунал, который судил без уважения к личности. Обвинителю не приходилось бояться мести злодея или его друзей и приближенных; его имя держалось в глубокой тайне, если доказательства, которые он мог предоставить, были достаточны для оправдания уже описанного инквизиторского процесса, и таким образом разбойник-дворянин или феодальный тиран часто встречал свое заслуженное наказание на , когда он, возможно, меньше всего боялся его и когда он держал свою жертву, чьи крики к справедливости привели его к нему, в величайшем презрении; Ибо, подобно Немезиде или "мрачно бродящим" Эриннисам древности, карающая справедливость фем-трибуналов двигалась к возмездию исподтишка и достигала свою жертву в самый разгар ее безопасности.

Вторая причина заключалась в том, что эти суды были учреждены Карлом Великим, монархом, память о котором была столь высоко оценена и столь справедливо почитаема в средние века. Императоры считали себя обязанными с уважением относиться к учреждению того, от кого они получили свою власть; и само духовенство, освобожденное от его юрисдикции, было склонно благосклонно рассматривать учреждение, созданное монархом, которому Церковь была так глубоко обязана и для которого наказание еретиков было одной из самых важных целей.

Третьей, и не менее важной причиной, была прекрасная организация общества, которая позволяла ему так эффективно выполнять свои постановления и которой в те времена не было аналогов. Завеса тайны, окутывавшая все его заседания, и количество агентов, готовых исполнить его предписания, внушали благоговение; строгое дознание, которое, как известно, проводилось в отношении характера человека, прежде чем он был принят в общество, снискало ему уважение. Его приговоры, несмотря на неизвестность доказательств, считались исходящими от правосудия; и плохие люди трепетали, а хорошие радовались, видя тело преступника, подвешенное к дереву, и воткнутый рядом с ним нож шёппе, указывающий, кем он был судим и осуждён.

Правление императора Максимилиана было периодом великих реформ в Германии, и его учреждение Вечного общественного мира и Императорской палаты, в сочетании с другими мерами, значительно изменило и улучшило состояние империи. Фем-трибуналы должны были, по здравому размышлению, постараться приспособиться к новому порядку вещей; но это та часть мудрости, на которую редко способны общества и корпорации; и, вместо того чтобы ослабить свои притязания, они даже стремились расширить их еще больше, чем прежде. Под своим обычным предлогом - отказом от правосудия - они распространяли свои ссылки на людей и места, над которыми не имели юрисдикции, и тем самым вызывали вражду и активную неприязнь городов и могущественных территориальных владык.

Наиболее примечательными случаями извращения прав и полномочий фем-трибуналов в этот период являются два следующих:.

Герцог Ульрих Вюртембергский жил несчастливо со своей герцогиней Сабиной. При дворе герцога находился молодой дворянин по имени Ганс Хуттен, представитель почтенной и влиятельной семьи, к жене которого герцог проявлял больше внимания, чем это может быть приятно мужу. Герцогиня, со своей стороны, свидетельствовала об особом уважении к Гансу Хуттену, и близость между ними была такой, что герцог не мог ее простить. Хуттен был то ли настолько тщеславен, то ли настолько неосмотрителен, что публично носил на пальце ценное кольцо, подаренное ему герцогиней. Это усугубило ревность и гнев герцога, и однажды на охоте в Беблинском лесу ему удалось отвлечь Хуттена от остальных и, застав его врасплох, пронзить мечом; затем он снял с него пояс и с его помощью подвесил его к одному из дубов в лесу. Когда убийство было раскрыто, он не стал отрицать его, но утверждал, что был свободным шёппе и совершил поступок, повинувшись предписанию Тайного трибунала, которому он был обязан подчиняться. Эта история, однако, не удовлетворила семью Хуттен, и они так же мало удовлетворились предложением убийцы дать им удовлетворение в Вестфальском трибунале. Они громко взывали к императору о справедливости, и мужское красноречие Ульриха фон Хуттена так сильно заинтересовало общественность в их пользу, что император был вынужден вынести герцогу Вюртембергскому приговор о запрете на свободу. При посредничестве кардинала Ланга удалось договориться с семьей Хуттен и герцогиней, но вражда первых не была утихомирена, и через некоторое время они оказали помощь в низложении герцога и конфискации его имущества.

Казалось бы, фемские трибуналы должны были оправдать убийство, совершенное герцогом, но, по крайней мере, всякая уверенность в их справедливости теперь исчезла; и в этот период даже те писатели, которые наиболее щедро восхваляли шёппенов прежних времен, не могут найти достаточно сильных выражений, чтобы описать беззакония тех, кто был в их дни. Теперь уже стало общим местом, что на фемском суде сначала вешают обвиняемого, а затем разбирают предъявленные ему обвинения. На торжественном заседании Сейма в Триерсе в 1512 году было объявлено, "что в Вестфальских трибуналах многие честные люди потеряли свою честь, тело, жизнь и имущество"; а архиепископ Кельнский, который, должно быть, хорошо знал их, вскоре после этого утверждал, среди прочих обвинений, в изданной им капитуляции, что "очень многие избегали их и считали семинариями злодеев".

Второй случай, о котором мы упоминали, представляет собой еще более убедительное доказательство их вырождения.

Человек по имени Керстиан Керкеринк, живший неподалеку от города Мюнстера, был обвинен, и, вероятно, справедливо, в неоднократном прелюбодеянии. Свободный трибунал Мюнстера решил разобраться в этом деле, послал людей и заставил их вытащить его из постели глубокой ночью. Чтобы он не шумел и не сопротивлялся, нанятые им люди заверили его, что он предстанет перед судом уважаемого советника города Мюнстера, и убедили его надеть свою лучшую одежду. Они отвели его в место под названием "куст Бекмана", где спрятали, пока один из них передавал городскому совету сведения об их успехе.

С рассветом трибунальные лорды, вольный граф и шёппен, взяв с собой монаха и обычного палача, отправились к кусту Бекмана и вызвали к себе узника. Когда он явился, то взмолился, чтобы ему позволили иметь адвоката; но в этой просьбе ему было отказано, и суд сразу же вынес смертный приговор. Несчастный умолял отсрочить его на один день, чтобы уладить свои дела и помириться с Богом; но и эта просьба была решительно отклонена, и ему дали понять, что он должен умереть немедленно, и что, если он хочет, он может исповедаться, для чего на место был доставлен исповедник. Когда несчастный снова попросил милости, ему ответили, что он должен обрести милость и быть обезглавленным, а не повешенным. Тогда монаха позвали вперед, чтобы выслушать его исповедь; после этого палач (который предварительно поклялся никогда не разглашать увиденное) вышел вперед и отрубил голову преступнику.

Тем временем информация о происходящем достигла города, и стар и млад вышли на улицу, чтобы стать свидетелями последнего акта трагедии, а может быть, и для того, чтобы вмешаться в дело в пользу Керкеринка. Но это было предвидено и предусмотрено; офицеры были поставлены следить за всеми подходами из города, пока все не закончится, и когда люди прибыли, они не нашли ничего, кроме безжизненного тела Керкеринка, которое было положено в гроб и похоронено на соседнем церковном дворе.

Епископ и капитул Мюнстера выразили большое негодование по поводу этого неправомерного действия и посягательства на их права, и это усилило всеобщее отвращение к фехтовальным судам.

Наши читатели сразу же поймут, насколько сильно отличалось судопроизводство по этому делу, которое произошло в 1580 году, от тех, что происходили в прежние времена. Тогда обвиняемого вызывали официально, и ему разрешалось иметь адвоката; здесь же его схватили неизвестно за что и едва ли предоставили даже формальность судебного разбирательства. Тогда люди, случайно оказавшиеся вблизи фехтовального суда, перекрестились бы и поспешили прочь от этого места, радуясь, что им удалось спасти свою жизнь: теперь они без страха бросаются к месту заседания, и члены суда разбегаются при их

приближении. Наконец, как в суровости, так и в справедливости преимущество было на стороне старых судов. Преступник страдал от удавки; мы слышали, что ни один отец-исповедник не присутствовал, чтобы утешить его последние минуты, а тело, вместо того чтобы быть положенным в освященную землю, было оставлено на растерзание диким зверям и хищным птицам. Времена явно изменились!

Печать Тайных трибуналов.

Фем-трибуналы никогда не были формально отменены; но прекрасные гражданские институты императоров Максимилиана и Карла V, последующее уменьшение буйного и

анархического духа, введение римского права, распространение протестантской религии и многие другие события того времени, сговорившись, вызвали у людей отвращение к тому, что теперь казалось варварской юрисдикцией и подходило только для таких времен, которые, как надеялись и верили, никогда не смогут вернуться. Некоторые суды были упразднены, освобождения и привилегии против них умножены, им запретили все суммарные разбирательства, их власть постепенно сходила на нет, и, хотя до нынешнего века тень их сохранилась в некоторых частях Вестфалии, они давно стали лишь предметом антикварного любопытства как одно из самых ярких явлений средневековья. Они подходили только для определенного состояния общества: пока оно существовало, они приносили пользу миру; когда оно исчезло, они остались в противоречии с пришедшим на смену состоянием, стали пагубными, их ненавидели и презирали, они потеряли все свое влияние и репутацию, разделили судьбу всего человеческого, характер которого заключается в неустойчивости и упадке, и оставили после себя только память о себе.

Избавление от тайных обществ - как от их существования, так и от их использования - является важным шагом вперед в развитии цивилизации и большим социальным достижением; Ибо то, что, подобно большинству других устаревших форм, в которые в то или иное время превратились общественные механизмы, некоторые из этих таинственных и эксклюзивных институтов, будь то для сохранения знаний или отправления правосудия, служили, каждый в свое время, целям наивысшей полезности, которые, очевидно, не могли быть достигнуты никаким другим существующим или доступным способом, было достаточно показано изложением механизма и работы некоторых из наиболее примечательных из них, которое было дано на предшествующих страницах. Но не менее очевидно, что зло, сопутствующее их работе и присущее их природе, также было очень велико, и что, рассматриваемые даже как подходящие средства для лечения самого неупорядоченного состояния человеческих дел, они в лучшем случае были лишь не так плохи, как болезнь. Это были институты сохранения знаний, не способствующие, а препятствующие их распространению, которое, в конце концов, и придает им главную ценность, и, при естественном положении вещей, наиболее эффективно обеспечивает их очищение, а также увеличение; и осуществления правосудия, попирая ногами права как преступника, так и его жертвы. Можно сказать, что человечество вышло из ночи в день, сбросив с себя бремя и рабство этой формы общественного устройства и обретя способность следовать знанию в духе знания и справедливости в духе справедливости. Теперь мы вышли из состояния путаницы и конфликта, в котором выигрыш одного человека был неизбежным проигрышем другого, и уверенно движемся к противоположному состоянию, в котором во всем, насколько позволяет конституция этого мира, выигрыш одного будет выигрышем всех. Это последнее, в какой бы степени оно ни было реально достижимо, является истинной надеждой и целью всей человеческой цивилизации.

КОНЕЦ.

Лондон: Напечатано У. Клоуксом и сыновьями, Стэмфорд-стрит.

[1] См. превосходную работу Лобека "Аглаофамус".

[2] За время, прошедшее после подготовки настоящей работы, д-р Освальд Чарльз Вуд опубликовал перевод "Истории ассасинов" фон Хаммера.

[3] Книга Хаммера *"История ассасинов"* (*"Geschichte der Assassinen"*), *"Рудники Востока"* того же автора, *"Extrait de l'Ouvrage de Mirkhond sur la Dynastie des Ismaelites"* М. Журдена и *"История Персии"* Малькольма являются основными источниками для нижеследующего рассказа об ассасинах.

[4] Название, данное династии, основанной Ардеширом, от его предполагаемого предка Сасана, внука Исфундеара, героя, прославленного в древней истории Персии. Исфундеар был сыном Гуштаспа, который, как предполагается, был Дармиусом Гистаспом греческих историков. Сэр Джон Малкольм попытался отождествить Исфундеара с греческим Ксерксом.

[5] Восточные имена собственные, в основном, все значимые, мы будем переводить их при первом употреблении. Поскольку, однако, не всегда удастся выяснить, каковы оригинальные арабские символы восточного слова, которое мы встречаем римскими буквами, мы вынуждены иногда оставлять имена без объяснения, а в других случаях прибегать к предположительным объяснениям. В последнем случае мы поставим знак сомнения.

[6] *"Кубла Хан"* Кольриджа (*Поэтические произведения*, т. I. стр. 266) - прекрасный пример этой силы ума, отвлеченного от созерцания материальных объектов. Читатель, вероятно, помнит знамение, данное с небес лорду Герберту из Чербери по случаю написания им работы против религии. В последнее время писатель слышал случай, когда одной знатной даме, откинувшейся однажды на диване, с небес послышался голос, объявивший ей, что она выбрана в качестве инструмента для выполнения великой работы в руках Бога, и давший в качестве знака, что в течение определенного количества месяцев она не сможет покинуть диван, на котором лежит. Такова сила воображения, что предполагаемое предупреждение о знаке действительно возымело действие; она поверила, что потеряла способность двигаться, и, следовательно, действительно потеряла ее.

[7] См. в *"Истории Персии"* сэра Дж. Малькольма диалог между персидским царем Йездиджирдом и арабским посланником. "Все, что ты сказал о прежнем состоянии арабов, - сказал последний, - правда. Их пищей были зеленые ящерицы; они заживо хоронили своих дочерей-младенцев; более того, некоторые из них пировали на мертвых тушах и пили кровь, а другие убивали своих родственников и считали себя великими и доблестными, когда, совершив такой поступок, они становились обладателями большего имущества. Они были одеты в волосяные одежды, не знали добра и зла и не делали различия между тем, что законно, и тем, что незаконно. Таково было и наше состояние. Но Бог по своей милости послал нам через святого пророка священный том, который учит нас истинной вере" и т. д.

[8] Hallam, *Middle Ages*, ii. 165.

[9] Евреи, как явствует из поэтических частей Писания, испытывали такой же восторг от звонкой рифмы, как и арабы. См. особенно Исайю в оригинале.

[10] См. *"Историю сарацинов"* Оккли.

[11] Поэтому их называли стоящими (*вакфийя*).

[12] Аббас, родоначальник этой семьи, был одним из дядей Пророка. Они получили халифат в 750 г. н.э. и удерживали его через наследственную череду принцев в течение 500 лет. Аль-Мансур, второй халиф из этой династии, перенес царскую резиденцию из Дамаска, где жили Оммиады, в Багдад, который он основал на берегу Тигра. Этот город, называемый также Городом Мира, Долиной Мира, Домом Мира, приобрел, помимо того, на что может

претендовать любой другой город, степень романтической известности благодаря неподражаемой "Тысяче и одной ночи". Такова облагораживающая сила гения!

[13] Хизер, которого некоторые, но, возможно, ошибочно, считают пророком Элиасом, рассматривается магометанами в свете благодетельного гения. Он дарит молодость животному и растительному миру. Он облачен в одежды самого яркого зеленого цвета и является хранителем Колодца Жизни в стране тьмы. Согласно восточным романам, Искандер, то есть Александр Македонский, решил отправиться на Запад, в Страну Тьмы, чтобы испытать воды бессмертия. Целых семь дней он и его последователи путешествовали по темным и мрачным пустыням. В конце концов они различили вдали зеленый свет, исходивший от одеяния Хизера. По мере продвижения он становился все более сияющим, подобно ярчайшим и чистейшим изумрудам. Когда монарх приблизился, Хизер окунул чашу в зеленую воду жизни и протянул ее ему, но нетерпение Искандера было столь велико, что он расплескал содержимое чаши, и закон судьбы не позволил хранителю источника наполнить ее снова. Мораль этой сказки очевидна. Ее историческая основа - путешествие македонянина в храм Аммона.

[14] См. книгу Фрейзера "Хорасан".

[15] Лари и Макрисы, цитируемые Хаммером.

[16] Макрисы являются для Хаммера авторитетом для предыдущего рассказа об Абдалле. Следует отметить, что этот Абдалла остался незамеченным Гербелотом.

[17] Подлинность происхождения Обейд-Аллаха была предметом больших споров среди восточных историков и правоведов. Сторонники интересов дома Аббаса напрягали все силы, чтобы выставить его самозванцем.

[18] То есть *миссионером из миссионеров*.

[19] *Кадхи из Кадхи*.

[20] Hammer, p. 54.

[21] Г-н де Саси (*Journal des Savans*, 1818) считает, что арабские слова *Taleel* и *Ibahat* не выдерживают того сильного смысла, который придает им Хаммер. Первое, говорит он, означает только тот деизм, который рассматривает Божество как просто умозрительное существо и уничтожает моральные отношения между ним и творением; второе обозначает только освобождение от позитивных предписаний законов, таких как пост, молитва и т. д., но не от моральных обязательств.

[22] Или Хасан-бен-Сабах (*сын Сабаха*), названный так по имени Сабаха Хомайри, одного из его мнимых арабских предков.

[23] Сунна - свод традиций, соответствующих иудейскому мишуа, которого придерживаются ортодоксальные мусулмане.

[24] *Рейс*, от арабского *Râs* (*голова*), в некоторых отношениях соответствует *капитану*, слову аналогичного происхождения. Таким образом, хозяин шин называется рейсом. Сэр Джон Малкольм говорит, что "это слово эквивалентно *эсквайру*, как оно понималось изначально. В Персии оно подразумевает обладание земельными владениями и некоторой магической властью. В целом, рейс - это наследственный глава деревни".

[25] Мирхонд.

[26] Сэр Дж. Малкольм говорит, что человек, с которым он читал эту часть истории в Персии, заметил ему, что англичане хорошо знакомы с этой хитростью, поскольку именно с ее помощью они получили Калькутту от бедного императора Дели.

[27] Этот замок был построен султаном Малек-шахом. Его происхождение было следующим: когда Малек-шах, который был большим любителем погони, однажды отправился на охоту, одна из гончих заблудилась на почти недоступной скале, на которой впоследствии был возведен замок. Посол византийского императора, находившийся в компании, заметил султану, что во владениях его господина столь выгодное место не осталось бы незанятым, а уже давно было бы увенчано замком. Султан последовал совету посла и возвел на этой возвышенной скале замок Королевская жемчужина. Когда замок перешел в руки исмаилитов, благочестивые мусульмане заметили, что лучшей удачи и быть не могло, поскольку место его расположения указала собака (в их глазах - нечистый зверь), а возвести его посоветовал неверный.

[28] Хаммер, 97.

[29] То есть Иисус. Здесь можно заметить, что ветхозаветные имена собственные до сих пор используются на Востоке. Ибрагим, Исмаил, Яхья, Иосуф, Мусса, Дауд, Сулейман, Исса - это Авраам, Измаил, Иаков, Иосиф, Моисей, Давид, Соломон и Иисус Навин, или Иисус.

[30] Ахмар, женск. Хамра - по-арабски *красный*; поэтому знаменитый мавританский дворец в Гранаде назывался Альгамбра (*Аль-Хамра*), *то есть Красный*.

[31] Отсюда и испанский *Сид*.

[32] Хаммер, книга ii.

[33] Wilken, Geschichte der Kreuzzüge, vol. ii.

[34] Перевод Марсдена.

[35] Fundgruben des Orients, vol. iii.

[36] Арабское название гиосциамуса, или хенбана. Хаммер предполагает, что слово *benge*, или, с коптским артиклем во множественном числе, *ni-benje*, тождественно с *perenthe* древних. - Fundgruben des Orients, iii. 202.

[37] Fundgruben des Orients, vol. iv.

[38] История Персии, т. I.

[39] Elmacin, Historia Saracenica, l. iii. p. 286.

[40] Marinus Sanutus, l. iii. p. x. c. 8.

[41] Это была Армения в Киликии.

[42] Д'Эрбелот, *tumr* Кармат.

[43] Число убитых составило 6 000 человек.

[44] Это было в декабре месяце.

[45] Поскольку Санджар дожил до глубокой старости, он был современником нескольких шейхов исмаилитов.

[46] Это то место, к которому они обращаются в молитве, а именно Мекка.

[47] Первое из этих имен - арабское, второе - персидское.

[48] Его сопровождал Саладин, который рассказывает о своем неприятии экспедиции: "Когда Нур-эд-Дин приказал мне отправиться в Египет с моим дядей, после того как Шееркох сказал мне в его присутствии: "Иди, Юсуф, приготовься к путешествию! Я ответил: "Ей-богу, если бы ты хотел отдать мне царство Египетское, я бы не пошел, ибо я перенес в Александрии то, чего не забуду, пока жив". Но Шееркох сказал Нур-эд-дину: "Не может не быть, чтобы он сопровождал меня". Тогда Нур-эд-дин повторил свое повеление, но я упорно отказывался. Поскольку Нур-эд-дин также придерживался своего решения, я оправдался, сославшись на узость своих обстоятельств. Тогда Нур-эд-дин дал мне все необходимое для снаряжения, но я чувствовал себя так, будто иду на смерть" - Абульфеда.

[49] Вильгельм Тирский хх. 12.

[50] *Gesta Dei per Francos*, vol. i. pp. 994, 1062.

[51] Вильгельм Тирский называет их число в 60 000 человек. Он заявляет о своей неспособности назвать происхождение названия ассасинов.

[52] Raumer, *Geschichte der Hohenstauffen*, ii., p. 490. Wilken, *Geschichte der Kreuzzüge*, iv., 489.

[53] *Annales Muslemici*, tom. iv., pp. 122, 123. Hafniae, 1792.

[54] Пример близости Генриха с ассасинами был приведен на стр. 81.

[55] Сэр Дж. Макинтош (*История Англии*, i. 187), похоже, считает эти письма подлинными.

[56] Можно ли сказать, что реальные исторические персонажи не должны быть искажены? Сэр В. Скотт имел полную свободу делать своих Варнеев и своих Буа-Гильбертов такими законченными злодеями, какими ему заблагорассудится; он мог делать то же самое со своими собственными; но какие основания у него есть для того, чтобы изображать Конрада Монферратского и тогдашнего магистра тамплиеров в таких одиозных тонах, как это делает история?

[57] Автор неизменно пишет *Монтсеррат* вместо *Монферрата*. Первый находится в Испании и никогда не был маркизом. Чтобы показать, что это не было ошибкой прессы, сказано: "На щите маркиза, в знак его титула, была изображена зубчатая и скалистая гора". Мы также встречаем смешение *нафты* и *битума*, причем первая описывается как твердое вещество, а второй - как жидкое.

[58] "Себиль", по-арабски "путь", означает в целом дорогу, и путник поэтому называется *Ибн-эс-себиль*, сын дороги; но более конкретно он означает путь благочестия и добрых дел, который ведет в рай. За какое бы достойное дело ни брался мусульманин, он делает это *фи себиль Аллаха*, на пути Божьем или из любви к Богу; а самое достойное, что он может предпринять, - это священная война, или борьба за свою веру и свою страну, *на пути Божьем*. Но поскольку благочестивые женщины не могут принимать непосредственного участия в сражении, все, что они могут сделать для ухода за ранеными и освежения измученных, вменяется им в такую же заслугу, как если бы они сами сражались. Раздача воды измученным и раненым воинам - высшая женская заслуга в священной войне на пути Бога" - Hammer's *History of the Assassins*, Wood's translation, p. 144.

[59] Эта часть Персии также приобретает интерес в связи с тем обстоятельством, что Россия, как полагают, рассчитывает получить ее в тот или иной день путем завоевания или уступки.

[60] Азед-уд-даула, один из самых знаменитых князей, построил дамбу через реку Кур на равнине Мурдашт, недалеко от развалин Персеполиса, чтобы ограничить воду и дать ей возможность распределиться по стране. Она называлась Бунд-Амир (*княжеская дамба*), и путешественники, не знающие персидского языка, дали это название самой реке. Поэтому мы не должны удивляться тому, что в "Лалла Рух" женщина поет,

"У потока Бендамира есть беседка из роз".

и спрашивает,

"Цветут ли еще розы у *спокойного* Бендамира?".

Спокойный и неподвижный, вне всякого сомнения, Бендамир.

[61] Четыре строки, процитированные сэром Дж. Малкольмом из Гулистана Саади, можно перевести в *буквальном смысле* в меру оригинала:...

Благословенный Феридун ангелом не был;
Ни из мускуса, ни из янтаря он не был создан;
Справедливостью и милосердием добрых целей он добился;
Будь справедливым и милосердным, и ты станешь Феридуном.

[62] Рай, напомним, - слово персидского происхождения, заимствованное греками, от которых мы его и получили. Рай - это место, засаженное деревьями, парк, сад или площадка для развлечений, как мы можем это назвать.

[63] Хаммер в своих "Красных письменах Персии" (*Schöne Redekunst Persians*) и в "Минах Востока" перевел значительную часть "Шах-наме" в меру оригинала. ММ. Кэмпбелл и Аткинсон переложили часть его на английский героический стих. Гёппес перевел ее, вплоть до смерти Рустема, в немецкой прозе под названием "Das Heldenbuch von Iran". Недавно появилось также переложение поэмы в английской прозе, выполненное г-ном Аткинсоном.

[64] Это имя, которое в образе Аладдина так хорошо знакомо нам по истории о чудесной лампе.

[65] Malcolm's History of Persia, vol. i. В умном труде под названием "Черты и истории ирландского крестьянства", который является лучшим изображением языка, манер и образа мыслей этого класса, есть забавный рассказ (и, несомненно, правдивый) о "похищении Мэта Кавана", одного из любопытных людей, называемых в этой стране хедж-школьными мастерами, который, как свидетельствующий о страсти к знаниям, может быть поставлен в сравнение с этим анекдотом об Ала-эд-дине.

[66]

"И День, с *развернутым* знаменем сияния,
Сияет через горный портал, открывающийся
Возвышенно из той долины блаженства в мир".

говорит мистер Мур в своей "Лалла Рукх", несомненно, не имея никакого представления о восточной песне. Его оригиналом, возможно, была песня Кэмпбелла

"Анды, гигант западной звезды,
Свой метеоритный *штандарт* ветрам *развернул*,
Смотрит со своего облачного трона на половину *мира*".

который, опять же, по всей вероятности, был предложен, как и у Грея

"Распустив бороду и охрипшие волосы
"Как *метеор*, в беспокойный воздух устремился".

у Мильтона

"Императорский *прапорщик*, который, высоко подняв голову,
Сиял, как *метеор* на ветру".

Таким образом, частицы поэзии, как и частицы материи, находятся в вечном круговороте и образуют новые комбинации.

[67] Основными работами по теме тамплиеров являются Raynouard Monumens historiques relatifs à la Condamnation des Templiers; Dupuy Histoire de la Condamnation des Templiers; Münter Statutenbuch des Ordens der Tempelherren; и Wilike Geschichte des Tempelherrenordens. На английском языке по этой теме почти ничего нет.

[68] О рыцарстве см. "Mémoires sur la Chevalerie" Сте. Палайе, "Эссе" сэра В. Скотта на ту же тему, а также "Истории рыцарства" Миллса и Джеймса. Мы не помним, чтобы кто-либо из этих авторов достоверно доказал, что рыцарство, которое они описывают, когда-либо существовало как институт, и мы должны возразить против принципа, который они все принимают, что такие романы, как "Персефорест", являются хорошим авторитетом для нравов эпохи, в которую они были написаны.

[69] Michaud, Histoire des Croisades, I., p. 59.

[70] Другие писатели того века согласны с приведенным выше изложением. Авторитет Бромптона предпочитают некоторые современные авторы, которые, вероятно, хотели отдать должное Мальтийскому ордену.

[71] Вилкен I. 28 называет 1135 год годом написания этого произведения.

[72] См. с. 187. Сэр В. Скотт описывает своих тамплиеров в "Айвенго" как носящих белую мантию с *черным* крестом из восьми точек. Оригинальный крест госпитальеров, заметим, не имел восьми точек. Мальтийский орден имел именно такую форму.

[73] *Bauseant*, или *Bausant*, в переводе со старофранцузского означает "пестрая лошадь", или "лошадь с белыми и черными пятнами". Дюканж, Рокфор. В шотландском диалекте это слово сохранило свое первоначальное значение в форме *Bawsent*:

"His honest, sonsie, baws'nt face
Aye got him friends in ilka place,"

говорит Бернс, описывая "колли пахаря" в своей сказке "Два пса"; а в Глоссарии доктор Карри объясняет *Baws'nt* как означающее "имеющий белую полосу по морде". Однако, поскольку в эпитет, по-видимому, вкладывается некое представление о привлекательности внешности, *Bauseant*, или *Beauséant*, возможно, является просто более древней формой современного французского слова *Bienséant*.

[74] См. с. 88.

[75] Страница 116.

[76] Wilken Geschichte der Kreuzzüge, Vol. iii. pt. ii. p. 39.

[77] Страница 116.

[78] Организация и правила госпитальеров были схожи с правилами тамплиеров; но поскольку этот орден просуществовал до новейших времен, правила и т. д., приведенные Верто, содержат множество современных дополнений.

[79] Когда мы используем слово "магистр", мы всегда подразумеваем магистра или его представителя.

[80] То есть никогда не покидать орден.

[81] Такое влияние духовенства вызывало ярость рыцарей. Жерар де Ко в своем исследовании, о котором речь пойдет далее, говорит: "Престарелые члены ордена единодушно утверждали, что орден ничего не приобрел во *внутренней доброте* от принятия в него ученых членов".

[82] Сэр В. Скотт совершенно прав, сделав кузнеца столь важным персонажем в своем "Кануне святого Валентина".

[83] Армения времен крестовых походов была частью Киликии.

[84] О них можно прочесть в Campomanes, p. 80, и Münter, p. 424.

[85] О владениях тамплиеров в Англии можно узнать из работ Дагдейла и Таннера.

[86] *Magister*, *Maistre* - почти неизменное выражение у историков, в уставе ордена и большинстве документов. Однако раньше использовалось *Magnus Magister*. Террикус, магистр ордена, так называет себя в письме к Генриху II Английскому. Термин "Великий магистр" вызывает у многих читателей ошибочные представления о пышности и великолепии.

[87] Туркополы были потомством отца-турка и матери-христианки, а также тех, кто вырос среди турок и усвоил их манеру боя. Христиане использовали их в качестве легкой кавалерии, а тамплиеры всегда имели их в своем подчинении.

[88] Туркоманы, как следует из их названия, были урожденными турками. Христиане использовали их в качестве проводников в своих походах.

[89] *Le pas de chien*. Мюнтер (стр. 66) заявляет, что не знает, где он находится. Очевидно, это был опасный перевал у Нахр-эль-Кельба (*Собачьей реки*), недалеко от моря, на пути в Антиохию.

[90] Сенешаль - тот, кто является другим заместителем. Charpentier Supplem. ad Dufresne Gloss. iii. p. 759.

[91] *Карроччо* в итальянских республиках.

[92] Сэр В. Скотт, вероятно, нашел бы некоторые трудности в оправдании того, что он заставил своего тамплиера принять бой *à outrance* в "нежном и свободном переходе Эшби де ла Зуш".

[93] Неясно, понимать ли это буквально или метафорически.

[94] Судебный процесс против тамплиеров был опубликован на основе оригинальных документов Мауденхалером в Германии; но этот труд был скуплен масонами, которые считают себя потомками тамплиеров, так что нам не удалось получить его копию. Однако Вилике сделал из него значительные выписки.

[95] *Sismondi Républiques Italiennes*, iv. p. 143.

[96] Аресты в Англии проводились так же тайно и внезапно, как и во Франции. Rymer iii. 34, 43.

[97] В церкви романтической деревушки Гаварник, расположенной в нескольких лье от Барежа, по дороге в Испанию, в самом сердце Высоких Пиреней, выставлены двенадцать черепов, которые, как говорят, принадлежали тамплиерам, обезглавленным в этом месте. Традиция, по всей вероятности, неверна, но у тамплиеров были владения в Бигорре.

[98] Об этом говорится в частном письме Климента к Филиппу от 30 декабря 1308 года.

[99] *Monumens Historiques*, &c. p. 46.

[100] Raynouard, p. 253.

[101] Raynouard, 61. Это обстоятельство было впервые отмечено Флери, *Hist. Eccles.*, lib. xci. Однако вряд ли можно поверить, что папа и его секретари могли допустить столь грубую ошибку.

[102] Все эти преступления были признаны различными членами ордена. Однако что может быть более невероятным, чем, например, поклонение кошке? Это обвинение, кстати, уже было выдвинуто против секты катаров, которые, как говорят, получили свое название от *кошки*: скорее, их имя послужило основой для изобретения.

[103] Почти все обвинения, выдвинутые против тамплиеров, ранее были выдвинуты против альбигойцев, насколько правдиво, известно каждому.

[104] Наши читатели вспомнят известный анекдот о короле Ричарде I. Когда ревностный Фульк из Нейи посоветовал ему избавиться от трех любимых дочерей - гордыни, скупости и сладострастия, - "Вы хорошо советуете, - сказал король, - и я отдаю первую тамплиерам, вторую - бенедиктинцам, а третью - моим прелатам".

[105] Говорят, что аналогичные обвинения были выдвинуты против госпитальеров в 1238 году, но безрезультатно. В то время во Франции не было Филиппа Красивого.

[106] Климент в булле, датированной всего лишь четырьмя днями позже буллы о подавлении, признал, что все доказательства против ордена сводятся лишь к подозрениям!

[107] Мы имеем в виду прославленного Йоса фон Хаммера, чье сочинение на эту тему можно найти в шестом томе "Мины Востока", где видно, что он считает сэра В. Скотта в его "Айвенго"

компетентным свидетелем против тамплиеров, поскольку он *правильно и достоверно* изобразил нравы и мнения средневековья. Мы полагаем, что сейчас люди начинают высказывать несколько иные мнения относительно верности нашего великого романтика, и на этих страницах мы приводим несколько примеров.

[108] См. "Manuel des Templiers". Поскольку эта книга продается только членам общества, нам не удалось получить ее экземпляр. Наш рассказ был составлен на основе "Истории рыцарства" Миллса. То, что этот автор безоговорочно поверил ей, не является, как мы полагаем, доказательством ее истинности.

[109] Это, как нам кажется, было полностью доказано старшим Россетти. Не следует скрывать, что этот автор решительно утверждает, что тамплиеры были ответвлением этого общества.

[110] Доктор Берк в своем обширном труде на эту тему ("*Geschichte der Westphälischen Femgerichte*", Бремен, 1815) собрал, как нам кажется, почти всю информацию, которая сейчас доступна. Эта работа была нашим главным руководством; хотя мы и читали некоторые другие, мы не можем сказать, что почерпнули из них какую-то важную информацию. Поскольку в своей исторической форме эта тема совершенно нова в английской литературе, мы, рискуя показаться иногда сухими, с некоторой долей подробности проследили устройство и порядок работы этих знаменитых судов.

[111] Романтические рассказы о Тайных трибуналах можно найти в переводе "Гетца фон Берлихингена" сэра В. Скотта, а также в его "Доме Аспена" и "Анне из Гейерштейна". Из различных отрывков биографических и других очерков сэра В. Скотта ясно, что он считал именно таким истинный характер Тайных трибуналов.

[112] Венды (*венды*) были частью славонской расы, жившей на южном побережье Балтики.

[113] Арнольд Любекский, *Chronica Slavorum*, l. iii. c. 1., apud Leibnitz Scriptores Rerum Brunsvicarum, t. ii. p. 653.

[114] Berck, pp. 259, 260.

[115] См. Berck, l. i. c. 5, 6, 7.

[116] Пишется также *Fem*, *Fäm*, *Vem*, *Vehm*. В немецком языке *f* и *v* произносятся одинаково, так же как *ä* и *e*. Слова, от которых произошло *Fahm*, - *Fahne*, штандарт; *Femen*, сдирать кожу; *Fehde*, вражда; *Vemi* (т. е. *væ mihi*), что значит "я"; *Ve* или *Vaem*, что, по словам Дрейера, означает в северных языках "святой"; *Vitte* (старогерманское) - благоразумие; *Vette* - наказание; *Fimmiha* - салический закон; шведское *Fem*, островное *Fimm* - пять, что ошибочно считается числом судей в фехме, или суде. Наконец, Мёзер выводит его из *Fahm*, которое, по его словам, в Австрии и некоторых других странах используется для *Rahm*, сливок.

[117] Общая слава была достаточным основанием для предъявления обвинения и в Англии в англосаксонский период.

[118] В северных языках - *тинг*; отсюда *Store Ting* (в наших журналах обычно пишут *Storthing*), то есть *Великий Тинг*, или парламент Норвегии.

[119] *Stuhlherr* - *трибунал-лорд*, или, буквально, *лорд места* (суда); *stuhl* (англ., stool) - место или стул.

[120] Это слово, не поддающееся адекватному переводу, - низко-латинское *Scabini*, французское *Echevins*. Мы возьмем на себя смелость использовать его во всем тексте. Шёппены назывались frei- (свободными) шёппенами, как граф назывался *frei-graf*, а суд - *frei-stuhl*, поскольку юрисдикция этих судов ограничивалась свободными людьми.

[121] *Frohnbote* в переводе означает "святой посланник" или "слуга Божий".

[122] Когда человека принимали в общество, он платил, помимо уже упомянутой пошлины графу, каждому помогавшему ему шёппе и каждому фрунботе по четыре ливра турнуа.

[123] В то время уроженцы Пруссии еще были язычниками.

[124] По-немецки *Verfehmt*. Мы рискнули использовать это слово в тексте. Английское *for* отвечает немецкому *ver*; *vergessen* - *забывать*; *verloren* - *безнадежный*.

[125] По-немецки *Dienstag*, возможно, *Dinstag*, т. е. *день суда*.

[126] Berck, p. 231, из "Истории Ганновера" Шпиттлера.

[127] *Vimricht*, т.е. *Fehm-law*, немецкое слово, которому автор в настоящее время дает детскую этимологию.

[128] Фридерика Брун. *Episoden aus Reisen durch das Südliche Deutschland*, &c.

[129] Golberry, *Voyage en Afrique*, t. i. p. 114, and seq.

[130] Ниже приводится одно из его предсказаний, сделанное им под именем магистра фон Долете в 1457 году: "В следующем месяце, сентябре, солнце будет похоже на черного дракона; будут дуть жестокие ветры, море будет реветь, и людей будет разносить ветром на куски. Затем солнце превратится в кровь; это предвещает войну на Востоке и Западе. Умрет могущественный император; земля содрогнется, и мало людей останется в живых. Поэтому охраняйте свои дома и покои; запаситесь провизией на тридцать дней в пещерах" и т. д. и т. п. Искусства плутов и язык самозванцев одинаковы во все века и страны.

Примечание переводчика: Различия в написании, дефисы и ударения оставлены в печатном виде.